

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

ВЫПУСК X

МОСКВА 2008

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ
Выпуск X

Сборник научно-методических статей по вопросам
преподавания русского языка как иностранного

МОСКВА 2008

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С 48

Рецензенты: В.А. Кузьменкова, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова
О.Н. Башлакова, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Редакционная коллегия: Е.Л. Бархударова докт. филол. наук, профессор
А.В. Величко, канд. филол. наук, доцент
О.К. Грекова канд. филол. наук, доцент
Е.А. Илюшин канд. филол. наук
Л. В. Красильникова канд. филол. наук, доцент
Е. В. Моргунова
Ф.И. Панков канд. филол. наук, доцент
Т.Г. Рошектаева, канд. филол. наук
О.М. Сергеева канд. филол. наук
О.В. Чагина канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: О. В. Чагина, канд. филол. наук, доцент

С 48 СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Вып. X: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.

ISBN 978-5-211-05634-3

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р

© Авторы статей, 2008
© Филологический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова, 2008

ISBN 978-5-211-05634-3

ОТ РЕДАКТОРА

Перед читателем X номер сборника «Слово. Грамматика. Речь». Так случилось, что его выход совпал с десятилетием ухода из жизни Галины Ивановны Рожковой, возглавившей в 1951 году первую в истории вузов СССР кафедру преподавания русского языка как иностранного. Тогда это было новое, абсолютно не разработанное в методике направление. Становлению новой специальности профессор Г.И. Рожкова отдала много сил. Она обосновала принципы нового направления, определила его специфику. Г.И. Рожковой описаны наиболее важные аспекты русской языковой системы с учетом их особого «видения» носителями другого языка – фонетики, словообразования, грамматики.

Будучи одним из организаторов создания на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова отделения «Русский язык как иностранный», Г.И. Рожкова разрабатывала для него первые программы, читала курсы лекций по функциональной грамматике и методике преподавания РКИ. Большой вклад внесла профессор Г.И. Рожкова в создание серии учебников, построенных по принципу сопоставительного изучения языков и рассчитанных на работу с учащимися определенной национальности.

Все эти направления преподавания и описания РКИ, обозначенные Г.И. Рожковой, а также новые, возникшие в последние годы, получают отражение в работах ее последователей – коллег, преподавателей РКИ, исследователей русского языка.

Памяти Г.И. Рожковой был посвящен первый выпуск сборника «Слово. Грамматика. Речь», вышедший в 1999 году. Прозвучавшая по выходе первого выпуска поддержка в печати (рецензия В.В. Молчановского в журнале «Русский язык за рубежом») и в отзывах российских и зарубежных коллег придала нам уверенности в необходимости продолжения этой работы. И если первый выпуск был задуман как сугубо кафедральный, то постепенно его «география» расширялась. В числе авторов сборника наши коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Воронежа, Калуги, Краснодара, Ростова-на-Дону, Ярославля. Нам пишут зарубежные коллеги из Армении, Бразилии, Германии, Дании, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Республики Корея, Норвегии, США, Финляндии, Эстонии, Японии. Опыт изучения русского языка обогащает нас, позволяет находить единомышленников среди иностранных коллег.

На протяжении 10 лет своего существования сборник стремится познакомить читателей со всем новым и интересным, что появляется в лингвистике и методике преподавания РКИ, представить практические материалы для непосредственного использования на уроках и сообщения о различных мероприятиях по русистике. Наши контакты с авторами

ми и читателями постоянно расширяются. Пополняется и редакционный портфель. Мы стараемся сделать так, чтобы сборник стал помощником преподавателя. И мы открыты для сотрудничества.

* * *

В статье О.К. Грековой, открывающей новый, десятый выпуск, перед читателем проходят страницы жизни Г.И. Рожковой, увиденные на основе материалов ее архива, отразившего в себе, как замечает автор, «масштабность личности его владелицы».

Разделы сборника «Теория языка в аспекте преподавания РКИ» и «Межъязыковые сопоставления» включают разные по тематике статьи, объединенные принципом описания материала с учетом системных, функциональных и коммуникативных свойств языка.

С позиции прагматики, «грамматики говорящего» М.Г. Безяева устанавливает коммуникативные параметры сакральных слов *Господи* и *Боже*. В статье Е.К. Столетовой прослеживается употребление в диалоге дискурсивных единиц со значением согласия и несогласия и устанавливается градация этих единиц.

Ряд статей продолжает линию углубленного исследования семантики падежа. В статье Сунь Шуан (КНР) уточняются правила семантической интерпретации русских форм творительного падежа и предлагается собственный алгоритм создания моделей перевода многозначных падежных синтаксем. А С.Х. Захраи (Иран) выявляет смысловые тонкости синтаксемы «под + Вин.п.».

Возникший в последние десятилетия в преподавании РКИ интерес к русской фразеологии получает дальнейшее развитие в описании русских фразеологизмов и их иноязычных соответствий. Целый блок статей на эту тему представлен интересными работами Ма Цзя, Чжао Сюцин, Лю Юйцинь, Бао Цзе (КНР). Статьи Юй Цзинхэ и Гу Хонфэй (КНР) о влиянии родного менталитета на работу переводчика дополняют этот раздел.

Синтаксическое поведение глагольных форм исследуется в статьях иранских коллег Х. Голами и А.Р. Валипура, а также в статье Л.Ю. Юшиной и Р.А. Кульковой (Республика Корея). Х. Голами сравнивает способы передачи движения в русском и персидском языках, анализируя русские приставочные глаголы и их персидские корреляты. В статье А.Р. Валипура анализируется синтаксическое поведение структур с инфинитивными словосочетаниями и устанавливается их классификация. Л.Ю. Юшина и Р.А. Кулькова прослеживают малоизученную «союзную» функцию причастий в русском и корейском языке.

Степени адекватности перевода касаются исследователи разных языков и разных сторон языка. Е.В. Полищук затрагивает проблемы поэтического перевода, демонстрируя различные возможности перевода

на примере одного из сонетов В. Шекспира и устанавливая при этом иерархизацию уровневой структуры деятельности переводчиков. А.А. Коростелева анализирует специфику коммуникативной интерпретации звучащего переводного кинодиалога при переводе зарубежных художественных фильмов в русском, польском и ирландском языках, сопоставляя особенности отбора средств из коммуникативной системы языка и различия в традициях национальных школ дублирования.

Существующая в практике преподавания РКИ потребность объяснить иностранцу разницу в употреблении близких по звучанию и по значению родственных слов определило и интерес М.В. Веретининой к паронимам. Свою статью она посвящает проблеме правильности / неправильности употребления паронимов на примере анализа речи персонажей Т. Устиновой.

Аспекты стилистической дифференциации языка отражены в статье В.Н. Марковой, анализирующей роль экспрессивных элементов в структуре научного текста, и в статье Т.Г. Рошектаевой, исследующей приемы цитирования в публицистике.

В теоретическом разделе сборника представлено также исследование исторических текстов – направление, необходимое для формирования всесторонне образованного филолога-русиста. В этом плане интересны статьи Е.А. Кузьминовой. Автор анализирует предисловие к Грамматике Мелетия Смотрицкого, где грамматика рассматривается как средство постижения Богооткровенной истины.

Тематика раздела «Интерпретация художественного текста» разнообразна. Он представлен, прежде всего, работами сопоставительного характера. Это статьи, где прослеживаются внутренние взаимосвязи между художественными мирами А.С. Пушкина и А. Фирлоуси (Д. Карими, М. Резаи, Иран), А. Пушкина и В. Брюсова (Т.В. Бузина). Анализу поэтических циклов К. Бальмонта и С. Есенина посвящены работы А.Г. Лилеевой и Л.В. Ершовой. В некоторых статьях наших зарубежных авторов прослеживается влияние российского литературоведения. Так, М. Мондаини (Италия) в статье «Становление венецианского текста в русском поэтическом дискурсе» вводит понятие «венецианский текст» по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова. Стоит заметить, что объектом исследования РКИ авторы избирают не только русскую классическую литературу, но и произведения современных писателей разных школ и направлений, в том числе и появляющиеся в Интернете (Н.А. Шляхова).

Раздел «Методика преподавания РКИ как неродного» открывается статьей В.В. Добровольской «Информативная составляющая интегрированной дидактической среды общения», в основу которой положена мысль о том, что «современный целевой коммуникативно-ориентированный курс обучения РКИ строится на полном и точном просчете информативного поля курса». С этим положением в той или

иной мере соотносятся и другие статьи раздела. Такова, например, статья Т.В. Шустиковой, которая в разработке интонационно-смыслового практикума видит способ реализации компетентностного подхода к обучению РКИ, статья О.М. Барсуковой-Сергеевой, которая расширяет возможности использования сказки на уроках и видит в них богатейший материал для отработки многих важных лексико-грамматических тем. Ряд статей посвящен разным сторонам обучения домашнему чтению, например, домашнее чтение и когнитивная деятельность обучаемых (Н.Г. Большакова и В.И. Поварова) или использование домашнего чтения при изучении языка медицины (В.А. Семар).

В разделе «Практикум» И.П.Кузьмич предлагает пример методической обработки аутентичного учебно-научного текста при изучении языка специальности.

В разделе «Страноведение» помещены статья Н.В. Беловой, описывающей специфику работы с японскими учащимися, и статья Л.Ю. Юшиной и Р.А. Кульковой, посвященная анализу корейского менталитета. Японские и корейские учащиеся составляют наиболее многочисленные национальные группы не только в МГУ, но и в России, поэтому наблюдения наших коллег, имеющих солидный опыт преподавания русского языка в этих странах, представляют для начинающих русистов несомненный интерес.

Раздел «Рецензии. Обзоры» открывает обстоятельный обзор В.Г. Кульпиной и В.А. Татарина «Актуальные проблемы в изучении языка города». В нем рассказывается о проходившей в Москве в 2008 году Международной конференции «Язык современного города. Восьмые Шмелевские чтения». Авторы обзора не только охватили своим анализом широкий круг явлений современной городской речи, но и обозначили тенденции развития языка города.

Из рецензии Е.В. Балдиной читатель узнает о неизвестной ранее в России стороне деятельности А.В. Исаченко, который у нас известен, главным образом, как лингвист. В рецензии сообщается об А.В. Исаченко – литературоведе, исследователе творчества Н.В. Гоголя. Курс лекций А.В. Исаченко «Н.В. Гоголь и проблемы русского реализма» издан по инициативе словацких русистов.

В том же разделе помещено сообщение М.М. Верейтиновой «Язык – ты мир!», в котором автор информирует о проходившем весной 2008 года в Воронеже IV Фестивале русской речи иностранных учащихся вузов России.

Редколлегия и авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам В.А. Кузьменковой и О.Н. Башлаковой, внимательно и заинтересованно прочитавшим рукопись сборника и сделавшим ценные и конструктивные замечания, которые мы постарались учесть.

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ РОЖКОВОЙ

О.К. Грекова

АРХИВ ПРОФ. Г.И. РОЖКОВОЙ, ОТКРЫТАЯ КНИГА...

Галина Ивановна Рожкова заведовала кафедрой русского языка для иностранцев МГУ имени М.В. Ломоносова в целом более десяти лет, и её архив – это обширный и богатый материал, который не удастся охватить умом сразу. Около шестидесяти процентов его – черновики трудов, правленные не дважды и не трижды. Автор и требовательный редактор были нераздельны. Более всего Галину Ивановну интересовали функциональная русистика и методика. В языковедческих записках поражает масштабность, всеохватность материала: с одной стороны, видение крупных проблем, а с другой – интерес к мельчайшим деталям. К любому вопросу типа «Почему мы так говорим?» Галина Ивановна пыталась подойти с разных сторон: с морфологической точки зрения, с синтаксической точки зрения. С постоянством и упорством владелица архива набирала однотипный материал, постепенно складывающийся в некий ряд наблюдаемых явлений. В её черновиках можно найти скупые схемы, отражающие сходство и несходство анализируемых языковых фактов. В них предстают попытки найти ощутимые моменты объяснительных схем, приближенных к определённым национальным контингентам: для немцев объяснение строится так, а для индусов – иначе. В осмыслении фактов языка Галина Ивановна – неутомимый путник – неоднократно проходила и дорогой индукции, и дорогой дедукции, проникая в суть явления и нащупывая его методическое обоснование.

Намерение увязать лингвистику с методикой проскальзывает во многих бумагах. Ею составлялись списки лекций и так называемых аспектных занятий, где каждый преподаватель представлял ту тему, в которой был наиболее силён. Сильные же стороны своих сотрудников Галина Ивановна знала наперечёт и относилась к ним с большим уважением. Её заботой было также найти методическое обеспечение этим темам. Всё, по её мнению, должно было быть подкреплено методикой.

Большой раздел архива – работа с факультетом повышения квалификации (ФПК) и изучение национальной специфики и проблематики регионов. Регионоведение можно было бы назвать одним из увлечений Г.И. Рожковой. Лекции для ФПК читались постоянно, но готовились и были повернуты в каждом случае немного по-разному, в зависимости от состава слушателей.

Сохранилось много записей, связанных с работой с молодыми преподавателями. Галина Ивановна ставила себе целью то, что она называла формированием коллектива кафедры. Одной стороной этого процесса была помощь в адаптации молодых в новом для них коллективе. В бумагах встречается также такой пункт, как осмысление коллективом специфики школы, школы РКИ МГУ. Понятие *школы* было очень значимым. Уважительное и внимательное отношение к начинающим гармонизировало отношения между возрастными слоями сотрудников кафедры. В архиве хранится ряд анкет, выдававшихся молодым кафедрам. В них активно используется так называемая обратная связь с адресатом. В анкетах есть, например, такие вопросы:

– *Какие формы повышения квалификации вы предложили бы от себя?*

– *Как вы знакомились с опытом и традициями кафедры? Что в этом знакомстве было наиболее ценным и чего недоставало?*

Автор анкет ожидал от адресата инициативы. Знакомясь с каждым новым молодым преподавателем в отдельности, Галина Ивановна лично, уже будучи профессором, помогала составлять библиографии по интересующим их темам, делилась с ними информацией о новинках, появляющихся в этих областях. Анкеты, вопросники, хранящиеся в архиве, многочисленны и разнообразны, они составлены в разные периоды и позволяют считать профессора Рожкову одним из первых разработчиков так называемой *профессиограммы преподавателя РКИ*, позже развитой и оформленной сотрудниками Института русского языка имени А.С. Пушкина.

Галина Ивановна писала историю специализации РКИ. Она была увлечена поэтапным, достаточно подробным описанием. Скрупулёзно выверяла детали. Важное место при этом отводилось персоналиям тех, кто стоял у истоков этого движения.

Отдельный раздел архива составляет переписка: с ректором МГУ академиком Р.В. Хохловым – по поводу статуса и перспектив развития кафедры, с Министерством высшего и среднего специального образования, с научно – методическим центром при МГУ, с профессором В.Г. Костомаровым, с кафедрами РКИ и русского языка на территории бывшего СССР. Здесь также хранится множество благодарственных писем и грамоты от министра высшего и среднего специального образования, награды от вузов бывших союзных республик.

Возможно, в силу своего характера, Галина Ивановна, встречаясь с новыми фактами и информацией, пыталась вычленить некое рациональное зерно, способное дать новые ростки, важные для её дела. В таких случаях в научных и учебных планах коллег ей ставились особые значки. Так, в плане повышения квалификации одной коллеги она обнаружила желание построить типологию информации текста. Кажется, упомянутая коллега своё намерение не вполне реализовала. Но идея

была помечена значком не случайно. Многие идеи, отмеченные таким образом, позже были реализованы на кафедре, нередко в проектах других коллег, других исполнителей. Некоторые из этих идей носятся в воздухе и сейчас.

Думается, что Галиной Ивановной владела мысль изыскания скрытых возможностей и преподавателя, и учащегося. В архиве хранится проект создания системы творческих, инициативных групп по изучению определённых лингводидактических проблем. И такие группы действительно создавались. Здесь обращает на себя внимание согласованность всех звеньев любого процесса, чёткая постановка ближайших и отдалённых задач. Архив раскрывает такое основополагающее свойство Г.И. Рожковой, как умение быть одновременно и стратегом, политиком дела РКИ, и координатором, вникающим в мельчайшие его подробности.

Архив ещё раз приоткрывает масштабность личности его владелицы. Хозяйка архива сумела задать высокий профессиональный и личностный уровень заведующего кафедрой РКИ МГУ имени М.В. Ломоносова, уровень, который поддерживался в последующем заведовании Г.И. Дергачёвой, Н.А. Лобановой, Э.И. Амиантовой, Г.А. Битехтиной, С.А. Шуваловой, Л.В. Бороздиной, И.В. Одинцовой, Л.В. Красильниковой, Л.П. Клобуковой.

Архив профессора Г.И. Рожковой даёт возможность познакомиться с разнообразными профессиональными материалами – объектами устойчивых размышлений владелицы, подумать над таким богатым и сложным наследием, над такой неординарной судьбой. Обращаясь к архиву – открывая ли объёмистые папки, развязывая ли стопки ломких бумаг – мы думаем, что оборачиваемся к прошлому, но оказывается, что одновременно мы заглядываем в будущее.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

М.Г. Безяева

О КОММУНИКАТИВНЫХ ПАРАМЕТРАХ САКРАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА (*Господи и Боже*. МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ)

Язык обладает двумя различными функционально-семантическими системами, номинативным и коммуникативным уровнями. Если номинативный уровень предназначен для передачи информации о действительности, преломлённой в языковом сознании говорящего, то в задачи коммуникативного входит отражение соотношения позиций говорящего, слушающего, а также оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации.

Коммуникативный уровень организуется понятием целеустановки. Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд конструкций, обладающих особенностями коммуникативного значения. Значения коммуникативных конструкций формируются взаимодействием коммуникативных средств языка. При этом средства имеют инвариантные коммуникативные параметры, которые подчиняются алгоритму их развёртывания.

Алгоритм заключается в том, что инвариантные параметры коммуникативного средства имеют антонимическое развёртывание, притом что сами параметры могут относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или быть распределёнными между ними. При этом возможно одновременное сосуществование двух реализаций инвариантных параметров в одной конструкции. Это резко отличает семантические возможности коммуникативных средств от номинативных.

В коммуникативной системе выделяются две группы средств: средства, чьё основное предназначение функционировать на коммуникативном уровне, и средства, которые могут выполнять номинативную функцию, но способны работать на коммуникативном.

В этой работе речь пойдёт о второй группе. Обратимся к нашему материалу.

Даже непродолжительно наблюдение над живой русской звучащей речью повседневного общения показывает активнейшее использование так называемых сакральных структур. В существующих словарях это отражается в том, что помимо классического номинативного значения у данных единиц отмечается междоветное использование, т.е. выход этих единиц на коммуникативный уровень. Кроме этого даётся список фра-

зеологизмов, в которых, как показывает наш анализ, данные единицы выполняют как классическую номинативную, так и коммуникативную функцию. При этом отмечается, что *Господи* "то же, что и *Боже*".

Говоря о соотношении номинативного и коммуникативного в значениях данных единиц, отметим, что если вопрос о сохранении номинативного в самых ярких случаях коммуникативного использования является дискуссионным, то в тех структурах, где лексемы *господь* и *бог* сохраняют номинативное значение, есть несомненное осложнение коммуникативными параметрами.

Сразу же оговоримся, что при представлении материала мы основываемся исключительно на данных современной бытовой речи, так как некоторые случаи, даже зафиксированные в словаре, можно признать мало употребительными, т.е. функционально устаревшими. Наиболее типичными функционированием лексем *господа* и *бога* на коммуникативном уровне являются, конечно же, аппеллятивы *господи* и *боже*, что и предопределяет основной материал статьи, но не исчерпывает коммуникативных возможностей функционирования их словоформ.

Заметим, что формирование большого количества конструкций на коммуникативном уровне вполне оправдано, так как даже в классической сакральной функции молитвы обращение к Богу есть ни что иное, как **попытка (желание) с помощью воздействия на собеседника воздействовать на ситуацию, в которой находится говорящий, с целью изменить её небенефактивное развитие либо сохранить бенефактивный ход.** Таким образом, уже здесь перед нами представлены все основания активного перехода единиц на коммуникативный уровень.

Итак, каковы инвариантные параметры поминания *господа* и *бога* на данном уровне? Как показывает анализ материала, инвариантные коммуникативные параметры этих единиц различны, что и предопределяет различный спектр целеустановок, с которыми они связаны, различие набора самих структур, а также особенности взаимодействия с иными средствами, формирующими конструкции.

Остановимся на их инвариантных параметрах.

Обратимся к структурам с **Господи**.

Заметим, что в русском языковом сознании *Господь* близок человеку, он его защитник в каждодневных делах и заботах и неотделим от личной сферы говорящего (ср. *Господь терпел и нам велел*).

Под личной сферой мы понимаем совокупность материальных и духовных составляющих, которые говорящий считает для себя жизненно важными (всё, что он рассматривает, воспринимает как таковое).
Итак,

Господи – это реакция на 1) воздействие 2) неподконтрольного изменения ситуации в бенефактивном или небенефактивном русле, отклоняющегося от нормы развития событий или качественной

характеристики, 3) затрагивающих говорящего и его личную сферу, что соответствует – не соответствует его желаниям.

Данные параметры подчиняются алгоритму развёртывания.

1. По позиции говорящего.

1. *Господи* может отражать реакцию говорящего на изменение ситуации, которая оказывает на него небенефактивное влияние, неподконтрольность.

Испуг

3²

-... А я чуть с Лёнькой не столкнулся.

- Ну?

- Вроде/ не заметил.

- Господи!

(к/ф «Любовь и голуби»)¹

(Небенефактивное влияние развития ситуации на говорящего, произошедшего независимо от его воли и не соответствующего его желаниям).

Испуг

-А (втяг)! О, господи!/ Как ты меня напугал!
(к/ф «Ребро Адама»)

Испуг, вина

(Священник дёргает за верёвочку, звонок отваливается):

-Ой!/ Господи!

(к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»)

Досада

(Герой уколол палец о кактус):

- Свёкла есть./Ещё./ Так./ Уй!/ Ах ты, господи!/ Что ты.
(к/ф «Любовь и голуби»)

(Небенефактивное влияние развития ситуации на говорящего, независимое от его воли. Не входило в намерения, не хотел. В этом случае использование божье невозможно).

2. *Господи* может передавать в соответствии с алгоритмом развёртывания и реакцию на неизменность ситуации, небенефактивной для говорящего. Она может быть связана с неизменностью небенефактивной позиции слушающего. При этом говорящий хотел бы, чтобы ситуация изменилась, но она не меняется.

- Силантий!/ Завтра собирайся на покосы./
- (...)

- Тьфу ты, господи прости!/Опять!
(к/ф «Чужая родня»)

Использование божье невозможно.

¹ В работе используется интонационная транскрипция, предложенная Е.А. Брызгуновой

(к/ф «Ребро Адама»)

(Говорящая хотела бы изменить небенефактивную ситуацию с постоянной нехваткой денег, но не может. Использование *боже* невозможно).

Возражение

(Женщина вбегает с сообщением о краже):

4

- Торговлей занимаетесь?

2

2

2

- Господи! / Какая там торговля, / милок!

(к/ф «Испытательный срок»)

(Говорящая хотела бы изменить ситуацию, связанную с личной сферой, но не может. Использование *боже* невозможно).

3. Бенефактивное изменение ситуации, влияющее на личную сферу говорящего и соответствующее его желанию.

В соответствии с алгоритмом развёртывания *Господи* может передавать влияние на говорящего бенефактивного развития событий, связанного с ним или с кем-либо, чем-либо из личной сферы.

Реализация с актуализированной бенефактивностью формирует конструкции целеустановок радости, надежды, удовлетворения, облегчения.

Облегчение

2

2¹

- Мама! / Я поступил.

2

2

2

- Господи! / Митенька, / поздравляю.

(т/с «Две судьбы»)

(Влияние бенефактивного изменения ситуации на личную сферу героини, не зависящее от её воли, но соответствующее её желанию).

4. Говорящий – прежняя-нынешняя позиция.

Господи в соответствии с алгоритмом развёртывания свойственна и реализация, связанная с прежней и нынешней позицией говорящего.

Прежняя была неподконтрольна, теперь контролируется. Прежняя не связана с желанием говорящего, теперь изменение ситуации, связанное с желанием и волей.

Извинение

2

2

2

- Прости меня. / Ну прости меня, Господи, дуру. / Прости меня,

2

1

мамунька. / Господи, / чегой-то (чего это) я завелась-то, мамоч-

1

1

ка! / Я прямо даже не знаю, / что со мной происходит.

(к/ф «Ребро Адама»)

(Прежняя и нынешняя позиция говорящего, при том что прежняя неподконтрольно отклонялась от нормы, небенефактивно влияя на человека из личной сферы; не хотел, но сделал. *Боже* невозможно).

Аналогичная реализация используется и в других целеустановках.

Забыл, вспомнил

- $\frac{1}{1}$ О Господи, / $\frac{2}{1}$ бабушка-то тебе / $\frac{1}{1}$ подарила пятьдесят рублей / $\frac{3}{1}$ к отпуску, / $\frac{1}{1}$ Лядунечка.

(к/ф «Ребро Адама»)

(Прежняя и нынешняя позиция говорящего, при том что прежняя – неподконтрольная – отклонялась от нормы, небенефактивно влияя на человека из личной сферы; не хотел, но забыл).

5. В соответствии с алгоритмом развёртывания *Господи* может передавать значение: *ситуация, затрагивающая говорящего или кого-то (что-либо) из личной сферы, не оказывает на него влияния, что часто сопровождается параметром неподконтрольности слушающему (не оказывает на личную сферу говорящего того влияния, на которое он рассчитывал).*

Безразличие

- Николаша, /это Госден. / $\frac{4}{1}$ Он приезжа- $\frac{3}{1}$ ет.

- Ну что ж, ма / $\frac{3}{1}$ Замечательно.

- Я так рада за вас.

- Господи, / $\frac{7}{1}$ да что $\frac{2}{1}$ особенного. / $\frac{6}{1}$ Приезжает / и $\frac{1}{1}$ приезжает!

(т/с «По семейным обстоятельствам»)

(Изменяющаяся в бенефактивном русле ситуация с точки зрения собеседника, которая должна затронуть личную сферу говорящей, рассматривается ею как не изменяющаяся и не характеризующаяся бенефактивностью, а также не соответствующая её желаниям).

Аналогично в целеустановках презрения и иронии:

Презрение, ирония

- $\frac{6}{1}$ Что ты видишь? / $\frac{2}{1}$...Что ты видишь-то? / $\frac{6}{1}$ Что ты понимаешь в наших делах?

- О Господи! / $\frac{2}{1}$ Да куда уж тут $\frac{6}{1}$ понять в $\frac{2}{1}$ ваших делах?

- Ты знаешь что, мамочка! / $\frac{2}{1}$ У тебя своя жизнь, / $\frac{6}{1}$ у нас своя. / $\frac{2}{1}$ И нечего тут $\frac{6}{1}$ наводить свои $\frac{2}{1}$ порядки. / $\frac{3}{1}$ И руки распускать / $\frac{2}{1}$ тоже не надо. / $\frac{2}{1}$ А если б он тебе сдачи дал?

(к/ф «Родня»)

(Изменяющаяся в небенефактивном для говорящей русле позиция собеседницы, которая хочет затронуть личную сферу говорящей, подаётся говорящей как лже-аналогичная и не затрагивает её личную сферу).

6. *Господи* в соответствии с алгоритмом может передавать и то, что *говорящий не испытывает небенефактивного воздействия развития ситуации.*

2 2
 ...а то ты доверчивая очень./ Тебя чего?/ *Никогда не об-*
 3
манывали, что ль?

2 2 2
 -Нет./ А кому?/ *Господи!*

3\|/
 -О !

(к/ф «Калина красная»)

(Говорящая не испытывала небенефактивного воздействия ситуации, кото-
 рая соответствовала норме и не оказывала влияния на её личную сферу).

Господи способно, как и любая единица коммуникативной
 системы, представлять реализации по позиции слушающего.

2. Позиция слушающего.

1. Ситуация не должна оказывать влияния на личную сферу
 слушающего.

Например, в успокаивании реализуется значение: говорящий не хо-
 чет, чтобы ситуация рассматривалась как оказывающая небенефактив-
 ное влияние на личную сферу слушающего, хотя позиция слушающего
 оказывает влияние на личную сферу говорящего.

Ситуация неподконтрольна сейчас, но может быть подконтрольна в
 будущем. Но самое главное, ненужность восприятия влияния ситуации.

Успокаивание

7 2 2
 - Ну!/ Успокойся ты./ Ну успокойся, ну плюнь ты на меня./
 2
Господи!

(к/ф «Любовь и голуби»)

1 3
 - Ну и не расстраивайся, *Господи!*/ Уж кому-кому,/ а тебе их
 2 2
 в штабеля складывать придётся./ Ты только свисти.

(т/ф «Старший сын»)

Успокаивание с насмешкой

2 2 2
 - А!/ А мне завтра с утра на картошку-то ехать,/ Филипову
 2 2 2
 пособить просили./ Да как ехать-то теперь и не знаю!

6
 - Господи,/ придёт он, никуда не денется.

(к/ф «Любовь и голуби»)

Сакральные единицы, будучи частью коммуникативного уровня,
 взаимодействуют с иными его средствами, в частности с междометия-
 ми, следуя логике коммуникативного согласования. Так, *Господи* с его
 параметрами неподконтрольного воздействия отклоняющегося от нор-
 мы развития событий, связанного с личной сферой говорящего, как по-
 казывает материал, часто взаимодействует с *ой*, имеющим параметр
 готовности-неготовности к развитию ситуации, а также с *о* (параметр
 соответствия-несоответствия представлений и знания реализованного

варианта). Значение же *Ах, ты господи!* состоит из *ах* с параметрами непосредственного восприятия информации о развитии ситуации на фоне информационного нуля и влияния её на дальнейшее поведение говорящего; *ты*, в данной реализации вводящего значение: ситуация или поведение слушающего отклонились от личного опыта говорящего -- и проанализированного инварианта *Господи*.

Таковы параметры и базовые шаги алгоритма их развёртывания коммуникативного *Господи*.

Обратимся к конструкциям с **БОГ**.

Структуры с использованием *бог, боже* обладают иными коммуникативными параметрами.

Заметим, что даже в тех случаях, например, во фразеологизмах, где *бог* полностью сохраняет номинативное значение, прослеживается несомненная связь с его коммуникативными параметрами, а именно актуализируется осознаваемая дистанция между богом и человеком: *До бога высоко, до царя далеко. На бога надейся, а сам не плошай. Человек предполагает, а бог располагает.*

Использованием лексемы *бог* в конструкции вносится коммуникативный параметр дистанции, дистанцированности. По алгоритму развёртывания коммуникативных параметров это дистанцирование говорящего (слушающего, третьего лица) от того или иного небенефактивного-бенефактивного варианта развития событий, позиции собеседника, своей прежней позиции. Это может быть желание дистанцироваться, реальное или потенциальное дистанцирование, уже осуществившееся дистанцирование с бенефактивными или небенефактивными последствиями.

Господь – близкий и домашний. Бог далёк, отсюда – дистанция, дистанцированность.

Ср. *Господи, помилуй!* Испуг или удивление резким нарушением нормы развития ситуации, которое производит на говорящего непосредственное воздействие, но не **боже помилуй*. Но *Боже сохрани* (но не *господи сохрани*) в значении 'не хотелось бы, чтобы со мной это произошло' либо 'этого со мной не происходило' в неподтверждении; т.е. дистанцированность от небенефактивного развития ситуации.

При этом **Бог – носитель нормы, высшего представления о норме**. Бог наказывает за отклонение от нормы, поощряет следование ей. *Бог не Тимошка, видит немножко, знает кого наказать.*

Отсюда на коммуникативном уровне возникает параметр нормы.

Итак, рассмотрим алгоритм развёртывания коммуникативных параметров данной единицы.

1. Позиция говорящего

1. Дистанцированность (часто желание дистанцироваться) говорящего от небенефактивной ситуации, отклонившейся от нормы.

Досада, жалоба

(После эпизода с вырвавшимся из клетки тигром директору сообщают, что слон съел кварталный отчёт):

- 6
- Одну минуточку, Фёдор Николаевич!
6 4
- Опять, / кажется, что-то случилось.
1
- Вот.
2
- Что вот?
1
- Слон.
2 3 3
- Что слон? / Сбежал? / Сбесился?
2 1
- Хуже. / Съел кварталный отчёт.
2' 5 \ 6
- Фу ты, боже мой! / Вот так всё время! / То одно, / то
2 1 6
другое! / Нет, / вы не думайте, Фёдор Николаевич. / Это у
3 6 3 2
нас не каждый день / и вообще / ерунда.
2 2
- Боже мой, / боже мой!
2
- Ферапонт Ильич!
(к/ф «Укротительница тигров»)

2. *Боже* активно передаёт (в соответствии с алгоритмом) и *дистанцированность говорящего от позиции собеседника или третьего лица (его представленный о норме)*, что формирует целеустановки возмущения, презрения, упрёка, раздражённого требования, возражения, безразличия.

Так, в возмущении активно передаётся дистанция норм, дистанция говорящего и третьих лиц.

Возмущение

- 6 1
- Более того, / меня чуть не убили.
7
- Хъ!
6 1 5 \ 2
- Эти люди стояли и смотрели. / Боже мой, / Василий! / Это же
5 \ 2
твои дети! / Какое равнодушие!
(к/ф «Любовь и голуби»)

Презрение

- 1 1
- ...Жалко мне тебя, Володя! / Правда, жалко.
7 7 3 3
- Бог ты мой! Хъ! / А меня, Марусь, / жалеть, Марусь, не
2 3
надо. / Ты лучше, Марусь, / своего главного инженера рыбного
3 2 7 7
завода, Марусь, / пожалей. (...) Бог ты мой, / бог ты мой! / Жена рыб-

ного инженера!// Какое счастье!// Да не в этом дело, дорогая ты
 моя Маруся!

(к/ф «Родня»)

Раздражённое требование

- Лера Гордеева привезла.
- Я тебя прошу!// Ради Бога!// Не напоминай мне про Леру!

(т/с «Я лечу»)

Возражение с оттенком пренебрежения

- Послушай!// Ну а как твой бок?
- Побаливает.
- Апендикс/ Я знала, что этим кончится.
- Боже мой!// Какие фантазии!
- Докатился!
- При... А при чём тут...// Вот скажи, / ну при чём тут катание/ вот...
- Чемпи[?]он!

(т/ф «Покровские ворота»)

Пренебрежение

- Подлец!// Я бросаю мужа!// Этого святого человека со всеми удобствами!// Гениального изобретателя! Еду/ к этому/ под-ле-цу!
- Боже мой!// Какой текст!// Какие слова!

(к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»)

Сравним использование анализируемой коммуникативной единицы в некоторых других конструкциях и формах: например, **бог знает что, кого.**

Пренебрежение с возмущением

- Меня чуть инфаркт не хватил./ Вы привели в дом/ бог знает кого!// Вы ещё академика пригласили.

(к/ф «По семейным обстоятельствам»)

Возмущение

- Знаете, / вы ведёте себя уже неприлично. / Эдак можно бог знает/ до чего договориться.

(т/ф «Ребри Адама»)

(Резкое отклонение поведения слушающего от нормы и позиции говорящего и дистанционность).

Сравним в других формах и структурах:

Безразличие-возражение

- Зинуля, / вы прошлый раз говорили, / что у вас маклер есть?

- 1 1
- Есть, / только пьёт очень.
7 3
- Да это бог с ним! / Иногда ж он трезвый бывает.
2 2
- Бывает, говорят. / Я лично не видела.
(т/ф «По семейным обстоятельствам»)

(Неважность информации, дистанцированность от позиции собеседника).

Заметим, что и при прощании, которое включает начало дистанцирования и не только пространственного, мы используем конструкции с единицей *бог*, но не *господь*.

- Прощание**
7 2 3 2 2
- Ну! С богом! /...Нужда случится, / приходи! / Выручу!
(к/ф «Чужая родня»)

3. В конструкциях с лексемой *бог* может передаваться *дистанция собеседника от нормы и приведение ситуации в норму говорящим*, что, например, свойственно структуре *Ей Богу*, которая в современной речи активно функционирует в возмущении, упреке, осуждении, успокаивании, уговаривании.

Осуждение, убеждение
(Героиня отказывается брать цветы):

- 4
- Вам.
6 5 \ 2³
- Тю-ю! / Да вы что ! / Да боже сохрани!
3 2 2
- Ну, Марья Васильевна, / Марья Васильевна! / Ну послушайте! /
5 \ 3 2
Ну что же это такое! / Ну! / Ну это глупо, ей Богу!
5 \ 1
- Ну никогда я этого не возьму.
(к/ф «Родня»)

(Дистанцированность позиции героини от нормы, дистанция героя от позиции Маруси и желание привести ситуацию в норму).

Нетерпение-упрек

- 2 2 3 1
- Женщина! / Ну если вы едете, / заходите уже! / Тёточка, / ну
3 2
мы же отправляемся. / Ну что вы, ей Богу!
(к/ф «Родня»)

Возмущение, упрек

- 2 2³
- Ну чо расселись-то, ей Богу! / Автобус вон уже!
(к/ф «Любовь и голуби»)

(Дистанцированность героев от нормы, дистанцированность героини от позиции собеседников и желание привести ситуацию в норму).

Упрек

- 2
- Ваф!
2 5 \ 1
- Ой! / Ну что вы, ей Богу! /
(к/ф «Родня»)

- 1АА
 - Больше никого!
 4
 - А цветы?
 4
 - Вам.
 6 5 \ 2³
 - Тю-я!/ Да вы что !/ Да бже сохрани!/ Ну-ка уберите
 сейчас [ш':ас] же! [ш':ас] же! [ш':ас] же!/ Чтó я/ моло-
 6
 денская девушка какая?
 2 6
 - Да что тут особенного?/ Вот интересно!
 (к/ф «Родня»)

2. Бог как коммуникативная единица, подчиняясь алгоритму развёртывания, может передавать и значение *позитива, бенефактивного развития ситуации*; при этом типично следующее соотношение параметров: *наличие дистанции и желание её ликвидировать (была дистанция и пропала) плюс параметр отклонения от нормы.*

Восхищение

(Ток-шоу. Тема – как воздействовать на мужчину. На вопрос ведущей к участнице, просит ли она мужчин что-либо ей купить, та заявляет).

- 1 3
 - Я никогда не прошу. Есть же другие способы. Например: -
 2 2
О бже! / Какое колье!
 4
 - А если он не понимает?
 3 4 1
 - Если он не понимает раз, / другой, / я от него ухожу.
 (Ток-шоу «Принцип домино»)

О Бже даёт не только качественную дистанцированность реализованного варианта от нормы, но и подчёркивает существующую в данный момент дистанцию между желаемым предметом и его потенциальной обладательницей, которую и должен сократить близкий ей мужчина.

Сравним: **О Господи!** / Колье Шарлотты!

О Господи подчёркивает влияние ситуации на личную сферу говорящего. Это может быть и возглас специалиста, долго его разыскивающего, никогда не видевшего и вдруг осуществившего мечту, человека, которому оно принадлежало и т.д.

Сокращение дистанции между желаемым объектом и его обладателем реализуется и в следующих примерах:

Восхищение

(Героиня, зашедшая в комнату к постояльцу, видит роскошный букет):

- 3²
 - Боже, /какая прелесть! / Ну о, Фёдор Николаевич! / Можно мне
 2 3
 цветочек, / а?
 1 7
 - Пожалуйста, /берите!
 (к/ф «Укротительница тигров»)
 (Хозяйка квартиры входит в обновленную дизайнерами кухню):

Восхищение

- 6 2
- Про-хо-дите, пожалуйста.
6 5 \ « 5 \ 1 2
- Ребята!/ Именины сердца!// Ох,/Боже мой! Нет,/сказка/
1 2 2 2
венского леса!// Сказка!// Не верю даже,/что это моё.
(т/п «Квартирный вопрос»)

Типична и реализация **дистанция нормы и качества**, что частотно реализуется в оценочных структурах.

Восхищение

- 2
- ...Повинен смерти.
2 5 \ 1 1
- Боже! / Какой типаж! / Браво, / браво!
(к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»)
- Если бы Костик меня не нашёл...
5 \ 6 6 1
- Боже мой! / Скльзько в вас/ чистоты!
(т/ф «Покровские ворота»)

Конструкции с использованием *Господи* и *Боже* часто встречаются в одном тексте. При этом они могут актуализировать различия в параметрах либо сближаться в той или иной реализации, впрочем, никогда полностью не совпадая.

Структуры с *Господи* и *Боже*, могут встречаться в речи одного героя, 1) отражая разный тип воздействия на говорящего разных собеседников или вариантов развития ситуации и соответственно разное отношение к ним, либо 2) появляться в речи разных собеседников, давая разную квалификацию одной ситуации.

1. (Ссора двух бывших мужей по поводу того, кто больше любит бывшую жену):

- 1 / 1
- И женщина, / которую я люблю.
1
- Саша!
2 2
- Ах ты боже мой, / люблю. /
3 1
- Ну тебе-то этого / не понять.
2 2
- Витя! / Саша!
2 3 2 3
- И любишь, / да? / Что это ты о любви заговорил? / Я, что ль,
не люблю Ниночку, / да? / Да Господи, / я её люблю...
2
- Замолчите!
2
- ...так, как вам, может быть, никому и голову-то не приходи-
ло. / Если б не эта? / может быть, ваша Настя / могла бы быть
1
моей дочкой.
(т/ф «Ребро Адама»)

(Бог в насмешке, презрении по отношению к позиции собеседника, дистанция; Господи затронутость личной сферы другим собеседником полилога, третьим лицом бывшей женой).

2. Разная квалификация одной ситуации разными собеседниками:

(Мать молодого человека сообщает подруге об отсрочке от армии):

¹
- Ну дали ему отсрочку

²
- Слава Богу!

⁷ ²
- Да./ Слава те, Господи! (р/р)

(Слава Богу фатическое сочувствие плюс параметр дистанционности от небенефактивной ситуации, но и от позиции собеседника обсуждаемое лицо всё же не член личного круга говорящей, хотя ИК-2 с удлинением усиливает элемент произведённого новостью впечатления).

Слава те, Господи! используется, если обсуждаемое третье лицо входит в личную сферу говорящего, что и происходит в диалоге, где эта реплика принадлежит матери призванного).

Возможно и *одновременное сосуществование обеих единиц в одной конструкции.*

При этом данные единицы вносят вполне самостоятельные значения, прописывая цепочку коммуникативных смыслов. Рассмотрим несколько примеров.

(Дочь в конце гневно-го монолога, обращённого к парализованной матери, негативно влияющей на её жизнь и тогда, когда она была здоровой):

² ²
- Он же тебя на юг хотел взять! / Он же тебя хотел на лужок
посадить, / чтоб ты цветы някала. / Господи! / Боже мой! /
/2 ²

Господи! / Когда всё это кончится! (к/ф «Ребро Алама»)

(Господи затронутость личной сферы <невыносимость ситуации>, Боже желание дистанцироваться от ситуации, т.е. прекращения её, но выход затрагивает личную сферу <мать> и опять затронутость личной сферы Господи).

(Попутчик – профессор МГУ – уговаривает героиню выйти замуж за его престарелого друга, якобы не замечая вошедшего мужа героини):

⁶ ¹ ⁵
- Я прямо не знаю, / как вам сказать. / Всё же у меня двое ма-
леньких детей.

² ⁴ ⁴ ¹
- Господи, Боже мой! / Ну и что? / Ничего! / Он как раз очень

детей любит. / У него домик под Москвой. / Он не пьёт, / не
⁴ ¹ ⁵ ¹ ¹ ¹
курит, / не бунит. / Сроду никому не сказал грубого слова. / Бу-
¹ ²

дешь жить, как у Христа за пазухой. / Решайся!

(к/ф «Печки-лавочки»)

(Господи – ситуация не должна оказывать влияние на твою личную сферу, хотя твоя позиция оказывает влияние на мою, боже – ты должна дистанцироваться от твоих сомнений, прежней позиции).

Впрочем, данное «контактное» употребление мало чем отличается от тех случаев, когда они используются в тексте самостоятельно. Сравним контактное и дистантное употребление этих структур. Сопоставим примеры из двух фильмов.

Контактное расположение.

Восторг

(К Велюрову неожиданно приходит девушка, к которой он явно равнодушен):

- 6 2
- Аркадий Варламович! / К вам пришли!
- Здравствуйте..
2 2 2
- Господи, / боже мой! / Какой подарок!
(к/ф «Покровские ворота»)

(Господи – глубокое бенефактивное влияние на личную сферу неподконтрольно развивающейся ситуации. Боже – был далек от мысли о возможности такого развития событий, дистанция между желаемым и реализованным сократилась.)

Сравним с аналогичным эффектом с дистантным расположением структур:

Восторг

(Разговор героев – актрисы и начальника-работника НКВД – происходит в осажденном Ленинграде):

- 2 3 3⁶
- Настасья Андреевна! / А может, / я поднимусь, / на
6 2 1
пол/часика. / Чайку попьем.
- (Грудной смех)
2¹ 2 1 6
- Замотался. / Просто хочется посидеть, / рядом, / с талантливой
1
женщиной.
1
- Майор! / (грудной голос) Вы смешной человек! / (скрипучий)
2
Где же я вам чай-то возьму!
x2 2³ 3
- Если дело / только в этом... / Продукты дай!
- (...)
2 3 3 3 2⁶
- Боже мой! / Целый огромный лещ! / С ума сойти!
2 2³ 2/Λ
- Это не лещ. / Это сиг. / Ещё вчера в Ладоге плавал.
3/Λ 3 6 3 2³
- Сиг? / Может, переехать на Ладогу? / Научусь / удить рыбу. /
2 3 6 1
Валентина! / А сейчас нам Валентина / что-нибудь / приготовит. /
h « 3 1 6
А ... / А если осталось немного жира, / даже поджарит. / Господи!
6 x 2 x « 1
Жареная рыба. / Совсем как в прошлой жизни. / А !! / Это вам.

- Да нет, /нет.

- И не спорьте! / Я ничего не хочу слышать. / Валентина! / Ну
я же её сейчас сожжрру / прямо сжрруу / вместе с чешуёй.
(т/ф «Ленинград»)

(В данном диалоге первая структура содержит реализацию, вводящую значение сокращения дистанции между желаемым объектом и реализованным вариантом, вторая - говорит о глубоком влиянии развития ситуации на личную сферу героини.)

Отметим, что в рассмотренных примерах реализации единиц согласуются друг с другом, сближаясь, но никогда полностью не совпадая, не нейтрализуясь.

Ещё одним случаем совместной работы анализируемых единиц в одной структуре является коммуникативная конструкция *Господи ты, боже мой*. В ней могут передаваться значения либо воздействия небнефактивного влияния на личную сферу говорящего (*Господи*) и желания от этого влияния дистанцироваться (*Боже*) (например, при взаимодействии с ИК-2 с её параметром реализации данного варианта в оппозиции ко всем другим); либо отсутствия влияния на личную сферу говорящего ситуации, информацию о которой ввёл слушающий, и дистанцирование от его позиции, что также возможно, например, при взаимодействии с ИК-7 с её параметром расхождения позиций.

Могут быть и более сложные случаи. Так, в спектакле «Безумный день или Женитьба Фигаро» Александр Ширвинт, исполняющий роль графа, добивается яркого комического эффекта игрой сакральными конструкциями и их реализациями.

Презрительно-уничижительное оценка возможностей графини.
(Реплика графа, заставшего в саду графиню, а точнее, переодетую в графиню Сюзанну, с мужчиной):

- Боже! Мужнина / у ног графини! / Господи ты, боже мой!
(т/с «Безумный день или Женитьба Фигаро»).

(Первое, «классическое» *Боже!* - желание говорящего дистанцироваться от небнефактивной ситуации. Следующая структура: *Господи* - связь ситуации с личной сферой говорящего, при этом передаётся как наличие некоторого влияния ситуации на личную сферу, так и её отсутствие, так как граф уже давно равнодушен к супруге, *Боже* - дистанцированность поведения графини от хорошо известной говорящему «благопристойной» нормы её поведения, *ты* - отсылка к личному опыту говорящего, ИК-2 - не ожидал данного варианта поведения в оппозиции ко всем возможным вариантам и известной ему норме).

Конструкции с сакральными формулами могут выполнять важнейшую эстетическую функцию, прописывая главнейший конфликт произведения и взаимоотношения персонажей. Так, в к/ф «Родня» в речи Маруси (актриса Н. Мордюкова), деревенской женщины, оказавшейся в городе, в различных целеустановках (удивлении, осуждении, недоумении) красной нитью, опознавательным знаком идут структуры с *Боже* и

прежде всего *Ой, Боже*, которые маркируют неготовность (*ой*) к развивающейся ситуации и дистанцию (*боже*) между её позицией и городским образом жизни в различных его проявлениях.

Однако эта же структура используется актрисой и в фатке при выражении сочувствия во время рассказа человека (рыбного инженера), которому она явно симпатизирует, что сначала воспринимаешь как некую неискренность и странную деревенскую манерность, коммуникативную ложь, которая абсолютно не свойственна героиням Н. Мордюковой, актрисы с абсолютной органичностью, абсолютным коммуникативным слухом. И лишь в дальнейшем осознаешь точность избранной эстетической краски – ведь собеседник так и не вошёл в личный круг героини, что и делает неуместным, казалось бы необходимое, *Господи*, которое актриса меняет на более точно выстраивающее тип отношений персонажей *Ой, Боже*. Отметим, что интимизация здесь достигается за счёт резкого удлинения гласного, маркирующего в соответствии со своими инвариантными параметрами воздействие информации о ситуации на говорящую.

Итак, анализируемые единицы обладают разными коммуникативными параметрами, предопределяющими различия их использования. При этом активное поминание *бога* и *господа* противопоставляется в системе русского языка табуированности *чёрта*. Замечу, что это коммуникативное функционирование представляет яркую типологию русского языка. В системах других языков картина может быть иной: использование структур с упоминанием *бога* в коммуникативном поле русских конструкций с *чертом* (английский), табуированность именованья божеств как таковых (китайский, использующий *о, небо*) либо, напротив, несоизмеримо более активное поминание *бога*, чем в русском (ирландский). Таким образом, поминание *господа* и *бога* являлось и является неотъемлемой принадлежностью коммуникативной системы русского языка, подчиняясь всем её требованиям и законам и внося свой вклад в её семантическое устройство.

Литература

- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
Безяева М.Г. О номинативной мотивированности коммуникативных значений. // Вестник МГУ. Серия 9, филология. 2005 №4, С.9-41.
Коростелёва А.А. Сопровождающие формулы при структурах оценки в русском и ирландском языках. // Слово. Грамматика. Речь: Вып 7. Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2005.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

УПОТРЕБЛЕНИЕ В ДИАЛОГЕ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ И НЕСОГЛАСИЯ

В данной статье предлагается анализ пяти дискурсивных единиц, а именно, *если хотите (если хочешь)*; *можно сказать (и)*; *скажем (скажем так)*; *какое (-ой, -ая, -ие) (там, тут, я, из меня и т.п.)*; *как раз*, в случае, когда они употребляются в диалоге и входят в состав реплики-реакции. Нас интересуют только те случаи, когда с помощью этих дискурсивных единиц говорящий выражает согласие-несогласие с тем, что было сказано в реплике-стимуле. В принципе, все вышеперечисленные дискурсивные единицы многозначны и используются в различных типах контекстов. Таким образом, мы будем рассматривать только один лексико-семантический вариант каждой из них. Например:

(1) – Ты действительно мудрецом стал, я гляжу.

– *Какой я мудрец? Я, папа, лаборант, и мое дело маленькое – расшифровывать снимки.* А.Варламов.

Здесь *какой* используется говорящим для выражения возражения и показывает, что говорящий считает номинацию *мудрец* необоснованной, неверной.

Рассматриваемые нами единицы составляют шкалу по принципу 'согласие-несогласие говорящего со словами собеседника'. С одной стороны данной шкалы находится фраза *если хотите*, являющаяся показателем того, что говорящий соглашается с репликой «Р», а с другой – единица *как раз*, указывающая на то, что у говорящего противоположное мнение по поводу «Р».

Итак, перейдем к описанию семантики конкретных дискурсивных единиц.

ЕСЛИ ХОТИТЕ (ЕСЛИ ХОЧЕШЬ)

Данная фраза может использоваться в случае, когда говорящий не возражает против предложенной слушающим номинации (см. (2)).

(2) – *Тучи им удавались. Поле, и не лес. Поле – это уже море. Чистое небо им не удавалось. <...> Нет, вида никто не написал! То, что им удавалось в какой-то степени, есть не вид, а состояние.*

– *Импрессионизм? проявил я догадливость.*

– *Если хотите. Преддверия, предчувствия... Пред-верие в лучшем случае. Но они считали себя объективными, то есть это мы их считаем реалистами...* (А. Битов).

Используя *если хотите*, говорящий желает сообщить собеседнику: 'я не имею ничего против номинации «Р»'. Однако, с другой стороны, сам говорящий не стал бы прибегать к данной номинации для обозначения

ния определенного явления и она возникает в диалоге только с подачи слушающего.

В (2) говорящий не склонен был давать какое-либо название тому стилю в живописи, который он описывает, но собеседник предлагает ему вариант названия (*импрессионизм*), и говорящий показывает, что готов его принять, если слушающему так удобнее, понятнее.

Таким образом, *если хотите* указывает на то, что номинация «Р» является для говорящего удобным средством объяснения собеседнику сути какого-либо явления. Действительно, в (2) говорящему, в принципе, безразлично, называть или не называть данный стиль *импрессионизмом*, но он не возражает против такого варианта названия, если он поможет слушающему лучше понять, о чем идет речь.

Аналогичная ситуация и в (3):

(3) – *Возможно, – устало согласился Дмитрий, его все больше раздражал этот разговор. – Даже наверное так. Но из этого еще не следует, что они не смогут делать того, что делаем мы. Их надо еще многому учить.*

– *А у нас что, ликбез?*

– *Если хочешь, да, – сухо сказал Дмитрий. – Нравится тебе или нет, но, пока я руководитель группы, будет так, как я наметил.* (Б. Бондаренко).

Здесь целью говорящего является объяснить слушающему, что молодых сотрудников надо еще многому учить, и говорящий не возражает, если слушающий для собственного удобства назовет этот процесс *ликбезом*.

Говорящий позволяет адресату воспринимать определенную ситуацию так, как тому удобно: самому ему безразлично, как именно слушающий ее назовет, и изначально он не видел необходимости вообще давать какое-либо название данной ситуации.

Исходя из этих наблюдений, предложим толкование для *если хотите (если хочешь)*:

- слушающий предлагает говорящему номинацию «Р» / говорящий предлагает номинацию «Р», которая, с его точки зрения, будет удобна слушающему;
- говорящий считает данную номинацию, в принципе, справедливой, не возражает против нее;
- при этом изначально говорящий не склонен был использовать какую-либо номинацию для обозначения определенной ситуации / явления;
- говорящему безразлично, будет ли использована номинация «Р».

МОЖНО СКАЗАТЬ

Можно сказать указывает на то, что говорящий считает предложенную слушающим формулировку допустимой, хотя и понимает, что

она не является верной, точной. Вот какое толкование для данной единицы предлагается в «Русско-английском словаре идиом» С. Лубенской: «Формулировка, которую дал или собирается дать говорящий, возможна, разумна, допустима» [Лубенская 1995: 610].

Обратимся к примеру:

(4) – *У него есть невеста, – сказали я. – И ей было бы неприятно... Вы понимаете?*

– *Он обручен? – спросила она уже с насмешкой. Но эта насмешка была какая-то беспокойная, нервная.*

– *Ну да... Можно сказать, обручен. Очень давно, прямо с детского возраста. Со своей аккомпаниаторшей.* (А. Алексин).

В (4) говорящий сообщает собеседнику, что X на самом деле не обручен, и тем не менее, говорящий не возражает против использования по отношению к X-у не прямой номинации – *обручен*. Говорящему известны аргументы в пользу того, что X фактически живет так, как жил бы, если бы был обручен: он знаком со своей возлюбленной уже очень давно и не планирует расставаться с ней. Сказать, что X *обручен*, – это очевидное преувеличение, но говорящий считает такое преувеличение оправданным, поскольку не видит препятствий для использования в данной ситуации номинации «Р». Таким образом, фразема *можно сказать* является показателем оправданного преувеличения.

Идея отсутствия препятствий в можно сказать связана непосредственно с семантикой глагола *мочь*, который входит в состав рассматриваемой единицы. Анна А.Зализняк и Е.В. Падучева в статье, посвященной этому глаголу, пишут, что *мочь* используется в тех случаях, когда «нет принципиальных препятствий для наступления события Р (X)», когда «все существенные условия наступления события Р (X) выполняются» [Зализняк, Падучева 1989: 100]. Значит, в случае с можно сказать нет препятствий для того, чтобы использовать номинацию «Р», потому что выполняются все условия, делающие «Р» возможной.

Рассмотрим еще один пример:

(5) – *Ты что, был в отпуске?*

– *Да, можно сказать, в отпуске. Вообще-то по делам ездил, но все сделал в первый день, а потом неделю просто гулял по городу.*

Здесь аналогичная ситуация: говорящий объясняет слушающему, что его поездка на самом деле не являлась отпуском, однако же он не видит препятствий для того, чтобы назвать ее отпуском: в этой поездке он в основном отдыхал, а не работал.

На основании предложенных рассуждений дадим толкование для можно сказать:

– слушающий предлагает говорящему номинацию «Р»;

– говорящий знает / считает, что данная номинация не является верной / точной / является преувеличением;

– однако говорящий считает возможным использование данной номинации, поскольку ему известны обстоятельства, сближающие реальную ситуацию с ситуацией Р.

СКАЖЕМ (СКАЖЕМ ТАК)

Скажем (скажем так) указывает на то, что говорящий не полностью согласен с предложенной слушающим номинацией «Р» и готов принять ее только с определенными оговорками.

Например, в (2) если хотите не может быть заменено на скажем (скажем так). Для этой единицы характерны контексты другого типа – контексты с уточнением, поэтому скажем (скажем так) выглядит естественно в (6):

(6) – *Это импрессионизм?*

– Ну, скажем так, импрессионизм с элементами реализма.

В данном случае говорящий не готов согласиться с названием импрессионизм, хотя, с другой стороны, не считает это название абсолютно неверным. С помощью скажем так он сообщает адресату, что примет предложенную ему номинацию, но лишь с определенной оговоркой, уточнением.

Проиллюстрируем высказанные выше соображения на примере:

(7) – *С Леонидом-то Ильичем [Брежневым]? – переспросил Бурдалаков. – А как же! В этих местах и познакомился. <...>*

– *И Брежнев там был?*

– Ну, скажем так, не был, а бывал. (В.Войнович).

Здесь слушающий предполагает, что Х (Брежнев) был «в этих местах» однажды, а говорящий считает необходимым уточнить: данная ситуация имела место не однажды, а многократно.

Рассмотрим еще пример:

(8)– *Да он настоящий талант!*

– Ну, скажем так, не без способностей.

В (8) говорящий также уточняет формулировку слушающего: он не стал бы называть Х-а *талантом*, но считает его способным.

Можно сказать, что, используя *скажем (скажем так)*, говорящий предлагает собеседнику создать номинацию совместно («Давай скажем так!»). Вот что пишут по этому поводу авторы сборника «Дискурсивные слова русского языка»: «Окончание –*ем* является показателем формы 1 л. мн. ч. глагола. Форма лица устанавливает характер взаимосвязи между говорящим / слушающим и сказанным р. Форма первого лица указывает на говорящего как на исполнителя действия, а множественное число обозначает, что говорящий совершает действие не один, а объединяется в единого исполнителя со слушающим, то есть форма 1 л. мн. ч. (в своем изначальном значении) является формой совместного действия» [Дискурсивные слова 2003: 84].

Предложим толкование для *скажем (скажем так)*:

- слушающий предлагает говорящему номинацию «Р»;
- говорящий знает / считает, что данная номинация не является верной;
- говорящий готов согласиться с «Р» только при условии, что «Р» будет уточнена

КАКОЕ (-ОЙ, -АЯ, -ИЕ) (ТАМ, ТУТ, Я, ИЗ МЕНЯ и т.п.)

Вернемся к примеру (1): говорящий выражает несогласие со слушающим, возражает против предложенной им характеристики (слушающий называет говорящего мудрецом), считая ее неадекватной, необоснованной. Э.Г. Шимчук и М.Г. Щур предлагают следующее толкование для лексемы *какое*: «выражает возражение и оценку предполагаемого или утверждаемого как необоснованного, неправомерного» [Шимчук, Щур 1999: 79].

Приведем еще несколько примеров:

(9) – Ну чего там – ты?

– Я, мосье Ахти...

– Брось! Какой я тебе мосье? Камрад – понял? Генацвале! (А. и Б. Стругацкие).

(10) – Ты что, любил эскимо? Брось, Гога, попадешь в медсанбат. По-моему, охрип уже, – невольно улыбнулся Кузнецов.

– В медсанбат? Никогда! – воскликнул Давлатян. – Какой там медсанбат! К черту, к черту! (Ю.Бондарев).

(11) – Ну, а во время дождя где ты был?

– Какой же дождь? Чуть покrapал. (Л. Толстой; пример из [Дискурсивные слова 2003]).

Во всех этих контекстах автор высказывания дает адресату понять, что не готов согласиться с предложенной им номинацией. В (9) говорящий считает, что обращение *мосье* ему не подходит; в (10) говорящий уверен, что не попадет в *медсанбат* (в то время как собеседнику такая перспектива кажется вероятной); в (11) говорящий не согласен с тем, что несколько капель («чуть покrapал») можно назвать *дождем*.

Авторы сборника «Дискурсивные слова русского языка» отмечают, что в контекстах такого рода сфера действия отрицания может относиться не только к **плану номинации** (в высказываниях с *если хотите (если хочешь), можно сказать и скажем (скажем так)* автор высказывания выражает свое отношение именно к предлагаемой собеседником номинации), но и к **плану пропозиционального содержания** высказывания. В частности, исследователи выделяют такие случаи, когда говорящий считает реплику слушающего неадекватной с точки зрения **фактичности** [Дискурсивные слова русского языка 2003: 196]. Например:

(12) – А он писать умеет?

– *Какое* писать, он даже читает-то с трудом (пример из [Дискурсивные слова русского языка 2003]).

(13) – Он умен?

– *Какое* там умен? В школе двоечником был.

В данных примерах автор высказывания с *какое* считает, что неверна интерпретация слушающим действительности.

Авторы «Дискурсивных слов русского языка» указывают, что особенность контекстов с *какой* (*какое*) «состоит в том, что в них воспроизводится компонент предшествующей реплики, который подвергается отрицанию» [Дискурсивные слова 2003: 196].

Однако в некоторых случаях данный компонент может быть и опущен, как, например, в (14):

14) *Сколько их было? Человек 10? – Какое? Человек 20 пришло!* (пример из [Шимчук, Щур 1999]).

Толкование для *какое* (*-ой, -ая, -ие*) (*там, тут, я, из меня* и т.п.) может быть сформулировано следующим образом:

- слушающий предлагает говорящему номинацию / интерпретацию какого-либо события, факта, явления «Р»;
- говорящий считает, что данная номинация / интерпретация не является оправданной, адекватной;
- говорящий возражает против использования данной номинации / интерпретации

КАК РАЗ

Частица *как раз* может использоваться говорящим для выражения резкого несогласия со словами собеседника, в тех случаях, когда говорящий придерживается противоположного мнения по поводу Р¹. Как и в высказываниях с *какое*, в такого рода контекстах возражение может относиться и к предложенной слушающим номинации (см., например, (15)), и к интерпретации некоторого положения дел (см. (16)).

(15) – А она у вас спокойная.

– *Как раз* спокойной я бы ее не назвала. Носится по квартире целыми днями.

(16) – Не пожалей сил, товарищ Сталин. Разрешите идти?

– *Как раз* силу-то экономьте. Думал, богатырь вы. (Ю. Бондарев).

В обоих случаях говорящий придерживается мнения, противоположного мнению слушающего, и резко возражает против слов собеседника.

Приведем еще пример:

¹ Данная единица может использоваться и в других случаях, в частности, в значении «именно» (ср.: *Обрати внимание на эту девушку. Она очень талантливая. – Я как раз про нее и подумал*).

(17) – *Что возьмешь? Совочек возьмешь?*

– *Нет, совок не надо.*

– *Совок не надо? Совок как раз надо. А чем ты снег будешь ковырять?* (пример из [Дискурсивные слова русского языка 1998]).

Авторы сборника «Дискурсивные слова русского языка» называют данное значение как раз «наоборот» и предлагают для данной единицы следующее толкование: «Как раз **p** обозначает, что **S0** вводит **p** как характеристику некоторого элемента **x**, противоположную введенной ранее характеристике **q** (=не **p**) того же элемента, субъективной опорой которой является **Sx / S1**, при том что априори предполагалось, что **p** совпадает с **q**» [Дискурсивные слова русского языка 1998: 283].

Отметим, что в контекстах с как раз отрицанию может подвергаться как предикат (см. (15)) (назовем это общим отрицанием), так и какой либо отдельный компонент ситуации, например, объект (см. (16, 17)) (частное отрицание).

Предложим собственное толкование для как раз в интересующем нас типе контекстов:

- слушающий предлагает говорящему номинацию / интерпретацию какого-либо события, факта, явления «**P**»;
- говорящий считает, что данная номинация / интерпретация абсолютно неверна, и придерживается противоположного мнения по поводу **P**;
- говорящий возражает против использования «**P**» и высказывает противоположное мнение.

Таким образом, пять рассмотренных нами единиц представляют шкалу согласия-несогласия говорящего со словами слушающего:

Если хотите (если хочешь)– говорящий считает номинацию «**P**», в принципе, справедливой, не возражает против нее.

Можно сказать – *говорящий знает / считает, что номинация «P» не является верной / точной / является преувеличением, однако считает использование «P» возможным, допустимым.*

Скажем (скажем так)– *говорящий знает / считает, что номинация «P» не является верной, однако готов согласиться с «P» при условии, что «P» будет уточнена.*

Какое (какой) – *говорящий считает, что номинация / интерпретация «P» не является оправданной, адекватной и возражает против использования «P».*

Как раз – говорящий считает, что номинация / интерпретация «Р» является абсолютно неверной, придерживается противоположного мнения и возражает против использования «Р».

Литература

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. Выпуск 2. М., 1989.

Лубенская С. Русско-английский словарь идиом. New-York, 1995.

Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main; Berlin... 1999.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЧАСТНЫХ КОМИТАТИВНЫХ И ДЕСТИНАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ

Проблема описания падежных значений – одна из вечных проблем теоретической и практической русской грамматики. Одно из современных перспективных направлений в разработке этой проблемы открыто работами Е.В. Клобукова [Клобуков 1986; 1992]. В статье 1992 года Е.В. Клобуков предложил выделить в русском языке функционально-семантическую категорию комитативности, объединяющую единицы разных языковых уровней и отражающую следующую важную закономерность в построении высказываний: «Создавая сообщения о тех или иных ситуациях внеязыковой действительности и о взаимном соотношении этих ситуаций, говорящий вольно или невольно с помощью языковых средств выделяет один из ряда однородных элементов ситуации (например, один из семантических актанта, один из признаков того или иного актанта и т.п.) в качестве **основного**, наиболее важного, значимого при оценке данной ситуации, а другие элементы того же ряда – в качестве **комитативных** – ср. лат. *comitatus* ‘сопровождающий, сопутствующий’, т.е. менее значимых в устанавливаемой говорящим иерархии ценностей» [Клобуков 1992: 28]. Одним из основных средств выражения комитативности в русском языке является падеж. Комитативные падежные формы позволяют говорящему/пишущему иерархизировать семантические роли участников ситуации и выстраивать смысловые отношения между несколькими ситуациями, названными в предложении. При этом комитативное значение взаимодействует с каузативным, дестинативным (выражение предназначения), темпоральным и др. Каждая из предложно-падежных форм, выражающих комитативное значение, представляет интерес с точки зрения омонимических и синонимических возможностей, демонстрируя диалектическую сложность и богатство русской предложно-падежной системы.

В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой среди значений предложно-падежной синтаксемы *под + Вин. пад.* выделяется комитативное значение: «действие (звуковое, речевое), в сопровождении которого осуществляется предикативный признак (в вин. пад. вместо отвлеченного имени может быть конкретное, со значением инструмента, издающего звук» [Золотова 1988: 214]. Эта синтаксема относится к свободным и может функционировать в заголовочной позиции («*Под гармонию*», название стихотворения В. Бокова), в позиции распространителя модели предложения (*Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого*,

М. Горький), в именных сочетаниях в позиции распространителя имени (*Уж я ль не знала бессонницы Все пропасти и тропы, Но эта как топот коницы Под вой одичалой трубы*, А. Ахматова) – примеры из словаря. И словарная дефиниция, и примеры указывают, что данная синтаксема образуется от ограниченного круга признаков имен и метонимически замещающих их предметных имен: *под вой трубы – под трубу, под звук гармони – под гармонь* и т.п. Мы в данной статье хотим обратить внимание на другие синтаксем *под* + **Вин. пад.** с комитативным значением, не упомянутые в словаре. Круг используемых в них существительных ограничен не категориально-грамматическим значением (предмет, лицо, признак), а более специфичной лексической семантикой. Это:

а) фразеологизованная предложно-падежная форма с комитативным значением *под это дело* (=под этим предлогом, заодно с этим), широко представленная в русских текстах среднего и сниженного стиля:

Под это дело многие прихватили братьев и сестёр, детей от первого брака, свекровей, близких и дальних родственников, а кое-кто и домашних животных (С. Спивакова), *Кроме навалившейся работы, меня под это дело ещё и пересадили в комнату к начальству, чтоб общаться было удобнее* (Запись в Живом Журнале, 2004); *То есть под это дело списали огромные бюджетные деньги* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара // ФОМ (2003.04.08)); *"Сосватанный" Сереежей Силантьевым (ныне – кажется, президент ЗАО "Газетный мир", я согласился стать редактором, причем даже выторговав себе под это дело ссуду на кооперативную квартиру* (А. Комраков); *В том году предстоял юбилей Союза писателей, пятидесятилетие со дня его основания, и под это дело большое количество писателей, около трехсот человек, было награждено правительственными орденами разных степеней* (А. Ким); *Слух про скрытую камеру в момент разнесся, и каждый под это дело хочет что-то купить и получить вежливое обслуживание* (Г. Горин);

б) весьма распространенное, «типично русское» употребление *под.* + **Вин. пад.** с ограниченным кругом лексем, обозначающих спиртные напитки и пищевые продукты, которые в своем потреблении сопровождают друг друга или какое-либо действие, названное в основном предикате:

Расслабленные гости, домашние праздники, шашлыки на природе; селедочка под водочку, коньячок под балычок (А. Архангельский); *Нынешний субкультурный антураж так же далек от советских кухонных страстей под водочку, как легкие дискотечные наркотики принципиально отличаются по действию и назначению от беспробудного водочного пьянства* (А. Лагкин); *Они быстро сошлись, и тот, не будь дурак, предложил ей руку и сердце, что – под водочку, не иначе – было*

тут же принято (Н. Климонтович); *Кончается тем, что тракторист выключает трактор, сходит с него и они, усевшись под кустом, под водочку продолжают выяснять проблему* (Ф. Искандер); *А руководящий работник, возможно, встретившись в тот вечер с собутыльниками и пропустив рюмку "Столичной" под селедочку прямого посола за рубль-тридцать, рассказывал...* (Б. Левин). Характерность этого способа описания особенностей русского застолья демонстрирует следующая фраза из знаменитого бытописательного произведения Гиляровского «Москва и москвичи», где предложно-падежные формы *под + предл.* выделены кавычками: *Пьют "под селедочку", "под парную белужью икорку", "под греночки с мозгами" и т.д.* (В. Гиляровский).

Эти предложно-падежные формы следует отличать от представленных в «Синтаксическом словаре» синтаксем *под + Вин. пад.* от конкретных имен с дестинативным (назначение предмета) значением [Золотова 1988: 217]: *Под огурцы он взрыл с полсотни гряд* (Крылов), *Считалось выгодным распахивать как можно больше земли под хлеб* (Салтыков-Щедрин) и т.п. Дестинативное значение последних легко выявляется синтаксической синонимией: *Чтобы посадить огурцы, он вырыл полсотни гряд. Считалось выгодным распахивать как можно больше земли, чтобы посадить хлеб.* В примерах, приведенных в пункте б) выше, подобная трансформация невозможна.

Примеры из пункта а) в свою очередь отличаются от конструкций, где *под + признаковое имя в Вин. пад.* выражает дестинативное значение, называя некоторое мероприятие, проект, дело, под которое выделяются средства, земля, другие материальные ресурсы или люди¹:

Анатолию Чубайсу и его команде останется завершить "реструктуризацию" РАО ЕЭС, благо финансы под этот проект уже консолидированы и механизм отлажен; Не брали ли его в бюро специально под этот проект? Потом выяснилось, что под этот проект нужен еще и помощник руководителя, но этот человек должен хорошо знать все направления деятельности фирмы; Когда Фомины взяли участок под строительство дома, никто не удивился; Освободившиеся земли можно использовать под строительство жилья, деловых центров и гостиниц; Разговор касался выбора промплощадок под строительство предприятия.

Синонимичные конструкции – *на + Вин. пад.* (за исключением конструкций, сообщающих о выделении земли) и *для + Род. пад.:* *под строительство – на строительство – для строительства; под проект – на проект – для проекта.*

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка.

Исследуя интересующую нас форму дальше, обнаруживаем еще одно значение, широко используемое в современных текстах на финансово-экономические темы:

Еще через некоторое время получили льготный кредит под шестнадцать процентов. Если у покупателя не хватает полной суммы, можно взять кредит под залог недвижимости в одном из банков. Поряду кредитных продуктов, таких, как овердрафт и кредит под инкассируемую выручку, мы вообще не требуем залога имущества. На сегодняшний день это единственный банк, дающий кредит под черную зарплату.

У этих синтаксис синонимия с конструкциями с *на + Вин. пад.* и *для + Род. пад.* отсутствует: *кредит под черную зарплату* ≠ *кредит на покупку автомобиля*. Имя или словосочетание, выступающее в форме *под + Вин. пад.*, обозначает не цель кредитования, а его обеспечение, гарантию.

Такое употребление не ограничивается только позицией при слове *кредит*. Примеры:

Хотелось бы, чтобы под гарантию исполнительной власти были созданы схемы привлечения на рынок жилья непосредственных денежных средств тех людей, которые нуждаются в жилье. Например, в соглашениях об оказании правовой помощи одно или несколько государств берут на себя обязательства совершать те или иные действия на взаимной основе, под гарантию совершения аналогичных действий со стороны государства-контрагента в случае возникновения оснований, предусмотренных в данном договоре.

Здесь мы снова возвращаемся в зону комитативного значения: схемы привлечения денежных средств должны *сопровождаться* гарантией исполнительной власти, государства берут на себя обязательства, если это *сопровождается* гарантией аналогичных действий со стороны других государств.

Два выделенных нами «финансово-экономических» употребления *синтаксемы под + Вин.* могут перекрещиваться, как например в следующем примере, где без контекста и знания ситуации не понятно, что служит обеспечением и/или целью кредитования:

Вместо того чтобы давать кредиты под материальное производство, вы предлагаете ему дать кредит под идею.

Другой пример синтаксической неоднозначности: *подписываются контракты под решение конкретных задач*. Что значит *контракты под решение задач*? На *решение задач*, т.е. согласно этим контрактам должны решаться далее перечисленные задачи (дестинативное значение)? Или задачи будут решаться параллельно с выполнением контрактов, те и другие связаны, но не напрямую (комитативное значение)?

Смешение дестинативного значения с комитативным, основанное на предложно-падежной омонимии, – удобный прием для говорящего, желающего затемнить свои истинные намерения.

Не останавливаясь подробно на других случаях омонимии предложно-падежных форм *под* + *Вин.* (этому будет посвящена наша отдельная статья), укажем лишь на еще один интересный пример из области публицистики – возможность использования синтаксемы *под себя* со значением

1) соответствия или

2) целенаправленного угодобления, выбора по признаку подобию/соответствия либо

3) насильственного подчинения, деформации объекта, ср.:

1) *Во-первых, давайте Вы не будете ровнять всех под себя; Я отлично понимал неправильность всех этих примерок ленинградской действительности под себя, гражданина другой страны, где все было изначально иное; Что-то такое, что предусматривает просто подлаживание под себя и без того существующих обстоятельств, культурных ценностей или правил жизни: как я к этому отношусь, как они ласкают/кусают мои рецепторы?*

2) *Есть / конечно / песни / которые я писал сразу под себя / имея в виду / что я буду их исполнять; Эти основатели и учителя, используя знания о человеке и законы боя, создавали все это прежде всего под себя; Если учитель нестандартен и долгими трудами и размышлениями создал под себя соответствующую ему индивидуальную технику, то где ему найти таких же нестандартных учеников для передачи накопленных знаний?; Чтоб через законы, или под себя писанные, их же и вокруг пальца обвести; Все это нехитрое оборудование звонарь должен подстроить "под себя" – под свой рост, силу, удобства в работе: все это скажется потом на качестве звона; !*

3) *Она его под себя поджала / он теперь за нее все делает / стирает / убирает; Он быстро сориентировался в кооперации и вскоре подмял под себя десятки успешно функционировавших предприятий и кооперативов, став для них "крышей"; С другой стороны, подмявшие под себя к тридцатым годам всю экономику государство само оказалось единственным, в конечном-то итоге, работодателем; Юценко сможет полностью переформатировать под себя политическую среду – тогда ему не составит труда победить на выборах.*

В первой группе примеров субъект и объект связаны предикатом отношения, а не действия. Субъект выступает как субъект мнения, носитель эгоцентрической точки зрения на объект. Эти примеры гораздо менее частотны по сравнению со второй и третьей группой, и многие из них вызывают сомнение с точки зрения нормативности. Во второй

группе примеров речь идет о создании или выборе какого-то объекта в соответствии с требованиями, критериями, вкусами лица или группы лиц. Здесь синтаксема *под себя* соседствует с глаголами созидания – *создавать, писать* (песни, законы) и обозначает «такой, как субъекту хочется», «такой, какой подходит субъекту». Предложения первой и второй группы могут выражать как позитивную, так и негативную оценку. В третьей группе примеров речь идет о насильственной трансформации, подавлении объекта субъектом. Нейтральная оценочность, как в последнем предложении, в таких предложениях встречается редко, преобладает отрицательная. Ср. фразеологизм *гребти под себя*, т.е. «преследовать только свои эгоистические интересы» (*Тихушиничал, греб всю дорогу под себя, жадничал*) либо «присвоить нечестным путем» (*Заодно Виктор Петрович руками нанятых "специалистов" подгреб под себя денежки, которые хранились у Полуяхтенко дома, в обычном платяном шкафчике*).

Наиболее частотный глагол в третьей группе – *подмять*. Положительная оценочность и вовсе редка: *Монахи взяли под себя колхоз / и они подняли его до таких высот / что получили премию*. Интересный пример обыгрывания омонимии второй и третьей группы (из речи резкого на язык журналиста С. Доренко):

А именно потому, что "флагманы" УЖЕ отрегулировали экономику под себя.

Глагол *отрегулировать* предполагает прочтение синтаксемы *под себя* в «созидательном» значении, но общий смысл фразы намекает на то, что «флагманы» не настроили/выстроили экономику в соответствии со своими принципами, представлениями, а именно подмяли ее под себя. В этом состоит ирония журналиста.

Проникновение синтаксемы *под себя* в нетипичные для нее конструкции может выдавать скрытые намерения субъекта: *Очень похоже, что компанию вашу кто-то умышленно долгами обложил, чтоб потом задешево под себя скупить*. Не просто купить, или скупить, или купить себе, а *скупить (и подмять) под себя!*

В «Синтаксическом словаре» синтаксемы со значением соответствия или уподобления объединены под одним названием: «Коррелятив – признаковая синтаксема, характеризующая либо предмет – соответствием, уподоблением его названному предмету, либо способ действия, уподобляющего один предмет другому как образцу» [Золотова 1988; 218]: *Оно (лицо) подходило под цвет его одежды* (Тургенев), *Павлин все подводил под это правило* (Лесков) – примеры из словаря. Нам представляется, что они нуждаются в дифференцированном рассмотрении, продемонстрированном выше на примере синтаксемы *под себя*.

Умение разобраться в тонкостях значений синтаксемы *под + Вин. пад.*, как показывают приведенные примеры, абсолютно необходимо переводчику, работающему с русскими публицистическими и официально-деловыми текстами. В нашей статье, которая будет опубликована в этом году в филологическом выпуске «Вестника Удмуртского государственного университета», мы продемонстрировали аналогичную ситуацию с комитативными синтаксемами *при + Предл.пад.*, правильность толкования которых может иметь значение не только с точки зрения собственно языковой семантики, но и с точки зрения правовых отношений.

Из предложенных нами дополнений к словарю можно сделать три вывода, касающихся возможностей дальнейших исследований:

1) Поскольку основным материалом «Синтаксического словаря» служили художественные и научные тексты, а также советская публицистика, некоторые значения предложно-падежных форм остаются за его рамками. Разумеется, такие формы, как *под залог*, *под гарантию*, *под поручительство*, хотя они и аналогичны синтаксеме *под честное слово*, не могли найти широкого отражения в словаре конца 1980-х годов просто потому, что соответствующие явления, а значит и их словесные обозначения, не были достаточно распространены в русской жизни того времени. Обнаружение и описание подобных значений, в основном использующихся или даже возникающих в современной разговорной речи, языке СМИ и официально-деловом стиле, представляет собой перспективную задачу и востребовано как в русской грамматике как таковой, так и в практике преподавания РКИ.

2) Изучение семантики и функционирования русских падежей с необходимостью включает осмысление языкового материала на разных уровнях абстракции. Так, разная степень дробности и обобщения падежных значений представлена, например, в АГ-80, в «Синтаксическом словаре» и в современных работах М.В. Всеволодовой и ее коллег, анализирующих семантику надежда в связи с задачей построения словаря русских предлогов и их эквивалентов [Всеволодова и др. 2003] [Всеволодова 2004: 173-180]. Продуктивный уровень обобщения зависит не только от теоретических установок лингвиста, но и от практических целей анализа – использование в преподавании РКИ [Иевлева 1981; Холод 1985: 30-39; Дремов 2004: 47-53] и др., создание сопоставительных грамматик и словарей, автоматическая обработка текста [Невзорова 2002; Коваль 2004] и др.

3) Наш материал подтверждает актуальность изучения выделенной Е.В. Клобуковым категории комитативности, позволяя более пристально взглянуть на некоторые предложно-падежные конструкции,

представляющие существенную трудность для иностранцев, овладевающих русским языком.

Литература

Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкниа О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003, № 2.

Всеволодова М.В. Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис. Первые результаты межнационального проекта // Функционально-коммуникативні аспекти граматики і тексту / Зб. наук. праць, присвячений ювілею А.П.Загнітка. Донецьк, 2004.

Дремов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания РКИ // Мир русского слова. 2001. №4.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М., 1988.

Иевлева З.Н. Методика преподавания грамматики в практическом курсе русского языка для иностранцев. М., 1981.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. (Введение в методику позиционного анализа). М., 1986.

Клобуков Е.В. Иерархизация однородных смыслов в предложении (высказывании) как проблема функциональной грамматики // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992.

Коваль С.А. К вопросу о числе падежей русского существительного (решения для компьютерной лингвистики) // Материалы конференции «Диалог-2004» <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Koval.pdf>.

Невзорова О.А. Реконструкция формального контекста синтаксемы по Синтаксическому словарю Г.А. Золотовой // Материалы конференции «Диалог-2002» <http://www.dialog-21.ru>.

Холод С. Упражнения, вырабатывающие навыки и умения употребления падежей в устной речи на начальном этапе // Русский язык за рубежом. 1985. №4.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Устойчивые сочетания слов исконно русского происхождения составляют основную массу употребляющихся в настоящее время фразеологизмов. Тем не менее, фразеологизмы остальных групп также занимают немаловажное место в русской фразеологической системе. Сюда относятся такие употребительные фразеологизмы, как *изо дня в день*, *из уст в уста*, *слово в слово*, *час от часу* и т.д., которые образуются по фразеологическим моделям.

В русской лексической науке учение о фразеологической модели заложил А.И. Молотков. Он отмечает: «В ряду словосочетаний с одинаковым словом стоят именные и глагольные словосочетания, образованные или путем повторения одного и того же слова в разных формах, или путем сочетания двух слов с одной основой. Например: с *глазу на глаз*, с *рук на руки*, *честь честью* и т.д.» [Молотков 1977: 35].

Фразеологическая модель – сочетание слов, представляющее собой особую отвлеченную структуру, обладающую особым языковым статусом. Модельные структуры состоят из постоянных и переменных компонентов.

Начнем анализ с лексико-грамматических особенностей фразеологической модели:

А) ограничения по частеречной принадлежности

Существенным ограничением по этой линии является то, что переменные компоненты одной и той же фразеологической модели принадлежат к одной части речи. Например: *хоть убей*, *хоть умри*, *хоть плачь*. В качестве переменных компонентов данной модели выступают только глаголы. Теперь разберем другой пример: *Изо дня в день*, *из года в год*. В данном случае переменными компонентами данной фразеологической модели являются только имена существительные.

Однако, в некоторых фразеологических моделях, например, во фразеологической модели типа *ни рыба ни мясо*, переменные компоненты могут быть представлены словами разных частей речи:

- 1) имя существительное: *ни нава ни ворона; ни свят ни кум;*
- 2) глагол: *ни дать ни взять, ни встать ни сесть;*
- 3) наречие: *ни много ни мало; ни взад ни вперед;*
- 4) другие части речи: *ни то ни се, ни бе ни ме, ни жив ни мертв, ни да ни нет, ни два ни полтора;*
- 5) словосочетания: *ни с того ни с сега; ни за что ни про что, ни богу свечка ни черту кочерга.*

Б) морфологические ограничения по линии формы слова

Слова-переменные компоненты фразеологической модели стоят в определенной грамматической форме. Например: *хоть умри, хоть убей*. В данной фразеологической модели переменные компоненты – это глаголы в форме повелительного наклонения. Приведем еще один пример: *молодец молодцом, дурак дураком*. В данной фразеологической модели переменные компоненты – это одно и то же существительное в именительном и творительном падежах.

В) семантические ограничения

Переменными компонентами фразеологической модели служат слова, которые относятся к одному семантическому полю. Например, во фразеологической модели типа *из года в год* переменными компонентами являются:

- 1) имена существительные со значением времени: *из минуты в минуту, из часа в час, из дня в день, из поколения в поколение, из года в год, из века в век, из рода в род;*
- 2) имена существительные со значением пространства: *из края в край, из угла в угол, из конца в конец.*

Приведем еще пример: во фразеологической модели типа *ни рыба ни мясо* переменными компонентами служат:

- 1) слова-антонимы или словосочетания-антонимы: *ни много ни мало, ни дать ни взять, ни больше ни меньше, ни в бога ни в черта;*
- 2) слова-синонимы или словосочетания-синонимы: *ни свет ни звезда, ни сват ни кум, ни в горсть ни в сноп.*

Г) структурные ограничения

Во фразеологической модели место переменных компонентов не изменяется. Порядок переменных компонентов фиксирован. Например, *хоть убей, хоть умри*. В данной фразеологической модели уступительный союз *хоть* всегда стоит перед глаголом. Например, *слово в слово, строка в строку*. В данной фразеологической модели имя существительное в форме именительного падежа всегда стоит перед тем же существительным в винительном падеже.

В некоторых фразеологических моделях переменные компоненты могут распространяться. Такое распространение не влияет на структуру и значение фразеологической модели, оно только обогащает конкретное фразеологическое значение. Например: *хоть криком кричи, хоть волком вой, хоть каравл кричи, хоть в петлю лезь.*

В настоящее время в русском языке наиболее широкое употребление получили фразеологизмы, образованные по фразеологической модели. Подобные языковые единицы встречаются в художественной литературе, газетно-публицистическом стиле и обиходно-разговорной ре-

чи. Они придают речи живость и меткость, образность, вызывают сложные эмоциональные ассоциации. Стоит заметить, что фразеологизмы живут особой жизнью.

Литература

- Лексикология современного русского языка. М., 1972.
Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
Русская фразелогия. Словарь-справочник. Гл.ред. Р.И.Яранцев. М., 2001
Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И.Молоткова. М., 1968.
Фразеологический словарь русского языка. Сост. А.Н. Тихонов, А.Г.Ломов, Л.А.Ломова. М., 2003.
Фразеология современного русского языка. М., 1985.
Шанский Н.М. В мире слов. М., 1985.

НЕБО И ЗЕМЛЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В каждом языке реализуется определенный способ отображения действительности в соответствии с конкретным историческим опытом народа, его культурой, условиями его жизни. Фразеология относится к тем областям языка, которые, занимая определенное место в языковой картине мира, наиболее интенсивно участвуют в создании ее национально-специфического колорита. Фразеологию можно рассматривать как один из способов «языкового мировидения», что дает основания говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира [Гумбольдт 1994: 34]. Следовательно, фразеологическая картина мира понимается как результат специфического способа вторичного осмысления отображаемой действительности, выражаемой устойчивыми образными оборотами языка.

Система образов закреплена во фразеологизмах данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. Фразеология, являясь наиболее стабильной образной сферой языка, определяется как «ядро национального сознания, мерило духовности народа» [Мокиенко 1986: 261].

Фразеологизмы, являясь единицами языка, в которых аккумулируется культурный потенциал носителей языка, активно участвуют в концептуализации мира. «В структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.», концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека [Степанов 1997: 43]. Концепт как ментальная сущность имеет национально-специфические черты, соотносимые с мировидением, национальной культурой, обычаями и верованием, фантазией и историей данного народа. Воспроизводимость фразеологических знаков способствует трансляции культурно значимых установок между поколениями и формированию культурного самосознания как отдельной личности, так и народа в целом [Телия 1999: 14].

Чтобы взглянуть на мир глазами другой культуры, необходимо решить вопрос о том, насколько взаимопроницаемы понятийные миры, образуемые разными языками. Этот вопрос тесно связан с научными представлениями о едином понятийном базисе человеческого сознания, о так называемом «психологическом единстве человечества». Ряд ученых убеждены в том, что различные культуры используют разные понятия и образуют совершенно особые ментальности, другие ученые уверены, что «за разнообразием культур стоит единый, универсальный на-

бор базовых понятий» [Корнилов 1999: 144]. Можно согласиться с мнением о том, что существуют понятия, специфичные для данной культуры, но есть также некоторые понятия, которые отражаются в лексической системе всех языков мира.

К числу таких фундаментальных понятий, или универсальных концептов, относятся НЕБО и ЗЕМЛЯ, составляющие некое концептуальное единство. Структура мира описывается в мифологии с помощью серии противопоставлений: небо – земля, высокий – низкий, далекий – близкий. Понятия «небо» и «земля» можно считать одними из основных пространственных понятий, через которые древний человек воспринимал окружающую действительность. Согласно древним представлениям, НЕБО и ЗЕМЛЯ первоначально образовывали единое целое, божественную пару, союз которых послужил началом жизни во Вселенной. Понятия «небо» и «земля» являются одними из наиболее концептуализированных в русском языке. Данный фрагмент русской национальной картины мира представлен посредством единиц пересекающихся семантических полей НЕБО и ЗЕМЛЯ. Устойчивая связь двух понятий подтверждается с позиций внутриязыковой антонимии, отраженной в целом ряде фразеологических единиц.

Обратимся к рассмотрению фразеологизмов, представляющих данное концептуальное единство. В центре поля НЕБО находится лексема *небо* в двух значениях¹: 1. Видимое над землей воздушное пространство (противоп. : земля); 2. По религиозным представлениям – место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай. В центре поля ЗЕМЛЯ – лексема *земля* во 2 и 3 значениях (из семи, приведенных в словаре): 2. Место жизни и деятельности людей; 3. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства). Следует отметить, что некоторые фразеологизмы, которые в словаре отнесены к слову *земля* в 4 и 5 значениях, на наш взгляд, во-первых, могут быть отнесены ко 2 или 3 группе значений, например, *соль земли* или *земля обетованная*; во-вторых, могут быть рассмотрены нами, т.к. в их составе слово *земля* имеет особое переносное значение, концептуально связанное с небом. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, например, в качестве отдельного значения выделено: «перен., только ед. В мифологии и поэзии – реальная действительность, в противоп. миру идеальному (книжн., поэт., устар.). *Не называй ее небесной и у земли не отнимай.* Н.Ф. Павлов. – *Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше.* А.С. Пушкин».

¹ Значения слов и фразеологизмов даются по следующим словарям: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. М., 2006; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 2006.

*Манна небесная*¹. Что-либо желанное, крайне необходимое, редкое.
Манной небесной Существовать впроголодь.
питаться.
Ждать как манны небесной Ждать с нетерпением, с сильным желанием.

По библейскому мифу, *манна* – пища, которую Бог посылал иудеям каждое утро с неба, когда они шли пустыней в Землю обетованную: *роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни нечто мелкое, крупное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу* (Исх. 16, 14-16). *И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна* (Исх. 16, 31). Манна (ц.-сл.) – хлеб, посланный Богом израильтянам во время их сорокалетнего странствования в пустыне. Ученые предполагают, что на самом деле это были семена съедобного лишайника, *леканоры съедобной*. Они очень легкие, и поэтому ветер переносил их на большие расстояния. Кочевники собирали эти семена, мололи и пекли хлеб.

Разверзлись небесные хляби Шутл. О проливном дожде и продолжительном ненастье.

Выражение возникло из библейского мифа о «всемирном потопе»: *В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей* (Быт. 7, 11-12). Хлябрь (старосл.) – бездна, глубина; преграда, затвор.

Как звезд на небе. Очень много, в большом количестве, в избытке.

И потому от одного, и притом омертвелого, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском (Евр. 11, 12).

Царство Небесное.

Слово *царство* в библейских книгах имеет два значения: «правление царя» и «территория, подвластная царю». Евангелист Матфей 32 раза употребляет выражение Царство Небесное и 5 раз употребляет Царство Божие (Мф. 6, 33; 12, 28; 19, 24; 21, 31, 43). У евангелистов Марка, Луки и Иоанна – только Царство Божие. Сравнение параллель-

¹ Толкование библейских фразеологизмов дается по словарю Кочедыкова Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов. М., 2006.

ных мест убеждает, что выражения эти синонимичны. Царство Божие представляет собой абсолютную власть (господство) Бога над видимым и невидимым миром.

Как войти в царствие небесное. О чем-л. трудно выполнимом.

Выражение из Евангелия (Мф. 19, 24; Лк. 18, 25). *и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 24).

Некоторые комментаторы Евангелия понимают под словом «верблюд» толстый корабельный канат, другие же, буквально понимая слово «верблюд», под игольными ушами разумеют одни из ворот в стене Иерусалима, очень узкие и низкие. Вероятнее всего, выражение это – древняя еврейская поговорка, показывающая невозможность достичь чего-либо [Дьяченко 1900: 209].

Царь Небесный. Отец Небесный. О силах, будто бы управляющих погодой.

Царица Небесная.

Небесная канцелярия.

Небесное воинство.

книжн., поэтич. Звезды.

Поднимите глаза ваши на высоту небес и посмотрите, кто сотворил их? Кто выводит воинство их счеотом? (Ис. 40, 26). См. Ис. 34, 4; 45, 12.

Небо в алмазах. Символ недостижимой гармонии, умиротворения, счастья, исполнения желаний. Употребляется обычно шутивно-иронически.

Из пьесы «Дядя Ваня» (1897) Антона Павловича Чехова (1860 – 1904): *«Соня: Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка»* (Чехов).

Лестница в небо. Символ связи земли и неба, бессмертия.

Широко известна «лестница Иакова» (Иаков – патриарх, младший сын Исаака) (Быт. 25, 26–34). Чудесное видение во сне Иаковом таинственной лестницы, соединявшей небо с землею, по которой сходили и нисходили ангелы Божии, а наверху стоял сам Господь (Быт. 28, 12), несомненно свидетельствовало о неусыпном промысле Божиим о мире и человеке, о том, что ангелы суть служители Божии между людьми, и что сам Господь есть верховный Владыка и Промыслитель всего сотворенного.

Фразеологизмы, включающие слова *земля, земной*.

- Пуп земли.* 1. Центр, средоточие самого главного, самого важного.
2. Переф., ирон. О ком-либо, считающем себя важнее, значительнее всех.

С древнейших времен Пуп земли является географическим понятием. Еще язычники определяли его в зависимости от того, где по их понятиям располагалось главнейшее жилище верховного божества. Со времен Иосифа Флавия и Аристеев, с первых лет Средневековья так стали называть Иерусалим, основываясь на словах псалмопевца: «Бог же царь наш прежде века содела спасение посреде земли», а также на словах пророка Иезекииля: «Сей Иерусалим посреде языков положил его и страны яже окрест его». В Талмуде евреи определяют как Пуп земли гору Мориа, на которой располагался храм царя Соломона. Греки, чуть ли не со времен царицы Елены, стали указывать Пуп земли прямо напротив входа в пещеру Гроба Господня. Тогда же это место сделалось символическим христианским центром Земли, местом спасения всего рода человеческого.

Соль земли кто-л. О выдающемся представителе какой-л. группы, о наиболее ценной и важной части какого-л. общества.

Выражение взято из Евангелия. Иисус сказал своим ученикам: *Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям (Мф. 5, 13).*

Земля держится на ком-л. О лучших представителях народа.
Стереть с лица земли. 1. Жестоко расправиться с кем-л.
2. Полностью уничтожить что-л., разрушить до основания (подвергнуться уничтожению, истреблению).

Источником является библейская легенда о Каине: *вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня (Быт. 4, 14).*

На земле мир, во че- Книжн. Состояние всеобщего согласия, покоя, *ловеках благоволение.* благосостояния. Используется нередко шуточно-иронически.

Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение! (Лк. 2, 14).

Рай земной. Необыкновенно красивое место, в котором всего в изобилии, где можно счастливо и безмятежно жить.

Рай – на небесах. Согласно Библии, небеса или рай существуют на самом деле. В настоящее время небеса находятся в другом измерении, они невидимы для человека, если только Бог не покажет их. В нескольких случаях он показал небеса своим пророкам (Ис. 6; Иез.1; Дан. 7, 9-10; 2 Кор. 12, 1-4; Откр. 1, 4-5).

Обетованная земля. Книжн. 1. Место, куда кто-л. стремится, мечтает попасть. 2. Место, где царит довольство и счастье. 3. Вообще что-л. желаемое, что представляется высшим счастьем.

Выражение из Библии, которое означает Палестину, куда Бог, в силу своего обещания, привел евреев из Египта, где они томились в плену. Согласно Библии, Бог сказал Моисею: *и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед* (Исх. 3, 8). См.: Исх 3, 17; Евр. 11, 9. *Обетованная* (старосл.) – обещанная.

Ср. *небеса обетованные* – украинский фразеологизм, его значение то же, что и у выражения *обетованная земля*.

В основе значения большинства фразеологических сочетаний лежит антропоцентрическая идея: земля – это то, что под ногами, небо – это то, что над головой.

Попадать пальцем Ирон. Промахнуться, сказать что-либо нестати, не к месту, совершить ошибку.

Выражение связано с древнейшими представлениями о небе как о тверди, которую можно потрогать пальцем. Фразеологизм возник тогда, когда наука рассеяла это представление о небесной сфере.

Небу жарко станет. Об энергичной деятельности.

Зарыть талант в землю. Не заботиться о развитии таланта, дать ему заглохнуть.

Выражение возникло из евангельской притчи о том, как некий человек, уезжая, поручил рабам охранять свое имение. Одному рабу он дал пять талантов, другому – два, третьему – один. (Талант – античная денежно-счетная единица.) Рабы, получившие пять и два таланта, «употребили их в дело», т.е. отдали займы под проценты, а получивший один талант зарыл его в землю. Когда уезжавший хозяин вернулся, он потребовал у рабов отчета. Отдававшие деньги в рост вернули ему вместо полученных ими пяти талантов – десять, вместо двух – четыре. И господин похвалил их. Но получивший один талант сказал, что он

зарыл его в землю. *Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал: посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью* (Мф. 25, 26-27). Слово *талант* (греч. *talanton*) первоначально употреблялось в значении «весы, вес», затем – «количество денег определенного веса» и, наконец, стало синонимом выдающихся способностей человека в какой-либо области.

Предать кого-, что-л. земле.

Лечь, ложиться, уйти в землю.

Видеть на три аршина под землей.

Сровнять с землей.

Доставать из-под земли (достать).

Погребать, хоронить.

Умереть, быть похороненным.

Отличаться большой проникательностью.

Разрушить до основания.

Любыми средствами, любым способом, где угодно, как угодно.

Следует отметить, что некоторые фразеологизмы, включающие слова *земля* и *небо*, являются синонимичными: так, в значении «внезапно, неожиданно появился» употребляются выражения *как будто, словно, точно из-под земли вырос* и *как с неба свалился*. Последнее имеет еще два значения: «не понимает того, что очевидно, что понятно всем»; «неожиданно получен, найден». В качестве антонима используется *как сквозь землю провалился*, что означает «бесследно, неожиданно исчез, пропал, потерялся». Выражение *растаять в небе* не применимо к человеку.

Ощущение земли, твердой почвы под ногами или отсутствие его метафорически осмысляется в ряде фразеологизмов: *готов сквозь землю провалиться* – о чувстве большой неловкости, стыда; *как только земля носит, терпит кого-л.* – как только возможно, допустимо чье-либо существование или о жестоких, нечеловечных людях; *земля из-под ног уходит (уплывает, бежит и т.д.)* – об ошеломленном, испуганном, растерянном человеке. *Терять почву под ногами* означает «лишаться уверенности в самом себе в результате утраты того, на чем основывается общественное или служебное положение, мировоззрение»; семантически сближается с ним выражение *остаться под открытым небом* – «оказаться на улице, вне помещения; без крыши над головой». С другой стороны, обнаруживается внутренняя антонимия с фразеологическим сочетанием *земли под собой не чуют, не слышат*, что означает «испытывать сильную радость, быть в восторге». Антонимические отношения могут возникать и на уровне коннотаций. Например, *земля горит под ногами (чьими-л., кого-л.)* – о безвыходном положении, обстановке преследования, презрения, созданных для бесчестного, жестокого человека, людей; и *словно, точно земля горит под чьими-л. ногами* – о том, кто сильно торопится, бежит.

Приравнивание человека земле или небу лежит в основе шкалы оценок его способностей и моральных качеств, что отражается не только во фразеологии, но и в способах номинации: ср. *небожитель, плеяда, звезда первой величины, солнце русской поэзии, но червь, рожденный ползать, звезд с неба не хватает* (о человеке средних способностей).

Потупить, опустить глаза в землю.

Устыдиться.

До небес вознести, превознести кого-л., что-л.

Расхвалить сверх всякой меры.

Фразеологизм *на седьмом небе* означает высшую степень радости, счастья, блаженства; *быть на седьмом небе (от счастья), чувствовать себя на седьмом небе (от счастья)* – чувствовать себя в высшей степени счастливым. Выражение восходит к греческому философу Аристотелю (384 – 322 гг. до н. э.), который в сочинении «О небе» объясняет устройство небесного свода. Он полагает, что небо состоит из семи неподвижных кристаллических сфер, на которых утверждены звезды и планеты. О семи небесах упоминается в различных местах Корана; считается, что сам Коран принесен ангелом с седьмого неба.

Отличаться как небо и земля; небо и земля кто-, что-л.

Быть совершенно непохожими.

Витать между небом и землей.

Находиться в мечтательном состоянии, не замечать окружающего.

Между небом и землей жить, находиться и т.д.

Не иметь пристанища, быть в неопределенном положении.

Для русского языка характерно противопоставление земли небу как жизни обыденной, материальной – жизни духовной, запредельной.

Твердо стоять на земле (на ногах). Земные радости. Земные заботы. Земные блага. Приземленные чувства, интересы. Смотреть под ноги, в землю. – Витать в облаках. Неземная любовь. Небесные черты. Смотреть на звезды. Достать с неба звезду.

Падать, опускаться с неба на землю означает «освобождаться от иллюзий, осознавать реальную действительность».

Таким образом, НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира выступают как универсальные символы, посредством которых выражается вера в божественное бытие, небесное создание Вселенной, а также измеряются нравственные качества человека.

Литература

Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. Библийская энциклопедия. М., 2005.

- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. М., 2006.
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1900.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
- Кочедыков Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов. М., 2006.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки. Л., 1986.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Телля В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 2006.

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИИ ПАРОНИМОВ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Паронимы – одна из сложных лексических категорий, присущих ряду языков (прежде всего – русскому языку), трудно и неоднозначно определяемая теоретически, часто и разнообразно используемая практически – в языке и речи.

Рассмотрение функционирования паронимов в речи при решении различных коммуникативных задач позволяет установить причины смещения паронимов, сформулировать психологические основы и определить лингвистические параметры функционально-семантической дифференциации паронимических лексем.

Термин «паронимия» в современной русистике употребляется в 3-х значениях: 1) наука о паронимах; 2) совокупность паронимов; 3) возможность смещения паронимов в речи.

У современных лингвистов почти не вызывает сомнения тот факт, что паронимы являются самостоятельными лексическими единицами, способными организовывать лексико-семантическую подсистему языка.

Однако до сих пор не установилась единая точка зрения на само содержание паронимии, обнаруживается неоднозначное и часто недостаточно отчетливое толкование термина «пароним».

В паронимические отношения вступают, как правило, слова, относящиеся к одной, знаменательной, части речи (паронимы-существительные, паронимы-прилагательные, паронимы-глаголы). Они в большинстве своем несут основную семантическую нагрузку в предложении.

Проблема правильности-неправильности употребления паронимов возникает чаще всего в связи с *адъективными паронимами*.

Распределение паронимов по частям речи является весьма неравномерным. На первом месте находятся адъективные паронимы, объединяющие как собственно прилагательные, так и причастия, превратившиеся в прилагательные в результате утраты глагольных признаков (всего около 2500 единиц).

В.И. Красных определяет лексические паронимы как «близкие по звучанию однокоренные слова, относящиеся обычно к одной части речи и одному семантическому полю, но имеющие, как правило, разные значения. Место ударения при этом несущественно» [Красных 2007:4].

В соответствии с таким подходом он выделяет: 1) полные паронимы (имеющие разные значения); 2) неполные паронимы (являющиеся синонимами в отдельных значениях); 3) паронимы, являющиеся синонимами во всех значениях. Паронимы, которые относятся к первой группе, образуют лексическое ядро рассматриваемой категории, а парон-

нимы из второй и третьей групп -- ее периферию. К первой группе относятся, например, такие паронимы: *эффективный* – *эффектный*. Вторая группа представлена, в частности, такими паронимами: *артистический* – *артистичный*, *полемический* – *полемичный*, *трагический* – *трагичный*. В третью группу (весьма малочисленную) входят, например, паронимы *специфический* – *специфичный*, *оптимистический* – *оптимистичный*, *идиоматический* – *идиоматичный*. Паронимические ряды могут быть как двучленными (их большинство), так и многочленными, насчитывающими в ряде случаев до шести-семи и более компонентов. Например: *элитарный* – *элитный*, *водный* – *водянистый* – *водяной*, *кровавый* – *кровный* – *кровянистый* – *кровяной*, *игорный* – *игральный* – *игранный* – *игривый* – *игристый* – *игровой* и т.д.

Непреднамеренное смешение паронимов в речи допускают не только иностранные учащиеся, но и сами носители языка, свободно владеющие русским литературным языком. Часто затруднение связано с выбором какого-либо из слов, отмеченных не только сходством в их звучании, но и смысловой близостью, что объясняется их образованием от одного и того же корня.

Одной из причин, порождающих ошибки в употреблении паронимов, является недостаточное понимание контекста читающими и слушающими.

Знакомство с классикой отечественной литературы и с творчеством современных российских авторов у иностранных учащихся происходит не только на уроках русского языка, но и при самостоятельном чтении романов, рассказов или повестей. На продвинутом этапе обучения необходимо не только понимание основного содержания прочитанного материала, грамматических явлений и анализ языковых средств, но и представление образа героя в целом – социальный статус, происхождение, манера общения, а главное – характер.

Речевая характеристика литературных героев, бесспорно, является одним из главных показателей в характеристике героев.

В художественной речи обычно наблюдается правильное, весьма искусное использование паронимов, но мы иногда встречаемся со своего рода смешениями слов в речи персонажей. Это создает часто комический эффект, представляет не только речевую, но обычно и социальную характеристику героя.

Однако для понимания характера смешения паронимов в речи необходимо обратиться и к таким понятиям, как паронимическая аттракция и паронимазия, которые в той или иной степени примыкают к паронимии и взаимосвязаны с ней.

Современная лингвистика разграничивает понятия «паронимия» и «паронимазия».

Лингвисты по-разному определяют понятие паронимическая аттракция. Л.П. Ткаченко отмечает, что «родовым термином паронимиче-

ская аттракция в современной лингвистике принято обозначать феномен, возникающий в результате целенаправленного сближения в тексте созвучных слов, либо появление одного из них в то время, когда по смыслу ожидается другое» [Ткаченко 1989:126].

Н.В. Крылова определяет паронимическую аттракцию «как понятие более высокого уровня обобщения, а именно как механизм семантизации фонетических созвучий» [Крылова 1993:40].

В.П. Григорьев отмечает, что следствием нормативного подхода к явлениям близкозвучности является появление отдельных понятий, а, следовательно, терминов «**паронимия**», «**парономазия**», «**паронимическая аттракция**», и единственно верным «в ряде работ признается понимание паронимов как однокорневых слов», что влечет за собой разграничение явлений паронимической аттракции и парономазии. Он признает вполне правомерным использование термина «паронимия» и в значении «парономазия», и в значении «паронимическая аттракция», или как ее синоним.

З.К. Ишкильдина считает, что с явлением парономазии мы встречаемся, «когда сопоставляются слова, относящиеся к одной части речи», при паронимической аттракции «аттрактантами выступают слова разных частей речи».

Парономазия – это стилистическая фигура, представляющая собой особое синтаксическое построение, используемое для усиления образно-выразительной функции речи. Явление парономазии (из греч. *para* – возле, *опотазо* – называю) заключается в звуковом подобии слов, имеющих разные морфологические корни (ср.: *нары* – *нарты*, *лоцман* – *боцман*, *кларнет* – *корнет*, *инъекция* – *инфекция*).

Парономазия – явление речевое, а не языковое. Однако паронимы – это лексемы, существующие в языке самостоятельно, независимо друг от друга. А парономазами становятся слова лишь при условии, когда благодаря своей созвучности они употребляются рядом в одном контексте как средство создания звукописи, каламбуров и других стилистических фигур. Кроме случайного фонетического сходства, парономазы ничего общего не имеют. Объединение их в лексические пары носит произвольный характер.

Как и при паронимии, лексические пары при парономазии принадлежат к одной части речи, выполняют в предложении аналогичные синтаксические функции. У таких слов могут быть одинаковые приставки, суффиксы, окончания, но корни у них всегда разные. Кроме случайного фонетического сходства, слова в подобных лексических парах ничего общего не имеют, их предметно-смысловая отнесенность совершенно различна. Парономазия в отличие от паронимии не носит характера закономерного и регулярного явления. И хотя в языке есть немало сходных в фонетическом отношении слов, сопоставление их как лексических пар является результатом индивидуального восприятия: один уви-

дит паронوماзию в паре *тираж – тилаж*, другой – в *тираж – мираж*, третий – в *тираж – витраж*. Однако паронимия и паронوماзия близки с точки зрения употребления в речи сходных по звучанию слов.

Таким образом, в тексте паронимы и паронوماзы выполняют одни и те же стилистические функции, обогащая речь и придавая ей выразительность, образность и эмоциональность.

Паронوماзами являются слова не однокоренные, а разнокорневые. Именно этот признак и отличает паронوماзию от паронимии, для которой характерно корневое родство созвучных слов.

Паронимическую аттракцию Л.В.Минаева и В.Б.Феденев определяют как родовой термин, включающий в себя **паронوماзию**. Они выделяют «три социолингвистически обусловленных типа паронимической аттракции» [Минаева, Феденев 1982:93].

Первый тип характеризует речь необразованного человека. **Гетерофемия** – ошибочное употребление слова, сходного по форме с другим, но отличающегося по значению.

Второй тип характеризует речь персонажа, не достигшего еще уровня культурного, образованного человека, но стремящегося выглядеть соответственно своей высокой должности или своему высокому материальному положению. В этом случае **паронимическая аттракция** отождествляется с **малапропризмами**, то есть с искажениями слов и оборотов литературно-книжной речи. Например, в выражении *один из наших маститых ученых* в искаженном виде употреблено слово *маститый*.

Третий тип фигурирует в речевых характеристиках героев, относящихся к обществу образованных людей. Говорящий хорошо владеет языком и поэтому может сознательно использовать этот прием для достижения тех или иных стилистических эффектов. Мы будем опираться на классификацию Л.В. Минаевой и В.Б. Феденева.

Рассмотрим отрывки из детективов известной современной писательницы Т.В. Устиновой: «...*Хохлов достал мраморную пепельницу в виде русалки, прилежной отдохнуть на берегу моря...весила она целую тонну. Шедевр преподнесла Пилюгину на день его рождения Галчонок и страшно гордилась, что купила такой чудесный подарок. Она называла его «представительный». Хохлов пытался ей объяснить, что **представительными** бывают мужчины, а подарки – исключительно **представительскими**, но ничего у него не вышло*» [Устинова 2006:71].

Здесь в авторском тексте представлен весь паронимический ряд, в данном случае – небольшой, двучленный.

Как правило, использование паронимов разнообразно и обусловлено волей автора художественного произведения, определяемой, в свою очередь, творческой задачей – обрисовкой персонажа.

Наряду с указанием полного паронимического ряда (двучленного, трехчленного и др.) возможно и указание (чаще ошибочное, как результат смешения) только одного из членов ряда, обычно сокращающее ав-

торский текст: «Да чего это ты делаешь-то?! Ты их (конфорки) зажигаешь, что ли? Спички тоже денег стоят, а я женщина экономическая!» [Устинова 2005: 247]. Полный паронимический ряд (*экономический* – *экономичный* – *экономный*) автором в тексте не представлен.

В новом «Толковом словаре паронимов русского языка» В.И. Красных дает подробное толкование встречающимся в наших примерах паронимическим рядам:

Представительный, -ая, -ое, -ые. 1. Состоящий из чьих-либо представителей, выборный. *Представительные органы власти. Представительные учреждения. Представительное собрание.*

2. Представляющий мнения, отражающий интересы всех заинтересованных лиц, групп; авторитетный. *Представительное жюри. Представительная делегация парламентариев. Представительный кинофестиваль.*

3. Разг. Производящий выгодное впечатление своим внешним видом; солидный, видный. *Представительный мужчина. Иметь представительную внешность, представительный вид.*

Представительский, -ая, -ое, -ие. Относящийся к представителю. *Представительские расходы. Представительский фонд. Купить машину представительского класса.*

Многочленный (определение В.И. Красных) паронимический ряд *экономический* – *экономичный* – *экономный* получил следующее толкование:

Экономический, -ая, -ое, -ие. 1. Относящийся к экономике как совокупности производственных отношений данного общественного строя, свойственный ей. *Экономический базис, фундамент. Экономическая основа, система. Экономические законы.*

2. Относящийся к экономике, определяемый состоянием, развитием экономики; хозяйственный. *Экономический подъем, застой, кризис. Экономическое процветание. Улучшать экономические показатели.*

3. Связанный с изучением экономики. *Экономические знания, исследования, проблемы. Проводить экономический анализ. Получить экономическое образование. Опубликовать экономический обзор.*

Экономичный, -ая, -ое, -ые. Дающий возможность что-л. сэкономить, сберечь; выгодный в хозяйственном отношении, в эксплуатации. *Экономичная машина. Экономичный холодильник. Экономичный проект строительства многоэтажных зданий.*

Экономный, -ая, -ое, -ые. 1. Бережно расходующий, использующий что-л., соблюдающий экономю. *Экономный человек, хозяин. Экономная женщина, хозяйка.*

2. Требующий умеренных затрат, способствующий экономии. *Экономное расходование электроэнергии. Экономное использование оборудования. Вести экономный образ жизни.*

3. Скупой, точно рассчитанный. *Экономное изложение чего-л. Экономная манера чего-л. Экономные жесты, движения.*

Даже при неправильном употреблении паронимов яркий стилистический эффект создает их противопоставление; обычно в таком случае паронимы соединяются противительным союзом. Это мы встречаем в первом отрывке. Во втором примере мы также видим противопоставление, но пароним представлен только один. В данном случае героиня противопоставляет себя всем остальным.

В приведенных выше отрывках, следуя классификации Л.В.Минаевой и В.Б.Феденева, представлена гетерофемия.

Приведенные выше примеры смешения паронимов **представительный – представительский** и паронимического ряда **экономический – экономичный – экономный** дают полную характеристику отрицательных персонажей Устиновой.

В разговорной речи такие неправильные употребления паронимов часты. К смешению паронимов близка лексическая ошибка, состоящая в замене нужного слова его искаженным словообразовательным вариантом. Слова такого рода образованы вопреки литературно-языковой норме, употребление их свидетельствует о крайне низкой речевой культуре наших героинь. Но, несмотря на свою малограмотность, эти героини – разные. Галчонок – женщина ограниченного ума, уверенная в своей правоте. Однако слова «представительный – представительский» – это редко встречающиеся слова. Вторая же героиня – малограмотная хамка, не знающая значений часто встречающихся в обиходе слов из паронимического ряда «экономический – экономичный – экономный». Два персонажа повестей – отрицательные, но степень их «невежественности», неграмотности – различна. Героиня второго рассказа даже не знает других членов паронимического ряда – ни слов, ни обозначаемых ими понятий. Культура речи, основанная на норме, принятой конкретным социумом, является основным показателем культуры человека. Перед каждым автором может возникнуть проблема выбора одного из паронимов. Если синонимический отбор лексических средств неизменно сопутствует словесному творчеству, то проблема выбора одного из паронимов возникает лишь в тех случаях, когда в речь включаются паронимические слова. Умелое употребление паронимов помогает писателю правильно и точно выразить мысль; именно паронимы раскрывают возможности языка в передаче тонких смысловых оттенков. Иной характер носит открытое использование паронимов, когда писатель ставит их рядом, показывая их смысловые отличия при кажущемся подобии. В этом случае паронимы выполняют различные стилистические функции, выступая как средство усиления действенности речи. Однако возможно и сознательное отклонение писателя от нормы, если он хочет показать речевые ошибки своих героев.

Описанные нами паронимы используются разнообразно, в соответствии с художественным замыслом автора. Но, прежде всего они используются носителями языка. Однако особенности использования паронимов и указанных выше стилистических приемов могут быть важны и полезны для иностранных учащихся на продвинутом этапе обучения при ознакомлении с художественными произведениями. Правильное употребление паронимов – необходимое условие грамотной, культурной речи, и, напротив, смешение их – признак невысокой речевой культуры. Само использование указанных типов паронимической аттракции, полнота паронимического ряда, сам характер используемых в авторском тексте слов-паронимов указывает на сложность и разнообразие возможностей использования данной лексической категории как носителями языка, так и иностранцами.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986.
Крылова Н.В. Паронимия в современном английском языке: идиозтнический и функциональный аспекты: Дис... канд. филол. наук. СПб, 1993.
Красных В.И. Толковый словарь паронимов русского языка: 1100 паронимических рядов, более 2600 паронимов. М., 2007.
Минаева Л.В., Феденев В.П. Паронимия» в языке и речи // Вопросы языкознания. 1982.
Ткаченко Л.П. Паронимическая аттракция как речевой прием // Речевые приемы и ошибки, типология, деривация и функционирование: Сборник трудов / Институт языкознания АН СССР, Пермский университет. М., 1989.
Устинова Т.В. Гений пустого места. М., 2006.
Устинова Т.В. Богиня прайм-тайма. М., 2005.

РОЛЬ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИ РЕФЕРИРОВАНИИ

Объективная основа текста – некоторое положение дел, лежащее в основе каждого высказывания, и психология говорящего (его субъективно-оценочное отношение к предмету речи, а также стремление придать речи максимальную выразительность) – обуславливает принципиальную возможность наличия в тексте двух составляющих: объективно-логической и эмоционально-экспрессивной. «...Живая речь во всех своих проявлениях обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень различных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды» [Балли 1961: 29]. Каждая из составляющих текста представлена в нем определенными структурами. Объективно-логическая составляющая реализуется рационально-логическими структурами, которые опираются «либо на реальную действительность, либо на формально-логические правила определения и деления понятия, раскрытия его содержания и объема» [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 150]. Эмоционально-экспрессивная составляющая представлена эмоционально-риторическими структурами, включающими тропы и риторические фигуры.

Соотношение объективно-логической и эмоционально-экспрессивной составляющих текста может быть различным в зависимости от сферы и условий коммуникации, от жанровой разновидности текста. Так, в художественном тексте эмоционально-экспрессивная составляющая занимает значительное место, а в официально-деловом – отсутствует.

В научном тексте, в частности в научном лингвистическом тексте, которому посвящена настоящая статья, без сомнения, доминируют рационально-логические структуры. Это объясняется основной функцией науки – функцией «выработки и теоретической систематизации объективных знаний о действительности» [Философский энциклопедический словарь 1983: 403]. Что же касается эмоционально-риторических структур, то их роль в научном тексте оценивается по-разному. Учеными высказываются различные мнения о том, насколько органичными являются средства экспрессии в строгом научном тексте. Точки зрения оказываются прямо противоположными – от утверждения, что эмоционально-экспрессивные средства абсолютно не свойственны современному научному тексту [Лаптева 1968], до признания экспрессивности признаком научного стиля – признаком хотя и подчиненным, но закономерным, естественным и необходимым [Милованова 1976]. Некоторые исследователи относят эмоционально-экспрессивные средства к области

научной речи, выводя их за пределы функционального стиля языка [Кожин, Крылова, Одинцов 1982].

Автором настоящей статьи были проанализированы лингвистические тексты разных жанров – монографии, статьи, тексты учебников и учебных пособий. Анализ этих текстов показал, что употребление средств экспрессии зависит не только и не столько от жанра текста, сколько от особенностей индивидуального стиля автора. В целом концентрация средств в рассмотренных текстах невысока, однако эти средства устойчиво присутствуют в научном тексте. В частности, были отмечены метафоры, различные риторические фигуры (пояснение, синонимические ряды, сравнение, риторические вопросы, повторы, репе – антитеза, инверсия и др.). Следовательно, можно констатировать, что, хотя экспрессивность не является обязательным признаком научного текста, она принципиально допустима (что отличает научный текст от текста официально-делового). И эта принципиальная допустимость является, на наш взгляд, фактом языка, особенностью языкового стиля. Именно поэтому средства экспрессии представлены в речевых произведениях, текстах. Таким образом, потенциальная структура научного текста (т.е. идеальная структура, содержащая все принципиально возможные составляющие в соответствии с нормами научного стиля языка) включает как объективно-логическую, так и эмоционально-экспрессивную составляющие, причем, безусловно, доминирует первая. Структура же реального научного текста, реального речевого произведения обязательно включает объективно-логический компонент и – факультативно и в небольшом количестве – эмоционально-экспрессивный. То есть в одних текстах возможность использования эмоционально-экспрессивных средств (заложенная в потенциальной структуре научного лингвистического текста) реализуется, в других – остается нерешиванной.

Функционирование средств экспрессии в научной литературе имеет свою специфику. Функцию экспрессивных средств в научном тексте обычно определяют как наглядно-конкретизирующую. «Образ здесь – средство разъяснения научных понятий» [Валгина 2004: 203]. Думается, что помимо этой основной функции средств экспрессии – функции разъяснения – следует назвать еще две.

1) Функция воздействия, убеждения (в научных произведениях или фрагментах полемического характера):

Грамматика права: подлежащее есть в одном случае, подлежащего нет в другом, но все ли увидено таким образом в структуре этих предложений и все ли существенное увидено? Не важнее ли с точки зрения выражаемого смысла и средств его организации то, что предложения (1) – (2) сообщают о действии человека, а предложения (3)- (4) о динамическом состоянии <...> среды, природы? (Г.А.Золотова).

2) Повышение выразительности речи без необходимости что-либо разъяснить или убедить читателя (оппонента) в чем-либо. Вот пример использования приема паронимазии (столкновения паронимов) в научном лингвистическом тексте.

В принципе подобная переактуализация смысла известных изречений, наполнение их злободневным содержанием, в результате чего они становятся эффективным и эффективным средством привлечения внимания читателя и воздействия на эмоциональную сферу личности, является не чем иным, как каламбуром, словесной игрой. (Н.С.Валгина). Ср.: эффективным и действенным.

По тексту экспрессивные средства распределены неравномерно, «сгустками». Появление одного экспрессивного средства нередко влечет за собой появление других, в результате чего весь участок текста характеризуется высокой концентрацией экспрессивных средств.

Если схема акцентной структуры простого предложения, содержащего противопоставление Т-Р, напоминает домик с двускатной крышей, то схемы предложений более сложной информативной структуры похожи на многоэтажное здание с крышами-террасами на разных уровнях. <...> Интонационная структура высказывания с ремой на первом месте в схематически упрощенном виде <...> представляется как ряд террас-синтагм или ступеней, ведущих сверху вниз, а с ремой на последнем месте – как ряд ступеней вверх и с более резким понижением в последней синтагме <...> (Г.А.Золотова).

Наряду с такими текстовыми фрагментами представлены большие по объему фрагменты, где экспрессивные средства единичны или вовсе отсутствуют.

Появление средств экспрессии в научном лингвистическом тексте может быть вызвано как субъективной настроенностью автора на определенную манеру изложения, так и некоторыми факторами объективного характера, в частности предметом описания. Так, в учебном пособии Н.С.Валгиной «Теория текста» концентрация экспрессивных средств возрастает, когда речь идет о стилистике художественного текста. Особенности предмета описания – образность, выразительность, поэтичность – влияют на язык метатекста (текста о тексте).

Восприятие одних и тех же предметов, явлений может быть различным у разных авторов. Для Салтыкова-Щедрина («Пошехонская сторона»), например, туман – это «вредное влияние болотных испарений». А для Блока... «Дыша духами и туманами, она садится у окна»...

«Один булыжник видит под ногами, другой – звезду, упавшую с небес». Делая одно и то же дело, один камни тешет, другой – строит дворец.

Принято считать, что экспрессивные средства расположены контактно с нейтральными, как правило, в постпозиции. «Экспрессивность, образность обычно усиливает, оттеняет уже аргументированную логику»

чески мысль автора» [Милованова 1976: 142]. Действительно, такое расположение экспрессивных средств частотно. Например:

В этих условиях сами фигуры речи строятся как соотношение смысловых элементов, которые могут быть сопоставлены («столкнуты») друг с другом. (Лингвистический энциклопедический словарь).

Однако, по нашим данным, часто встречается и препозитивное употребление экспрессивных средств, когда сначала дается яркое, образное наименование, а затем его нейтральный эквивалент.

Жаргонизмы, как правило, бывают недолговечны. Это объясняется тем, что при частом употреблении их экспрессивность выветривается, стирается. (Е.А.Земская).

В зависимости от местоположения экспрессивных средств меняется их роль в высказывании: в препозиции они акцентируют на себе большее внимание, а в постпозиции выступают в качестве уточнения, дополнительного средства номинации объекта или явления, уже обозначенного нейтральными средствами.

Возможно также употребление образного средства в качестве единственного средства номинации.

Однако ослабившийся как носитель основной информации глагол в научной речи развил в противовес этому другое свойство, частично компенсирующее десемантизацию: он «оброс» дополнениями и обстоятельствами, которые восполняют его смысловую недостаточность и тем самым повышают информационную значимость предикативного комплекса в целом. (О.Д. Митрофанова).

Итак, средства экспрессии активно проникают в научный лингвистический текст. Какова дальнейшая их судьба? Одним из частотных видов работы с научным текстом является реферирование. Что происходит с экспрессивными элементами научного лингвистического текста при реферировании?

Как известно, реферат представляет собой вторичный научный текст, цель которого – изложение информации текста-источника, первичного текста. В зависимости от типа и задач реферата (реферат-описание, реферат-резюме и т.д.) информация текста-первоисточника может быть представлена с большей или меньшей полнотой. Однако независимо от типа реферата при реферировании происходит «сброс» избыточной информации (информации дополнительной, дублирующей – см. [Бахтина Кузьмич, Лариохина 1988: 9-19]) и переформулирование отобранных фрагментов первичного текста, «сжатие плана означающего при сохранении плана означаемого» [Валгина 2004: 241] с целью увеличения информационной емкости текста. Таким образом, в реферате остается только существенная информация, переформулированная и поданная в сжатой форме, что соответствует стремлению человека, перерабатывающего информацию, к максимальной релевантности, т.е. «к максимальному когнитивному эффекту при минимальных усилиях при

переработке» (Wilson, Sperber, цит. по: [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 24]).

Из названных выше особенностей реферата как вторичного текста – лаконичности, информационной емкости – вытекает еще одна его особенность – несвойственность ему средств экспрессии как средств избыточных, часто дублирующих. Кроме того, цель реферата – не убедить, а поставить в известность, дать представление о позиции автора первичного текста, представить объективизированное изложение материала. Средства же экспрессии приносят в текст субъективно-авторское начало. Из сказанного следует, что при реферировании первичный научный текст, содержащий тропы и риторические фигуры, должен быть преобразован с целью избавления от этих средств выразительности как не соответствующих жанру реферата.

Исключение средств экспрессии возможно несколькими способами.

1) **Опущение экспрессивного средства** (так, например, опускаются экспрессивно окрашенные члены синонимического ряда, повторы, сравнения, риторические вопросы).

В первичном тексте: *Благодаря вводным словам высказывание становится двуплановым, «двухголосным», полифоничным.* (Г.Я. Солганик).

В первичном тексте: *Он (образ автора – В.М.) находится в области восприятия, восприятия, конечно, заданного автором <...>* (Н.С. Валгина).

В первичном тексте: *Каково же место системы членов предложения в отношении к этим двум планам? (плану связи предложения с действительностью и плану связи его с мышлением – В.М.) Она занимает место между этими планами, как экран, разъединяя их и отражая элементы того и другого.* (Г.А. Золотова).

В реферате: *Благодаря вводным словам высказывание становится двуплановым.*

В реферате: *Он находится в области восприятия, заданного автором.*

В реферате: *Система членов предложения занимает место между планом связи с действительностью и планом связи с мышлением, разъединяя их и отражая элементы того и другого.*

2) **Синонимическая замена** – может использоваться, если экспрессивное средство является единственным средством номинации, не входит в один синонимический ряд с нейтральным.

<p>В первичном тексте: Сравнительно небольшое число избранных морфологических категорий <...> обслуживает с достаточной степенью надежности весьма разнородные специальные тексты, создавая морфолого-синтаксическое «лицо» данного подвида общелитературного языка. (О.Д. Митрофанова).</p>	<p>В реферате: Сравнительно небольшое количество избранных морфологических категорий обслуживает разнородные специальные тексты, создавая морфолого-синтаксический облик данного подвида общелитературного языка.</p>
--	---

3) **Переформулировка** – может использоваться, в частности, при передаче риторических вопросов, в случае инверсии.

<p>В первичном тексте: Что же надо понимать под термином «знак»? Это можно применительно к языку свести к следующим пунктам. (А.А.Реформатский).</p> <p>В первичном тексте: Особое положение в словарном составе служебных слов <...> вытекает из их несамостоятельности, невозможности их существования без знаменательных слов <...>. Никаких вещей служебные слова не называют. (А.А.Реформатский).</p>	<p>В реферате: Под термином «знак» применительно к языку понимается следующее.</p> <p>В реферате: Особое положение в словарном составе служебных слов вытекает из их несамостоятельности, невозможности их существования без знаменательных слов. Служебные слова не называют вещей.</p>
--	--

4) **Сохранение образного выражения**, показавшегося автору реферата точным, ярким. При этом сохраненное экспрессивное средство сопровождается комментарием, содержащим указание на необычный, образный характер наименования. Вот пример из монографии О.Д.Митрофановой «Научный стиль речи: проблемы обучения».

В научной речи изобилуют довольно однотипные структуры, представляющие, по образному выражению О.А.Лаптевой, своего рода «консервы» развернутых предложений, сцепляемые в сложное синтаксическое целое посредством многообразных связочных средств.

Итак, при реферировании помимо работы с объективно-логической составляющей текста необходима также работа с его эмоционально-

экспрессивной составляющей. Это следует учитывать при обучении реферированию иностранных учащихся. Практика преподавания РКИ показывает, что, составляя реферат научного лингвистического текста, содержащего экспрессивные элементы, иностранные учащиеся допускают ошибки – сохраняют во вторичном тексте экспрессивно окрашенные конструкции (например, риторические вопросы), выбирают для реферата экспрессивный вариант вместо нейтрального, не заменяют экспрессивный вариант на нейтральный. Некорректно составление реферата связано как с отсутствием опыта подобной работы (не только на русском, но и на родном языке), так и с неумением распознавать в русскоязычном тексте экспрессивные средства и заменять их на нейтральные аналогичной семантики.

Ошибки иностранных учащихся свидетельствуют о том, что необходимо выстраивать тщательно продуманную систему упражнений, предшествующих собственно заданию реферировать текст, с целью обучения распознавать в научном тексте экспрессивные средства и производить с ними необходимые операции.

Прежде всего необходимы упражнения опознавательного характера, например:

□ Определите, какой из членов синонимического ряда является нейтральным, а какие – экспрессивно окрашенными.

□ Найдите в предложении (микротексте) экспрессивные средства.

Следующий этап работы предполагает выполнение упражнений, направленных на исключение средств экспрессии, например:

□ Исключите из текста экспрессивно окрашенные элементы.

(Задание предполагает простое «вычеркивание» элементов экспрессии, например сравнительных оборотов, риторических вопросов, экспрессивных синонимов).

□ Замените эмоционально окрашенное определение синонимичным ему нейтральным.

□ Перестройте предложение так, чтобы порядок слов стал прямым.

Формулировка задания может содержать инструкцию по его выполнению, например:

□ Исключите риторический вопрос. Для этого объедините информацию, содержащуюся в двух предложениях (вопрос – ответ) и постройте предложение-тезис:

Что же в языке позволяет ему выполнять его главнейшую роль – функцию общения? Это синтаксис.

Подобные упражнения способствуют выработке у иностранных учащихся навыков, необходимых для реферирования научного лингвистического текста, содержащего экспрессивные элементы, готовят их к данному виду работы.

Литература

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Бахтина Л.Н., Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Обучение реферированию научного текста. М., 1988.
- Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004.
- А.Н.Кожин, О.А.Крылова, В.В.Одинцов Функциональные типы русской речи. М., 1982.
- Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Д.Г.Лузина Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- О.А.Лаптева Внутрителисная эволюция современной научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- Милованова Н.В. Наблюдения над средствами экспрессивности научной речи // Исследования по стилистике. Пермь, 1976, вып.5.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

ЦИТАТНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В преподавании русского языка как иностранного в качестве материалов для лингвостилистического анализа используются как произведения художественной литературы, так и публицистические тексты. Для определения авторской позиции по отношению к излагаемым событиям в публицистическом произведении необходимо обращать внимание иностранных учащихся не только на лексико-семантические и синтаксические особенности авторской речи, но и на способы передачи чужой речи.

В публицистических произведениях, речевая структура которых основана на монологическом авторском повествовании, одним из способов передачи чужой речи являются цитаты, которые могут выполнять информативную и эмоционально-экспрессивную функции [Голуб 1997: 404]. Публицист, вводящий в речевую структуру текста цитаты из художественных произведений, рассчитывает на то, что читатель будет воспринимать цитируемый текст в соответствии с прагматическими намерениями автора публицистического произведения, т.к. цитаты могут создать «иллюзию «общей памяти» автора и читателя» [Аветова 1993: 68]. Но для иностранцев, изучающих русский язык, восприятие цитируемого текста может оказаться затруднительным, т.к. они могут быть незнакомы с цитируемым произведением и с творчеством цитируемого автора. При объяснении учащимся особенностей функционирования цитат в современном публицистическом тексте следует учитывать, что лингвостилистический анализ цитат, включенных в публицистическое произведение, позволяет определить многоаспектность тематико-концептуальной стороны авторского повествования за счет ввода интертекста в речевую структуру публицистического текста, т.к. «введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла «своего» текста» [Фатеева 1997: 20].

Цитата из художественного произведения, вводимая в публицистический текст, способствует раскрытию авторского «я» публициста через связь заложенных в повествовании авторских интенций с содержанием, с образной структурой цитаты, с эмоциональностью и экспрессивностью цитаты, что способствует усложнению текстовой структуры публицистического произведения. В современном публицистическом тексте в авторское повествование могут вводиться цитаты из художественных произведений, несущие смысловую и образно-эмоциональную нагрузку и дословно воспроизводящие стилистические ресурсы, которые

используются автором цитируемого текста. Цитата, включенная публицистом в авторское повествование, образует семантико-синтаксические связи с авторской речью, а межтекстовые связи, создающие вертикальный контекст [Ахманова, Гюббенет 1977], способствуют реализации многоаспектности авторской концепции, раскрываемой в публицистическом тексте.

В речевую структуру публицистического произведения в пределах прозаической строфы или фрагмента текста могут быть введены цитаты, принадлежащие различным авторам. Цитируемый текст одного автора может служить средством выражения оценочного отношения к содержанию цитаты другого автора, а эмоционально-экспрессивная окраска одной цитаты может быть усилена образностью другого цитируемого текста. Ввод цитат в авторское повествование производит смену субъектов речи, причем авторская речь связывает субъектные планы цитируемых текстов и образует полилогическое единство. Включенные в авторское повествование цитаты образуют содержательно-смысловое и структурно-синтаксическое единство с авторской речью, которое можно определить как цитатное повествование. Под цитатным повествованием в современном публицистическом тексте понимается такой способ повествования, в котором происходит совмещение авторского повествования с атрибутированными цитатами (в отдельных случаях с неатрибутированными цитатами), находящимися в семантико-синтаксической связи друг с другом, с авторской речью, т.е. такой способ повествования, при помощи которого образуется целостное содержательно-композиционное речевое построение, что позволяет субъектам речи цитируемых текстов стать повествователями в пределах прозаической строфы или фрагмента публицистического произведения. Цитатное повествование, используемое публицистом как способ организации прозаической строфы или фрагмента текста, расширяет субъектный план монологического авторского повествования. Цитатное повествование организуется автором публицистического текста, подчиняется авторскому «я» публициста и показывает многоплановость интертекстуальных связей авторского повествования с цитируемыми текстами. Иностранцам учащимся для понимания культурологических аспектов текстов, цитируемых в публицистическом произведении, требуется знание русской культуры, русской литературы и русской истории, а также и знание мировой культуры.

Приведем фрагмент с цитатным повествованием из очерка С. Рассадина «Урок датского».

«Правда, всему есть границы; потому не улыбнулся, а разозлился, когда, находясь в «экологической нише» (узурпирую определение, данное Скандинавии Бродским), взял в руки номер нашей «Литгазеты» и

прочел высказывание Никиты Михалкова. В том, считаю, наипошлейшем роде, согласно которому великое искусство создается только на голодный желудок и предпочтительно в условиях несвободы:

«В Дании можно все, там прекрасное масло и замечательная еда, а... датское искусство? В прошлом веке сказочник, в этом кинорежиссер...» Все!

Имеются в виду, разумеется, непререкаемый Андерсен и, надо думать, Карл Дрейер, постановщик великого фильма «Страсти Жанны д'Арк».

Тут не могу не отвлечься – или, скорее, наоборот, не сосредоточиться на своем, да ведь и любые заметки о чужбине явно или неявно сводятся к счетам: **они** и **мы**. Так вот: Господи, чем только не кичимся? Даже бедностью, даже – что хуже самой бедности, страшнее ее – привычкой к ней. Уговариваем себя самым противоестественным образом; к примеру: «Россия – единственная страна, которая не подчинилась, не подмялась нашествию цивилизации, ее мнимых благ... Когда в Швеции идешь в магазин, думаешь: хорошо, что туда не ходят наши милые женщины».

Самый убийственный, самоубийственный юмор – произвольный. «Идешь...» – тут ведь на самом что ни на есть лексическом уровне простодушная проговорка: не то чтоб случайно забрел, заблудившись в капиталистическом Вавилоне, – ах, россияне, вызвольте, воротите на столбовую!.. Нет, шалишь, прямо идет, непосредственно направляется, с тем чтоб обарахлиться, и походя круто решает за милых женщин, которым, в отличие от него, в Швеции с ее «мнимыми благами» не бывать...

Это – уже не режиссер Михалков. Это – прозаик Владимир Крупин, режиссеру всего лишь поддакивающий. <...>

Один из лучших каламбуров, которые я слышал, это название школьного сочинения, придуманное мальчиком Андрюшей Зориним: «Эволюция русского гуманизма от князя Мышкина к комиссару Кошкину». (Кто забыл, это из «Любови Яровой»: «На коридор!» – и выстрел из маузера, и предсмертный вопль.) Мой каламбур не в пример хуже, но эволюция, которую он запечатлевает, не менее выразительна: от Куприна к Крупину. Потому что вспоминаю очерк первого из них «Немного Финляндии» (1909) и в нем – рассказ, как два российских подрядчика («плутоватый взгляд, набожность на пятналынный, горячий патриотизм и презрение ко всему не русскому»), два «патриота», за описание коих не избежать бы Александру Ивановичу прозвища русофоба, издевались над финнами, устроившими «шведский стол». То бишь плати малую толику и ешь, что угодно и сколько влезет, а выбор недурен: «свежая лососина, жареная форель, холодный ростбиф, какая-то дичь», и прочая, прочая...

«– Вот дурачье так дурачье. Ведь такие болваны, черт их знает! Да ведь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривен съел у них, у поддесов... Эх, сволочь! Мало их бьют, сукиных сынов! Одно слово – чухонцы.

А другой подхватил, давась от смеха:

– А я ... парочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и пиюнул.

– Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!»

Да что, если уже на моей памяти наш поэт, посетивши впервые Данию, вывез заключение: «Они, датчане, такие – их прямо голыми руками бери!» Поэт хороший, и человек милый, так что прямой аналогии быть не может, а косвенная – куда от нее деться? Это – мы, это – наше, даже ежели (что старательно подчеркиваю) не всеобщее, и «что-то слышится родное» в гордости режиссера, прозаика, как и тех, кто, в сущности, их гордость предугадал:

«– Вот Дания и Швеция, и Швейцария. Я читал, что там совсем нет воров.

– А что ж хорошего, что воров нет? Зато они, Дания и Швейцария, мелочь».

На сей раз «географическую фанфаронаду», как выражался князь Петр Андреевич Вяземский, исполнили колонисты Антона Макаренко...

Вернемся, однако же, к задевшему меня культурологическому откровению режиссера» [Рассадин С. Урок датского].

В авторскую речь приведенного выше фрагмента с цитатным повествованием введено двенадцать цитат и два повтора лексем из одного цитируемого текста. В данном фрагменте цитируются как русские писатели (П.А. Вяземский, А.И. Куприн, А.С. Макаренко, А.С. Пушкин, К.А. Тренев), так и современники публициста (И.А. Бродский, В. Крупин, Н.С. Михалков). Цитируемые тексты образуют содержательно-композиционное единство, т.к. в них отражена авторская точка зрения на тему фрагмента очерка: сопоставление менталитета иностранцев и россиян.

В лингвостилистический анализ фрагмента с цитатным повествованием необходимо включать анализ цитат с точки зрения атрибуции цитируемого текста. В приведенный выше фрагмент текста введены в основном атрибутированные цитаты, т.е. указан автор цитаты или дается название цитируемого произведения (например, в вышеприведенный фрагмент текста вводится название произведения – «Любовь Яровая», но фамилия цитируемого автора – К.А. Тренев – не указывается). Неатрибутированная цитата (цитата без указания фамилии автора цитируемого текста и без указания названия текста, из которого она извлечена) может быть хорошо известна носителям языка и узнаваема ими, поэто-

му для автора публицистического произведения указание источника цитаты не является обязательным (например, в вышеприведенный фрагмент текста введена цитата без атрибуции «*что-то слышится родное*» из стихотворения А.С. Пушкина «Зимняя дорога»). В публицистический текст может быть введена неатрибутированная цитата, определить авторство которой не представляется возможным. Но в авторской речи может быть дано оценочное отношение публициста к автору неатрибутированной цитаты (например, в приведенном выше фрагменте текста при вводе неатрибутированной цитаты «*Они, датчане, такие – их прямо голыми руками бери!*» дается отношение автора публицистического произведения к автору цитируемого текста – *поэт хороший, и человек милый*).

При проведении лингвостилистического анализа фрагмента с цитатным повествованием необходимо обратить внимание учащихся на то, что цитируемый текст может состоять из слова, словосочетания, высказывания, диалогического единства, фрагмента текста. Структурный состав цитат играет существенную роль в образовании семантико-синтаксических связей авторского повествования и цитируемых текстов.

Анализ лексического состава авторской речи и стилистических приемов, используемых публицистом в повествовании, а также анализ лексико-семантических особенностей цитируемых текстов и изобразительно-выразительных средств языка, употребляемых автором цитаты, помогает понять многоаспектность авторской концепции на предмет описания публицистического произведения.

В приведенном выше фрагменте с цитатным повествованием полемическая часть публицистического текста открывается риторическим вопросом (*Господи, чем только не кичимся?*), который содержит вокативное междометие *Господи*. Ответ на риторический вопрос представляет собой градацию (*Даже бедностью, даже – что хуже самой бедности, страшнее ее – привычкой к ней*). В данном высказывании авторской речи содержится повтор усилительной частицы *даже*, а во вставной конструкции (*что хуже самой бедности, страшнее ее*) дается основание для усиления экспрессивности высказывания. Ознакомление изучающих русский язык иностранцев со средствами выражения субъективно-модальных значений, со средствами экспрессивного синтаксиса, представленными в авторской речи, необходимо для пояснения цели ввода данных средств, т.к. они служат для выражения субъективной точки зрения публициста относительно темы фрагмента с цитатным повествованием и являются основными компонентами создания эмоционально-экспрессивного фона восприятия цитируемых текстов, которые вводятся в авторское повествование.

Следует обратить внимание учащихся на то, что лексический состав авторской речи может меняться после ввода цитат из художествен-

ных произведений русских писателей. В приведенном выше фрагменте цитирование отрывка из произведения А.И. Куприна «Немножко Финляндии» способствует вводу в авторскую речь лексических единиц, характерных для языка художественной литературы конца XIX – начала XX века и относящихся в современном русском языке к разряду устаревшей лексики. Например, в анализируемом фрагменте текста в авторской речи встречаются разговорные устаревшие слова (*то бишь, толка, и прочая*), которые являются средствами стилизации разговорной речи конца XIX – начала XX века. В авторской речи используется повтор союза *ежели* из цитируемого очерка А.И. Куприна. Союз *ежели* в современном русском языке относится к разряду устаревшей и просторечной лексики, а повтор данного союза в авторском повествовании выполняет экспрессивную функцию, которая заключается в логической и эмоциональной актуализации лексической единицы в речевой структуре публицистического текста. Повтор союза *ежели* в авторской речи способствует объединению речевого материала цитат, которые принадлежат современникам публициста, и цитат, взятых из произведений русских писателей (*Это – мы, это – наше, даже ежели (что старательно подчеркиваю) не всеобщее...*).

Оценочное отношение к предмету описания публицистического произведения может быть выражено субъектами речи цитируемого текста. Например, цитата из романа А.С. Макаренко, представляющая собой диалогическое единство, выражает оценку относительно предмета описания публицистического текста (*«Зато они, Дания и Швейцария, мелочь»*), а оценочное отношение публициста к цитируемым словам из произведения А.С. Макаренко представлено цитатой П.А. Вяземского (*«На сей раз географическую фанфаронаду, как выражался князь Петр Андреевич Вяземский, исполнили колонисты Антона Макаренко...*). Цитаты, введенные в авторскую речь публицистического текста, находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, которые проявляются в семантико-синтаксических связях как авторской речи и цитируемых текстов, так и цитируемых текстов с другой или другими цитатами, что способствует образованию вертикального контекста в пределах фрагмента с цитатным повествованием. Необходимо отметить, что субъектом или субъектами речи цитируемого текста из художественного произведения используются речевые средства, которые характерны для речи конкретного персонажа, и в отдельных случаях это дает возможность представить не только образ персонажа, но и речевой портрет героя цитируемого художественного произведения.

В публицистическом авторском повествовании ввод цитат в пределах прозаической строфы или фрагмента текста направлен на полилогизацию монологического повествования, т.к. смена субъектов речи отра-

жает дополнительные линии изложения, содержащиеся в цитируемом тексте, и разрывает речевую структуру авторской речи, переводя ее из монологического повествования в полисубъектное повествование.

Таким образом, цитатное повествование в публицистическом тексте – это такой способ повествования, в котором цитируемый текст логически, семантически, синтаксически и стилистически связан с авторской речью, с тематико-концептуальной, образной и экспрессивно-эмоциональной сторонами других цитат, введенных во фрагмент публицистического текста, что позволяет цитируемым текстам создать вертикальный контекст в пределах фрагмента публицистического текста. Использование цитатного повествования в современном публицистическом произведении способствует углубленному восприятию концептуальной точки зрения публициста на предмет описания, т.к. в цитируемых текстах отражаются культурологические, эстетические, этические и философские аспекты проблематики публицистического произведения. Изучение цитатного повествования как способа повествования в современном публицистическом тексте способствует ознакомлению иностранцев, изучающих русский язык, с эстетической значимостью слова, которая характерна для художественной речи, т.к. цитаты из художественных произведений, включенные во фрагмент с цитатным повествованием, придают публицистическому повествованию образность и экспрессивность. Лингвостилистический анализ фрагмента с цитатным повествованием, включенного в речевую структуру современного публицистического текста, позволяет показать учащимся специфику функционирования цитат, проявляемую в лексико-семантической, синтаксической и стилистической спаянности авторской речи и чужой речи, представленной цитируемыми текстами.

Литература

- Аветова Т.Ю. Роль интертекстуальности в создании художественного образа (На материале романа Ч. Диккенса «Наш общий друг») // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. №3.
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997.
- Рассадин С. Урок датского // Дружба народов. 1996. №12.
- Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1997. Т. 56. №5.

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ИМПЕРАТИВНОСТИ
ГРАММАТИКИ МЕЛЕТΙΑ СМОТРИЦКОГО

1. Вопрос о степени императивности грамматики Мелетия Смотрицкого решался и решается лингвистами по-разному. В.Г. Сиромаха в работе, посвящённой книжной справе и вопросам нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в., указывает, что эта грамматика являлась наиболее авторитетной для справщиков и служила основным источником их нормативных представлений. Отражённой и зафиксированной в ней системой норм справщики руководствовались при внесении языковых исправлений в библейские и богослужебные тексты [Сиромаха 1980: 8, 21]. Справедливость этого положения подвергается сомнению М.Л. Ремнёвой. Проведённое ею исследование материала парадигм, данных в грамматике, позволило установить, что норма, кодифицированная Мелетием Смотрицким, допускает свободную вариативность. Констатируя наличие вариантных окончаний в парадигме одного слова, грамматика никак не регулирует их употребление, не определяет сферу их использования. Это обстоятельство, по мнению М.Л. Ремнёвой, «лишает предложенные грамматикой нормы императивной функции» [Ремнёва 2003: 195; см. также Ремнёва 1983].

Ценный материал, позволяющий реконструировать характер восприятия предписаний грамматики Мелетия Смотрицкого, её систематики и парадигматики великорусскими книжниками середины XVII в. и вновь обратиться к вопросу о степени её императивности, предоставляет исследователю московское издание этой грамматики 1648 г. (далее ГМ), подготовленное ведущими справщиками Московского Печатного двора Михаилом Роговым¹ и Иваном Наседкой².

¹ *Михаил Стефанович Рогов (Рогоев, Рогус)* (ум. после 1650), протонсей, главный справщик Московского Печатного двора с 1640 по 1649 г. Под руководством и при участии Рогова были подготовлены к изданию многие книги, в том числе Евангелие (М., 1640), Часовник (М., 1640), Устав (М., 1641), Маргарит (М., 1641), Сборник о почитании икон (М., 1642) и др. [Исаевич 1978: 164]. Михаилу Рогову приписывалась главная роль в составлении знаменитого полемического сборника - Кирилловой книги (М., 1644) [Зиборов, Саложников, Яковлев 1998: 309–311].

² *Иоанн Васильевич Шевелёв Наседка* (в монастыре Иосиф) (ок. 1570 – ок. 1660), иерей, дипломат, с 1638 г. справщик, а с 1649 по 1652 г. главный справщик Московского Печатного двора. Известен как автор многих полемических и публицистических произведений, в том числе «Изысканое от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня» (после 1619 г.), «Изложение на люторы» (1623 г.), «Свиток укоризны Кириллу Транквилину погрешительным его словесем, блужения его ерссем...» и др. В 1644 г. вместе с Михаилом Роговым участвует в составлении Кирилловой книги. В 1648–1649 гг. написал

Начитанностью, образованностью и активностью Михаила Рогова и Ивана Наседки многие исследователи XIX в. объясняли совершенствование книжной sprawy в 1640-х – нач. 1650-х гг. (в последний год патриаршества Иоасафа I и во время правления патриарха Иосифа) [см. Мансветов 1883; Николаевский 1890–1891; Голубцов 1891]. Книжная справа этого периода характеризуется критическим отношением к источникам, обращением к греческим оригиналам, вниманием к южнорусским печатным изданиям и южнорусской полемической литературе, стремлением к грамматической унификации. Осознание необходимости последовательной языковой нормализации¹ и обусловило в 1648 г. издание в Москве грамматики Мелетия Смотрицкого.

Однако московское издание отнюдь не является буквальным воспроизведением первого, вышедшего в Евье в 1619 г. (далее ГС). Редакторы устраняют имя автора Мелетия Смотрицкого как отступника от православия, принявшего униатство, и подвергают грамматику существенным изменениям текстологического и собственно языкового характера [о московском издании грамматики и внесенных в него изменениях см. Засадкевич 1883, Булич 1893, Кузнецов 1958, Horbatsch 1964, Аниченко 1973, Нимчук 1979, Ремнёва 1983, Кузьминова 2007]. Новые разделы, включённые Михаилом Роговым и Иваном Наседкой в текст ГМ, ранее находились за пределами внимания исследователей. Между тем они содержат важные данные, характеризующие восприятие грамматики носифовскими справщиками.

3. Перед парадигмами именного склонения издатели помещают сводную таблицу окончаний (л. 92 об. – 93 об.) «оудобнѣйшаго рѣди скорагѡ познѣнѣа писанѣемъ, пѣрвыа рѣди чѣсти ѣмене в рѣдѣхъ, ѡ падежехъ ѣ ѡ числѣхъ» (л. 92 об.).² Репертуар флексий существительных мужского рода представлен 8 наборами флексий в единственном числе, 3 – в двойственном и 3 – во множественном, существительных женского рода соответственно – 5, 2, 2 и существительных среднего рода – 4, 2, 2.

Обращает на себя внимание несоответствие сконструированной носифовскими справщиками таблицы реальному языковому и метаязыковому материалу издаваемой ими грамматики Мелетия Смотрицкого.

обширное дополнение к Житию Дионисия Зобниновского, составленному Симоном Азарыным [Зиборов 1993: 63–65].

¹О необходимости и пользе грамматического знания, об «осмочастномъ раздѣлѣнѣи и правленѣи въ родѣхъ, числѣхъ, падежѣхъ, лицахъ и наклоненѣихъ» Михаил Рогов и Иван Наседка заявляют уже в 1644 г. в послесловии к Апостолу; в учебной Псалтыри 1645 г. они дают подробные сведения о родительном падеже в наставлении, как записывать собственные имена [см. Николаевский 1891: 153].

²Здесь и далее текст ГМ цитируется по изданию: Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А.Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007.

3.1. В таблице не учитывается представленный в ГС состав членов грамматической категории рода.

Московские редакторы включают в таблицу окончания существительных трёх родов – мужского, женского и среднего рода. В то время как в ГС имена разделяются на семь родов: мужской, женский, средний, общий, всякий, недоуменный, преобщий (л. 26), при этом парадигмы склонения даются для существительных пяти родов – мужского, женского, среднего, общего и всякого. Отражая в своей таблице именные флексии только трёх родов, Михаил Рогов и Иван Наседка следуют традиционной систематике «грамматического канона православия» – трактата «*О ѡсмѣхѣ частѣхѣ слова*», в котором задано тернарное родовое противопоставление: «*Има оубо дѣлѣтса на трое в мѣжеско и женьско и среднее*» [цит. по Ягич 1896: 47].

3.2. В таблице продемонстрировано иное, отличное от предложенного в ГС, понимание флексии.

Для М. Смотрицкого флексия – это словоизменятельный аффикс. Эти словоизменятельные аффиксы приводятся в ГС в предваряющих парадигмы описаниях типов склонений. Ср., например, «*Перваго склоненїа ѡкоченїа сѣтъ три: а: ѡ: и: а: Мужески/ Женских/ Обцих/ и всѣких ѡменъ: ѡ, и/ и: женских: Их же Родителный на/ ы: Дательный и Скаателный на/ ѣ: Винителный на/ ѹ: Звателный на/ о: Творителный на/ ою: И мужеских оубо Именителный Винителный и Звателный двѡиствѣнаго числа на/ ѣ: дательный и творителный на/ ама*» (л. 32).¹

В отличие от М. Смотрицкого Михаил Рогов и Иван Наседка интерпретируют флексию как конечную букву в словоформе. Так, в качестве окончания Т ед. имѣн первого склонения (а-склонения) они дают ю (не ою), Д и Т дв. – а (не ама), Д мн. – ѣ (не амѣ) и т. д. Такая трактовка надежных окончаний также восходит к статье «*О ѡсмѣхѣ частѣхѣ словѣб в которой падеж (падѣнїе) определлетса по последней въкве к словѣ рразньствѡют же падѣнїа ѡменна кождо дрѡгѣ къ дрѡгѣ и къ правои ихъ по конѣнемъ писмени*» [цит. по Ягич 1896: 53].

Заданное в «осмочастии» понимание флексии как конечной буквы было реализовано и в последующих грамматических руководствах, составленных в Московской Руси, в частности, в двух рукописных грамматиках начала XVII в., входящих в сборник из собрания Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, ед.хр. 336), «*Книга глагола граматика*

¹ Здесь и далее текст ГС цитируется по изданию: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А.Кузьминой; предисл. Е.А.Кузьминой и М.Л.Ремнёвой. М.: Изд-во МГУ, 2000.

по языку словенский» и «Начало книжки гл҃емей гра^мати́ка»: «Всѣкомъ бо рѣчь і ѿмене падѣніе і склонѣніе послѣднее писмо наричѣтса (л. 3 об.); «во ѿменѣхъ мѣжско^м и жѣнско^м и среднѣ^м, не прѣчинною, ни посрѣственною, но конѣчною бѣквою, падѣжа ихъ оубѣкляютса, и за се тѣхъ въ концѣхъ полагаемъѣмъ писма, падѣжа наричютса» (л. 82 об.–83) [см. Кузьминова 2002: 228–230, 244].

3.3. Для обозначения именительного падежа вместо используемого в ГС термина «именительный» в таблице употребляется термин «правый», что обусловлено ориентацией московских редакторов на «осмочастие» (ср., например, перечень падежей, представленный в этом трактате: «И пакы кождо ѿмѣ дѣлѣтса на падѣнїи пѣть, ѣже соуть сѣмъ права, рѣдна, винѣвна, дѣтельна, звательна» [цит. по Ягич 1896: 47]). И в самом тексте грамматики в нескольких случаях Михаил Рогов и Иван Наседка отказываются от терминов М. Смотрицкого, заменяя их терминами статьи «Ѡ ѡсмїхъ частѣхъ слова»: **именительномъ правомъ** (26, 84)¹, **родительнымъ роднымъ** (51, 114), **винительный винѣвный** (31 об., 92; 32, 92 об.; 224 об., 314), **дѣйствительный залогъ** **дѣйственыи** (118 об., 182), **дѣйствительнаго дѣйственаго** (117, 180 об.; 166, 242; 172 об., 250; 182, 262), **дѣйствительныхъ Глѣ дѣйственыхъ глаголъ** (182, 262) (ср. в статье «залогъ дѣйственаго» [цит. по Ягич 1896: 50]).

В грамматическом разборе молитв, включѣнном в московское издание (л. 375 об.–385 об.) (см. подробнее далее), редакторы также отдают предпочтение терминам статьи (если термины ГС и «осмочастного разума» не совпадают): **правый** (л. 376, 378, 378 об., 381, 382–383, 384), **винѣвный** (л. 376, 376 об., 378, 379, 380 об., 381 об., 384, 385, 385 об.), **роднымъ** (л. 376 об., 379 об., 380, 385 об.), **дѣйственыи** (л. 376, 376 об., 378–379 об., 381 об., 383, 383 об., 384 об.–385 об.), а также **собное** [ѿмѣ] (л. 377–378 об., 380, 380 об.) (ср. «Ѡ ѡсмїхъ частѣхъ слова»: «именѣ гвалютса ѡбца всемоу естѣвъ, ѡва же **собна** коемоуждо съставоу» [цит. по Ягич 1896: 48] – ГС: «**Собственое** ѿмѣ естѣ/ ѣже **собственныя** и ижевѣстныя вѣщи знаменѣтѣ» (л. 20 об.); **вмѣсто ѿмене** (л. 377, 379, 379 об., 380 об., 381 об., 382, 383–385) (ср. «Ѡ ѡсмїхъ частѣхъ слова» **мѣсто ѿмене** – ГС **мѣстѣимѣніе**).

3.4. Состав флексий таблицы не является адекватным отражением репертуара форм, предписанного грамматикой.

¹ Здесь и далее после примеров внесѣнных издателями исправлений (со знаком) первая цифра в скобках обозначает номер листа в ГС, вторая – в ГМ.

а) Московские редакторы не приводят в таблице варианты флексий, не реализуя, таким образом, одну из определяющих кодификаторских установок М. Смотрицкого, который фиксировал варианты форм (главным образом, во множественном числе).

б) В таблицу включены «лишние» наборы флексий, которые не соответствуют ни одной из парадигм грамматики: для существительных мужского рода – И ѿ, Р а, Д Ѹ, В а, З ѿ, Т ѡ, М ѣ (л. 92 об.), для существительных женского рода – И ѣ, Р е, Д и, В ь, З е, Т ю, М и (л. 93).

в) Наборы флексий некоторых парадигм в таблице отсутствуют, как, например, неодушевленных существительных мужского рода с исходом основы на мягкий согласный (типа *знѡй*) и на шипящий (типа *млѣжъ*), существительных женского рода с основой на -к-, -г-, -х (*рѣка*, *влѣга*, *снохѣ*), на -ц (*ѡвца*), существительных среднего рода с суффиксом -ес- (*слово*); не отражены флексии множественного числа существительных на мягкий согласный (типа *пѣстырь*, *свѣдѣтель*), двойственного числа – существительных женского рода на -ѣа (типа *лодѣа*) и др.

г) В таблице представлены флексии, не совпадающие с кодифицированными в ГС и ГМ. Так, например, в наборе флексий, соответствующем парадигмам одушевленных существительных мужского рода с исходом основы на мягкий согласный (И ѣ, Р ѡ, Д ю, В ѡ, З ю, Т ѡ, М ѣ), в М фиксируется флексия -ѣ, в то время как в ГС и ГМ единственно нормативной является -и: *пѣстыри* (63 об., 123), *свѣдѣтели* (65, 124 об.), *врачи* (72, 131). В наборе окончаний множественного числа, соотносимом с парадигмами существительных мужского рода с основой на твердый согласный, в позиции В приводится окончание -и вместо кодифицированного -ы: ср. *клеврѣты* (43, 105 об.), *цѣркви* (44, 106 об.), *вѡины* (44 об., 107).

В результате из 54 именных парадигм московского издания полное совпадение во всех числах с одним из наборов окончаний таблицы обнаруживается только в пяти (!) парадигмах (т.е. приблизительно в 9 % случаев) – *ѡна*, *дѣва*, *воевода*, *захарѣа*, *свѣдѣа*. Характерно, что все они относятся к а-склонению (первому склонению в грамматике) – наиболее простому, где дистанция между книжным и некнижным языком сведена к минимуму.

4. Неумение воспользоваться системамикой ГС (и ГМ) Михаил Рогов и Иван Наседка продемонстрировали и в составленном ими грамматическом приложении – разборе всех форм «по ѡсмыслѣнному разумѣ» в молитвах «Црю нѣньи» и «Ѡче нашъ» и в предложении «Ѡплъ стѣи ѡма, молигъ млтвиаго вѣа, да грѣховъ ѡставленѣе подѣстъ дѣшамъ нашимъ» (л. 375 об.–385 об.). Включение в московское изда-

ние молитв «Црѣю нѣнынѣ» и «Ѡче нашѣ» вполне закономерно. Эти основные молитвы для православного христианина, которые входят в состав всех служб ежедневного богослужения. Именно с них начиналось знакомство изучающих церковнославянский язык с книжными текстами. Молитвы «Црѣю нѣнынѣ» и «Ѡче нашѣ» представлены в хрестоматийной (текстовой) части всех славянских букварей, начиная с букваря Ивана Фёдорова (Львов, 1574) [см. Мечковская 1990, Кузьминова 2003]. Истолкование молитвы «Ѡче нашѣ» даётся и в грамматике Лаврентия Зизания 1596 г. (л. 90–92 об.).

Обосновывая необходимость практиковаться в грамматическом разборе «сѣ любовтрѣднымъ тѣцанїемъ» для того, чтобы «вѣдати ѡсмочастнымъ разѣмъ» (л. 386), издатели ссылаются на слова Иоанна Дамаскина – приводят цитату из приписываемой ему статьи «Ѡ ѡсмїхъ частѣхъ слова»: «внѣ во сїхъ, ничтѣже ѣсть, ѥ немоцихъ слова ѥзъяснїти безъ сїхъ, ѥакоже рече ѥоаннѣ дамаскинѣ» (л. 386) [ср. Ягич 1896: 47].

При анализе словоформ Михаил Рогов и Иван Наседка допускают многочисленные ошибки – дают характеристики, не соответствующие характеристикам ГС (и ГМ).

4.1. В четырёх случаях неверно определён тип склонения.

Слово *ѡма* редакторы относят ко второму склонению (л. 376), в то время как, согласно ГС, это слово принадлежит к первому склонению (а-склоению) и даже упомянуто М. Смотрицким в особом «увещении», посвящённом заимствованным словам этого типа: «Ѡувѣщєніє, ѡ. вѣстнѣ воѣди по ѡписанїю ѡконченїи моужеска ѥ женска рѣда ѥменѣ, скланѣемымъ быти греческимъ, латїнскимъ ѥ еврейскимъ моужески^м равнѣ ѥ женски^м ѥменѣ,|| славѣнѣ склоненїѣ сегѣ ѡконченїе прїемшимъ. ѥакѣ, ѡма, варнава, ѥѡда, пѣѡагѣра, катїліна, поѣта. ѥ прочѣ.» (ГС л. 34–34об., ГМ л. 95–95 об.).

Как слова второго склонения охарактеризованы имена црѣвїе и ѥскѣшенїе (л. 381 об., 385), в ГС же слова среднего рода на -їе относятся к четвёртому склонению: «Среднїхъ славѣнскихъ ѣдино, ѥ» (л. 122 об.). Этот словоизменительный тип представлен в грамматике парадигмой слова знѣменїе (л. 129 об.–130). Слово црѣвїе приводится в перечне имён среднего рода на -їе после парадигмы: «Сїце, здравїе, спасенїе, начинанїе, ѡчанїе, нечанїе, благодаренїе, созданїе, ѥзволенїе, мрдїе, ѡсѣрдїе,|| чѣвколѡвїе, ѥсчадїе, царствїе, прїшєствїе. ѥ прочѣ.» (ГС л. 70 об., ГМ л. 130–130 об.).

Форма Д мн. должникѡмъ трактуется московскими редакторами как имя прилагательное и в соответствии с этим получает помету «скло- нѣнїа пѣтагѡ» (л. 384 об.) – в пятое склонение в ГС сгруппированы все адъективные формы. Тогда как в ГС слова мужского рода с исходом основы на твёрдый согласный входят во второе склонение (л. 104 об.), при этом имена с основой на -к (равно как на -г и -х) выделяются в особый словоизменительный подтип, представленный отдельной парадигмой прорѡкъ (л. 109 об.–110).

4.2. Обнаруживаются в разборе и ошибки, связанные с определением падежа.

Серия таких ошибок была допущена московскими редакторами в случае омонимии падежных форм – И=В=З. Формы В и З существительных и согласованных с ними определений, совпадающие с формой И, квалифицируются как формы И, а формы И, в свою очередь, – как формы В. Так, форма вокатива сокрѡвице из молитвы Св. Духу: «Црю нѣныи... сокрѡвице бѣгнѣхъ и жїзни подѣтею прїиди ѿ вселїса къ нѡ» получает помету «падѣжа прѣвагѡ» (л. 378 об.). Примечательно, что падеж форм З ед. Црю и подѣтею, не совпадающих с И, указан верно.

В молитве «Ѡче нашъ» форма местоимения нашъ, согласованного с Ѡче, названа формой «падѣжа прѣвагѡ» (л. 381). Как формы И охарактеризованы формы В ед. хлѣбъ и насоуциныи («хлѣбъ нашъ насоуциныи даждь намъ днесь») (л. 383). Формы И ед. существительного и согласованного с ним местоимения ѿма твоѡ («да свѣтитса ѿма твоѡ») признаются формами «падѣжа винѡвнагѡ» (л. 381 об.).

При разборе предложно-падежных форм редакторы не справляются с определением «счинѣнїа падѣжа» предлогов. Так, в форме во ѿскѡшенїе предлогу во приписывается сразу два (!) падежа, ни один из которых не совпадает с падежом существительного: «во... по счинѣнїю падѣжа дѣтельнагѡ ѿ сказѣтельнагѡ... ѿскѡшенїе... падѣжа винѡвнагѡ» (л. 385–385 об.). С дательным падежом, согласно ГС (ГМ), предлог во не употребляется вообще, а сочетается с винительным и сказательным (т. е. местным) (ГС л. 192, ГМ л. 276 об.).

Дательный падеж ошибочно указан и для предлога на (на нескєси): «на... по счинѣнїю падѣжа дѣтельнагѡ» (л. 382 об.). Ниже на этом же листе в разборе формы на землїи этому предлогу приписано уже три падежа: «на... по счинѣнїю падѣжа рѡднагѡ ѿ дѣтельнагѡ ѿ сказѣтельнагѡ». По правилам грамматики на, как и во, может употребляться с винительным и сказательным (ГС л. 192, ГМ л. 276 об.).

Редакторы испытывают затруднения с определением падежа формы М ед. **нѣвеси** (на **нѣвеси**) и приводят два возможных варианта: «падежа дательнагѡ, или сказательнагѡ» (л. 382 об.), при том что в случае параллельной формы на **земли** колебаний не возникает и падеж существительного установлен верно (л. 382 об.).

4.3. Не всегда московским редакторам удается определить *вид* анализируемого слова. В первых грамматических описаниях церковнославянского языка вид – это категория, относящая к сфере словообразования: «Видъ есть первообразнагѡ реченіа и производнагѡ раздѣленіе. Види соуть два; Первообразныи, и производныи. Первообразныи видъ есть, иже ѿ иждѡ не производитсѧ: ѡкъ, злато, древо; и прочаа. Производныи есть, иже ѿ первообразнагѡ производитсѧ: ѡкъ, златын, древлынн: и прочаа» (ГС л. 29 об., ГМ л. 89–89 об.).

Первообразными, т. е. производными (в современной терминологии), названы в разборе такие производные слова, как **милостивагѡ** (376), **ѡставленіе** (376 об.), **оутѣшителю** (377 об.), **сокрѡвице** (378), **подателю** (378 об.), **црѣвѣ** (382).

В соответствии с ГС, слова **ѡставленіе**, **оутѣшителю**, **сокрѡвице**, **подателю** являются производными именами глагольного вида: «Глаголнагѡ вида имаа есть, еже ѿ глагола производитсѧ: ѡкъ, чтеніе, чтецъ, ѿ чтоу. слышаніе, слышатель, ѿ слыню. и прочее» (ГС л. 30 об., ГМ л. 90–90 об.); а слова **милостивагѡ**, **црѣвѣ** – производными именами отыменного вида: «Отименнагѡ вида имаа есть еже ѿ именъ начертаваетсѧ: ѡкъ, солнечным, ѿ солнца. златын, ѿ злата. и прочаа» (ГС л. 30 об., ГМ л. 90 об.). И, напротив, как производные охарактеризованы в разборе непроизводные слова **стын** (376), **вса** (378) и **влаже** (380).

Местоимение **мы** сопровождается пометой «вида совершеннагѡ» (л. 384). В ГС допускается использование термина «совершенный» в качестве альтернативного названия первообразного вида, но только по отношению к глагольным формам: «Види гла соуть два. первообразныи, иже и совершенныи: ѡкъ, чтоу, стою, и прочаа. и производныи» (ГС л., ГМ л. 119). Классифицируя виды других частей речи, в том числе местоимений, М. Смотрицкий употребляет только термин «первообразнн».

4.4. Допускаются ошибки при характеристике *рода*.

В предложении «**ѡплъ стын ѡмнѡ мѡлантъ...**» род глагола определен как мужской (л. 376), в то время как по правилам грамматики гла-

гольные формы настоящего времени относятся ко «всякому» роду. Ср.: «Рѣди глагола соутъ пѣть, Моужескѣи, ѿкъ, вѣлъ, вѣхъ, ѿ прѣчаа... Всѣкѣи: ѿкъ, вѣю, вѣши, вѣтъ, вѣемъ, вѣете, вѣотъ, вѣхъ, вѣи, вѣхумъ, вѣете, вѣше. ѿ прѣчаа» (ГС л. 122 об., ГМ л. 187).

В четырех случаях формы местоимения нашъ признаются формами «всякого» рода: дѣшамъ нашимъ (л. 377), Ѧче нашъ (л. 380 об.), дѣаги наша (л. 384), должникѣмъ нашимъ (л. 384 об.). В ГС ко «всякому» роду относятся лишь три местоимения – личные (первого и второго лица) и возвратное: «Всѣкагѣ. ѧзъ, ты, себѣ» (ГС л. 98 об., ГМ л. 160 об.). А для местоимений типа нашъ категория рода является словоизменяемой, а не классифицирующей. Ср.: «Моужескагѣ рѣда мѣстоимѣнѣа соутъ. самъ, сѣй, ѡвъ, ѡнъ, тѣи, чѣй, кѣй, мѣи, тѣѣи, свѣи, нашъ, вѣшъ, ѣгѣи. Жѣнскагѣ. самѣ, сѣа, ѡва, ѡна, тѣа, чѣа, кѣа. моа, тѣоа, свѣа, наша, вѣша, ѣа. Срѣднѣагѣ. самѣ, сѣе, ѡво, ѡно, тѣе, чѣе, кѣе. чѣѣ, ѿаи чѣѣ, мѣе, тѣе, свѣе. наше, ваше, ѣгѣи» (ГС л. 98, ГМ л. 160). Соответственно, в приведѣнных примерах формы местоимения нашъ должны быть охарактеризованы в зависимости от рода определяемого существительного как формы женского или мужского рода.

4.5. В молитвенном обращении Ѧче нашъ *число* местоимения нашъ определяется как множественное (л. 380 об.). Очевидно, появление этой ошибочной интерпретации имело семантическую мотивацию.

4.6. Глагольные формы «да свѣтитсѣ ѿма тѣѣе, да прѣидетъ црѣвѣе тѣѣе, да воудетъ вола тѣѣе» отнесены ко второму лицу (л. 381–382 об.). Вероятно, издатели исходили из того, что эти формы, содержащиеся в тексте молитвы, являются обращением к Богу, а такая ситуация в большинстве случаев предполагает использование форм именно второго лица, ср., например, Гдѣи, помѣлѣи. Наличие же притяжательных местоимений второго лица тѣѣе, тѣѣе могло поддерживать такую интерпретацию.

4.7. В предложении «Ѧплъ Сѣѣи ѡма моантъ милостивагѣ бѣа да грѣхѣвъ ѡставленѣе подѣстъ дѣшамъ нашимъ» ошибочно квалифицирована форма да подѣстъ. Дистантное расположение частицы и глагола приводит к тому, что книжники рассматривают да и подѣстъ как независимые формы. В результате да получает характеристику подчинительного союза (л. 376 об.), а подѣстъ описывается как форма изъявительного наклонения будущего времени (л. 377). В соответствии с ГС да подѣстъ является формой подчинительного наклонения (ср., например, ГС л. 129 об., ГМ л. 195 об.).

4.8. Префиксальный глагол **введѣн** («не **введѣн** насъ во **искъшѣнїе**») снабжён пометой «начертанїа простѣго» (л. 385). В ГС (и ГМ) начертание относится к сфере морфемного анализа. Ср.: «Начертанїе гла **ѣсть** трѣгѣво. простѣе **їакъ, ѣмлю. сложенное, їакъ прїемлю. пресаожѣнное, їакъ воспрїемлю**» (ГС л. 119, ГМ л. 183). Согласно правилу М. Смотрицкого, начертание префиксального глагола является сложным.

5. Указанные несоответствия данных таблицы материалу грамматики и ошибки в разборе молитв наглядно свидетельствуют о том, что «издатель оказывается бессильным в своей попытке справиться с материалом» [Ремнёва 1983: 41]. Впрочем, это «бессилие» вполне объяснимо. Грамматика Мелетия Смотрицкого пришла в Московскую Русь из Руси Юго-Западной, где в XVI–XVII вв. сформировалась иная лингвистическая идеология, обусловленная западной культурной ориентацией. Работая с текстом авторитетной юго-западнорусской грамматики, Михаил Рогов и Иван Наседка встречаются с новым явлением в славянской филологической культуре, новым типом лингвистического описания – развёрнутой аналитической кодификацией церковнославянского языка. Во всех предшествующих грамматических сочинениях, в том числе и в грамматическом каноне православия – трактате «**О ѡсмѣхъ частѣхъ слова**», которым руководствовались московские редакторы, отсутствовало описание системы словоизменения и правила образования и идентификации нормативных форм, составляющие основное содержание морфологического раздела ГС.

Михаилу Рогову и Ивану Наседке пришлось осваивать новый, аналитический способ осмысления языка (путём систематизации языковых элементов и правил их выбора), новый подход нормированию языка (путём кодификации языковых норм в грамматическом описании) [см. Мечковская 1985: 16], в то время как их языковое сознание, определявшее их языковую практику, было сформировано в рамках совсем другого, традиционного текстологического (по терминологии Н.И. Толстого [Толстой 1976: 179]) подхода. До знакомства с ГС наглядного представления о парадигматике они, по всей вероятности, нигде получить не могли. Поэтому, безусловно, неадекватные интерпретации, разного рода ошибки, погрешности и т. п. в этой ситуации неизбежны.¹ У московских редакторов не было сформировано умение пользоваться классификациями и рекомендациями издаваемой ими грамматики и применять её

¹ В этом отношении характерны также ошибки, допущенные редакторами при «расшифровке» используемых М. Смотрицким сокращений грамматических терминов. Так, сокращённое обозначение множественного числа **М** (л. 166) интерпретируется в ГМ как обозначение мужского рода **моуж** (л. 242), а **ѣ** [единственное число] (л. 244 об.) заменяется глаголом **ѣсть** (л. 338 об.).

правила при анализе конкретного языкового материала. Подчеркнём, что речь идёт о законодателях книжной нормы своего времени, определявших облик церковнославянского языка, о людях, «в которых выразилось умственное движение Руси в течение всего XVII века» [Мансвентов 1883: 30]. Таким образом, adeptам грамматического подхода, представителям учёной элиты, не удалось самым должным образом овладеть грамматической премудростью. Это обстоятельство может служить одним из аргументов в пользу того, что в Московской Руси середины XVII в. грамматическая образованность могла иметь лишь «добавочный» [Живов 1993: 119], т. е. факультативный, а отнюдь не императивный характер.

Литература

- Аниченко В. В. Московское издание грамматики Смотрицкого // Русская речь. 1973. № 5.
- Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Т. I. СПб., 1893. (Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. Ч. XXXII).
- Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891.
- Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Засадкевич Н. А. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.
- Зиборов В. К. Иоанн Васильевич Шевелев Наседка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 2. И – О. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1993.
- Зиборов В. К., Сапожников О. С., Яковлев В. В. Рогов (Рогосв, Рогуев) Михаил Стефанович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 3. П – С. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998.
- Исаевич Я. Д. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI – первой половине XVII в. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978.
- Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминовой. AION-SLAVISTICA. Annali dell' Instituto Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell' Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1, 2002.
- Кузьминова Е. А. Буквари церковнославянского языка // Православная энциклопедия. Т. VI (Бондаренко – Варфоломей Эдесский). М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2003.
- Кузьминова Е. А. Комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007. 2007.
- Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
- Мансвентов И. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883.
- Мечковская Н. Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.) // Slavica

Tartuensia. 1985. № 1.

Мечковская Н. Б. Общеобразовательный характер азбук и букварей в восточнославянской традиции XVI–XVII вв. // Проблемы школьного учебника. Вып. 19. История школьных учебных книг. М.: Просвещение, 1990.

Николаевский П. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. Ч. 1, 2. 1891. Ч. 1, 2.

Німчук В. В. Граматыка М. Смотрицького – перлина давнього мовознавства // Пам'ятки української мови XVII ст. Мелетій Смотрицький. Граматика / Підг. факсимального видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979.

Ремнёва М. Л. О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 года // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.

Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Родосский А. С. Описание старопечатных церковнославянских книг, хранящихся в Библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии. 1491–1700 гг. включ. Вып. 1. СПб., 1891.

Толстой Н. И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.

Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.

Horbatsch O. Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckyj. Wiesbaden, 1964.

ГРАММАТИКА КАК СРЕДСТВО ПОСТИЖЕНИЯ БОГООТКРОВЕННОЙ ИСТИНЫ
 («ЦИТАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО» ПРЕДИСЛОВИЯ К ГРАММАТИКЕ 1648 Г.)

Грамматика 1648 г. является вторым, переработанным и дополненным, изданием грамматики Мелетия Смотрицкого «Грамматикѣ Славѣнскѣи правѣлноѣ Фѣнтагма» (Еввс 1619) (далее ГС), вышедшим в свет на Московском печатном дворе: Грамматика. М., Печ. двор. 1648 [без имени автора] (далее ГМ). Это издание, осуществлённое «повелѣніемъ блговѣрнагѡ гдѣа цѣа, ѡ великагѡ кнѣа алеѣа михѣловнча всеа рѣсѣи самодѣржца, ѡ по блгословѣнію... стѣйшагѡ юсѣфа патріѣрха москѡвскогѡ ѡ всеа рѣсѣи» (л. 388)¹, было подготовлено ведущими справщиками печатного двора Михаилом Роговым и Иваном Наседкой. Они устраняют имя автора Мелетия Смотрицкого как отступника от православия, принявшего униатство, и подвергают грамматику существенным изменениям текстологического и собственно языкового характера.

Оригинальное предисловие М. Смотрицкого, адресованное «Учѣтелемъ школьнымъ» (л. 1–4 об.) и содержащее необходимые методические указания, в издании 1648 г. справщики заменяют обширным текстом: «Съ бгомъ починаемъ, здѣ въ предисловіе вписашѡмъ, къ люботроуднѣ тцѣтисѣ хотѣши къ разумѣ оученіа грамматическагѡ, ѡ прочнѣхъ, ѡже хртѣанства законѣ ѡбдержитѣ...» (л. 1–40), за которые следуют «Похвальнаѣ словеса сѣа блженнаѣ ѡ стѣаи кнѣги грамматикѣ да не нарекоутѣсѣ, ѡкѡ во ѡ лица ѣа быти реченнымъ» (л. 40–44).

С одной стороны, замена предтекста, написанного на «простой мове», могла быть обусловлена его *языком* – в Московской Руси, где в отличие от Руси Юго-Западной статусом литературного языка обладал только церковнославянский язык, употребление «простой мовы» не соответствовало представлениям московских редакторов о «книжном» языке учебного пособия. С другой стороны, само *содержание* предисловия, дающего необходимые методические рекомендации преподавателям славянского языка братских школ (цель обучения, метод обучения, содержание курса, последовательность прохождения материала) [см. Кузьминова, Ремнёва 2000: 15, 21], в социо-культурной ситуации Московской Руси было неактуально. Если в братских школах и училищах, широко распространённых в Юго-Западной Руси с конца XVI в., грамматика как греческого и латин-

¹ Здесь и далее текст ГМ цитируется по изданию: Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007.

ского, так и церковнославянского языков была включена в процесс обучения, то в Московской Руси система школьного образования в XVII в. ещё отсутствовала. Иностранцы, посещавшие в это время Россию, свидетельствуют, что «во всей Московии нет школ», москвитяне «не знают школ» [Засадкевич 1883: 129]. Отсутствовали и процедуры обучения языку, предполагавшие обращение к грамматике. Даже в первой четверти XVIII в. изучение языка «по грамматике» воспринимается здесь как радикальное новшество (об этом, в частности, говорит Федор Поликарпов в предисловии к третьему изданию грамматики Мелетия Смотрицкого 1721 г.)¹. Вплоть до конца XVIII в. грамматическая образованность «выступает в качестве своего рода добавки» [Живов 1993: 119].

Не исключено, что авторство нового предисловия к московскому изданию принадлежит Михаилу Рогову. Существует мнение, что именно он являлся автором предисловий и послесловий большинства книг, изданных Московским Печатным двором в 1640–1649 гг. [Зиборов, Сапожников, Яковлев 1998: 310]. Но поскольку такая атрибуция носит гипотетический характер, далее будем говорить о коллективном авторе — московских издателях.

Новое предисловие ГМ подчинено задаче обосновать необходимость «оучения грамматицескаго» как средства постижения Богооткровенной истины. Приобщение к грамматике, т. е. к «внешнему знанию», не только не противоречит христианскому благочестию, но и является предпосылкой богословского ведения. Как цепочка доказательств важности книжного учения в предисловии выстраиваются блоки цитат из Священного Писания, творений отцов церкви и их интерпретаторов, житий святых, а также из сочинений авторитетных переводчиков, знатоков греческого и славянского языков. В результате за исключением нескольких начальных и конечных строк весь предтекст ГМ представляет собой «цитатное пространство».

Следует признать, что до настоящего времени большинство этих цитат не были атрибутированы, не были установлены и использованные авторами предисловия источники. Исследователи, как правило, ограничивались указанием на напечатанные в предисловии к грамматике сочинения Максима Грека, не уточняя при этом, о каких именно произведениях идёт речь [Засадкевич 1883: 135, Нимчук 1979: 92, Мечковская 1984:

¹ «...и здѣвалъ Русіейскимъ дѣтвободцемъ и оучителемъ обычай бѣ и есть, оучити дѣти малыя, в началѣ азбѣцѣ, по томъ часословѣцѣ и ѿлатіри, таже писаніи, по сиухаже нѣщын преподаю и чтеніе аѿла: Возрастающуихъ же препровождають ко чтенію и сиѣинымъ виблѣи, и всебѣдъ євѣлскихъ и аѿпскныхъ и к разсѣжденію высокоаго во бныхъ книгахъ лежачаго развѣмѣнѣа. А ѿстаго на таковоє разсѣжденіе ордѣліа [ѣже есть грамматика] бнымъ на іредѣ не показѣють, по чѣмъ вы всакоє реченіе и періодъ, и все слово развѣратіи, и в подобающій чинъ разполагати, и крайемю в немъ силъ развѣла рассѣждати» (л. 2 об.).

44]. Между тем, фрагменты слов Максима Грека (л. 19 об.–33 об.) занимают меньше одной трети от общего объёма предисловия – 14 из 44 листов.

Проведённое исследование позволило установить, что предисловие к московскому изданию включает пять основных цитатных блоков.

1. Первый блок ветхозаветных и новозаветных цитат (л. 1–1 об.) в начале *expositio* непосредственно после кратного введения является библейским «тематическим ключом» [Пиккио 2003: 36, 152–153, 436–437], который служит для «понимания высшего духовного смысла текста» [там же: 153], объясняет его теологическое значение. В словах Иисуса Христа, засвидетельствованных евангелистом Иоанном, Давида, Соломона, Сираха и апостола Павла заданы основные, т. е. «высшие», темы предисловия – прославление мудрости, необходимость изучения Священного Писания как залога вечной жизни, утверждение значимости книжного учения:

Гамъ оубо гдѣ рече, спсителя нашъ и бгъ, ѡкв ѡваннъ ѡуаиствъ свидѣтельствуетъ испытайте писанїа, ѡкв вы мните в нихъ имѣти животъ вѣчный (зѣ) [Ин. 12, 50]. К семоу же оубо || зрѣ здѣ в написано, ѡкв ѡбъ и соломоу рече, разумѣти пре-моудрость и наказанїе. разумѣти же словеса моудрости, прѣлги же изнитїе словесъ, и разрѣшенїе гаданїа. разумѣти же правдѣ и истинѣ (при^т а) [Прит. 1, 2–3]. Начало преумдрости страхъ гднѣ. разумъ же блгъ всемъ творцнмъ ю [Пс. 110, 10; Прит. 1, 7]. моудрость чкв просвѣщаетъ лице ѡгнѣ [Ек. 8, 1]. словеса моудрыхъ в покн слышатса, паче клнча ѡбладающихъ в безоумїи [Ек. 9, 17]. Начало премдрости боитса бга [Сирах. 1, 15]. Такоже и павелъ аплв, къ тимофею пиша глв, внимай чтенїю, оутѣшенїю оученїю (а к ти^м спд) [1 Тим. 4, 13] (л. 1–1 об.).

2. В соответствии со Словом Бога, заданном в исходных библейских цитатах, создают свою жизнь «дхоноснїи стїи оци», которые «грамматїки, и прочнхъ книгъ фїлософскагъ ѡченїа, люботроуднѣ во ѡченїи оупражнѡхъса» (л. 1). Их «обра³ любомрїа» раскрывается во втором, *агиографическом* цитатном блоке (л. 1 об.–17 об.), включающем фрагменты 11 житий. Комбинируя жития святых, авторы предисловия создают своеобразную «парадигму учёности», в которую включают прежде всего отцов христианской церкви, великих каппадокийцев и связанных с ними лиц – Василия Кесарийского (Великого) (331–379), получившего вместе с ним образование в Кесарии и Афинах Григория Назианзина (Богослова) (ок. 330–389), Иоанна Златоуста (ум. в 407), ученика Иоанна Златоуста Исоидра Пелусиота (ум. ок. 436–440), Афанасия Александрийского (Великого) (293–373), Иоанна Дамаскина (ок. 650 – до 754), Андрея

Критского (ум. 712–726), Афанасия Афонского (ум. 1000), Николая Студийского (Исповедника) (793–868), Стефана Сурожского (Исповедника) (ум. ок. 742), Феодора Едесского (ум. 848), а также преподобного Ксенофонта и его сыновей Аркадия и Иоанна (V–VI).

Этот блок составляют фрагменты житий, посвящённые детским и юношеским годам жизни святых, т. е. периоду «ученичества», постижения наук, главным образом, грамматики и философии. Так, Афанасий Великий «научёнъ же || бысть... всакомъ писанію. ѿ грамматикъ доволно навѣче ѿ философїю» (л. 1 об.–2), Андрей Критский «изъчнѣвъ мѣншаа писмена, ѿ къ грамматикійскомъ художествѣ || вѣдавъ себе» (л. 10–10 об.), Афанасий Афонский «грамматикѣи вѣ наученіе прѣданъ» (л. 10 об.). Отобранные цитаты свидетельствуют о дарованных Богом выдающихся способностях святых отцов (Стефан Сурожский «превзыде всѣхъ оучитель ѿже во градѣ» л. 10, Николай Студийский «бжѣственнымъ же свѣше дарованіемъ вскорѣ къ писаніа книжнаа изъкъкъ» л. 13 об.), о их стремлении к знаниям (Григорий Назианзин «словесы ѿбѣлѣтъ бывъ желаніемъ, в кесарійскій градъ поиде, ѿ тамъ съ добрѣйшими ѿ оучитель превывъ, ѿ оученіе не мало собравъ. ѿ к палестинѣ ѿплы, риторскіа желан доврѣты || оученіа... многи же грады прохода, ѿ многихъ мужей навѣкнѣти мудрованіа желан въ совраніе премрости» л. 2–2 об.), усердии и трудолюбии (Иоанн Златоуст «оумъ своѣ оуправлѣа день и ношь на книжное оученіе» л. 5 об., Василий Великий «такъ себе вѣде оученію, ѿкъ чднѣишѣ ёмоу быти ѿ оучителей» л. 14 об.) и обрѣтѣнных благодаря этому обширных познаниях и мудрости (Исидор Пелусиот «научѣи же съ не точию стѣимъ книгамъ, но ѿ вноутреннемъ ѿ вгѣшнемъ писанію. ѿ вѣ моудрѣ съла» л. 13).

Жития цитировались авторами предисловия ГМ по двум основным источникам – Прологу, изданному на Московском Печатном дворе незадолго до публикации грамматики в 1642–43 гг. [Пролог (IX–II). М., Печ. двор. 16.XII.1642, Пролог (III–VIII). М., Печ. двор. 6.XII.1643], и Великим Минеям Четым митрополита Макария.

По Прологу приводятся цитаты из 5 житий – Афанасия Великого (л. 1 об.–2) = Пролог (III–VIII) 1643: л. 320–320 об.; Андрея Критского (л. 10–10 об.) = Пролог (III–VIII) 1643: л. 602; Афанасия Афонского (л. 10 об.) = Пролог (III–VIII) 1643: л. 605 об.–606; Исидора Пелусиота (л. 13–13 об.) = Пролог (XII–II) 1642: л. 963–963 об.; Николая Студийского (л. 13 об.–14) = Пролог (XII–II) 1642: л. 963 об.–964. Ср., например, следующие друг за другом в предисловии (л. 10–10 об.) отрывки из житий

Андрея Критского и Афанасия Афонского (в последнем случае авторы предисловия компилируют две цитаты):

Пролог

[Андрей Критский] родиса ѿ
вѣлоубивѣ родителю, града
дамаска. изъоучивѣ мѣншаа
писмена, и къ грамма-
тикийскомѣ художествѣ
вдавѣ себе. (л. 602)

[Афанасий Афонский] Сего
изнесе великий градъ трапе-
зонтъ. возрастѣ же словеснѣ
византиа. (л. 605 об.) тон
вставль дѣтскаа вса, бжїи
страхъ возлюбѣ. и абїе грам-
маткин в наученїе преданъ. и
книжнагв ради оученїа
чюденъ баше. (л. 605 об.–606)

ГМ

родиса ѿ вѣлоубивѣ родителю,
града дамаска. изъучивѣ мѣншаа
писмена, и къ грамматикійскомѣ
художествѣ || вдавѣ себе. (л. 10-
10 об.)

Сего изнесе великий градъ трапе-
зонтъ. возрастѣ же словеснѣ
византиа. тон вставль
дѣтскаа вса, и бжїи страхъ
возлюбѣ. и абїе грамматикин в
наученїе преданъ. и книжнагв
ради оученїа чюденъ баше. (л.
10 об.)

Остальные жития процитированы в ГМ по Великим Минеям Четым:

– Григория Назианзина (л. 2–3) [ср. Жития святых, дек.–фев.: л. 571–572];

– Иоанна Дамаскина (л. 7–9 об.) (два фрагмента: об учителе Иоанна италянском черноризце Козьме (л. 7 об.– 8 об.) и об «орле» Иоанне (л. 8 об.–9) [ср. ВМЧ декабрь (1–5): стлб. 112–114, 115–116];

– Стефана Сурожского (л. 9 об.–10) [ср. ВМЧ декабрь (6–17): стлб. 1008–1009];

– Феодора Едесского (л. 10 об.–12) [ср. Жития святых, июнь – август: л. 369–369 об.];

– преподобного Ксенофонта, супруги его Марии и сыновей его Аркадия и Иоанна (л. 12–12 об.) [ср. Жития святых, дек. – фев.: л. 579 об., 580, 581];

– Василия Великого (л. 14–17 об.) (два фрагмента: о годах учения (л. 14–16) и о помощи в переводе «Омирских» стихов отроку Филоксену (л. 16–17 об.) [ср. ВМЧ январь (1–6): стлб. 10–12, 14–16].

Последовательность цитат в агиографическом блоке предисловия определяется хронологическим принципом – фрагменты житий следуют друг за другом в зависимости от даты празднования памяти святых в пределах месяца. Так, за первой цитатой из жития Афанасия Афонского (л. 1 об.–2), память которого отмечается 18 января (по старому стилю),

раздѣляется, въ зрѣтельное и дѣятельное...» (л. 19) ср. [там же, стлб. 311]; во втором аргументируется необходимость изучения философии: «Но ꙗкоже начаша нѣции фѣлософѣи, глаголюще не выгнати сѣи...» (л. 19) ср. [там же, стлб. 312].

4. Овладение этими гуманитарными дисциплинами и, в первую очередь, грамматикой является залогом совершенного знания славянского языка и успешной профессиональной книжно-языковой деятельности, перевода и редактирования. Это основная тема четвертого цитатного блока (л. 19 об.–33 об.), состоящего из фрагментов сочинений Максима Грека. «аще кто недовольнѣ и совершеннѣ навчѣнъся боудеть ѿже грамматикѣи и пѣитикѣи и риторикѣи, и самыа фѣлософѣи, не можеть правнъ и совершеннъ, ниже разумѣти писоуемалъ, ниже предложити ѿ на инъ ѿзыкъ» (л. 24). Максим Грек утверждает инновационный для Московской Руси XVI–XVII вв. грамматический подход к книжному языку и тексту, при котором важнейшим критерием в оценке их правильности является грамматика. «Правильность связывается не с древностью, а с учёной филологической обработанностью» [Живов 1993: 113]. «А ѿкъ не порчно сцѣнныа книги, ѿкоже клеветѣтъ ма враждоующии всоуе, но прилѣжнѣ и всѣким вниманѣемъ, и вжѣнмъ страхомъ, и правымъ разумомъ исправляю ихъ, в нихъже растѣшася, дво ѹбо ꙗ преписоующихъ ихъ не надчѣныхъ соуцихъ и не искоусныхъ в разумѣ и хитрости грамматикѣистѣи. двоже и ꙗ самѣхъ исперва сотворшихъ книжныи преводъ, приснопаматныхъ мѡжѣи. Речѣтъ во са истина; есть нѣгдѣ непѡнъ разумѣвшихъ слѡвъ ѣллинскихъ рѣчѣи, и сегѡ ради далече истины ꙗпадѡша (л. 23 об.–24).

В предисловие ГМ вошли отрывки из четырёх сочинений Максима Грека, в которых он опровергает возводимые на него обвинения в порче книг, обосновывает свою практику книжной sprawy, основанной на грамматике, и эксплицирует свои принципы перевода.

1) «Исповедания православной веры Максима инока из Святой горы, имже извѣщает, о Христе Иисусе, всякаго православнаго священника же и князя, что по всему истиннейши есть православен инок, всю православну веру соблюдая целу и непрѣменно и непорочно»¹ (л. 19 об.–21);

¹ Опубликовано в [Максим Грек I–III: 1, 23–39]. Находится в рукописях: ГИМ, Ув. № 309, гл. 1, л. 4–11, Хлуд. № 73, сл. 1; РГБ Рум. № 265, гл. 1, л. 5–11, Тр. № 200, л. 22–26; ГИБ, F.1.250, л. 13 об.–21; ЦГИА, ф. 834, оп. 4, л. 1622 (нач. XVII в.), л. 324–336.

2) «Слово обличительно, вкупе и развращательно, лживаго писания Афродитиана, персянина зломудреннаго»¹ (л. 21–23);

3) «Слово отвешательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть господня по воскресении из мертвых неописана бысть. Чтушен, внимайте прилежно и рассуждайте богоугодно, вкупе и человеколюбно»² (л. 23–25 об.);

4) «Слово отвешательно о книжном исправлении, списано художным иноком Максимом из Святыя горы»³ (л. 25 об.–33 об.).

Идеи, изложенные в цитируемых сочинениях Максима Грека, получают свое продолжение и развитие в приводимых далее словах его ученика Силуана (л. 33 об.–34), который в качестве писца и переводчика сотрудничал с Максимом Греком в 1518–1525 гг. [Булангина 1989: 321–322] и «добрѣ ѱзыкъ грѣческомѣ ѱзыкъ ѱ грамматикѣи» (л. 33 об.). Силуан отстаивает необходимость обращения к грамматическим критериям при переводе и редактировании и подвергает обличению книжников, игнорирующих «грамматичное оустроѣнїе»: «вѣмъ бо вѣмъ многнхъ ѿ тцеславїа въ таково безоумїе пришѣдшихъ, ꙗкоже не вѣдѣти ничесого грамматичнаго оустроѣнїа, ниже родивъ, ниже временъ, ниже ѿкончанїей, ѱ прочнхъ таковыхъ, ꙗже ѱзложїша премоудрѣнїи оучители. таже с таковымъ неразоумїемъ шатающїса, прелагати неоудобъ разоумнаа ѱ исправлти, да не рекоу сопротивнаа творити, ѱхъже вѣдоу вѣсте кси ѱже писанїе прочтающїи» (л. 33 об.–34).

5. Если Максим Грек и Силуан рассматривают грамматику как инструмент человека, профессионально занимающегося книжно-языковой деятельностью, то в следующем, пятом блоке цитат из патристических сочинений (л. 35–39 об.) в сферу её действия включаются *все христиане*. Владение грамматикой признаётся делом богоугодным; это необходимое условие познания Божественной истины, адекватного понимания и интерпретации Священного Писания, что, в свою очередь, является залогом спасения души верующего: «сїце оубв златоубствъ, дхомъ стымъ насъ наказоуетъ, ѱ принждаетъ любовтроуднѣ ѱспїтовати, вжтвеннаа писанїа. ꙗкоже ѱ ѱндѣ страшнѣе глаголаъ

¹ Опубликовано в [Максим Грек I–III: III, 125–149]. Находится в рукописях: ГИМ, Син. № 491, гл. 62, л. 243–253 об., Ув. № 309, гл. 10, л. 73–84; РГБ Ак. № 42, сл. 10, л. 104–119, Рум. № 265, л. 65–75; ГПБ, Q.1.219, гл. 14, л. 182–198.

² Опубликовано в [Максим Грек I–III: III, 60–79]. Находится в рукописях: ГИМ, Син. № 491, л. 45–53, Ув. № 309, гл. 11, л. 84–92 об., Хлуд. № 73, сл. 11; РГБ Ак. № 42, сл. 11, л. 119 об.–130, № 138, сл. 11, Тр. № 201, л. 78–86; ГПБ, Q.1.220, л. 60–101 об., Q.1.219, гл. 15, л. 198–209.

³ Опубликовано в [Максим Грек I–III: III, 79–92]. Находится в рукописях: ГИМ, Ув. № 309, гл. 12, л. 92–98; ГПБ, F.1.250, гл. 44, л. 99 об.–105, Q.1.219, гл. 16, л. 210–219.

сеи приводитъ гла, нѣсть рече спастиса никомѣже, аще не часту прочитаніа дѣокнаго наслаждается» (л. 37).

Патристический блок содержит фрагменты творений отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого и Анастасия Синайского, которые цитируются в предисловии ГМ по изданной в 1591 г. в Вильно книге Никона Черногорца «Книга бгѣдхновена собрана зѡ спиѡсана ъ мнѣгъх и5 различныхъ бжтвенныхъ к[н]и0гы7 вт/хаго2 Яско же решиѡ завѣта и5 ноѡваго07 приАбньмъ ѡцемы наѡшими ниѡкономъ7 жиѡв*щимъ вы глѣмѣли чрынн горѣ». Пятый цитатный блок представляет собой компиляцию, созданную на основе второго и восьмого слова «Книги...» Никона: ГМ л. 35–39 об. = «Книга ...» Никона л. 4–4 об., 14–15, 59 об.

По второму слову, посвященному обоснованию того, «ако ѡ невѣдѣти намъ бжтвеннаа писаніа впаднѣмъ в сѣти дѣвола. ѿ погыбели преданнъ бываемъ» (л. 3 об.), в предисловии ГМ приводятся: а) начало первой беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (л. 35–36) = «Книга...» Никона (л. 4–4 об.); б) 331-й постнический устав «Аще на ползѣ естъ ѿже вновѣ приходѣщимъ дѣѡе іаже ѡ писаніи изъоучати» Василия Великого (л. 37 об.) = «Книга...» Никона (л. 14 об.); в) слова Анастасия Синайского (л. 38) = «Книга...» Никона (л. 14 об.); г) отрывок из третьего слова Иоанна Златоуста «ѡ богатѣмъ і ѡ лѣзарѣ» (л. 38 об.–39) = «Книга...» Никона (л. 14 об.–15). Ср., например, фрагмент, содержащий описание рекомендуемой Златоустом процедуры освоения текста, предполагающей многократное прочтение, консультации «премоудрѣйшаго оучителя» и Божью помощь:

«Книга...» Никона

...прійми в рѣкк книгѣ. прочти списаніе все. ѿ разѣмѣваемѣ оудрѣжакѣ. безвѣстнаа ѿ невѣдомаа многаши проиди. ѿ аще не възможешн частымъ прочитаніемъ разѣмѣти глѣмоѣ, шествыи къ премѡдрѣишомѡу, прійди къ оучителю, възпроси ѡ глѣмыхъ. много покажи потцаніе. ѿ аще видитъ та, бгѣ толнко оусрѣдѣа ѿмоуца, не презритъ ти бдѣніе ѿ попеченіе. нѣ аще ѿ чѣкѣ не наѣ

ГМ

...прійми к роуцѣ книгѣ, ѿ прочти списаніе все, ѿ разѣмѣваемѣ оудержи, безвѣстнаа же ѿ недовѣдомаа многажды прочти. ѿ аще не възможешн частымъ прочитаніемъ разѣмѣти глаголемое, шествыи к премоудрѣишемѡ оучителю, ѿ вопроси глаголемыхъ, ѿ много покажи потцаніе. ѿ аще видитъ та бгѣ толнко ѡсердѣе ѿмоуца, не презритъ ти бдѣніи попеченіа. но аще ѿ человекѣ не

чи^т та ѿскомоє. ѿ тѣ ѿкрыѣ^т
ти всако. ѿ сѧ оубо зде глѣ^т.
(л. 14 об.—15)

научитъ та ѿскомаго, тѣмъ
ѿкрыетъ ти всако. ѿ сѧ оубо
зде глаголетъ. (л. 38 об.—39)

По восьмому слову «**Ѹ различїи оумнтелѣи...**» «Книги...» Никона Черногорца в ГМ даётся отрывок из беседы Иоанна Златоуста на Послание к Римлянам [Златоуст I—XII: IX, 484] (л. 39—39 об.) = «Книга...» Никона (л. 59 об.), в котором перечислены опасные с догматической точки зрения и пагубные для души последствия («вечисленамъ зла») невежества, «невѣденїа писанїа». Ср.:

«Книга...» Никона

Велико оубо зло еже не вѣдати
писанїа. ѿ ꙗкоже скѣтъ безсло-
весенъ ѿвноситъсѧ. ѿво ѿ сего
безчисленамъ зла раждаютъсѧ,
ѿ невѣденїа писанїи. ѿ сего
лютымъ еретическимъ возрастѣ
недоуѣтъ ѿ сего небрегомамъ ѿ
нейсправленамъ житїа. безъ
привытка трудоу. помраченїе
дѣши. дѣволабѣ прелесть. (л. 59
об.)

ГМ

велико оубо зло еже не вѣдати
писанїа, ѿ ꙗкоже скѣтъ
безсловесенъ ѿвноситъсѧ. ѿво ѿ
сегѣ бесчисленамъ зла раж-
даютъсѧ ѿ невѣденїа писанїи.
ѿ сегѣ лютымъ еретическимъ воз-
растѣ недоуѣтъ. ѿ сегѣ небре-
гомамъ ѿ нейсправленамъ житїа.
бесъ привытка трудоу. помраченїе
дѣши. || дѣвола прелесть. (л. 39—
39 об.)

6. В качестве самостоятельного раздела в предисловие был включён фрагмент «Сказания о семи свободных мудростех»¹ под названием «похвальнаа словеса сѧ блженнаа ѿ стѣмъ книгїи грамматїки да не нарекоутъсѧ, ꙗко во ѿ лица еѧ быти реченнымъ» (л. 40—44), апология первой из семи мудростей – грамматики.² «Похвальные слова...» подчер-

¹ Находится в рукописях: ГИМ, Чуд., № 298 (96); Син., № 353, 623, 933; Ув., № 1707 (45); РГБ, Рум. № 376, собр. А.Н.Попова, № 66; собр. Большакова, № 318. «Сказание» послужило источником для «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария (1672 г.), в которой «художества» разделяются на «свободные» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрология) и «служительные» (земноорание, лов, воинство, кование, рудомерство, тканье, кораблесплавание). Опубликовано в [Спафарий 1978: 141–153].

² Перечень «семи свободных наук» распространялся в трактате Марциана Капеллы «О бракосочетании Меркурия и Филологини» (V в.), популярном в Средние века [Аверинцев 1976: 43]. План освоения этих наук, поделённых на тривиум и квадриум, был составлен Бозием. При этом процесс обучения осмыслялся как некое восхождение. Так, в предисловии к своей грамматике Алкуин писал: «У Соломона мудрость сама о себе говорит: мудрость создала себе дом и утвердила столпов семь... И книжная мудрость поддержива-

кивают основополагающую роль грамматики как начала начал всех остальных наук и знаний, «ключа», отверзающего «дверь разумѣнія» (л. 41). Персонифицированная «ѿ седми началнаа и свободнаа мудрость грамматика» (л. 43) являет себя как дар Божий («вже дарованіе нарицатиса хощѣ» л. 40), ниспосланный всем «тщашимса и желашимса» (л. 43): «Понѣже во младѣнцемъ есмь, іакъ питателница, началомъ моимъ в началѣ своегоу бытїа, тонкимъ своимъ и острымъ гласомъ, воздухъ предираетъ | еже во азъ воскликываетъ, и тѣмъ пицю себѣ испрошаетъ. Дѣтцамъ же іакъ хранителница, іакъ на восприятїе своегоу бытїа пѣствны призываетъ. Отрочатимъ же іакъ выстрозрителнаа наставница, іакъ вса качества и количества не премолчаваетъ, но всако вопрошаетъ, и вѣдатиса понждаетъ; Юношамъ, іакъ цѣломудрою оучителница. Мужемъ, іакъ любимаа сожителница. И пресгарбючимса, іакъ всечестнаа советѣдница. Коупно же всемъ без разсѣденїа раста, іакъ второродителница» (л. 40–40 об.).

Представленные в предисловии ГМ авторитетные библейские, патристические и агиографические цитаты создают особую перспективу восприятия самой грамматики: в таком контексте «грамматическая хитрость» не может быть воспринята как «внешняя мудрость», противопоставленная подлинному благочестию. Напротив, грамматика обретает сакральное и теологическое значение, выступает как средство познания сущности Божественных догматов, Божественной правды, а, следовательно, как разновидность богословия. Такая аргументация необходимости изучения грамматики определяется спецификой социокультурной ситуации Московской Руси XVI–XVII вв., где доминировало устойчиво негативное отношение ко всему комплексу гуманитарных дисциплин (в частности, грамматике, риторике, философии), изучение которых признавалось сомнительным и опасным с религиозной точки зрения [см. Успенский 1994]. Новое предисловие открывает доступ

ется столпами семи свободных искусств и не иначе приводит к совершенному какому-либо знанию, как только при помощи этих семи столпов или степеней. И вы, любезнейшие дети, идите по этим стезям мудрости до тех пор, пока возраст более совершенный и ум более крепкий не приведут вас к вершине Священного Писания» [Пресображенский 1881: 74]. Представление о комплексе наук, направленных на постижение Священного Писания, было воспринято и в Древней Руси. Так, Франциск Скорина в предисловии к Библии упоминает семь «наукъ вызволенныхъ» [Скорина I: 3]. Концепция «семи свободных наук» служила основой для программы обучения в Острожском училище, в Киево-Могилянской Академии. Ради изучения «семи свободных наук» Фёдор Ртищев в 1649 г. организует училище в Андреевском монастыре. Существует мнение, что к открытию этого училища и было приурочено издание ГМ [Миндич 2005].

грамматике Мелетия Смотрицкого в Московскую Русь, служит своего рода знаком легитимности этого текста.

Литература

- Аверинцев С. С. Судьбы сврвропейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
- Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю 1517–1519 гадах. Мінск, 1990–1991. Т. I–III.
- Буланина Т. В. Силуан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2. Л – Я. Л., 1989.
- Великие Минеи Четии собранныя Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 10. Декабрь, дни 1–5. 1901. Вып. 11. Декабрь, дни 6–17. 1904. Вып. 15. Январь, дни 1–6. 1910.
- Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Засадкевич Н. А. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.
- Зиборов В. К., Сапожников О. С., Яковлев В. В. Рогов (Рогоев, Рогуев) Михаил Стефанович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 3. П – С. СПб, 1998.
- Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12-ти томах. М., 1991–2003. Репринт: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. СПб., 1898–1906.
- Кузьминова Е. А., Ремнёва М. Л. Предисловие // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
- Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859–1862. Ч. 1–3.
- Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под. ред. А. Е. Супруна. Минск: Изд-во университетское, 1984.
- Миндич Д. А. Культура Москвы XVII века // Интернет-проект «История Москвы». Центр истории науки и техники РГГУ. <http://kursy.ruh.ru/istoria/moskva/moskva.asp?menu=1&razdel=26&nomer9>.
- Німчук В. В. Граматыка М. Смотрицького – перлина давнього мовознавства // Пам'ятки української мови XVII ст. Мелетій Смотрицький. Граматика / Підг. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979.
- Пиккно P. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
- Преображенский В. Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб, 1881.
- Пролог (III–VIII). М., Печ. двор. 6 XII. 1643.
- Спафарий Николай. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О.А. Белобровой. Л., 1978.
- Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) // Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994.
- Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб, 1896.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

А.А. Коростелёва

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДНОГО ФИЛЬМА В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И ИРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ

Любой звучащий перевод иноязычного фильма представляет собой интерпретацию представленных в фильме событий и характеров практически в той же степени, что и каждая новая независимая постановка или экранизация произведения. Это положение, на первый взгляд, вступает в противоречие с тем, что в переводном фильме имеется фиксированный видеоряд с полным набором невербальных средств выражения (поза, мимика, жест), который не подлежит никаким изменениям при наложении русской речевой дорожки. Тем не менее сравнительный анализ разных русских переводов одних и тех же фильмов показывает, что расхождения между различными переводами таковы, что правильнее говорить именно об иной интерпретации, неповторимой трактовке художественно огибаемых событий, и корни этого явления следует искать в принципиально интерпретационном характере русских средств коммуникативного уровня¹. Ведущей в данном случае становится стратегия русского актера, задействованного при озвучании, которая, в свою очередь, проистекает из понимания актером роли.

Предыдущие этапы исследования показали, что выбор коммуникативных средств в диалогах переводного фильма способен влиять на формирование различных образов одного персонажа [Коростелева 2004], различных ансамблей персонажей с разным типом взаимоотношений в пределах ансамбля [Коростелева 2007б, 2007в], а также – в отдельных случаях – на формирование жанра переводного фильма [Коростелева 2006]. Сопоставление с польским языком показало, что активная работа собственно коммуникативных средств (частиц, междометий, интонации и др.) и большая смысловая нагрузка именно на эти средства при создании русской звуковой дорожки к переводному фильму являются типологической особенностью русского языка, в то время как в польском активизируются коммуникативные возможности лексических и лексико-синтаксических средств, большие усилия переводчиков на-

¹ Мы опираемся на сформулированные в работах М.Г. Безясовой базовые понятия коммуникативного уровня языка и инвариантов коммуникативных средств [Безясова 2002, 2005]; в статье используется интонационная транскрипция, разработанная Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982], которой принадлежит также и первый опыт анализа интонационных средств в художественном тексте [Брызгунова 1984].

правлены на выбор структуры из вариативного ряда (этому уделяется, как правило, заметно больше внимания, чем в русском) [Коростелева 2007a].

Данная работа посвящена специфике работы коммуникативных средств при создании звучащего перевода в русском и польском в сопоставлении с ирландским гэльским (группа кельтских островных языков, западная ветвь индоевропейской языковой семьи; язык синтетический и флективный). Материалом для анализа послужили ирландский, польский и русский переводы фильма «Гарри Поттер и тайная комната» (*Harry Potter and the Chamber of Secrets*, 2002); все три перевода представляют собой полное дублирование.

Выбор данного фильма обусловлен тем, что «Гарри Поттер и тайная комната» – это фактически единственный массовый популярный игровой фильм, для которого было сделано ирландское дублирование. Это вторая по счету картина из цикла фильмов о Гарри Поттере по книгам Дж.К. Роулинг (пятый фильм вышел на экраны в 2007 году), тем не менее ни первый фильм, ни последующие дублированы на ирландский язык не были. Этот проект канала TG4 Ирландского телевидения в процессе осуществления был в центре внимания ирландской общественности и оценивался по-разному. Его сторонники подчеркивали необходимость государственной поддержки ирландского языка, формально считающегося «первым и основным государственным языком» (Конституция Республики Ирландия, ст. 8, §1), на деле же относящегося к малым языкам Европы, противники же высказывали сомнение в целесообразности затрат на изготовление ирландской версии фильма в обществе, где практически все носители языка двуязычны (то есть владеют как ирландским, так и английским). Дублирование такого «культового» фильма, как «Гарри Поттер и тайная комната», на ирландский как раз имело своей целью заинтересовать детскую и подростковую аудиторию ирландским языком, стимулировать изучение школьниками ирландского языка. Таким образом, применительно к Ирландии и ирландскому языку едва ли можно говорить о сложившихся навыках в области перевода игровых фильмов, о дублировании, «поставленном на поток», тем более – о существовании традиции, определенной школы дубляжа, что, безусловно, верно для России и Польши.

Специфика ирландской языковой ситуации порождает целый ряд особенностей речевой дорожки, неожиданных для представителей других языков и культур. Так, дублирующие актеры говорят с региональными особенностями не только в области фонетики (что в принципе неизбежно в силу отсутствия в ирландском языке кодифицированного литературного произношения), но также – изредка – лексики и грамматики (хотя в основном текст диалогов остается в рамках кодифицированного языка). Люциус Малfoy из ирландской версии использует южное, мюнстерское произношение, выговор же великана Хагрида относит

последнего к числу жителей Коннемары (западное побережье Ирландии), однако это не является художественным приемом, лишено какой бы то ни было эстетической нагрузки и не скрывает в себе никакого дополнительного смысла (что было бы неизбежно в аналогичной ситуации в русском: допустим, оканье персонажа едва ли могло бы считаться абсолютно нейтральной чертой и не служить никакой характеристикой героя). Предполагается, что зритель просто игнорирует некоторые аспекты речи актеров как допустимую условность: так, к примеру, в сцене в доме Уизли Рон Уизли и его мать употребляют разные региональные варианты слова «решетка», что, если подумать, крайне маловероятно для членов одной семьи:

Рон: Ní raibh siad á bhcathú, a Mhaim. Bhí sparraí ar an bhfuinneog.

Мама Уизли: B'fhéidir gur cheart domsa barraí faoin bhfuinneog sin agatsa, Ronald Weasley.

Рон: Они его не кормили, мама. У него на окне была решетка!

Мама Уизли: Может, мне стоит поставить решетку на твоё окно, Рональд Уизли?

В силу разницы семантического устройства коммуникативных уровней различных языков, разной степени дифференцированности этого уровня в разных языках и неотъемлемо присущей ему вариативности деятельность переводчика носит принципиально интерпретационный характер. Создатели перевода исходят из собственной эстетической задачи, понимание которой уже, как правило, значительно отличается в разных версиях. Для воплощения того типа взаимоотношений участников коммуникации, который соответствует эстетической задаче, переводчик отбирает из системы языка определенные коммуникативные средства, причем отбор происходит на нескольких уровнях (целеустановка, конструкция, та или иная конкретная коммуникативная единица, та или иная реализация значения). Принципы выбора языковых средств, с одной стороны, подчиняются эстетической задаче, с другой – диктуются самим чертежом языка, спецификой устройства его коммуникативного уровня, отчего те или иные группы средств могут оказываться предпочтительными. Тип отношения позиции говорящего, позиции слушающего и ситуации, выстраиваемый в диалоге с помощью коммуникативных средств, содержит в себе те смыслы, из которых складываются образы, характеристики героев, зрительское впечатление о персонаже, то есть собственно эстетический эффект.

Таким образом, расхождения между переводами одного фильма могут быть разного рода. В одних случаях переводы могут предлагать радикально различные трактовки образа, что предопределяет различный тип отношения говорящего, слушающего и ситуации в дублируемом

эпизоде; при этом сами средства, отбираемые переводчиками из системы языка, могут быть сходны или же различны. С другой стороны, эстетический замысел авторов дубляжа может оказаться достаточно близким в разных переводах при значительном расхождении в реализующих его конкретных речевых стратегиях и тактиках и в характере средств, работающих на создание этого образа.

Остановимся вначале на чрезвычайно ярком случае расхождения всдущей стратегии речевого поведения персонажа во всех трех анализируемых версиях. Обратимся для этого к эпизоду, где профессор Снейп (Алан Рикман), декан факультета Слизерин, ругает Гарри и Рона, которые прилетели в школу на волшебном автомобиле и врезались в дерево, за нарушение школьных правил и законов волшебного мира. На самом общем уровне эстетическая задача у русского, польского и ирландского дублеров одна и та же: цель профессора Снейпа – оказать психологическое давление на учеников, вызвать у них чувство вины. Однако используемые для этого речевые стратегии у русского, польского и ирландского Снейпов заметно разнятся. Различными оказываются и отбираемые из системы языков средства (то есть не совпадает не только тот комплекс значений, который передается, но и то, какими средствами передаются эти значения, какого рода языковые единицы активизируются для воплощения переводческого и актерского замысла). Как будет видно ниже, фактически в трех разных переводах провинившихся учеников ругают *три разных человека*, поскольку стратегии поведения, избираемые разными дублерами, оказываются одновременно яркими личностными характеристиками говорящего. Каждая из них сама по себе задает некий неповторимый образ человека, произносящего соответствующий монолог.

Русская версия:

Снейп: Вас видели... по меньшей мере [—] / [—] 2
₄ семь магглов! // Вы
 понимаете, / насколько это серьезно // Вы... подвергли наш мир
₂ риску быть... обнаруженными! // Я уже не говорю об ущербе, / нане-
₄ сенном ₆ вами Гремучей Иве, / которая росла на этой земле / за-
₂ 2\ долго до вашего рождения! //

¹ Словом «маггл» волшебники в книгах о Гарри Поттере называют обычных людей, не имеющих отношения к магии и, как правило, не подозревающих о существовании рядом с ними параллельного мира волшебников.

6 \ 2
Рон: Но правде, профессор Снейп, / она нанесла нам больший
ущерб //.

2 \ 4
Снейп: Молчать! // . Уверю вас: // будь вы студентами Сливе-
рина и решай вашу судьбу я, вы бы ехали... сегодня на поезде домой
2 2 / 2
! // Но, / к сожалению, // это не так //.

Русский актер, дублирующий Снейпа, прежде всего извлекает все, что можно, из звучания: подчеркнутое замедление темпа речи при повышении отчетливости артикуляции (в значении 'объясняю для непонятливых'), узкие гласные, сжатая глотка, напряженные долгие соглас-

ные, понижение фонетического регистра (« 1 Вас ⁶видели.. по ²меньшей
мере ²с емь маггл²ов»), уменьшение голосовой составляющей («1 Уверю
вас»), придыхание – все это средства, в сумме способные привести

оттенок угрозы в высказывание с практически любым лексико-синтаксическим составом. Если не владеть такой же полной информацией о ситуации, как Снейп, сам по себе текст здесь может быть воспринят как достаточно нейтральный; именно звучание дает понять зрителю, что произошло нечто экстраординарное. Таким способом создается нужный эмоциональный фон, эффект с трудом сдерживаемой ярости.

Несколько раз встречающаяся на протяжении монолога Снейпа ИК-4 обеспечивает официальность и дистанцированность, однако самое частотное движение тона здесь – ИК-2, часто с усилением, что совершенно объяснимо: Снейп не намерен оставлять слушающим никакого выбора, его вариант видения положения дел для них – единственный.

С особенным отвращением Снейп произносит местоимение *вы*: каждый раз с долгим напряженным [v], а однажды – со смычкой на глас-

ном и паузой («Вы... подвергли наш мир риску быть... обнаруженным»), как бы в последний момент удерживаясь от каких-то значительно более пелицеприятных слов в адрес слушающих и с трудом оставаясь в рамках цивилизованной беседы. Очень значимо в данном контексте то, что русский актер меняет целеустановку, заменяет вопрос («Вы понимаете,

насколько это серьезно?») констатацией факта: «Вы понимаете, /
^{2 \} насколько это серьезно». Вопрос подразумевал бы ответ, а Снейп все не собирается предоставлять ученикам право голоса. Замечая вопрос утверждением, он увеличивает тем самым вину Гарри и Рона и

серьезность проступка: согласно Снейпу, ученики не могли не понимать, что делают, и тем не менее, сделали.

Характеристики русского Снейпа выгодно дополняет выбор в пользу структуры «молчать!». Поскольку инфинитив в нашем языке связан с идеей нормы, говоря именно «Молчать!» (а не «Тихо!», «Помалкивай-те!», «Придержите язык!», «Ни слова!» и под.), профессор Снейп апеллирует тем самым к норме, к представлениям социума, указывает на то, что существует социальная норма и ученики от неё отклонились. Это же влечет за собой мощный эффект дистанцирования говорящего от собеседников. Если учесть, что этот эмоциональный взрыв следует в ответ всего лишь на робкое возражение Рона, осмелившегося указать на то, что агрессивное заколдованное дерево их чуть не убило, характеристика Снейпа становится вполне завершенной.

Польская версия:

Снейп: Widziało was co najmniej siedmioro mugoli. Do was nie dociera waga konsekwencji. Naraziliście nasz świat na ujawnienie! Na dodatek stracowaliście Bijącą Wierzbę, która rosła tutaj zanim wy zjawiliście się na świecie.

Рон: Ale, profesorze Snape, tak niewiele brakowało...

Снейп: Cisza! Zapewniam was: gdybyście byli w Sliterynie, a wasz los zależałby ode mnie, obaj byłibyście w drodze do domu już teraz! W Sliterynie...

Перевод польской версии:

Снейп: Вас видело по меньшей мере семеро магглов. До вашего сознания не доходит вся весомость последствий. Вы подвергли наш мир разоблачению! В придачу к этому вы нанесли ущерб Драчливой Иве, которая росла здесь до того, как вы появились на свет.

Рон: Но, профессор Снейп, еще же немного – и...

Снейп: Тихо! Уверяю вас: если бы вы были в Слизерине, а судьба ваша зависела бы от меня, вы оба были бы на пути домой уже сейчас! В Слизерине...

Польский Снейп пользуется другими приемами запугивания. Он выстраивает свой монолог из канцеляризмов и официальных штампов. Русский Снейп использует элементы письменной речи («Я уже не говорю об ущербе, нанесенном вами Гремучей Иве»), но очень ограниченно, в то время как в польской версии это сделано гораздо более нарочито и становится главной его речевой характеристикой. Для понятия «последствия» он выбирает латинизм *konsekwencje* (при наличии исконно польских слов *wyniki, skutki*), он использует сложные, развернутые предикаты *naraziliście na ujawnienie* ('подвергли опасности разоблачения'),

zjawiliście się na świecie ('появились на свет'). Он не дает заметить в себе человеческое начало, скрываясь за официальной, книжной речью, которая подавляет подростков уже самой своей синтаксической и лексической сложностью, как если бы в лице Снейпа они столкнулись с неумолимой административной машиной. Из особенностей звучания в польской версии можно отметить усиление отчетливости артикуляции и повышенную громкость речи; в то же время такой волны негативных эмоций, обеспечиваемой *одним только звучанием*, как в русском, в речи польского Снейпа не наблюдается. Он резко дистанцируется и ставит себя выше собеседников в первую очередь при помощи лексических средств.

Ирландская версия:

Снейп: Chonaic siad sibh. Chonaic seachtar Mugal sibh. Nach bhfuil tuiscint dá laghad agaibh? Chuir sibh saol na draíochta os comhair an tsaoil mhóir. Gan basadh leis an damáiste a rinne sibh don chrann uasal atá ar thalamh na scoile ó bhliain na bhfear mór.

Рон: Dáiríre, muis, a Ollainh Snape, an crann a rinne damáiste dhúinne...

Снейп: Cíúnas! Dar mo shlaitín! Dá mba in áras Slytherin sibh is cinneadh bhur gcinníúna fúmsa bheadh an bheirt agaibh ar an traein abhaile! Anocht! Nuair nach...

Перевод ирландской версии:

Снейп: Они видели вас. Вас видело семеро магглов. Вы что, вообще ничего не понимаете? Вы выдали существование мира волшебников всему свету! Не говоря уже о том уроне, который вы нанесли почтенному дереву, что растет на школьной земле со времен великих мужей прошлого.

(Букв.: *Видели они вас. Видели семеро магглов вас. Неужели нет понимания малейшего у вас? Поставили вы мир волшебства перед миром большим. Без учета того вреда который сделали вы дереву почтенному которое находится на земле школы со времен мужей великих.*)

Рон: Эй-богу же, профессор Снейп, это как раз дерево нанесло урон нам...

(Букв.: *На самом деле же, профессор-ВОС Снейп, АРТ дерево которое сделало вред нам-ЕМРН...).*)

Снейп: Тихо! Клянусь своей волшебной палочкой! Будь вы на факультете Слизерин и будь решение вашей судьбы предоставлено мне, вы оба были бы в поезде на пути домой! Этим же вечером! Но поскольку вы не...

(Букв.: *Тишина! Моей палочкой! Если бы были на факультете Слизерин вы и решение вашей судьбы от меня были бы вы двое на поезде домой! Сегодня вечером! Когда не...).*)

Ирландский монолог Снейпа в наименьшей степени производит впечатление плавной, обдуманной, заготовленной в уме речи. Напротив, короткие отрывистые высказывания («Они видели вас. Вас видело семеро магглов») свидетельствуют о взволнованности и, возможно, даже страхе самого говорящего. Безусловно, он говорит с учениками резко, однако в высказываниях “Chonaic seachtar Mugal sibh. Nach bhfuil tuiscint dá laghad agaibh?” («Вас видело семеро магглов. Вы что, вообще ничего не понимаете?») актер уменьшает голосовую составляющую и почти переходит на шепот, обозначая таким образом общность этого страха перед свершившимся, показывая, что бояться следует не только ученикам – он сам боится того, что теперь будет. В отличие от русской версии, где Снейп (в соответствии с английским оригиналом) вменяет студентам в вину лишь то, что они *подвергли* волшебный мир *риску быть обнаруженным*, ирландский и польский Снейп предпочитают представить случившееся в более страшном свете: если верить Снейпу в этих версиях, Гарри и Рон раз и навсегда выдали всему свету факт существования волшебного мира, то есть совершили нечто непоправимое. В ирландской интерпретации Снейп воздействует на учеников, донося до них собственную тревогу.

Далее он использует еще один способ повлиять на студентов и пробудить в них раскаяние: он апеллирует к многовековой традиции: «Не говоря уже о том уроне, который вы нанесли почтенному дереву, что растет на школьной земле со времен великих мужей прошлого». Проблема *Бьющей Ивы* (в оригинале – *Whomping Willow*) – вздорного, драчливого волшебного дерева, оборачивается здесь неожиданной стороной. В ирландской версии дерево не только не названо прозвищем вроде Драчливая или Гремучая (в одном из русских письменных переводов – Дракучая), оно даже не классифицируется как ива; в своем обобщении Снейп возводит ее в ранг «почтенного дерева» (*an crann uasal*; прилагательное *usal* имеет широкий спектр значений – от ‘высокий, благородный’ до ‘зачарованный, священный’), которое даже не *растет*, а просто *находится, пребывает* на земле школы *со времен великих мужей прошлого*. Описанное таким образом, поведение Гарри и Рона начинает выглядеть как презрение к традиции, к истории этих мест, и проступок школьников предстает в совершенно ином свете.

Итак, выговор, который делает ученикам ирландский Снейп, строится по третьей схеме: он психологически давит на учеников, пытается приобщить их к своей тревоге, объединиться с ними в страхе, а затем подчеркивает асоциальность их поведения, вменяя им неуважение к традиции.

Нельзя не заметить, что три сравниваемых монолога формируют три различных образа профессора Снейпа: в русской версии это крайний мизантроп, который, по-видимому, испытывает презрение и нена-

висть к ученикам, даже когда они ни в чем еще не провинились, – и тем более охотно дает им почувствовать эти свои эмоции, когда они провинились; в польской – бюрократ, у которого человеческое начало заслоняется языком официальной документации, в ирландской – человек, дорожающий своей интегрированностью в традицию, живо противопоставляющий мир своих миру чужих.

Тенденция, просматривающаяся в отборе языковых средств, сводится к следующему: русский язык активно эксплуатирует возможности собственно коммуникативных единиц и единиц с ведущей ролью коммуникативных параметров в их взаимодействии друг с другом и со средствами номинативного уровня языка, в то время как польский и ирландский при создании характеров в большей степени опираются на работу номинативных единиц, осложненных коммуникативными характеристиками. Звучащие средства как в польском, так и в ирландском способны привнести эмоциональный оттенок в значение конструкции или же усилить имевшуюся эмоциональную составляющую, однако широкими возможностями русского звучания, способного легко менять целеустановку (чем свободно пользуется русский актер дубляжа), они не обладают.

Мы видим, таким образом, что один и тот же герой в трех версиях перевода, добываясь своей цели, действует тремя разными методами, что реализовано во всех трех случаях разными языковыми стратегиями. В то же время характер задействованных средств (отражающий уже не столько волю конкретного переводчика, сколько объективное устройство самих языковых систем, языковую типологию) сближает польскую версию с ирландской и противопоставляет их обе русской версии.

Наряду с этим возможны случаи, когда трактовка образа двумя переводчиками обладает высокой степенью сходства, но при этом конкретные речевые стратегии и тактики, с помощью которых переводчики осуществляют свой эстетический замысел, различаются очень значительно. Возможна и зеркальная противоположность этого. Если разобраный выше эпизод со Снейпом демонстрировал, как в переводах *разное* может передаваться *разными же средствами*, то четко вычленимая в фильме сюжетная линия Люциуса Малфоя (Джейсон Айзекс) включает в себе еще две возможные модели соотношения переводов: *сходное передано разными средствами* (русский vs ирландский) и *разное передано сходными средствами* (польский vs ирландский).

Содержание этой сюжетной линии таково: Люциус Малфой, волшебник и аристократ из старинного рода, сторонник черного мага Вольдеморта, помогает своему повелителю вернуться в мир и завоевать его. Он подбрасывает дневник Вольдеморта, содержащий частичку его души и способный сам по себе творить зло, в вещи Джинни Уизли – одной из учениц магической школы Хогвартс. Зло распростра-

няется по школе, происходит серия загадочных нападений на учеников. Далее Малфой путем шантажа добивается отстранения от должности директора Хогвартса, профессора Дамблдора – одного из немногих людей, способных помешать планам Вольдеморта. Наконец Гарри Поттер, ученик Хогвартса, мальчик, обладающий необычными даже для этого магического мира способностями, находит способ уничтожить частичку души Вольдеморта. Разъяренный Малфой узнает от Дамблдора, вернувшегося на свою должность, подробности происшедшего, но вынужден лицемерно притвориться, что только рад такому исходу.

Впервые Люциус Малфой появляется в эпизоде в книжном магазине «Флориш и Блоттс». В целях удобства восприятия мы начнем с сопоставления русского и ирландского переводов, а затем введем польский материал. В сравниваемых ниже трех версиях эпизода герой находится в разном эмоциональном состоянии, и общая стратегия его речевого поведения в диалоге различается от версии к версии.

В русском переводе вся речь Люциуса Малфоя проникнута лицемерием и иронией. Большинство целеустановок оказываются ложными, имеющими «двойное дно». Угрозы и оскорбления, исходящие от Малфоя, почти ни разу не выражены им напрямую, все маскируется под светскую беседу. Максимально выдержанная, по сравнению с другими версиями, с точки зрения лексики, русская интерпретация восполняет негативное начало за счет звучания.

Русская версия:

Драко Малфой: Держу пари, тебе это нравится // . Знаменитый
 ~2 3 \ / ~ ~ /
 Гарри Поттер! // Не успел войти в лавку, / тут же попал в га-
 7
 зету // .

2
 Джинни: Оставь его! //

2 ~ 2
 Драко: Смотри-ка: // П(о:)ттер завел себе подружку! //
 2 3² 1

Люциус Малфой: И не груби, / Драко // . Это некорошо // . ;

1² 6 2
 Мистер Поттер // . Люциус Малфой // . (Пожимают друг другу руки).
 6 2

Позвольте, / молодой человек.. // (Отводит волосы Гарри со лба,
 6
 чтобы рассмотреть его шрам). Ваш легендарный шрам, / такой же
 6 1
 легендарный, как и волшебник, / который его вам оставил // .

2 3
Гарри: Волдеморт убил моих родителей // . Он не более / чем
2
убийца // .

6
Люциус Малfoy: < Чтобы произносить его имя, / нужно быть
3² 2
храбрецом // . Или глупцом // .

3 2
Гермиона: Страх перед именем только усиливает страх перед
3 2
тем, / кто его носит! //

6 3² 2³
Люциус Малfoy: А вы, должно быть... / мисс Грейнджер // . Да, /
2 2 3
Драко рассказывал мне про вас // и ваших родителей // . Магглы?
2³ 6 4 2
// Да? // А это кто? // Рыжие волосы, / бестолковый вид... // По-
6 4 2³
держанный... / учебник // . Вы, должно быть, Уизли // .
4 2 2

Папа Уизли: Дети, / здесь психушка // . Идемте отсюда // .

2 6 2³
Люциус Малfoy: Так-так... // Уизли-старший // .
2

Папа Уизли: Люциус! //

4 \h
Люциус Малfoy: Завален работой в Министерстве, Артур? // ;
6 3
Эти твои рейды... // Надеюсь, тебе платят сверхурочные? // Хотя,
6 2
судя по этим книгам, / нет // . Стоит ли позорить имя волшебника,
2
если... за это толком не платят? //
3

Папа Уизли: У нас слишком разный взгляд на то, что позорит имя
2
волшебника... / Малfoy // .

6 2 2³
Люциус Малfoy: Это / точно // . Общение с магглами... // (Уко-
6 6
ризенно качает головой). А я думал, / твоему семейству ниже
1 2³ 1
падать некуда // . (Легкий кивок). Увидимся / на работе // .

2
Драко (Гарри): Увидимся в школе! //

Ирландская версия:

Драко Малфой: Ba bhreá leat é sin ar ndóigh, a P^hotter. Clú agus cáil sa saol ort. Ní féidir leat seasamh i siopa nach mbeidh sé sa b^páiréar.

Джинни: Fan amach uaidh.

Драко: Ó, a P^hotter. Tá cailín faighte agat.

Люциус Малфой: Anois, Draco, labhair go deas. A Uasail Potter. Lucius Malfoy. Fada mé ag fanacht. An maithfidh tú dhom? Mór an scéal é seo mar gheall ar ndóigh ar an té a chuir ort é.

Гарри: Voldemort a mharaigh mo mhuintir. Níl ann mar sin ach marfóir.

Люциус Малфой: Is cróga an mac thú an t-ainm a rá amach. Nó seafóideach.

Гермиона: Faightis roimh ainm, ní ansin ach faightis na bhfaightis, Malfoy.

Люциус Малфой: D'fhágfadh sin gur tusa iníon Granger. D'inis Draco dhom mar gheall ortsa. Is do mhuintir. Mugail, nach ea? Is meas tú... cloigeann rua, súile dúra, seanleabhar caite stróicthe. Comhartha ar na Weasleys.

Папа Уизли: Gasúir, tá sé an-mheirbh. Amach linn.

Люциус Малфой: Bhuel, bhuel, bhuel anois. Weasley a haon.

Папа Уизли: Lucius.

Люциус Малфой: Mórán oibre sa Roinn, Artúir, anonn is anall ar ruathair. Tá súil agam go gcuidítear an t-am leat. Ach an chuma atá air seo ní fhaigheann tú pingin. Cén mhaith nádúr na draíodóireachta a thréigean nuair nach n-íoctar ar ár gcúl le cine.

Папа Уизли: Tá dearcadh fiordhifriúil agamsa mar gheall ar thréigean na draíodóireachta, Malfoy.

Люциус Малфой: Cinnte. Ag comhlúadar Mugal. Shíl mé go mbeadh beagán tuisceana ann. Thall san oifig.

Драко (Гарри): Thall ar scoil.

Перевод ирландской версии:

Драко Малфой: Уж конечно, ты был в восторге, Поттер. Слава о тебе гремит на весь мир. Ты и порога магазина не можешь переступить без того, чтобы это не попало в газету.

(Букв.: *Было прекрасно это по-твоему конечно, Поттер. Молва и слава в мире на тебя. Нельзя тебе ступить в магазин чтобы не было это в газете*).

Джинни: Отвяжись от него!

(Букв.: *Оставайся прочь от него*).

Драко: Ух ты, Поттер, у тебя завелась девушка!

(Букв.: *О, Поттер-ВОС. Есть девушка полученная у тебя*).

Люциус Малфой: Ну-ну, Драко, разговаривай учтиво. Приветствую, господин Поттер. Люциус Малфой. (*Пожимают друг другу руки*). Как долго я ждал этой встречи! Вы позволите? (*Отводит волосы Гарри со*

лби, чтобы рассмотреть его ирра). Это настоящая легенда – разумеется, из-за того, кто вам его оставил.

(Букв.: *Теперь, Драко, разговаривай любезно. Господин Поттер. Люциус Малфой. Долго я у ожидания. Простишь ли ты мне? Великая повесть он этот по причине разумеется того кто положил на тебя его*).

Гарри: Это Вольдеморт убил мою семью. Так что он никто иной, как убийца.

(Букв.: *Вольдеморт который убил мою семью. Нет в нем поэтому кроме как убийца*).

Люциус Малфой: А вы храбрый малый, если произносите это имя вслух. Или недалекий.

(Букв.: *Есть отважный малый ты АРТ имя сказать вслух. Или глуповатый*).

Гермиона: Страх перед именем – вот уж поистине худший из страхов, Малфой.

(Букв.: *Страх перед именем, нет там но страх страха, Малфой*).

Люциус Малфой: Это наводит на мысль, что вы мисс Грейнджер. Драко рассказал мне о вас. И о вашей семье. Магглы, не так ли? А тут, как я погляжу... рыжие волосы, тупой взгляд, старый, рваный, потрепанный учебник... Не иначе Уизли.

(Букв.: *Заставляет предположить это что ты-ЕМРН мисс Грейнджер. Рассказал Драко мне насчет тебя. И твоей семьи. Магглы, не так ли? И думаешь ты... голова рыжая, глаза тупые, старая книга потрепанная рваная. Примета Уизли*).

Папа Уизли: Дети, здесь какое-то безумие. Выйдем на улицу.

(Букв.: *Дети, есть оно очень безумно. Наружу с нами*).

Люциус Малфой: О, кого я вижу! Уизли номер один.

(Букв.: *Ну, ну, ну, теперь. Уизли один*).

Папа Уизли: Здравствуй, Люциус.

Люциус Малфой: Много работы в Министерстве, Артур, да, мотаешься по выездам? Надеюсь, тебе оплачивают это время? Впрочем, судя вот по этому (*показывает подержанный учебник его дочери*), ты не видишь ни гроша. Что проку предавать свою магическое происхождение, если за отступничество не платят?

(Букв.: *Много работы в Министерстве, Артур, туда и сюда на выезды. Есть надежда у меня что оплачивается время тебе. Но по виду который есть на этом вот не получаешь ты пенса. Какой прок магическое естество предавать когда (тебе) не платят за предательство нас*).

Папа Уизли: У меня радикально иной взгляд на измену магическому происхождению, Малфой.

(Букв.: *Есть взгляд истинно отличный у меня-ЕМРН насчет измены волшебству, Малфой*).

Люциус Малfoy: Ну, конечно. Водить знакомство с магглами! Я так и думал, что понимания мы не достигнем. До встречи на работе!

(Букв.: *Конечно. У общения с магглами. Думал я что будет мало понимания там. Там в офисе*).

Драко (Гарри): До встречи в школе!

(Букв.: *Там в школе*).

Высокомерный и неприязненный тон Драко Малфоя в ирландском языке обеспечивают напряженные согласные и твердый приступ (эффект плохо сдерживаемого презрения). Эти черты характеризуют речь Малфоя-младшего не только при обращении к Гарри и его друзьям, но и на протяжении всего фильма (например, в беседе с Крэббом и Гойлом:

“*Suígí síos*” – «Садитесь»; “*Cearf agat*” – «Ты прав»; “*Potter*” и т.п.). В русском языке та же задача (создание образа Малфоя-младшего – мальчика из аристократического рода с холодной, надменной и неприятной манерой речи, главного школьного врага Гарри) вовлекает в себя боль-

шее количество звучащих средств: «Держу пари, тебе это нравится //

Знаменитый Гарри Поттер // Не успел войти в лавку, / тут же

попал в газету»; «Смотри-ка: // П[о:]ттер завел себе подружку».

Это сужение гласных («не успел войти в лавку»), растягивание глас-

ных («П[о:]ттер») назализация, которая сделана такой же постоянной приметой речи Малфоя в русской версии, как твердый приступ согласных и напряженные согласные – в ирландской: здесь и позднее, в особенности когда Драко говорит о Гарри или о его друзьях, назализация

появляется неоднократно («Посмотришь, как себя ведут Уизли, /

никогда не скажешь, что они чистокровные»). Интересен выбор

именно в пользу назализации. С ее помощью действительно можно добиться эффекта высокомерной речи, но она имеет в русском языке и своеобразный побочный эффект: это высокомерие дурного тона. Само

это средство принадлежит к низкому регистру общения, к «неинтеллигентной» речи. Назализация одновременно и сообщает, что говорящий ставит себя выше слушающих (то же делают и ирландские средства), и

подсказывает зрителю, что это заносчивость на пустом месте, что говорящий не тот, кому следует симпатизировать, что это персонаж с неприятным характером. В ирландском же аналогичного эффекта не возникает: если предположить, что презрение обосновано, ничто в звучании не

мешает нам симпатизировать говорящему. Далее, когда русский Драко задирает Гарри, он эффективно задействует определенные интонацион-

ные средства. Во-первых, это ИК-7 («Держу пари, тебе это нравится»,
«...тут же попал в газету»), маркирующая расхождение позиции говорящего и слушающего, неодобрительное отношение говорящего к такому поведению, какое он приписывает Гарри, и в конечном счете также формирующая значение презрения. Во-вторых, это модальная реализация ИК-2 с сильными колебаниями в предцентре в высказывании

«П[о:]ттер завел себе подружку». Благодаря ей образуется значение 'я учел следствия из введенной только что информации' (Джинни заступилась за Гарри, следовательно, их что-то связывает), и одновременно такое интонационное оформление рассчитано на то, чтобы привлечь внимание окружающих ('учтите следствия из вводимой мною информации, обратите внимание, тут кое-что интересненькое').

Яд, изливаемый в беседе Малфоем-старшим, сначала под видом фальшивого доброжелательства, затем – все более открыто, в русской версии также во многом опирается на работу собственно коммуникативных средств. Номинативное содержание реплик Малфоя вплоть до слов «Стоит ли позорить имя волшебника...», в русском переводе вполне нейтрально. Так, немаловажно, что реплика «Чтобы произносить его

имя, / нужно быть храбрцом // Или глупцом» сформулирована порусски как якобы отвлеченное рассуждение, раздумье, а не как оскорбление, напрямую адресованное собеседнику и сопряженное с оттенком угрозы (в ирландском: «Храбр ты, если произносишь это имя. Или глуп»). В русской версии минимизировано на номинативном уровне все то неприятное, что исходит от Малфоя. Тем не менее его негативное отношение к собеседникам более чем очевидно. Он начинает с приторной вкрадчивости (повышение фонетического регистра на словах «Мис-

тер Поттер» и удлинение гласного как способ сказать 'я под впечатлением' слишком нарочиты, чтобы быть принятыми за искренние), представляется очень торжественно (ИК-6 на первом слове имени привлекает особое внимание к фамилии), что можно трактовать как преувеличенное представление о собственной значимости или как подчеркивание своей принадлежности к старинному аристократическому роду, – так или иначе, едва ли это может вызвать расположение слушающих. В вы-

сказывании «Ваш легендарный шрам» ИК-6 фактически дублирует слово «легендарный», указывая в данном случае на всеобщее знание, на знаменитость этого шрама, что должно восприниматься как лесть, но этому препятствует и предварительное знание Гарри о том, кто такой Люциус Малфой, и ранее промелькнувшие в речи Малфоя показатели неискренности. Тем не менее ирония у Малфоя тонкая и скрыта достаточно глубоко, он способен относительно долго сохранять в речи некую амбива-

лентность. После возражения Гарри звучание резко меняется, появляется сужение гласных и преувеличенно четкая артикуляция («⁶ Чтобы произносить его ³ имя...»), затем ИК-3² в ироническом восхищении

(«...нужно быть храбрецом»: ИК-3 – ‘я нуждаюсь в том, чтобы кто-нибудь сориентировал меня в ситуации; неужели я и впрямь вижу перед собой такой редкостный пример безрассудной храбрости?’) и, далее, ИК-2 с удлинением как попытка воздействовать на собеседника, внушить ему

свою точку зрения: «или ² глупцом». Оскорбляя друзей Гарри, Малфой вновь делает это во многом за счет звучания. Он с презрением указывает Гермионе на то, что ее родители – обычные люди, не волшебники («магглы»), но само по себе слово «маггл» в мире волшебников не оскорбительно. Однако Малфой сначала выносит в отдельную синтагму

часть высказывания: «Драко ² рассказывал мне про вас // и ваших родителей», – как если бы это было нечто заслуживающее отдельного разговора, нечто болезненно-проблемное. Рассмотрев родителей Гермионы, непричастность которых к магическому миру вполне очевидна, он

настойчиво уточняет: «да?», – то есть просит все-таки подтвердить правильность его сведений, вдруг он каким-нибудь образом ошибся. За этим также стоит ирония и сознание собственного превосходства – он все знает про родителей Гермионы, он на самом деле не нуждается ни в каких вопросах и уточнениях. Ирония заключена в самом выборе в пользу структуры вопроса.

Так же иронически Малфой проводит сценку с «логическим умозаключением» относительно Рона Уизли: «А ³ это кто? // Рыжие ⁴ волосы, / ² бестолковый вид... // ⁶ Подержанный... / ⁴ учебник // . Вы, ¹ должно ² быть, Уизли». Он как бы ни к кому в особенности не обращается, а лишь перечисляет вслух те посылки, которые порождают в конце концов «догадку», что Рон – из семьи Уизли. ИК-4 со значением сопоставления визуально воспринимаемых фактов с предварительным знанием, неспешный темп, пауза – все это создает эффект подлинности размышления. В действительности же Малфой, так же, как и в случае с родителями Гермионы, не нуждается в размышлениях, и догадка его также не является настоящей догадкой, а лишь экспликацией ранее имевшегося у него знания. Цепочка рассуждений, якобы приводящих его к «догадке», по сути, не что иное, как тонко подобранные завуалированные оскорбления.

Так же двусмысленно Люциус комментирует появление Артура

Уизли, отца Рона и Джинни: «Так-так... // Уизли-старший». Его двойное *так* может быть понято и как соответствие ситуации представлениям говорящего о норме (где дети Уизли, там же поблизости будет и их отец), что благотивно для говорящего (дружеская реакция хорошего знакомого и коллеги), и как несоответствие ситуации норме (встретить здесь сейчас еще и старшего Уизли не входило в планы Малфоя), что небеневативно для говорящего.

Реплика «Эти твои рейды» могла бы выглядеть как дружелюбно-сочувственное замечание коллеги, однако русский актер дает в этом месте понижение фонетического регистра, отчего параметр знания, заложенный в значении ИК-6, разворачивается как 'я знаю, что это за рейды, знаю, что твоя работа во многом сводится к защите презренных магглов', а в значении 'недолжное имеет место' (*эти*) нам остается однозначно трактовать как «недолжное» не то, что Уизли чрезмерно загружают в Министерстве работой, а саму сущность всей деятельности Уизли. Далее Малфой переходит к откровенной враждебности, что исчерпывающе передано уже самими средствами номинативного уровня («Стоит ли позорить имя волшебника, если... за это толком не

пластят?», «А я думал, / твоему семейству ниже падать некуда»).

Таким образом, очевидно, что в русской версии фильма характеры Драко и Люциуса Малфоев в большой степени формируются за счет собственно коммуникативных средств (и в первую очередь – звучания) в их взаимодействии с номинативными средствами и ситуацией.

В ирландской версии происходит несколько иное. Так, при знакомстве Малфоя-старшего с Гарри появляется фраза, опущенная в русском переводе: “Fada mé ag fanacht” («Я долго ждал [этой встречи]»). Эта конструкция многозначна, она может быть как этикетной формулой в ситуации знакомства, так и угрозой. Отчетливее проявить первое или второе значение могут средства звучания или мимика: сжатая глотка, понижение фонетического регистра, речь сквозь зубы однозначно сформируют при этом лексико-синтаксическом составе целеустановку угрозы, в то время как широкая улыбка подчеркнет, что это любезность. В речи Малфоя реплика сохраняет свою двойственность.

Таким же амбивалентным оказывается в ирландском варианте высказывание Малфоя про шрам Гарри: «Это настоящая легенда – разумеется, из-за того, кто вам его оставил» (ср. русск. «Ваш легендарный

шрам, / такой же легендарный, как и волшебник, / который его вам оставил»). В чем здесь отличие от русского перевода, вполне очевидно. Русский Малфой мягко и без каких-либо личных оценок вводит упомин-

вание о Вольдеморте и, собственно, утверждает всего лишь, что лорд Вольдеморт *не менее* знаменит в волшебном мире, чем Гарри со своим шрамом, то есть находит самый что ни на есть обтекаемый и нейтральный способ затронуть эту тему. Он «забрасывает удочку» – и ожидает реакции Гарри. Высказывание же ирландского Малфоя вроде бы прояснено, но остается между лестью и хорошо продуманным оскорблением. Слова: «Это настоящая легенда – разумеется, из-за того, кто вам его оставил», – могут подразумевать две различных интенции говорящего. либо он хочет сказать, что у Гарри знаменитый и страшный противник, и это подчеркивает доблесть Гарри, либо – что знаменит, собственно, *только* Вольдеморт, а также все следы, которые оставила в мире его магия, с этой точки зрения представляет интерес и шрам на лбу у Гарри, сам же Гарри ничем не примечателен, никаких собственных заслуг у него нет.

В ряде случаев ирландский Малфой более прямо высказывает свою неприязнь на номинативном уровне. Так, он говорит о Роне *súile dúra* – «ступой взгляд» (в соответствии с английским *vacant expressions*, 'отсутствующее выражение (лица, глаз)' и там, где русские переводчики ограничились более мягким «бестолковый вид»). Он применяет к учебнику Уизли определение *seanleabhar caite stróicthe* (букв. 'старая книга потрепанная драная') – в соответствии с неизмеримо более нейтральным русским вариантом (*подержанный учебник*). Он встречает появление Артура Уизли словами: "Bhuel, bhuel, bhuel anois. Weasley a haon" – «О, кого я вижу! Уизли номер один» (в оригинале – *Weasley senior*, «Уизли-старший»). В ирландском варианте выбрана структура, содержащая иронию и по сути являющаяся оскорблением. Как нейтральная здесь могла бы выступать конструкция *seanArtúr* или *Artúr Mór* – 'Артур (Уизли)-старший'. В русском, как мы помним, эта реплика в отрыве от

контекста не дает сделать вывод о характере эмоции: «Так-так //

6 2³
Уизли-старший».

Большую часть сцены, до появления Артура Уизли, ирландский Люциус Малфой говорит чрезвычайно спокойным, ровным тоном, довольно тихо. В сочетании с мимикой актера (часто появляющаяся улыбка) это создает эффект очень большой уверенности в себе, подготовленности к этой встрече. При обращении его к Уизли-старшему появляется более резкий тон (напряженные согласные, сжатая глотка). Все это можно интерпретировать в контексте фильма как инсценировку, поскольку все его речи в этой сцене – отвлекающий маневр, беседа затеяна им для того, чтобы незаметно подбросить Джинни дневник. Когда дело сделано, он стремится побыстрее разорвать контакт и уйти.

Интересно использование ирландским Малфоем *anois* ('сейчас, теперь') – номинативной единицы, в данном случае осложненной комму-

негативными характеристиками. Он употребляет это слово дважды – при обращении к сыну (“Apois, Draco, labhair go deas” – «Ну-ну, Драко, разговоривай учтиво») и затем – к Артуру Уизли (“Bhuel, bhuel, bhuel apois” – *условн.* ‘Стоп, стоп, стоп, кого я вижу!’). В обоих случаях говорящий с помощью *apois* фиксирует настоящий момент, «замораживает» текущее действие собеседника. Малфой-старший как бы мягко останавливает всякую деятельность вокруг себя, создавая себе площадку, сцену для подготовленного выступления.

Русская и ирландская трактовки образа Люциуса Малфоя на уровне эстетического замысла обладают очевидным сходством: и там, и там основными чертами персонажа сделаны коварство, лицемерие и напускная сдержанность или видимость сохранения этикетных рамок при переполняющих говорящего негативных эмоциях. Объединяя ирландского и русского Малфоев, это, по сути, противопоставляет их обоим тому же персонажу из польской версии. Однако сходное впечатление формируется в русском и ирландском разными путями. В русском варианте в отрыве от звучания большая часть реплик Малфоя не содержит ничего явно оскорбительного. Его ведущей речевой стратегией оказывается ирония, связанная с постоянным появлением целеустановок. В ирландской версии звучание играет сопроводительную роль, тогда как в русской оно самостоятельно формирует смыслы. В ирландском переводе несколько раз эксплуатируется изначальная многозначность лексико-синтаксического состава структуры, однако здесь отсутствуют типичные для работы русского актера случаи, когда на вполне нейтральное номинативное содержание (*Драко рассказывал мне о вас и ваших родителях* и под.) накладывается звучание, которое придает сказанному резкий оскорбительный смысл. В русском многозначность конструкции, безусловно, может быть связана с многозначностью лексико-грамматического состава, но нередко за этим стоит и возможность антонимического развертывания инварианта коммуникативной единицы (*Так-так*). По сравнению с русским в ирландском больше прояснений оценок и эмоциональной позиции говорящего на номинативном уровне (в ряде случаев эффект лицемерия сохраняется только за счет мимики – любезной улыбки актера на экране, так как произносится нечто несомненно негативное).

Заметим, что сходство двух переводов на уровне реализованной эстетической задачи дает возможность поставить интереснейшую лингвистическую проблему – проблему нюансировки. Если две разные команды создателей дубляжа пытаются показать близкий характер, близкий тип взаимоотношений персонажа с окружением и преуспевают в этом, появляется шанс обратить при сопоставлении внимание на более тонкие различия, на более тонкую детализацию в изображении героя и на те возможности системы, которые позволяют каждому из языков реализовать эти нюансы.

В польской версии того же эпизода складывается несколько другая картина.

Польская версия:

Драко Малфой: Podobało ci się, Potter? Sławny Harry Potter! Wchodzi do księgarni i już trafia na okładkę.

Джинни: Odczep się od niego.

Драко: No proszę, Potter! Twoja narzeczona?

Люций Малфой: Ach nie, Draco, spokojnie. Pan Potter? Lucjusz Malfoy. Co za spotkanie! Proszę wybaczyć. (*Отводит волосы Гарри со лба, рассматривает его шрам*). Pańska blizna jest sławna, jak czarodziej, który ją zostawił.

Гарри: Voldemort zabił mi rodziców. Był zwykłym mordercą.

Люций Малфой: Hm. Co za wielka odwaga – wspomnieć to imię. Albo głупота.

Гермиона: Strach przed imieniem zwiększa strach przed tym, kto je nosi.

Люций Малфой: Ty to pewnie panna Granger. Draco opowiadał mi o pani... i pani rodzinie. Mugole, czyż nie? No, a wy (?), rodzielce? Tępy wyraz twarzy, podarte używane książki... Zapewne to Weasleye.

Пана Уизли: Dzieciaki, pora już! Wychodzimy!

Люций Малфой: Proszę, proszę, głowa rodziny!

Пана Уизли: Lucjusz!

Люций Малфой: Wiele zajęć w Ministerstwie, Arturze? Dużo interwencji? Zapewne płacą ci godziwie? Chociaż sądząc po wyglądzie t^oego, raczej wątpię. Jaki sens ma okrywanie hańbą nacji czarodziejów, jeśli nawet się na tym nie bogacisz?

Пана Уизли: Ja mam zupełnie inne zdanie o tym, co okrywa hańbą czarodziejów, Malfoj.

Люций Малфой: To jasne. Kręcisz się przy mugolach. (*Укоризненно качает головой*). A myślałem, że nie możecie już niżej upaść. (*Легкий кивок*) Uwidzimy się w pracy.

Драко (Гарри): A my – w szkole.

Перевод польской версии:

Драко Малфой: Понравилось тебе, Поттер? Прославленный Гарри Поттер! Он входит в книжный магазин – и тут же попадает на обложку.

Джинни: Отвяжись от него.

Драко: Ух ты, Поттер! Твоя невеста?

Люциус Малфой: Зачем так, Драко? Спокойно. Пан Поттер? Люциуш Мальфой. Что за встреча! Прошу прощения... (*Отводит волосы*

Гарри со лба, рассматривает его шрам). Ваш шрам так же знаменит, как и маг, что его оставил.

Гарри: Вольдеморт убил моих родителей. Он был обыкновенным убийцей.

Люциус Малfoy: Гм. Какая большая смелость – упомянуть это имя! Или же глупость.

Гермиона: Страх перед именем увеличивает страх перед тем, кто его носит.

Люциус Малfoy: Ты, должно быть, панна Грейнджер. Драко рассказывал мне о вас... и вашей семье. Магглы, разве нет? Ну, а вы, рыжие? Тупое выражение на лице, драные подержанные книжки... Это явно Уизли.

Папа Уизли: Ребята, пора! Выходим!

Люциус Малfoy: О, о, глава семьи!

Папа Уизли: Люциуш!

Люциус Малfoy: Много дел в Министерстве, Артур? Много рейдов? Тебе, конечно же, платят соответственно? Хотя, судя по виду вот этого (*показывает потрепанный учебник его дочери*), что-то сомневаюсь. Какой смысл покрывать позором нацию волшебников, если даже не находишься на этом?

Папа Уизли: У меня совершенно другое мнение насчет того, что покрывает позором волшебников, Малfoy.

Люциус Малfoy: Это ясно. Отираешься при магглах. (*Укоризненно качает головой*). А я думал, что падать ниже вам уже некуда. (*Легкий кивок*) Увидимся на службе.

Драко (Гарри): А мы – в школе.

В ирландском и русском переводе Малfoy-старший делает сыну замечание за то, что он задирает Гарри и его друзей, одергивает его: «Ну-ну, Драко, разговаривай учтиво» (ирл. версия), «Не груби, / Драко

// Это нехорошо» (русск. версия). Это можно впоследствии переосмыслить как лицемерие, однако, как бы там ни было, реплика оформлена как типичное замечание взрослого ребенку, сделанное в воспитательных целях. В польском озвучании он говорит: “Ach nie, Draco, spokojnie” («Зачем так, Драко? / Да нет же, Драко. Спокойно»). Это скорее ближе к значению ‘Зачем так? Надо не так. Я сейчас покажу, как надо’. Здесь сохраняется актуальность противопоставления взрослый – ребенок, но образуется смысл ‘ты в принципе действуешь правильно, но неумело, тогда как я в силу большей компетентности могу показать тебе, как эффективнее достичь тех же целей’.

Говоря о шраме Гарри, польский Малfoy, в отличие от русского, гораздо быстрее и напрямую выводит беседу на подлинно интересующую его тему – личность Вольдеморта. Он говорит: «Ваш шрам так же

знаменит, как и маг, что его оставил» (ср. русск.: «Ваш легендарный

6

6

шрам, / такой же легендарный, как и волшебник, / который его вам

1

оставил», где первая часть высказывания оформлена как бескорыстный комплимент и лишь затем обнаруживается скрытый яд). Польский Малфой спонтанно говорит Гермионе *ты*: «Ты, должно быть, панна Грейнджер» (учитывая возрастное соотношение, взаимоотношения собеседников и ситуацию, это грубо). Далее, выказывая презрение по поводу происхождения Гермионы, Малфой в польской версии использует уточняющий вопрос: «Драко рассказывал мне о вас... и вашей семье. Магглы, разве нет?». Здесь использован польский оборот *czyż nie*, сопоставимый по значению с русским *что, скажешь нет?*, то есть говорящий предполагает, что у собеседника возникнет желание отрицать это и оправдываться. Есть примеры подбора откровенно оскорбительной лексики: «тупое выражение лица», «отираешься при магглах», «...если даже не наживаешься на этом?» (по-русски последнее звучит как

2

«...если... за это толком не платят?»). Подытоживая все это, можно сказать, что поведение Малфоя в польском варианте выглядит вызывающе и скандально. Войдя в книжный магазин, он именно учиняет скандал, сыплет резкостями направо и налево, не особенно стремясь придать своим репликам внешне учтивый или нейтральный вид.

Сопоставление польской и ирландской версий друг с другом показывает, что разные установки переводчиков и актеров дубляжа, разное понимание ими эстетической задачи могут тем не менее реализоваться при помощи сходных языковых средств. В данном случае две версии объединяет явная опора на средства номинативного уровня, прием прояснения интенции на уровне лексики (что в малой степени свойственно русскому диалогу), относительно меньшее участие собственно коммуникативных единиц в формировании значения, скромная – по сравнению с русским – нагрузка на звучащие средства.

Следующая сцена в фильме с участием Люциуса Малфоя – ночной разговор в хижине Хагрида, который представляет собой вершину торжества Малфоя, пик удачи, которого ему удастся достигнуть в рамках данного фильма (второго из семи фильмов цикла). Соответственно, здесь он мог бы позволить себе наибольшую откровенность, но присутствие министра и официальный характер ситуации все же заставляют его сдерживать выражение радости по поводу отставки директора Дамблдора. В целом все три версии должны передавать большую раскрепощенность Малфоя, отражать речь победителя, который, как ему кажется, наконец-то обладает полным контролем над ситуацией, однако – в присутствии небольшого сдерживающего фактора. При всем сходстве итогового ощущения от эпизода во всех трех переводах мы вновь наблюдаем значительное несоответствие конкретных целеустановок.

В школе Хогвартс происходят необъяснимые нападения на учеников - детей магглов (не-волшебников). Министр магии Фадж прибывает в школу, чтобы арестовать школьного садовника, добродушного великана Хагрида, подозреваемого в причастности к этому. Директор школы Дамблдор сопровождает Фаджа к Хагриду. Во время разговора о необходимости профилактического ареста Хагрида появляется Люциус Малфой с приказом об отстранении Дамблдора.

Русская версия:

Люциус Малфой (входя): Вы уже здесь, Фадж? // Хорошо //,
² ²
² ^{2 \}

Хагрид: Что вы здесь делаете? // Убирайтесь отсюда! //

Люциус Малфой: О, поверьте, / я не испытываю никакой
¹ [<] ^{2³} ^{2³}
радости, находясь в этом, с позволения сказать... / доме //. Нет
⁶ ⁴ ⁶ ²
//. Но я позвонил в школу и мне сказали, / что директор здесь
//.

Дамблдор: И что... / конкретно вам... / от меня требуется? //

Люциус Малфой: Совет Попечителей и я / решили, / что вам при-
^{3²} / / ^{3²} ⁶
шло время... покинуть пост //. Это приказ об отстранении //. На нем
\ ² ⁶ ²
/ все двенадцать подписей //. Боюсь, / вы потеряли... контроль //.
⁶ / ⁶ ²
А если / нападения продолжатся, / в Хогвартс совсем не останется
^{2³} ⁶
полукровок //. Я могу лишь догадываться, / какой ужасной потерей
^{1²}
это станет для школы //.

Хагрид: Нельзя смешать профессора Дамблдора // . Сместите его
¹ ⁶
- / и у полукровок не останется шансов //. Помяните мое слово,
²
их всех поубивают! //

Люциус Малфой: Неужели? //

Дамблдор: Успокойтесь, Хагрид // . Если Совету Попечителей
⁴ ⁴ ²
угодно меня отстранить, / я, разумеется, / покину пост //. Одна-

2 2 3
ко запомните: // во все времена / в Хогвартс / всегда находили
6 2
помощь... те, кто... ее / просил //.

Люциус Малfoy: Очень сентиментально // . Пройдемте? // Фадж?
//

2³ \ 2
Фадж: Пошли, Хагрид // . Идем // .

Ирландская версия:

Люциус Малfoy: Curtha i gcéim, Fudge? Togha.

Хагрид: Céard a thug tusa anseo? Níl cead isteach agat.

Люциус Малfoy: Bíodh a fios agat nach baol gur pleisiúir domsa a bheith istigh sa... an teach é seo? Tháinig mé go scoil agus dúradh liom go raibh an tArdmháistir anseo.

Дамблдор: Agus cén cúram go díreach atá agatsa dom?

Люциус Малfoy: Aontaíonn na Gobharnóirí uilig go bhfuil sé in am agatsa imeacht. Seo é an t-ordú ón mBord. Síníthe ag gach duine den dá réag. Má bhí sé riamh ionat, ta sé cailte agat. Na hionsaithe seo uilig, ní bhídh Mugail fanta in Hogwarts. Ar ndóigh, ní thuigim cén chaoi a ligfeá dó sin tarlú.

Хагрид: Ní fhéadann sibh bóthar a thabhairt don Ollamh Dumbledore. Ní bheadh Mugail beo anseo anois murach é sin. Ó, marófar Mugail dá éireos leo siúd...

Люциус Малfoy: An ndeir tú?

Дамблдор: Tóg go réidh é, a Hagrid. Más mian leis na Gobharnóirí go n-imeoinnse ní chuirfeadsa ina aghaidh sin. Ach cuimhnítear, ní ceiltar aon chabhair ar éinne i Hogwarts sa chás go n-iarrtar é.

Люциус Малfoy: In am a bheith ag imeacht. Seo linn. Fudge?

Фадж: Seo a Hagrid. Tar uait.

Перевод ирландской версии:

Люциус Малfoy: Дело сделано, Фадж? Превосходно.

(Букв.: Завершено, Фадж? Превосходно).

Хагрид: А вам что здесь надо? Убирайтесь.

(Букв.: Что принесло тебя сюда? Нет допуска внутрь у тебя).

Люциус Малfoy: Да будет тебе известно, что я не испытываю ни малейшего удовольствия от пребывания в... это что, дом? Я прибыл в школу, и мне было сказано, что директор здесь.

(Букв.: Да будет знание у тебя, что нет опасения что удовольствие для меня пребывание внутри в ART... дом ли это вот? Прибыл я в школу и было сказано мне что был директор здесь).

Дамблдор: А что именно у вас ко мне за дело?

(Букв.: И какое поручение именно которое есть у тебя для меня?).

Люциус Малфой: Все попечители сошлись на том, что вам следует уйти. Вот распоряжение Совета. Подписано всеми двенадцатью членами. Если раньше вы могли как-то справляться с должностью, то теперь уже нет. Со всеми этими нападениями в Хогвартсе скоро ни одного маггла не останется. Я действительно не понимаю, как вы могли допустить такое.

(Букв.: Согласились попечители все что пора вам уйти. Вот оно распоряжение Совета. Подписано каждым человеком из двенадцатерых. Если было это когда-либо в тебе, есть оно потерянное у тебя. Нападения эти все, не будет маггла оставшегося в Хогвартсе. Конечно, не понимаю каким образом позволил бы ты этому случиться).

Хагрид: Как вы можете прогонять профессора Дамблдора! Здесь бы сейчас ни одного маггла в живых не было, если бы не он. Да магглов перебьют, если победят эти...

(Букв.: Не можете вы прогонять профессора Дамблдора. Не было бы маггла живого здесь сейчас если бы не он. О, перебьют магглов если выйдет у этих вот...).

Люциус Малфой: Да что ты говоришь?

(Букв.: Говоришь ты?).

Дамблдор: Не волнуйся, Хагрид. Если попечители хотят, чтобы я ушел, я не стану этому противиться. Но помните, в Хогвартсе не будет отказано в помощи никому, кто только об этом попросит.

(Букв.: Воспринимай легко это, Хагрид. Если есть желание у попечителей чтобы я ушел я не выступлю против этого. Но помните, не сокроется никакая помощь ни от кого в Хогвартсе в случае если попросят ее).

Люциус Малфой: Пора уходить. Идемте. Фадж?

(Букв.: Пора быть у ухода. Вот с нами. Фадж?).

Фадж: Давай, Хагрид. Пошли.

(Букв.: Вот, Хагрид. Иди от тебя).

Радость и глумление над врагом Малфой вынужден все же пока лицемерно маскировать под сожаление и сочувствие. Высказывание:
\
1
«О, поверьте, / я не испытываю никакой радости, находясь в этом,
< 2²
с позволения сказать... / доме»¹, — редкий случай, когда русский Малфой отходит от своего правила формировать оскорбительные смыслы за счет одного лишь звучания. Он досконально проясняет свое отношение к дому Хагрида, вставляя «с позволения сказать» (затем пауза и вынесенные слова «дом» в отдельную синтагму). «С позволения сказать» пред-

¹ В оригинале: «Believe me, I take absolutely no pleasure being inside your... You call this a house?» («Поверь мне, я не испытываю не малейшего удовольствия, находясь в твоём... Ты называешь это домом?»).

варяет в русском диалоге появление слова, которое не должно произноситься в обществе, если же за ним следует литературное слово, оно воспринимается как эвфемизм и означает, что говорящий удержался в данном случае от использования обсценной лексики, которую считает, тем не менее, наиболее уместной при описании объекта речи. В звучании к этому добавляется еще презрительное сужение гласных.

По-ирландски Малфой говорит: «Чтоб ты знал, я не испытываю ни малейшего удовольствия от пребывания в... это что, дом?», – то есть использует уточняющий вопрос с оттенком сомнения ('говорящий не уверен в том, что наблюдаемый им объект можно назвать домом, и запрашивает мнение присутствующих'). Он так же отказывает дому Хагрида в праве называться домом, но применяет для этого другую речевую тактику.

При обращении к Дамблдору в речи Малфоя появляется официальная дистанцированность (ИК-4: «Совет Попечителей и я / решили...»), псевдоориентированность на позицию слушающего, то есть деланная любезность (ИК-3: «...вам пришло время... покнуть пост // . Это приказ об отстранении»), презрение (ИК-7: «Очень сентиментально»).

Когда Хагрид произносит очевидную для всех истину – что со смещением директора Дамблдора дети магглов оказываются в еще большей опасности (что Малфой прекрасно знает и чего он, собственно, и добивается), следует ироническая реакция Малфоя: «Неужели?» – с модальной реализацией ИК-2, инвариантное значение которой реализуется сразу в двух аспектах: 'говорящий рассматривает как отклонение от нормы обрисованную собеседником перспективу' (это значение «предъявляется» Малфоем как основное) и – одновременно – 'говорящий рассматривает как отклонение от нормы сам тот факт, что собеседник смеет высказываться'. В ирландском его ответ содержит иронию, базирующуюся на ложной целеустановке удивления / недоверия: “An ndéir tú?” – «Да что ты говоришь?». Звучание не играет при этом принципиальной роли.

Совершенно удивителен в русской версии выбор конструкции, с помощью которой Малфой приглашает Дамблдора последовать за ним:

«Пройдемте?». Эта структура применяется в русском языке узко локально, в профессиональной речи милиционеров, предлагающих задержанному проследовать с ними (чаще всего – в отделение милиции): «Пройдемте, гражданин». Можно проследить некую логику появления этой конструкции: Дамблдор, правда, не арестован, но смещен с должности и не должен более находиться на территории школы (в то же время арестован Хагрид, которого сопровождает министр Фадж); Люциус Малфой не выполняет здесь полицейской функции, однако именно он при-

вез и вручил приказ об отстранении, и именно он больше всех заинтересован в том, чтобы Дамблдор как можно скорее покинул школу. Вероятно, таким образом создатели дубляжа хотели подчеркнуть цель официального визита Малфоя и восприятие им своей позиции как авторитетной (то есть все же что-то вроде принятия им на себя «полицейской» функции). В ирландском на этом месте используется вполне нейтральная разговорная структура совместного действия: “Seo linn” («Идем»).

Польская версия:

Люций Малфой (входя): Już tutaj, Knot? Świetnie.

Хагрид: Czego tu szukasz? Wynoś się stąd!

Люций Малфой: Uwierz mi: nie sprawia mi przyjemności przebywanie w tym... w tym... domu? Hm! Nie-e, dowiedziałem się w szkole, że dyrektor tu jest.

Дамблдор: A właściwie po co chciałeś się ze mną widzieć?

Люций Малфой: Rada Nadzorcza sądzi, że najwyższy czas, byś się usunął. Oto uchwała w tej sprawie. Znajdziesz tu dwanaście podpisów. Obawiamy się, że już niestety sobie nie radzisz. Jeśli będzie więcej napaści, w Hogwartsie zabraknie dzieci mugoli, a to doprawdy byłaby ogromna strata dla naszej szkoły.

Хагрид: Nie możecie usunąć naszego pana psora! Bez niego mugolaki nie mają żadnych szans! Zobaczycie, będzie więcej ofiar!

Люций Малфой: Tak sądzisz?

Дамблдор: Uspokój się, Hagridzie. Skoro Rada Nadzorcza chce mnie odwołać, to oczywiście, usunę się. Jednakże jeśli ktoś w Hogwartsie będzie oczekiwał pomocy, zawsze ją znajdzie u mnie.

Люций Малфой: Wzruszające doprawdy. Chodźmy. (*Фаджу*) Żegnam.

Фадж: Chodźmy. Hagridzie!

Перевод польской версии:

Люций Малфой (входя): Уже тут, Финт¹? Прекрасно.

Хагрид: Что тебе здесь надо? Убирайся отсюда!

Люций Малфой: Поверь, мне не доставляет удовольствия пребывание в этом... в этом... доме? Хм! Не-ет, я выяснил в школе, что директор здесь.

Дамблдор: А, собственно, для чего ты хотел меня видеть?

Люций Малфой: Опекунский Совет считает, что самое время тебе отойти от дел. Вот решение по этому вопросу. Ты найдешь здесь двенадцать подписей. Мы опасаемся, что ты уже, к сожалению, не управля-

¹ польской версии фамилия министра Фаджа переведена с извлечением присутствующего в оригинале смысла 'скользкий, увертливый болтун-интриган'. Условно переводится нами как инт (польск. Knot).

еяться. Если будут другие нападения, в Хогвартсе станет ощутимо недоставать детей магглов, а это в самом деле была бы огромная потеря для нашей школы.

Хагрид: Вы не можете сместить нашего господина *профессора!* Без него *магглюкам* совсем конец! Вы увидите, будет еще больше жертв!¹

Люций Малfoy: Ты так считаешь?

Дамблдор: Не волнуйся, Хагрид. Если Опекунский Совет хочет меня огозвать, я, конечно же, уступлю свое место. Однако если кому бы то ни было в Хогвартсе понадобится помощь, он всегда ее у меня найдет.

Люций Малfoy: Необычайно трогательно. Идемте. (*Фаджу*) Честь имею.

Фадж: Пошли. Хагрид!

Желая иронически указать Хагриду на убожество его дома, польский Малfoy прибегает к выражению колебания перед тем, как назвать дом домом и к выражению сомнения сразу после: «...в этом... в этом... доме? Хм!» Вспомним, что в русском языке здесь звучало этикетное извинение («с позволения сказать»), в норме предваряющее введение общенной лексемы и в действительности передающее иронию, а в ирландском – уточняющий вопрос («а это дом?»). Отметим, что три разных переводчика в этом случае делают выбор в пользу трех различных целеустановок, и тем не менее различия в эмоциональном состоянии говорящего минимальны, а достигаемый эстетический эффект предельно близок: во всех трех версиях это ироническое презрение, пренебрежение.

Значительно более издевательским выглядит высказывание польского Малfoя о магглорожденных: «Если будут еще нападения, в Хогвартсе станет (ощутимо) недоставать детей магглов» (в русской и ирландской версиях – «не останется»); при том, что он почти открыто сочувствует сторонникам полного уничтожения магглорожденных, он использует здесь глагол *zabraknąć* – ‘недоставать, не хватать’, то есть ‘в Хогвартсе будет чувствоватьсь (прискорбная) нехватка детей магглов’. В двух других версиях присутствует ирония, порождаемая ложностью целеустановки (выражая тревогу и озабоченность, говорящий в действительности торжествует), но только в польском переводе Малfoя усиливает издевку, угрируя ложное беспокойство и сочувствие с помощью выбора глагола.

¹ Фонетически просторечная в оригинале речь Хагрида в польском сохраняет эту свою характеристику, что достигается за счет просторечной лексики (“*panic psorze*” им. “*panic profesorze*” – ‘господин профессор’ и т.п.), которая вводится довольно смело: так, на место английской литературной лексемы – авторского неологизма “*Mugglebornes*” («маглорожденные»), польский Хагрид ставит грубовато-добродушное словечко «*migolaki*» – также неологизм для обозначения детей магглов, но сниженный, относимый к просторечным по способу суффиксации (и Фадж, и Малfoy говорят “*dzieci migoli*” – ‘дети магглов’). В русской и ирландской версиях речь Хагрида никак не маркирована стилистически.

Ирландский переводчик позволяет себе ввести в этом месте упрек Малфоя в адрес Дамблдора, с очень слабой опорой на оригинал (по сути, в оригинале такая реплика отсутствует): «Я действительно не понимаю, как вы могли допустить такое». Это еще одна ложная целеустановка, которых этот двуличный персонаж вызывает к жизни множество: с одной стороны, он как отец одного из школьников и глава Совета Попечителей школы как бы упрекает Дамблдора в несостоятельности (и формально имеет на это право), с другой – зрители знают или догадываются, что все покушения подстроены самим Малфоем и, таким образом, за фальшивым упреком скрывается глумление и торжество.

Последняя сцена в фильме, где появляется Люциус Малфой, – это беседа в кабинете Дамблдора, происходящая после разоблачения всех происков Малфоя и Вольдеморта. Здесь мы наблюдаем два контрастных решения – решение русских переводчиков, у которых Малфой зажат обстоятельствами и не осмеливается открыто выражать ненависть к Дамблдору и его политическому лагерю, и решение ирландцев (сюда же примыкает и польская версия), согласно которому Малфой, видя, что игра проиграна, без стеснения, открыто выражает свои истинные чувства по этому поводу. Прежде всего внимание в этом эпизоде привлекает следующий фрагмент:

Люциус Малфой врывается в кабинет профессора Дамблдора.

Русская версия:

Люциус Малфой (своему слуге Добби): < С тобой я разберусь по-
 2 2 \ 6
 том // (Гарри) < Прочь с дороги, По ттер! // (Дамблдору) Итак,
 >2 > 2'
 / это правда // . Вы вернулись // .

Дамблдор: Когда попечители узнали, / что дочь Артура Уизли
 4 6 2'
 стала жертвой Комнаты, / меня попросили... / вернуться // .
 - 2

Люциус Малфой: Нелепость! //
 6 \

Дамблдор: Удивительно, Люциус, / но некоторые члены Совета
 4 3'
 намекали, что их семьям / угрожали заклятьем, / если они не со-
 1
 гласятся поддержать мою отставку // .

Люциус Малфой: Какая лжь! //
 2 \

Дамблдор: В каком смысле? //

Очевидно, что в русской версии проигравший Малфой вынужден быть осторожен и сдержан, и, в каком бы он ни был гневе, выражается он предельно корректно, так, чтобы его нельзя было заподозрить в при-

- 2

частности к случившемуся. Структура «нелепость» может относиться к ситуации в самом широком смысле; зрителю очевидно, что Малфой считает нелепостью именно возвращение Дамблдора на пост директора, но вместе с тем он явно формулирует это так, чтобы его нельзя было «поймать на слове», понимая, что не время высказываться открыто. Ирландский Малфой выражается предельно ясно и вслух клеймит за глупость членов Опекунского совета, вновь призвавших Дамблдора на должность (“Na hamadain” – ‘Дураки / Глупцы’). Его реплики значительно более откровенны и легко выдают его истинную позицию.

Реакция на идущее следом обвинение в шантаже в русском и ирландском переводах также различна. Русское возмущение («Какая

2\

ложь», – где препозитивное местоимение *какая* говорит об отсутствии предшествующего представления о возможности такой гнусной лжи) может быть отнесено (и скорее всего будет отнесено) к словам попечителей (которым якобы угрожали) и воспринято как страстная попытка Малфоя оправдаться. Ирландское дублирование не оставляет шансов для такой трактовки; там сформировано возмущение именно позицией Дамблдора: «Да как вы осмелились!..», – возмущение тем, что Дамблдор распространяет такие слухи и смеет пересказывать это самому Малфоя. Таким образом, следующая реплика становится уже не столько оправданием, сколько констатацией своей позиции (разумеется, ложной позиции): «Единственным моим желанием было и всегда будет благо школы и, конечно же, студентов». По чистой случайности в русском переводе встречается оговорка актера («Моим главным делом было и всегда будет забота о процветании школы», вместо «была»), которая успешно дополняет здесь образ, создавая эффект взволнованной речи.

Польская версия:

Люциус Малфой: Później się policzymy. Zejdź mi z drogi, Potter. A więc to prawda, że wróciłeś.

Дамблдор: Gdy członkowie Rady dowiedzieli się, że córka Weasleya została porwana, postanowili... wezwać mnie.

Люциус Малфой: Kretyni!

Дамблдор: Wiesz, Lucjuszu, niektórzy odnieśli wrażenie, że chcesz rzucić urok na ich rodziny, o ile nie zgodzą się zawiesić mnie w obowiązkach.

Люциус Малфой: Jak śmiesz..?

Дамблдор: Słucham cię?

Люциус Малфой: Moje działania zawsze były poddyktowane wyłącznie dobrem tej szkoły... i, oczywiście... jej uczniów.

Перевод польской версии:

Люциус Малфой (Добби): С тобой я посчитаюсь позже. (*Гарри*) Прочь с моей дороги, Поттер. (*Дамблдор*) Выходит, это правда: ты вернулся.

Дамблдор: Когда члены Совета узнали, что дочь Уизли похищена, они постановили... призвать меня.

Люциус Малфой: Кретины!

Дамблдор: Знаешь, Люциус, у некоторых сложилось впечатление, что ты хочешь напустить чары на их семьи, если они не согласятся отстранить меня временно от обязанностей.

Люциус Малфой: Да как ты смеешь?..

Дамблдор: Что, прости?

Люциус Малфой: Мои действия всегда были продиктованы исключительно благом этой школы... и, конечно... ее учеников.

В польской версии Малфой, услышав о полечителях, решивших в трудные времена вновь призвать Дамблдора, рубит наотмашь: «Кретины!», а в ответ на обвинение в шантаже восклицает “*Jak śmiesz..?*” («Как ты смеешь?»), что более бесцеремонно по сравнению с английским “*How dare you!*”, так как английское *you* (‘ты / вы’) ничему не противопоставлено в современной речи, в то время как польское *ty* (‘ты’) входит в тричную оппозицию *ty – rap – wy*, и если в разговоре друзей оно служило бы показателем дружеского регистра, то здесь перед нами скорее разговор врагов.

Польский материал, в соединении с анализировавшейся нами ранее польской версией фильма «Чарли и шоколадная фабрика», дает возможность сделать интересный вывод общего характера. Мы позволим себе высказать осторожное предположение об одном принципиальном различии в подходе к озвучанию русской и польской школ дублирования.

Русский актер, готовясь дублировать Малфоя, принимает во внимание то, что это аристократ, из старинного рода, с собственными политическими целями и амбициями, который всюду, где появляется, вступает в конфликт с окружающими и излучает негативные эмоции. К этому добавляется информация о том, что герой английского происхождения. Это учитывается далее при отборе языковых средств для роли, так как русский дублер в этой ситуации чаще всего будет стремиться создать именно героя английской национальности. Это ограничит русского дублера при выборе интонационных и иных коммуникативных средств (См. об этом: [Балдова 2007, 2008]). Ядовитая ирония под видом рафиниро-

ванной вежливости хорошо укладывается в нашем представлении в образ английского аристократа в ситуации конфликта.

В то же время в работе польских специалистов по озвучанию можно отметить еще один, промежуточный этап, который не представлен, как правило, у их русских коллег. Поляки, размышляя над поставленной задачей (создать образ Малфоя средствами польского языка), очевидно, стараются найти максимально близкий типаж в польском культурном контексте. Малфой в их рассуждении – аристократ, гордящийся своей принадлежностью к высокому роду и «чистой кровью», не упускающий случая пнуть других за их более низкое происхождение, не чуждый политических интриг, со склонностью к шумному поведению и склоке; всюду, куда входит, он учиняет скандал с большим размахом, втягивая в орбиту скандала всех вокруг. Ближайшая ассоциация, которая при этом возникает, – это ассоциация с историческим (и даже в большей степени – литературным) образом польского шляхтича-аристократа XVII-XVIII века, склонного к ссорам в своем кругу и к скандалам в Сейме. Теперь уже найденный типаж обуславливает дальнейший выбор языковых средств и стратегий: безапелляционность, склонность говорить всем *ты*, охотное использование пейоративной лексики. Благодаря обыкновению полонизировать при переводе иностранные имена и обращения Малфоя называют в фильме пан Люциуш Мальфой, что облегчает интеграцию этого образа в польскую культурную традицию.

В конечном итоге и русский, и польский актер стремятся приблизить образ Малфоя своему зрителю; но при этом русский актер старается приблизить нашей аудитории образ Малфоя как *английский характер*, при помощи русских средств дать понять, что его герой – это английский аристократ (холодный, ироничный, дистанцирующийся), тогда как польский актер предлагает своему зрителю узнаваемый образ, корни которого уходят вглубь их собственной культуры.

В этой связи интересно различие польской и русской интерпретации эпизода, в котором Гарри хитростью освобождает из-под власти Малфоя Добби – волшебное существо, долгое время бывшее у рода Малфоев в рабстве. Реакция польского Малфоя ("Straciłem przez siebie sługę!" – «Из-за тебя я потерял слугу!») показывает, что он ставит в центр ситуации себя и что его действительно занимает при этом факт потери слуги. Как бы страшно он ни помыкал им всю жизнь, для него актуальна идея защиты своего поместья, всего, что входит для него в круг неотъемлемой принадлежности. В русской версии целеустановка

возмущения реализована структурой: «Ты ⁶отнял у меня моего слугу ₂Добби!», – и здесь в центре ситуации поступок Гарри, его приводит в гнев то, что Гарри посмел посягнуть на его собственность, или скорее

даже то, что Гарри смог его перехитрить¹. В ирландском переводе использована структура недоверия: "Ar chaill mé mo sheirbhíseach feat?" («Я что, лишился слуги из-за тебя?», «Неужто я потерял слугу из-за тебя?»), отражающая неготовность говорящего воспринять открывшуюся ему ситуацию, нежелание так легко поверить в произошедшее (оттого, что он никогда не мог представить, чтобы Добби осмелился выйти из-под его власти, или же оттого, что он ранее очень низко оценивал способности и возможности Гарри, а также степень его опасности для себя. В любом случае это недоверие – результат присущего ему высокомерия). Три варианта реакции Малфоя на это событие – это три различных «штриха к портрету» персонажа.

Основные выводы, к которым мы приходим, следующие:

– расхождения в диалогах трех проанализированных звучащих версий фильма (русской, ирландской и польской) можно классифицировать следующим образом:

1) Максимальная степень различия предполагает, что несходная трактовка образов на уровне эстетического замысла обуславливает разницу в показываемом типе взаимоотношений, что реализуется в несходных речевых стратегиях и тактиках (эпизод с профессором Снейпом в трех переводах). Обычным явлением в таком случае оказывается мена целеустановки (как в переводе по отношению к оригиналу, так и в речи актера озвучания по отношению к предложенному ему письменному тексту). Само по себе изменение целеустановки может как непринципиально менять эстетический эффект, так и серьезно влиять на трактовку образа. Мена целеустановки может происходить эстетически неосознанно или эстетически целенаправленно.

При этом могут различаться и базовые принципы отбора языковых единиц, что, как правило, диктуется самим устройством языка и не отражает индивидуальных установок переводчика. В целом для русского языка выглядит обоснованным утверждение, что формирование значения на коммуникативном уровне осуществляется в нем в первую очередь при помощи собственно коммуникативных средств (частиц, междометий, порядка слов, интонации и др.), а также средств с ведущей ролью коммуникативных параметров (местоимений, образований наречного характера и др.); в ирландском же, как и в польском, при некотором участии имплицитных средств преобладают все же эксплицитные способы передачи коммуникативных значений и номинативные единицы, осложненные коммуникативными характеристиками.

2) Возможны случаи сходного понимания эстетической задачи авторами разных версий дубляжа (на некотором отрезке материала; едва ли это может касаться всех образов и всего содержания фильма в це-

¹ В оригинал: «Your lost me my servant!» («Ты оставил меня без слуги!»).

лом). В этой ситуации разные переводчики / актеры дубляжа могут идти совершенно разными путями к предельно близкой цели. Зрительское впечатление окажется сходным, но породившие его конкретные речевые стратегии – различными. (Анализ показывает, что при определенных условиях даже несовпадающие в разных переводах целеустановки могут в конечном счете нивелироваться на уровне эстетического эффекта /ирония/). Здесь же возникает проблема нюансировки, которая также в конечном счете имеет выход на эстетическую функцию языковых средств. Примером расхождения такого типа может служить воплощение сюжетной линии, связанной с Люциусом Малфоем, в русском и ирландском переводах.

3) При заметном различии эстетического замысла в двух переводах некоторые крупные речевые стратегии и принципы отбора средств могут оказываться тем не менее общими (в данном случае это иллюстрирует трактовка линии Люциуса Малфоя в польском и в ирландском).

Русский дублер при создании образа более активно задействует интонацию и возможности звучания в целом, по сравнению как с польским, так и с ирландским. В то же время в русском, как правило, намного меньше внимания уделено лексико-грамматической составляющей. Как в польском, так и в ирландском языках многозначность лексико-синтаксического состава структуры встречается реже, чем в русском, а движение тона и другие звучащие средства являются по большей части вспомогательными и скорее сопровождают определенные целеустановки, чем формируют их; это обеспечивает относительную близость письменного и звучащего кинодиалога в данных языках, в отличие от русского.

– русская и польская традиции дублирования демонстрируют разный культурологический подход к созданию образа персонажа в переводном кино: русский дублер пытается учитывать национальную специфику характера своего персонажа, между тем как польской школе дубляжа более свойственны поиски путей полонизации и опора на типаж, известные зрителю из польского культурного контекста.

Литература

Балдова М.А. Взаимодействие национальных авто- и гетеростереотипов и средства их отображения в переводных фильмах (на примере образа английского дворецкого)// *Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. М., 2008.

Балдова М.А. Эстетическая нагрузка средств, формирующих коммуникативное поведение носителей иностранной культуры// *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей*. Вып. 3. М., 2007.

Безьева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.
- Брызгунова Е.А.* Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982.
- Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Коростелева А.А.* О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI. М., 2004.
- Коростелева А.А.* Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
- Коростелева А.А.* Проблема эстетической интерпретации образа средствами русского и польского языков (*Вилли Вонка в к/ф «Чарли и шоколадная фабрика»*)// Теория и практика звучащей речи. Вильнюс, 2007а.
- Коростелева А.А.* Об интерпретационности коммуникативных средств в переводах одного фильма (*на примере к/ф «Запах женщины»*)// Наука о переводе сегодня. Материалы международной научной конференции. М., 2007б.
- Коростелева А.А.* О роли средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма (*«Rain Man» – «Человек дождя»*)// Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 6, 2007в.

ОБРАБОТКА СВОБОДНЫХ СИНТАКСЕМ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА БЕЗ ПРЕДЛОГА ПРИ РУССКО-КИТАЙСКОМ АВТОМАТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Данная работа посвящена важному аспекту разработки проблем автоматического перевода, связанному с созданием алгоритма синтаксического и семантического анализа форм творительного падежа без предлога в процессе перевода с русского языка на китайский. Особую трудность представляет перевод свободных падежных синтаксем творительного падежа, (Г.А. Золотова называет свободными синтаксемами те синтаксемы, которые располагают в силу присущего им как бы до синтаксической конструкции категориально-семантического значения наиболее широкими возможностями употребления.)

Сложность в обработке таких конструкций состоит в следующем.

Во-первых, грамматическая семантика свободных синтаксем (семантическая роль соответствующего актанта ситуации) не определяется однозначно предикативным центром предложения, поскольку она не входит в модель управления соответствующего предиката, которая хранится при нем в словаре системы перевода. Поэтому для установления того, какую семантическую роль играет форма творительного падежа в таких случаях, необходимо разработать специальные правила, учитывающие как семантические, так и формальные свойства слов, с которыми данная синтаксема связана в предложении.

Во-вторых, даже если мы определили семантическую роль актанта, маркированного творительным падежом, всё же эта форма в некоторых случаях должна переводиться на китайский язык разными способами (подробнее это будет рассматриваться далее).

После установления по этим правилам семантической роли актанта, маркированного творительным падежом, часто бывает нужно не просто заменить маркер падежа на эквивалентное ему по содержанию служебное слово китайского языка, но и изменить синтаксическую позицию соответствующего актанта, поскольку в китайском языке грамматико-семантические отношения между членами предложения выражаются в основном при помощи порядка слов.

Следует отметить, что в настоящее время перевод On-line, при котором осуществляется перевод предложений со свободными или обусловленными синтаксемами творительного падежа с русского языка на китайский, обнаруживает большие проблемы, связанные с морфологическим, синтаксическим, а также семантическим анализом предложений русского и китайского языков. Рассмотрим два предложения со свобод-

ными синтаксемами творительного падежа, которые предлагает одна из систем перевода On-line ([http://www.rusky.net](http://www.russky.net)), а также их переводы.

Первое предложение (1a) *Он шёл свободной дорогой* переводится на китайский следующим образом:

(1б) Та you ziyou lu qu.

Он пред. свободный дорога идти.

Для второго предложения, (2a) *Он вдруг начал резать ножом берёзу*, даётся следующий перевод.

(2б) Та turan kaishi you daozi qiekai huashu.

Он вдруг начать пред. нож резать берёза.

Перевод этот не вполне точен. Рассмотрим перевод этого предложения с точки зрения употребления творительного падежа. Отметим, что при переводе (1a) на китайский существительного *дорога*, обозначающего маршрут, следует употребить предлог *yan*, который ставится перед именем для обозначения маршрута. В данном же переводе употребляется предлог *you* со значением *из..., от..., по...,* не обозначающий маршрут. Во втором предложении (2a) *нож* обозначает инструмент. Однако при переводе также используется предлог *you*. Мы выбрали значительное количество примеров из НКРЯ¹, которые включают свободные синтаксемы творительного падежа. В системе On-line показывается, что при переводе данных предложениях с русского языка на китайский употребляется только предлог *you*. На наш взгляд, в китайском языке для обозначения маршрута и инструмента следует употреблять разные предлоги. Ниже мы рассмотрим их подробнее.

В этом предложении есть также другие ошибки, однако в данной работе они не исследуются. Таким образом, с целью обеспечения качественного перевода с русского языка на китайский необходимо выбрать адекватные средства. Именно поэтому мы уделяем внимание переводу русских предложений со свободными синтаксемами творительного падежа без предлога на китайский.

Для того, чтобы разработать правила семантической интерпретации словоформ творительного падежа без предлога, мы решили выбрать в качестве материала исследования примеры из НКРЯ, они приводятся ниже. Классификация свободных синтаксем основывается на принципах, предложенных в словаре Г.А. Золотовой. Всего ею было выделено пять групп такого рода синтаксем и составлены соответствующие модели² для перевода с русского языка на китайский:

¹ Национальный корпус русского языка.

² При создании модели используются общепринятые в синтаксических теориях обозначения частей речи (N, V и т.д.) и грамматических признаков, а семантические признаки обозначаются при помощи сокращений, принятых в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). В квадратных скобках указываются семантические признаки. В угловых скоб-

1. Транзитив – предметные имена с семой пространственной протяженности в единственном и множественном числе употребляются избирательно, в значении пути движения. Рассмотрим предложение (3а) и его перевод (3б) :

(3а) *Každýj dolžen idti svoim putem.*

(3б) Meigeren yinggai yan zijide lu zou.

Каждый должен пред. свой путь идти.

Преппозитивный предлог *yan* имеет значение *вдоль* или *по*.

Модель перевода:

$$N^1_{им}[t:hum/t:animal]^1 <agens>^2 \\ + V [t:move] + N^2_{тв}[t:road*/t:way*]<itin>^3 \\ \Rightarrow N^1 + (yan) + N^2 + V$$

Однако, ситуация осложняется тем, что при переводе на китайский язык для описания разных маршрутов употребляются разные предлоги, которые связаны с определенными семантическими классами слов. Например, при переводе предложения (4а) надо использовать другую модель.

(4а) *Он шёл лесом.*

(4б) Ta chuan guo senlin.

Он проходить пок.прош.вр лес.

Получается модель:

$$N^1_{им}[t:hum]<agens> + V <t:move > + N^2_{тв}[t:space]<itin> \\ \Rightarrow N^1 + V + N^2$$

Специфика перевода таких конструкций состоит в том, что структура модели определяется семантическими классами слов в творительном падеже исходного предложения. Если предложения включают слова типа *дорога, путь, берег и т.д.*, которые связаны с понятием длительности, то употребляется предлог *yan*; если в русском предложении встречаются слова, ассоциирующиеся с пространством, то обычно используются языковые единицы *проходить через*.

Следует отметить, что синтаксима *дорогой* в некоторых случаях может приобретать темпоральное значение. Что именно обозначает синтаксема *дорогой*? Это зависит от того, с каким глаголом она сочетается⁴. Например предложение:

(5а) *Жилье для лисенка придумалось еще дорогой.*

как указывается семантическая роль. Звездочкой помечаются те признаки, которые мы сами вводим при отсутствии нужных признаков в ЖКРЯ.

¹ Семантические признаки: t:hum — лица, t:animal — животные

² Семантические роли: agens — агенс.

³ Семантические роли: itin — маршрут.

⁴ В квадратных скобках указываются семантические признаки глаголов.

Соответствующая модель для перевода:

(56) Gei xiaohuli de wo haishi zai lushang jiu jiubei xianghao le.
Для лисёнок пог.опред жильё ещё пред. дорога пред. придуматься пок.прош.вр.

Предлог *bei* обозначает пассивность.

Возможна также следующая модель:

$N^1_{им}[t:hum] < агенс > + V [t:ment/t:perc] +$
 $N^2_{та}[t:road/t:way] < temp >$
 $\Rightarrow N^1 + \{zai\} + N^2 + V$

2. Темпоратив – имена со значением временного отрезка. Прежде всего, рассмотрим темпоральный распространитель глагольного и именного предложения. Например предложение (5а):

(6а) Иногда *вечерами* выбираемся в гости.

Перевод на кит.:

(6б) youshihou wanshang choukongqu zuoke.

Иногда *вечер* выбираемся в гости.

Модель перевода на китайский:

$N^1_{тв}[t:time/t:time.moment/t:time.week/t:weather/t:part_of_day] < tem$
 $p >^1 + N^2_{им}[t:hum] < агенс > + V [t:move/t:impact] +$
 $N^3_{ани}[t:hum/t:space] < patients >^2$
 $\Rightarrow N^1 + N^2 + V + N^3$

3. Инструментив – конкретно-предметные имена со значением орудия действия. Они сочетаются с акциональными глаголами.

(7а) Соня *чистила щёткой* баул.

Перевод на кит.:

(7б) Coniya yong shuazi qingxi le xiangzi.

Соня пред. щётка чистить пок.прош.вр баул.

Предлог *yong* в китайском языке функционирует в инструментальном значении русского творительного падежа.

Модель:

$N^1_{им}[t:hum] < агенс > + V [t:impact] + (N^2_{им})^+$
 $N^3_{та}[t:tool/instr/t:intelligence] < instr >^3$
 $\Rightarrow N^1 + \{yong\} + N^3 + V + (N^2_{им})$

¹ Семантические роли: temp – время.

² Семантические роли: patients – пациенс

³ Семантические роли: instr – инструмент.

В эту группу включаются также сочетания инструментива с отглагольными именами, обозначающими действие или результат. Приведем пример типа предложения (8а) и его перевод (8б):

(8а) Он стерпел удар **палкой** по спине.

(8б) Ta renshou le yong mugun da tade houbei.

Он стерпеть пок.прош.вр пред. палка ударить его спина.

Модель для перевода:

$N^1_{им}[t:hum] <agens> + V [t:impact] + N^2_{инс}[t:impact] <patients> +$

$N^3_{тр}[t:tool:instr] <instr>$

$\Rightarrow N^1 + (yong) + N^3 + V + (N^2_{им})$

4. Медиатив 1 – обозначение способа действия. В этой группе две подгруппы, 2 типа. Первый тип выражает образ действия. Например:

(9а) Она поблагодарила меня **взглядом**.

Перевод на кит.:

(9б) Ta tongguo muguang ganxie wo.

Она пред. взгляд поблагодарить я.

Предлоги *tongguo* употребляются в китайском языке для обозначения способа действия.

Получается следующая модель:

$N^1_{им}[t:hum] <agens> +$

$V[t:impact/t:impact:creat/t:behave/t:qualitative\ features^1] +$

$(N^2_{инс}[t:hum] <t:tool:transp>) + N^3_{тр}[t:tool:transp/$

$t:move:body] <Mod>^1$

$\Rightarrow N^1 + (tongguo) + N^3 + V + (N^2)$

Второй тип медиатива 1 обозначает сравнение, как в предложении (8а):

(10а) **Время летит стрелой.**

Перевод на кит.:

(10б) Shijian xiang jian yiyang feishi.

Время пред. стрела одинаковый лететь.

Предлог *xiang* в сочетании с прилагательным *yiyang* образует устойчивый оборот, с помощью которого выражается сходство или тождество двух предметов. Он может выступать в функции обстоятельства, определения или замыкать собой целое предложение. Следует отметить, что в китайском языке для обозначения сравнения существует достаточно много способов. Однако для составления модели данного типа мы выбираем наиболее типичную конструкцию:

¹ Семантические роли: mod – способ.

$N^1_{\text{nm}}[t:\text{hum}/t:\text{stuff}/t:\text{time}] < \text{agens} > +$
 $V[t:\text{impact}/t:\text{move}/t:\text{qualitative_features}^*] +$
 $N^2_{\text{tr}}[t:\text{animal}/t:\text{tool}/t:\text{instr}/t:\text{template}^*] < \text{sem-object} >^1$
 $\Rightarrow N^1 + (\text{xiang}) + N^2 + (\text{yiyang}) + V$

5. Медиатив 2 – синтаксема со значением способа, средства передвижения.

Например:

(11a) *Мы решили ехать поездом в Париж.*

Перевод на кит.:

(11b) *Women jue ding cheng huoche qu bali.*

Мы решить пред. поезд ехать Париж.

Предлог *cheng* сочетается с именами существительными, обозначающими транспортные средства. Такое сочетание выражает способ и средство передвижения.

Модель:

$N^1_{\text{nm}}[t:\text{hum}] < \text{agens} > + V [t:\text{move}] + N^2_{\text{tr}}[t:\text{tool}/t:\text{transp}] < \text{instr} >$
 $\Rightarrow N^1 + (\text{cheng}) + N^2 + V$

Анализ показывает, что предложения со свободными синтаксемами в творительном падеже семантически сложны. Перевод их с русского языка на китайский осуществляется по разным моделям. И данная работа представляет линию системы перевода. Рассмотренные здесь свойства конструкции с творительным падежом в роли *транзитива, темпоратива, инструментива и медиатива* позволяют строить практические модели адекватного автоматического перевода.

Литература

Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М., 2006.

Словари

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса «Эдиториал УРСС». 2001.

Большой русско-китайский словарь Пекин 1992.

Большой толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004.

Большой толковый словарь русских глаголов под общей редакцией профессора Л.Г. Бабенко. М.,

Большой толковый словарь русских существительных под общей редакцией профессора Л.Г. Бабенко. М.,

Национальный Корпус русского языка: www.ruscorp.org.ru

Перевод On-line: <http://www.rusky.net>

¹ Семантические роли: *sem-object* – объект сравнения.

Хосейн Голами (доцент кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета, Иран)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ПРИСТАВКАМИ НЕПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

В ходе речевой деятельности глаголы действия делятся на две группы, куда входят единицы, употребляемые в готовой форме, и единицы, которые требуют конструирования. Эти группы различаются характером их употребления в речи, т.е. единицы, употребляемые в готовой форме, следует запоминать, а для использования конструируемых единиц нужно понимать их смысл как бы изнутри. Глаголы движения в русском языке относятся ко второй группе действий, т.е. их употребление в речи требует учета смысловых и функциональных связей.

Приставка в глаголах движения играет не только видообразующую роль. Основная функция приставки – конкретизировать основное значение глагола, в первую очередь, охарактеризовать направление движения. Бесприставочные глаголы движения в русском языке этого значения не выражают: идти: *рафтан* – *амадан*; прийти: *амадан*; уйти: *рафтан*.

Префиксальные глаголы движения разделяются на две группы: с приставками пространственного значения и с приставками непространственного значения. При изучении приставочных глаголов движения иностранные учащиеся встречаются со значительными трудностями. С одной стороны, это объясняется сложностью и многообразием смысловых отношений, выражаемых префиксальными глаголами, способностью глаголов движения присоединять большое количество приставок, многозначностью приставок, наличием приставок, передающих пространственные и непространственные отношения, тем, что многие приставки не присоединяются последовательно ко всем глаголам движения, что создаёт многочисленные “исключения из правил”, и, наконец, особенностями образования и употребления видовых пар глаголов движения, наличием одновидовых глагольных форм. С другой стороны, это вызывается интерференцией родного языка учащихся [Юдина 1985: 36].

При изучении приставочных глаголов движения необходимо постоянно обращать внимание на следующие структурно-смысловые моменты, существенные при порождении высказывания:

- 1) особенности образования и употребления видовых форм;
- 2) особенности структуры предложения, включающего префиксальные глаголы движения;

3) особенности ситуации и речевого контекста при выборе приставочного глагола движения.

Глаголы с приставками непространственного значения обычно выступают как одновидовые – СВ. Они характеризуют движение во времени:

– выделяют момент начала:

ПО- + глагол типа *идти* (*пойти, поехать*);

ЗА- + глагол типа *ходить* (*заходить, забегать*);

– указывают на ограниченность движения во времени или в количестве повторений:

ПО-, ПРО- + глагол типа *ходить* (*поездить по стране, походить на занятия, проездить полдня*);

– указывают на однократность движения;

С- + глагол типа *ходить* (*сходить, съездить к друзьям*);

– характеризуют движение с точки зрения охвата движением объектов перемещения:

О-, ОБ-, ОБО-, ИС- + глагол типа *ходить* (*объездить, исходить, обегать весь город*). [Юдина 1985: 37, 38].

Многие приставки непространственного значения присоединяются не ко всем глаголам группы *ходить*, например приставка ЗА- (*заходить, забегать, залетать*).

К глаголам типа *идти* присоединяются единичные приставки непространственного значения, тоже образуя глаголы совершенного вида.

Здесь следует отметить, что все глаголы движения с приставками непространственного значения являются глаголами совершенного вида, т.е. глаголы движения в сочетании с приставками непространственного значения обычно выступает как одновидовые – совершенного вида и видовой пары не имеют. В основном глаголы движения с этими приставками употребляются в разговорной речи.

Некоторые неоднаправленные глаголы с приставкой ЗА- имеют значение начало ненаправленного движения (глаголы типа *ходить: заходить, забегать, залетать, заползать*):

Он сидел, а потом встал из-за стола, заходил по комнате.

او نشستہ بود، سپس از پشت میز بلند شد و شروع به قدم زدن کرد.

Он вскочил и забегал по комнате.

او از جایش بلند شد و در اتاق شروع به نویدن کرد.

В персидском языке данное значение передаётся с помощью бесприставочного глагола “шору кардан” <начать>.

Глаголы разнонаправленного движения (глаголы типа *ходить*) с приставкой ИЗ-, (ИС-) имеют значение распространения движения по всем направлениям, исчерпанности и доведения до конца: *исходить, изъездить, излазить, исползать, износить, истаскать*.

Коля Соловьёв любит путешествовать: он *исходил* всё Подмосковье, *изъездил* всю среднюю полосу России.

کولیا سالابوف سفر کردن را دوست دارد، او تمام حومه مسکو را زیر پا گذاشته و منطقه میانی روسیه را نیز تماما گشته است.

Друзья *исходили* весь парк, но так и не нашли потерянный фотоаппарат.

دوستان تمام پارک را زیر پا گذاشته اند، ولی دوربین گم شده را پیدا نکرده اند.

Глагол “зирэ ра гозаштан” <много искать> является точным эквивалентом русского глагола *исходить*.

Основные значения глаголов движения с приставкой НА-

1. Количество проделанного действия (только разнонаправленные глаголы движения типа *ходить*)

Шофёр *наездил* 500 000 км.

راننده پانصد هزار کیلو متر رانندگی کرده است.

Лётчик *налетал* 10 000 часов.

خلیان ده هزار ساعت پرواز کرده است.

Для передачи данного значения нет эквивалента в персидском языке, и бесприставочный глагол “парваз кардан” <летать> употребляется для выражения значения глаголов *летать* и *налетать*.

2. Некоторые разнонаправленные глаголы движения с приставкой НА-...-СЯ имеют значение совершения действия вдоволь или удовлетворённость действием:

Набегаться, *налетаться*, *наплаваться*:

Никак не могли *набегаться* (т.е. бегали с удовольствием и не могли прекратить бег).

نمی توانستیم از دویدن (سیر شویم). (عمل دویدن همراه با لذت بوده، طوری که نمی توانستیم آن را قطع کنیم)

...Говоря *попросту*, *набегался* я так, что ноги *гудят* (А.Н. Толстой, «Егор Абзов»).

...ساده بگویم، (به قدری) دویدم که پاهایم بشدت درد می کردند.

Маша *набегалась* за день и *легла* в этот вечер *рано*.

(زیاد خسته شده بود) و امشب زود خوابید. ماشا طی روز از دوندگی

Здесь сам бесприставочный персидский глагол не передаёт это значение и только при помощи лексических конкретизаторов можно более точно выразить данное значение.

Основные значения глаголов движения с приставкой О-(ОБ-, ОБО-.

Приставка О-(ОБ-, ОБО-) в сочетании с разнонаправленными глаголами движения (глаголы типа *ходить*) характеризует движение с точки зрения охвата движением объектов перемещения. По значению она сходна с приставкой непространственного значения ИЗ-, расходятся они лишь только в том, что приставка ИЗ- означает распространение движе-

ния на определённую территорию, а приставка О- означает распространение движения на объекты.

Вронский с Анной три месяца уже путешествовали вместе по Европе. Они объездили Венецию, Рим, Неаполь (Л. Толстой, Анна Каренина). سه ماه از سفر ورونسکی و آنا به دور اروپا می گذشت. آنها ونیس، روم و ناپل را گشتند.

Облетать всю страну.

جای جای کشور را (با هواپیما) گشتن.

Бесприставочный персидский глагол сам по себе не выражает данное значение, и нужны другие дополнительные слова.

Приставка непространственного значения ОБ- присоединяется также к некоторым однонаправленным глаголам движения (таким же: идти, ехать), образуя глаголы совершенного вида. Значение этих образующихся глаголов такое же, что и с глаголами типа ходить, ср.:

Объехать, ездя, побывать во многих местах, посетить многих [Ожегов 1986: 377].

Объехать всю страну.

جای جای کشور را (با وسیله نقلیه زمینی) گشتن.

Объехать всех знакомых.

به تمام آشنایان (با وسیله نقلیه زمینی) سر زدن

Мы обошли в центре все магазины, но не нашли этой книги.

ما همه مغازه های مرکز شهر را گشتیم، ولی این کتاب را پیدا نکردیم.

Обходить, побывать всюду, у многих, обойти [Ожегов 1986: 375].

Обходить весь город.

شهر را زیر پا گذاشتن.

Всех знакомых обходил.

به تمام آشنایان سر زدم.

Эквивалентом глагола *обходить* является бесприставочный персидский глагол “сар задан”.

Основные значения глаголов движения с приставкой ПО-

Приставка ПО- сочетается с обеими группами глаголов движения (глаголы типа *идти* и глаголы типа *ходить*) и образует глаголы совершенного вида.

Глаголы движения типа *идти* в сочетании с приставкой ПО- имеют следующие значения:

А) Начало однонаправленного движения или начало нового этапа движения [Пехлеванова 1984: 258].

Девушка постояла немного и пошла.

دختر جوان یک کمی ایستاد و بعد حرکت کرد.

У меня заболела голова, и я пошёл погулять.

سرم درد گرفت و رفتم قدم بزنم.

Утром мы позавтракали и пошли на работу.

صبح ما صبحانه خوردیم و روانه (رهسپار) محل کارمان شدیم.

Здесь в персидском языке только при помощи глагола “шору кардан”<начать> возможно передать данное значение.

б) Намерение совершать действие:

Мне хочется поехать на север.

دلم می خواهد به شمال بروم.

Сам бесприставочный глагол выражает это значение.

в) Указание приблизительного местонахождения предмета/лица:

Сергея нет дома, он пошёл в библиотеку.

سرگی در خانه نیست، او به مغازه رفته است.

Бесприставочный персидский глагол придаёт указанное значение.

2. Глаголы движения типа ходить в сочетании с приставкой ПО- выражают недлительно-ограниченное ненаправленное движение [Войнова 1981: 67].

У меня заболела голова. Я вышел на свежий воздух и походил по парку.

سرم درد گرفت. به هوای آزاد رفتم و (کمی) در پارک گردش کردم (قدم زد).

Наречие “ками”<немного> в сочетании с бесприставочным глаголом передаёт данное значение.

Основные значения глаголов движения с приставкой ПРО-

Приставка ПРО- с разнонаправленными глаголами движения (глаголы типа *ходить*; *проходить*, *проездить*, *пробегать*, *проплывать*, *пробродить*, *пролазить*, *проносить*, *провозить*, *прогонять*, *протаскать*, *прокатать*) указывают на то, что определённый отрезок времени был заполнен движением. [Пехлеванова 1984: 259].

Обычно глаголы в сочетании с данной приставкой сопровождаются обстоятельством времени:

Два часа она проходила по магазинам.

دو ساعت او مغازه ها را می گشته است.

Погода отличная! Мы проплавали в реке целых два часа.

هوا عالیہ! ما دو ساعت تمام در رودخانه شنا کردیم.

С помощью обстоятельства времени можно более точно передавать это значение.

Основные значения глаголов движения с приставкой РАЗ...-СЯ

Интенсивное движение (только непереходные глаголы типа *ходить*): *Дети разбегались и расшумелись*.

بچه ها شروع کردند (به هر طرف) دویدن و سر و صدا کردن.

Сделалась суматоха, ... слуги разбегались, как одурелые, гости перетруссились.

هنگامه ای به پا شد, ... خدمتکاران مانند دیوانه ها شروع کردند (به هر طرف) دویدن، میهمانها را نیز ترس فرا گرفت.

Здесь при помощи словосочетания “бэ хар тараф” <по разным сторонам> и бесприставочного глагола “давидан” <бегать> передаётся данное значение.

Основные значения глаголов движения с приставкой С-

Глаголы разнонаправленного движения (глаголы типа *ходить*) с приставкой С- непространственного значения: *сходить, съездить, сбежать, слетать, сводить, свозить*, имеют значение движения туда и обратно, движения к цели и возвращения:

Подождите меня здесь, я быстро схожу в магазин.

اینجا منتظرم بمانید، من سریع به مغازه می روم (بروم و برگردم).

Мы сходили на стадион, а потом съездили к другу.

ما ابتدا به استادیوم (رفته بودیم) و سپس نزد دوستان رفتیم.

Утром я сходил в магазин за молоком.

صبح برای خرید شیر به مغازه رفته بودم.

Это значение передает бесприставочный глагол.

Итак, много можно сказать о глаголах движения в обоих языках. Но, как раньше отмечалось, сопоставительная работа всегда интересна и полезна, и анализ сложных случаев помогает иранским учащимся разбираться в этом очень трудном для понимания аспекте в русском языке. При переводе с русского на персидский язык глаголов движения возникает много проблем, которые приводят к непониманию и неуспеваемости носителей русского языка, в том числе носителей персидского языка.

Итак, проведённый нами анализ показал, что не всегда можно найти для русских приставочных глаголов движения персидские приставочные глаголы для выражения точного значения той или иной приставки и иногда при переводе чувствуется необходимость дополнительных слов (лексических конкретизаторов).

Анализ показал, что в основном бесприставочные персидские глаголы являются эквивалентами русских приставочных глаголов движения.

Многозначность русских приставочных глаголов движения и влияние контекста на их значения, осложняют понимание и изучение этого важного аспекта русского языка.

Форма выражения и передачи значений глаголов движения с приставками непространственного значения в русском языке отличается от персидского языка.

В персидском языке при выражении значений глаголов движения приставки не играют никакой роли.

Разновидность семантических оттенков русских глаголов движения и их широкая сочетаемость с разными приставками пространственного и непространственного значения осложняют понимание и изучение русских глаголов движения.

Но надо отметить, что и в персидском языке, подобно русскому, контекст помогает в уточнении значений приставочных глаголов движения.

Литература

- Бстхтина Л.Н., Володина Г.И. Тренировочные лексико-грамматические упражнения по русскому языку, М., 1983.
- Битехтина Г.А., Юдина Л.П. Система работы по теме "Глаголы движения", М., 1985.
- Войнова Е.И., Матвеева В.М. Учебник русского языка для иностранных студентов, М., 1981.
- Восканян Г.А. Русско-персидский словарь, Т., 1995.
- Всеволодова М.В., Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка), М., 1998.
- Муравьёва Л.С. Глаголы движения в русском языке, М., 1975.
- Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М., 1986.
- Пехливанова К.И. и Лебедева М.Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях, М., 1984.
- Пулькина И.М., Захава-Насрасова Е.Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев, М., 1975.
- Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь в 2-х томах, М., 1985.
- Халатбари Р. Сравнительный анализ форм и значений глаголов движения в русском и персидском языках, дипломная работа, Тегеран, 2004.

АНАЛИЗ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ИНФИНИТИВОМ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Инфинитив – не центр глагольной системы, а ее окраина. Не случайно вопрос об инфинитиве особенно волновал грамматистов. Авторы теоретического курса грамматики “Современного персидского языка” считают, что в современном персидском языке формы инфинитива, как и формы причастия, относятся к неличным формам глагола. Анализ этих форм представляет интерес с точки зрения общей характеристики строя персидского языка, одной из специфических черт которого является развитая система неличных форм и особенности их употребления. Отличие неличных форм глагола от личных заключается в том, что инфинитив, причастие и герундий не имеют грамматических категорий лица, числа и склонения и потому не могут выполнять свойственной личным формам синтаксической функции сказуемого. Отсутствие наиболее существенной для их синтаксической функции категории лица отражается в самом термине “неличные формы”.

Инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению. Так, инфинитив под именем “отглаголия” выделял из глагола в самостоятельную категорию И.Ф.Калайдович. Лишь академики Д.Н. Овсяннико-Куликовский и А.А.Шахматов и лингвисты бодуэновской школы настойчиво подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке – это “отглагольный номинатив”, т.е. основная, исходная форма глагола. “Инфинитив... дает отвлеченное, обобщенное понятие о действии; в этой форме связь действия с деятелем лишь предполагается логически, а не выражается формальными признаками” Система неличных форм глагола в персидском языке представлена двумя категориальными формами – инфинитивом, и причастием. Система инфинитива в персидском языке традиционно характеризуется грамматическими категориями залога и временной отнесенности. В предложении инфинитив может служить: подлежащим, именной частью сказуемого, частью составного глагольного сказуемого, дополнением, определением, обстоятельством.

Известно, что и А.А.Потебня, считая инфинитив особой частью речи, все же приписывал ему отношение к неопределенному лицу. Инфинитив, по Потебне, “не заключает в себе своего субъекта, но требует его

¹ Работа выполнена в соответствии с исследовательским планом «Исследования в прикладной лингвистике: Достижения современной России» № проекта 460-5009.1.8, осуществляемым при финансовой поддержке Тегеранского университета.

как прилагательное и глагол... Отличие неопределенного наклонения от личного глагола состоит в том, что этот последний включает в себе определение своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда как в неопределенном наклонении, вырванном из связи, лицо остается неопределенным. В живой речи лицо неопределенное всегда определяется тем или другим способом”

Точно также академик А.А.Шахматов вслед за А.А.Потебней настаивал на том, что “Невозможно – без насилия над языком и над своим сознанием – увидеть в форме *жить* отдельное слово, не связанное с формами *живу*, *я жил* и т.д. Нельзя также безоговорочно противопоставлять инфинитив всем другим “предикативным формам” глагола”

Система инфинитива в персидском

Словосочетание определяется как группа синтаксически связанных знаменательных слов в составе предложения, которая сама не является предложением. Глагольные словосочетания занимают исключительное место в синтаксической структуре современного персидского языка как с точки зрения частотности их употребления, так и в плане разнообразия их структурных моделей. Ввиду разнородности различных подклассов глаголов персидского языка, характеризующихся существенными различиями в их синтаксической дистрибуции, классификация глагольных словосочетаний современного персидского языка представляет значительные трудности.

Классификация глагольных словосочетаний в персидском языке выглядит следующим образом:

1. словосочетания, ядром которых может быть как переходный, так и непереходный глагол;

2. словосочетания, ядром которых может быть глагол только определенного подкласса: либо только переходный, либо только непереходный. Отсюда в функции расширений в глагольных словосочетаниях могут употребляться в числе других частей речи (наречий, прилагательных и др.) глаголы в форме инфинитива.

В функции *объектного* дополнения в персидском языке также в числе других частей речи могут употребляться глаголы в форме инфинитива, глагольные словосочетания в форме инфинитивного предикативного словосочетания. В функции *квалифицирующего* дополнения в персидском языке также могут употребляться глаголы в форме инфинитива или причастия или глагольные словосочетания с соответствующими формами в качестве ядра.

В работах по персидской грамматике, написанных в Иране, подобные словосочетания трактуются как “составное сказуемое”; зарубежные же нормативные грамматики обычно рассматривают подчиненный член

таких словосочетаний как дополнение при глаголе. Мы предпочитаем в данном случае придерживаться трактовки, принятой в персидских грамматиках и рассматривать подчиненный член при непереходном глаголе как квалифицирующее дополнение, поскольку понятие “составного сказуемого” абсолютно неприменимо к таким конструкциям, где глагол – ядро словосочетания употребляется не в предикативной, а в неличной форме.

Таким образом, инфинитив представляет собой неличную глагольную форму, которая называет действие, не указывая ни лица, ни числа. Инфинитив отвечает на вопросы *что делать? что сделать?* Формальным признаком инфинитива является частица [n]-(ن), которая не имеет самостоятельного значения.

Являясь глагольным номинативом, инфинитив имеет ряд особенностей, сближающих его с личной формой глагола: даже в функциях, свойственных имени, инфинитив сохраняет способность выражать действие как процесс, т.е. имеет залоговые и видовые различия, выражает время, переходность и непереходность основы и, что самое главное, – имеет свой собственный субъект действия; кроме того, инфинитив имеет способность принимать прямое дополнение и определяться наречием.

Некоторые авторы отмечают, что в одних случаях инфинитив выражает действие, следующее за действием личного глагола, в других действие инфинитива совершается одновременно с действием личного глагола, а другие считают, что в современном персидском языке инфинитив может обозначать действие, следующее за действием, выраженным глаголом-сказуемым. М.Талагани и др., рассматривая аналогичные случаи употребления инфинитива, отмечают, что инфинитив выступает здесь в функции обстоятельства сопутствующих явлений. Этой же точки зрения придерживаются и авторы учебника персидского языка **пандж оstad** и др.

Таким образом, как в зарубежной лингвистике, так и Иране существуют *три точки зрения* на функцию инфинитива в данном употреблении: первая точка зрения – инфинитив выполняет функцию обстоятельства следствия. Вторая точка зрения – инфинитив выполняет функцию обстоятельства цели. Третья точка зрения – инфинитив обозначает действие, следующее за действием глагола-сказуемого, и выполняет функцию обстоятельства последовавших явлений.

Как известно, в персидском языке не всякое сочетание глагола [budan] (بودن) с причастием можно считать аналитической формой страдательного залога. Это имеет место в тех случаях, когда данное сочетание не связано с действием, а передает лишь состояние субъекта.

Рассмотрение структурно-семантических особенностей словосочетаний с инфинитивом в различных синтаксических функциях начнем с

подлежащего. С точки зрения субъектной соотнесенности можно выделить два случая употребления инфинитива в функции подлежащего:

1. Связь с каким-либо деятелем отсутствует, что наблюдается при высказывании общезвестных истин, не связанных с конкретной ситуацией или конкретным действующим лицом. Формальными признаками такого высказывания являются: форма настоящего времени в простом составном сказуемом с простой глагольной формой и часто называемое "симметричное" построение, т.е. наличие инфинитива и в подлежащем и в сказуемом.

2. Связь действия инфинитива с деятелем выступает достаточно ярко в тех случаях, когда высказывание связано с конкретной ситуацией. Сказуемое чаще всего стоит в форме прошедшего времени или перфекта настоящего времени; производитель действия выражен в предложении притяжательным местоимением, личным местоимением в объектном падеже, существительным в общем падеже или же выясняется из контекста.

طریق راه چنین کردن مخاطره آمیز می نمود.

Количественный анализ примеров, отмеченных нами, показывает, что употребление инфинитива в функции подлежащего и сложного подлежащего встречается в литературном персидском языке не часто.

Следующей характеристикой инфинитива является выполняемая им синтаксическая функция именной части составного именного сказуемого.

По сравнению с другими несличными формами глагола употребление инфинитива в качестве второго члена составного сказуемого значительно шире и разнообразнее.

Инфинитив выступает в функции второго члена в следующих разновидностях составного сказуемого:

1- В составном именном сказуемом со связкой بودن

Инфинитив в составном сказуемом с модальным значением (budan – bar an budan + инфинитив).

Глагол shodan – budan – bar an budan перед инфинитивом в составном сказуемом может выражать долженствование, возможность, придавать сказуемому оттенок будущего времени.

به برادرت مگو، که انتقال اطلاعات تمام شده.

2-Инфинитив в функции прямого дополнения:

تمام شدن کار را به او اطلاع دادم.

3- Инфинитив в функции второго дополнения:

آموزش (آموختن) دقت کردن کار ساده ای نیست.

При этом глагол переводится *приводить к, служить (быть) причиной, вызывать*. В таком случае инфинитив передается отглагольным существительным.

В функции определения инфинитив соотносен с определяемым как со своим субъектом, активным или пассивным, в тех случаях, когда определяемое выражено конкретным существительным, неопределенными или отрицательными местоимениями, прилагательными или числительными в роли предметного члена.

Отношение между определением и определяемым в этом случае более сложное, чем можно судить по форме словосочетания; оно четко выявляется при переводе на русский язык при помощи определительного придаточного предложения, в котором инфинитивному определению в персидском языке соответствует личный глагол в определенной временной форме, часто в сочетании со словом с модальным значением. Иное осмысление этого сочетания невозможно, так как инфинитив, называющий действие, примыкает к имени, выражающему субъект этого действия, непосредственно, без помощи какой-либо личной формы глагола, которая указывала бы на отношение к данному действию, на характер связи между действием и деятелем.

Инфинитив в функции определения стоит после определяемого существительного, чаще имеет форму страдательного залога и отвечает на вопрос *какой?* Инфинитив-определение включает в себя модальный оттенок долженствования, возможности (иногда желания) или передает будущее время. Переводится на русский язык определительным придаточным предложением, сказуемое которого имеет оттенок долженствования, возможности или будущего времени. Выбор модального оттенка подсказывается общим смыслом всего предложения.

Оборот *baray* برای + существительное (или местоимение) + инфинитив.

Инфинитив, стоящий после существительного или после местоимения в объектном падеже с предшествующим предлогом *for*, выражает действие, которое производит предмет или лицо, обозначенное данным существительным или местоимением.

Оборот "***baray* برای + существительное + инфинитив**" выполняет функции различных членов предложения.

Перевод оборота зависит от выполняемой им функции, при этом предлог *for* опускается, а весь оборот – инфинитив с существительным (местоимением) с *for* – переводится придаточным предложением соответственно выполняемой данным оборотом функции. Инфинитив персидского предложения соответствует глаголу в личной форме, т.е. функции сказуемого русского перевода, а стоящее перед инфинитивом существительное – подлежащему.

Согласно проведенному исследованию функциональных особенностей инфинитива в позиции различных членов предложения, необходимо отметить, что составное глагольное модальное сказуемое по своей частности является преобладающей функцией инфинитива, тогда как в функции составного глагольного видového сказуемого примеров употребления инфинитива встречается значительно меньше. Можно сделать вывод, что хотя инфинитив в составе предложения может занимать синтаксические позиции почти всех членов предложения, однако специфика грамматических особенностей каждой из категориальных форм инфинитива ограничивает возможности употребления инфинитива в предложении. Анализ языкового материала показал, что значительно чаще употребляется форма простого инфинитива общего вида, действительного залога в функции составного глагольного сказуемого, подлежащего, дополнения. В отношении именных черт неличные формы сохраняют свойственные им исторические связи с существительным и с прилагательным, тогда как глагольные черты являются, главным образом, результатом их постепенного и длительного развития.

Литература

- Богуславская Г.П. Обстоятельство последующих явлений // Ученые записки Ленинградского пед.института. – 1977. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
- Грамматика русского языка. АН СССР. М., 1952.
- Семантико-стилистические исследования текста и предложения: З.Я.Тураева. Л., 1980
- Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. Синтаксис. М., 1988.
- Словарь лингвистических терминов./Сост. О.С. Ахманова. М., 1989.
- Хомский Н. Язык и мышление. МГУ, 1972
- Якобсон Р. В поисках сущности языка. // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. № 16, 1970. М., ВИНТИ.
- Ярошевский М. Г., Анциферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
- Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. М., 1993.

«СОЮЗНАЯ» ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(КОРЕЙСКИЕ И РУССКИЕ ПРИЧАСТИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

В потоке сопоставительных исследований различных языков в последнее время все чаще появляются работы, посвященные сравнению корейского и русского языков. Отчасти это связано с активизацией обмена студентами и специалистами между Россией и Республикой Корея. В этих работах затрагиваются самые разные аспекты языка: семантический объем отдельных лексических единиц [Будникова 2005], выражение просьбы и требования [Кан 1998], употребление форм настоящего времени [Ким 2002], выражение значения обобщенности [Нам 2003], глаголы движения [Сан 1996] и др.

Предметом исследования данной статьи является анализ синтаксических функций причастий в корейском языке на фоне русского языка. Изучение употребления причастия как морфологической категории вывело нас на сопоставление русских и корейских структур, т.е. на уровень синтаксиса простого предложения и сложного предложения. Основной вывод, к которому приводит сопоставительный анализ, заключается в следующем: так как в корейском языке на формально-синтаксическом (не на семантическом!) уровне отсутствуют такие структуры, которые в традиции русской лингвистики соответствуют союзным сложным предложениям, то причастие в корейском языке, помимо своей основной функции (выражение определения), выполняет роль связочного, союзного средства, аналогичную той роли, которую в русском языке выполняют союзы и союзные слова.

Специалистам-практикам известно, что в преподавании иностранного языка наиболее сложно изучать явления, которые есть и в изучаемом, и в родном языках, потому что зачастую «общим» является только название какой-то языковой категории, а ее семантико-синтаксическое содержание в этих языках разное. Такие случаи **частичного совпадения** языковых явлений гораздо более «коварны», чем полное отсутствие какой-либо категории или слабая ее представленность в языке: это зона порождения речевых ошибок. Так, например, при изучении темы причастия (и соответствующих им сложных предложений с придаточным определительным) в речи учащихся регулярно возникают ошибки типа **Девушка, которая красивая, моя сестра*, **Он, который болен, опоздал*, **Они, которые врачи, сказали*, **Я хотел бы помогать людям, которые бедные*. Эти ошибки являются прямым следствием различного содержания понятия «причастия» и его функций в русском и корейском язы-

ках. Однако это не всегда ясно как самому преподавателю, вследствие недостаточного знакомства с грамматикой корейского языка, так и учащемуся. Для того чтобы предупредить такие ошибки, нужно показать различие русских и корейских структур с причастием, причем не изолированно, а на фоне других способов выражения значения определительных отношений в двух языках.

В статье рассматриваются следующие вопросы:

- 1) морфологические категории форм русского и корейского причастия,
- 2) залоговые формы причастия в русском и корейском языках,
- 3) синтаксические функции причастия в русском и корейском языках.

Обратимся к конкретному анализу.

1. Сопоставление морфологических категорий причастий, состав форм причастия

В русском и корейском языках существенно различается состав форм, которые принято называть «причастием». В русском языке это одна из глагольных форм, сочетающая в себе признаки глагола и прилагательного. Она обладает глагольными категориями: существует четыре формы полных причастий (действительные причастия настоящего и прошедшего времени, а также страдательные причастия настоящего и прошедшего времени), которые изменяются по числам, родам и надежам, а также краткие страдательные причастия, имеющие формы рода и числа. При этом признаки прилагательного носят вторичный характер: они выступают в качестве согласовательной, внешней категории, это как бы только «упаковка», в которой проявляются признаки глагола. Корейское же причастие имеет только три формы (по крайней мере, активно употребляемые) с формальными показателями настоящего, прошедшего и будущего (последней формы в русском языке нет!) времени – **는**, **은**, **을**. Эти формы не являются специфически причастными: формальные показатели – **는**, **은**, **을** – это многозначные суффиксы, которые используются с другими частями речи (существительными, прилагательными, местоимениями, глаголами) для выражения различных значений.

Таблица 1. Выраженность глагольных морфологических категорий у причастий

		корейский	русский
Залог и время	Действит. причастия настоящего врем.	есть	есть
	Действит. причастия прошедшего врем.	есть	есть
	Действит. причастия будущего врем.	<u>есть</u>	<u>нет</u>
	Страдат. причастия настоящего врем.	есть	есть

	Страдат. причастия прошедшего врем.	есть	есть
	Страдат. причастия будущего врем.	есть	нет

Таблица 2. Выраженность именных морфологических категорий у причастий

	русский	корейский
Род	есть (м.р., ж.р., ср.р.)	нет (в языке)
Число	есть (ед.ч., мн.ч.)	нет (у причастий и прилагательных)
Падеж	есть	нет (у причастий и прилагательных)
Краткая форма причастия	есть (страдательные причастия)	нет

2. Морфолого-синтаксическое сопоставление причастий по категории залога

В корейском языке есть специальная пассивная форма причастия, но реально в современном корейском языке она не употребляется. Для выражения пассивных значений используется не столько пассив как таковой, сколько форма актива. И хотя в грамматиках, описывающих русский язык для корейцев и корейский язык для русских, примеры употребления пассивной формы причастия даются как нормативные, носителями корейского языка они не используются: корейские информанты оценивают такие структуры *소년에 의해 읽히는 (읽고 있던) 책은 "전쟁과 평화" 이다* (Мальчиком читаемая книга – это «Война и мир») как неестественные и неупотребительные.

Таким образом, если в русском языке существует четкое разделение форм причастий по залогу (две формы действительного залога и две страдательного залога, при этом они не взаимозаменяемы и их функции строго разграничены), то в корейском языке наблюдается такое явление, которого нет в русском: одна и та же форма (форма активного залога) – *는, 은, 을* выражает и активный, и пассивный залог. Например: (1) *책을 읽고 있는 소년은 나의 학생이다* (Мальчик, читающий книгу / который читает книгу, мой студент) и (2) *소년이 읽고 있는 책은 "전쟁과 평화" 이다* (Книга, читаемая мальчиком / книга, которую читает мальчик, «Война и мир»). Как видим, одна и та же форма выражает оба залога, и при этом в реальном употреблении преобладает активная форма, т.е. носители корейского языка «не видят» различий между активными и пассивными структурами. Это исключено в русском языке, т.к. в нем актив и пассив выражены морфологическими формами суффиксов *-ущ-(-ющ-), -ащ- (-ящ-), -вш- (-ш-)*, при помощи которых образуются дей-

ствительные причастия, а также -ем- (-им-), -ни-, -ени- (-ёни-), -т-, при помощи которых образуются страдательные причастия.

3. Сопоставление синтаксических функций причастий в русском и корейском языках

Основная функция причастия как в корейском, так и в русском языках – это функция определения.

Прежде чем приступить к анализу определительной функции причастий, отметим следующий факт. В отличие от русского языка причастия действительного залога в корейском языке могут выполнять наряду с функцией определения (상점에 가는 이웃을 보았다 Я увидел идущего в магазин соседа) еще и функцию предиката (나는 상점에 가는 길이다 Я иду в магазин. *(букв.) Я в магазин идущий(-ая) есть). Подобное употребление было возможно в древнерусском языке. В современном русском языке предикативное употребление причастия сохранилось только для кратких форм страдательных причастий и является для них единственно возможным (Я тоже приглашен на прием). По сравнению с русским причастием корейское причастие более «глагольно»: оно, будучи нефинитной формой, может «самостоятельно» выражать действие, т.е. на уровне синтаксиса ведет себя как финитная форма и выступает в роли сказуемого. Таким образом, корейское причастие синтаксически более функционально значимо, чем русское. В русском же языке причастие, самая, казалось бы, «глагольная» форма (в ней представлены и категория времени, и категория вида, и категория залога), но несмотря на свою яркую морфологическую «глагольность», синтаксически менее глагольна, чем другие, неглагольные части речи, которые могут употребляться в функции предиката. Например, можно сказать *Он артист, Он бедный*, но нельзя сказать **Он идущий*.

Перейдем непосредственно к анализу основной – определительной – функции причастия. И в русском, и в корейском языках причастие (как одиночное, так и распространенное, с зависимыми словами) выполняет **функцию определения**. Для этой функции в обоих языках возможна препозиция по отношению к определяемому слову. Поэтому изучение таких структур не вызывает затруднений у корейских учащихся. Поющая девушка моя сестра. – 노래부르는 여자는 나의 누나이다. Поющая в этом хоре песню девушка моя сестра. – 이 합창단에서 노래부르는 여자는 나의 누나이다. Сходство синтаксического употребления русских и корейских причастий на этом заканчивается. Далее следуют различия.

Первое. Причастие в русском языке свободно употребляется как в препозиции, так и в постпозиции: *Поющая песню девушка моя сестра* и *Девушка, поющая песню, моя сестра*. В корейском же языке причастия

(как распространенные, так и одиночные) употребляются только в позиции. Это различие имеет особо важное значение для корейского учащегося, поскольку ему привычна только препозиция.

Второе. Простое предложение с определением, выраженным причастием (*Поющая девушка моя сестра*), в русском языке синонимично сложному предложению с придаточным определительным (*Девушка, которая поет, моя сестра*). При этом придаточное предложение следует за главным, для него препозиция «закрывается», невозможна: **Которая поет девушка, моя сестра*. В корейском языке нет такой синонимии, т.к. отсутствуют соответствующие союзные средства и структура сложного предложения, адекватная русскому предложению с союзным словом *который* (см. таблицу 3).

Таблица 3.

корейский	русский
(나를) 속인 여자가 떠났다. (простое предложение)	Обманувшая меня женщина уехала. (простое предложение)
(나를) 속인 여자가 떠났다. (простое предложение)	Женщина, <u>обманувшая меня</u> , уехала. (простое предложение)
(나에게) 거짓말한 여자가 떠났다. (простое предложение)	Женщина, <u>которая обманула</u> меня, уехала. (сложное предложение)

В таблице 3 показано, что в русском языке тремя разными способами выражения определения (как в сложном, так и в двух простых предложениях) соответствует одна и та же корейская структура. Смысловый инвариант для обоих языков один, а формально-стилистические возможности русских структур шире.

Закономерно возникает вопрос: корейская структура с причастием – это простое или сложное предложение в грамматической системе корейского языка? С точки зрения русского синтаксиса формально структура корейского высказывания с причастием не является сложным предложением. Она сложная только на семантическом уровне (т.е. полипредикативная, выражает две пропозиции), а формально – это простое предложение. Если для других типов придаточных предложений в корейском языке (причина, условие, одновременность, последовательность действий и др.) существует маркер в виде специализированных суффиксов или предлогов, указывающих на характер смысловой связи (они подобны русским предлогам причины, условия и т.д.), то в предложении с причастиями никаких маркеров нет. Определительный смысл выводится из значения самого причастия: «**который плюс действие**»

(обманувшая содержит две семы: *которая* + *обманула*). Кроме того, оказывается значимым порядок слов: будучи строго фиксированным (причастие всегда находится в препозиции по отношению к определяемому слову), он в структурах с причастием выступает как вспомогательное, дополнительное средство выражения определительного смысла.

Для того чтобы понять причину ошибок в предложениях со словом *который* (*Женщина, которая обманувшая меня, уехала), надо обратить внимание учащихся еще на одно явление: на способы выражения предикативности в обоих языках. В корейском и русском языках они принципиально разные, т.к. в русском языке любая часть речи, занимая синтаксическое место предиката, не подвергается никаким морфологическим трансформациям, не утрачивает своей морфологической формы. Ср.: (1) Он студент 그는 학생이다 (предикат *студент* – это та же форма, что и в предложении *Студент читает* 학생 책을 읽는다), (2) Девушка – красивая 아가씨는 아름답다 (предикат *красивая* – это та же форма, что и в предложении, где оно выполняет функцию определения *Красивая девушка не обернулась* 아름다운 아가씨가 뒤를 돌아보지 않았다). В корейском же языке с формальной точки зрения слова всех морфологических категорий, попадая в позицию предиката, на синтаксическом уровне начинают «выглядеть» **одинаково**, между ними стираются категориальные морфологические различия, потому что к ним присоединяется стандартное предикативное суффиксальное окончание («предикатный оформитель» – см. перевод примеров (1) и (2), а также таблицы 3 и 4). Корейские учащиеся «не видят» разницы между определением, выраженным причастием, прилагательным или приложением, т.к. они мыслят по законам системы корейского языка. Другими словами, в корейском языке все слова и части речи, способные выступать в роли предиката, так сказать «опредикачиваются»: предикативность в корейском языке не является только синтаксической категорией, она представляет собой **морфолого-синтаксическую категорию**. Именно в этом расхождении языков кроется возможность возникновения многочисленных ошибок. В сознании корейских учащихся все типы определения (будь то причастие, прилагательное или приложение) стоят в одном ряду, они структурно недифференцированы.

Таблица 4.

корейский	русский
(나를) 속인 여자가 떠났다. (나에게) 거짓말한 여자가 떠났다.	<u>Обманувшая</u> меня женщина уехала. Женщина, <u>которая обманула</u> меня, уехала.

(나를) 속인 여자가 떠났다.	Женщина, <u>обманувшая</u> меня, уехала.
거짓말하는 여자가 떠났다.	<u>Лживая</u> женщина уехала.
속이는 여자가 떠났다.	Женщина- <u>обманщица</u> уехала.

Разные типы определений близки **семантически** (отвечают на вопрос *какой?*) и близки **структурно** (они всегда находятся в препозиции к определяемому слову). Кроме того, само слово *который*, являясь по форме определением, наводит учащихся на мысль, что к нему можно добавить другие определения, например, выраженные прилагательным¹ или приложением. Поэтому, познакомившись со структурами, включающими союзное слово *который*, учащийся начинает использовать его **во всех случаях**, когда выражается значение определения, рассуждая таким образом: раз возможна перифраза *Обманувшая меня женщина уехала = Женщина, которая обманула меня, уехала*, то возможны и перифразы с другими видами определения: *Женщина, которая лживая, уехала, и *Женщина, которая обманщица, уехала. Другие примеры (реальные ошибки): *Люди, которые полные, приходят заниматься спортом. *Именно Бог дал мне всех, которые родители, жена, ребенок, друзья. От учащегося ускользает тот факт, что в русском языке структуры с *который* возможны только в том случае, когда выражается **действие**, а смысл других определений (адъективного – *лживая женщина*, приложения – *женщина-обманщица*) не может быть выражен придаточными определительными. Прилагательное и приложение по сравнению с причастием выражает принципиально другой смысл, это определение неглагольного типа.

В заключении можно сделать следующие выводы.

1. Как в русском, так и в корейском языковом сознании присутствуют такие смысловые отношения, которые называются определительными. В русском языке этот смысл может быть выражен весьма разнообразно: это, например, и прилагательные, и одиночные причастия, и обособленный причастный оборот, и сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. В корейском языке определение выражается лишь прилагательным и причастием, а структуры, аналогичной русскому сложному предложению с союзным словом *который*, не существует. Поэтому для корейских учащихся структура русского сложного предложения с союзным словом *который* является **принци-**

¹ Предложение *Девушка, которая артистка, моя сестра* имеет не определительное, а выделительное значение: «именно та девушка, которая пост».

пиально новой. В его родном языке этот смысл передает структура с причастием.

2. В русском языке формальным признаком сложного предложения являются «семантические связующие средства (союзы и союзные сочетания)» [Современный русский язык 1997: 833]. Например, предложения (1) *Человек, который постоянно всем лжет, не заслуживает доверия* и (2) *Человек, постоянно всем лгущий, не заслуживает доверия* адекватны с точки зрения семантики, но (1) является сложноподчиненным предложением с придаточным определительным и союзным словом *который* в качестве связующего средства, а (2) – простым. Корейская грамматическая традиция отличается от русской. Анализ статей, учебников и монографий, в которых освещаются вопросы корейской грамматики, показывает, что специалисты в области корейского языка считают «сложным предложением» полипредикативные структуры, например, *할까요, 말까요?* (*Делать это или не делать?*) [Hansol H.B. Lee 1989: 193], а «простым предложением» – *너도 가고 나도 간다* (*Ты пойдешь и я пойду.*) или *당신이 가면 나는 안 간다* (*Если ты пойдешь, я не пойду.*) [Hansol H.B. Lee 1989: 192]. Учитывая, что о средствах формальной связи ничего не говорится и не выделяются сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, можно сделать вывод, что основания выделения сложного и простого предложения сугубо **семантические**. В свете этого структура с причастием как полипредикативная должна попасть в разряд «сложных» предложений. Мы пришли к другому выводу: корейская структура с причастием выполняет **функцию** сложного предложения с придаточным определительным, но, являясь семантически сложной, т.е. полипредикативной, с точки зрения **формы сложным предложением не является**, так же, как и русское предложение с причастным оборотом. По формальному критерию структуру с причастием нельзя отнести к сложным предложениям потому, что в ней нет никакой союзной связи или других связочных средств в понимании русской грамматики. Отсутствие системы союзных средств в корейском языке и наличие ее (и ее развитость, богатство) в русском языке – это кардинальное различие между данными языками. (Заметим в скобках, что если бы не было этого формального критерия, граница между простыми и сложными предложениями в русском языке оказалась бы размытой, и в разряд сложных предложений попали бы все полипредикативные структуры, например, структуры с причастиями, деепричастиями и т.д.). Именно в силу этого **корейское причастие – при поддержке фиксированного порядка слов – «берет на себя» роль связующего средства**. Корейское предложение, аналогичное по смыслу русскому сложному предложению с придаточным определительным, является семантически полипредикативным (как и русское), но формируется со-

всем по другому принципу. Оно отличается от простого не качественно (структурно), т.е. наличием союзов и двух простых предложений (как в русском), а количественно: в нем на базе структуры простого предложения происходит ее расширение путем добавления причастия (однородного или с зависимыми словами). Причастие в корейском языке может выполнять функцию связочного средства потому, что в самом причастии, т.к. оно обозначает **глагольный признак** (т.е. одновременно и действие, и признак), имплицитно присутствует смысл «*который + действие*» (*обманувшая* = *которая* + *обманула*, здесь две семы). В русском языке структуры с причастием (даже если это обособленный причастный оборот) не делают предложение формально сложным (на фоне сложных предложений с союзными средствами они рассматриваются как простые в силу отсутствия в них «связочных средств» как необходимого критерия выделения сложного предложения). В корейском языке за неимением других средств (союзов и союзных слов), именно употребление причастия показывает, что предложение семантически «сложное» (полипредикативное). Оно выражает смыслы, которые в русском языке могут быть представлены более разнообразно: и причастием, и причастным оборотом, и сложноподчиненным предложением с союзным словом *который*.

3. Изучая русский язык, корейские учащиеся в силу языковой интерференции не придают значения формальным средствам оформления сложного предложения: не употребляют нужные союзы, не ставят знаков препинания (запятых) и, соответственно, в устной речи не выделяют части предложения интонацией. Но «различия между типами конструкций – очень важные и глубокие различия между языками. За тем или иным способом выстраивать слова скрываются многие существенные особенности языков, скрытые от поверхностного взгляда» [Плунгян 2001: 221]. Задача преподавателя состоит в том, чтобы эти скрытые особенности сделать очевидными. Предлагаемые в данной статье таблицы могут помочь преподавателю и учащимся овладеть темой в оптимальные сроки: в них наглядно зафиксировано различие структур в обоих языках, и с самого начала «поставлен заслон» ошибочным употреблением. Это тем более важно, что владение языком – это владение прежде всего его структурами.

Литература

- Будникова Г.А. Глаголы ИГРАТЬ/놀다 в русском и корейском языках. 한국노어노문학회 // Russian Language and Literature. 2005. 제17권 제2호.
Виноградов В.С., Милославский И.Г. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М., 1986.

- Кан Сон Хи. Вариативные ряды конструкций, выражающих просьбу и требование в русском языке (в сопоставлении с корейским). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1998.
- Ким Тэ Чжин. Употребление форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2002.
- Кулькова Р.А., Хан Ман Чун. Сопоставительный анализ выражений, характерных для устной беседы на русском и корейском языках. Статья первая // 슬라브어연구. Сеул. 2003. №8; Сопоставительный анализ выражений, характерных для устной беседы на русском и корейском языках. Статья вторая // Исследования по славянским языкам. Сеул. 2004. №9.
- Нам Хе Хен. Языковое выражение значения обобщенности // Русистика. Сеул. 2003. №13.
- Плунгян В.А. Почему языки такие разные. М., 2001.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Hansol H.B. Lee. Korean grammar. Oxford University Press, 1989.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Язык – зеркало культуры. Такое сравнение правомерно: во фразеологии действительно отражается окружающий мир. За каждым фразеологизмом стоит национально-культурная картина мира.

Национально-культурная картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, верованиями, образом жизни [Тер-Минасова 2000:41].

При межкультурном общении фразеологизмы приводят к интерференции и влияют на эффективность коммуникации, поэтому их изучение имеет важное значение.

Фразеологизм является результатом кристаллизации трудолюбия и ума народа. Любая форма языкового выражения формируется в практической жизни и труде человека [Агапова 1974]. Большинство фразеологизмов возникало в течение нескольких тысяч лет. В любом языке имеется свое собственное, с одной стороны, и общее с другими языками, с другой, что проявляется как в русском, так и в китайском. У некоторых фразеологизмов почти одинаковый инвариант смысла и одинаковая

внутренняя форма. Например, *Куй железо, пока горячо.* (趁热打铁): *Без вести пропал.* (杳无音信): *Козёл отпущения* (替罪羊); *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.* (百闻不如一见); *как свои пять пальцев (знать)* (了如指掌).

К числу важнейших источников определения базиса лингвокультурной ситуации какой-либо территории относится воспринимаемая народом действительность, например климат, флора и фауна, цветовые гаммы окружающего мира. Более того, если носитель одной и той же культуры проживают на достаточно обширной территории, значительно отличающейся климатом, животным и растительным миром, возможна дифференциация внутри разнообразных лингвокультурных народных символов [Шаклеин 2000].

1. Грибы и бамбук.

Как нам известно, Россия богата лесами и в лесу много грибов. И во фразеологизмах очень часто встречаются грибы. Например, *как грибы после дождя*. (букв.: появляться быстро, в большом количестве), а в

yǔ hòu chūn sūn

китайском языке — 雨 后 春 笋, потому что в Китае много бамбука. Сравните русское: *трусливый, как заяц*. (букв.: очень трусли-

dān xiǎo rú shǔ

вый) с китайским 胆 小 如 鼠 (букв.: трусливый, как мышь); *пустить козла в огород*. (букв.: дать доступ кому-л. туда, где он может

yīn láng rù shì

быть особенно вреден и опасен.) с 引 狼 入 室 (букв.: пустить волка в свою комнату); *гоняться за двумя зайцами* (букв.: преследовать

yī jiàn shuāng diào

одновременно две разные цели с 一 箭 双 雕 (букв.: одной стрелой можно убить двух беркутов.); *метать бисер перед свиньями*.

duì

(букв.: говорить о чем-л. недоступном пониманию слушателя.) с 对 牛 弹 琴 (букв.: играть на гармонике корове.); *ни рыба, ни мясо*

(букв.: посредственный, средний, ничем не выделяющийся человек) —

fēi lú fēi mǎ

非 驴 非 马 (букв.: ни осёл, ни лошадь.); *крокодиловы слезы*

(букв.: притворные слезы, неискреннее сожаление, лецемерное сострада-

māo kū lǎo shǔ

нище) — 猫 哭 老 鼠 (букв.: кот плачет для мыши.); *нужен как*

huà shé tiān zú

собаке пятая нога (букв.: совсем не нужно) с 画 蛇 添 足

(букв.: нарисовав змею, добавить ногу змее.); *бояться волков, в лес не*

bú rù hǔ xué yān dé hǔ zǐ

ходить. (букв.: если страшиться предстоящих трудностей, опасностей, то нечего браться за дело) с 不 入 虎 穴 焉 得 虎 子

(букв.: не войдя в пещеру, как можно поймать тигрёнка).

2. Медведь и дракон.

У каждого народа свои привычки, и одна из самых типичных — это отношение к конкретным животным. Такое отношение называется тотем.

Тотем нации позволяет связать данный человеческий коллектив с территорией, которую он населяет. А тотемические предки обычно представлены конкретными видами животных или особыми зооантропоморфными существами.

Например, медведь, к которому у китайцев вообще не очень положительное отношение, был для русских тотемным, почитаемым животным. Отношение русского народа к медведю явно отражается в пословицах, поговорках и фразеологических словосочетаниях. *Хозяин в дому, что медведь в бору.* Медведь – добрый хозяин. Как хозяин русского леса, медведь для русского человека «сладкоежка»= сладстена.

Само слово медведь имеет внутреннюю форму: оно образовано сложением двух основ мёд и ведь (от глагола ведать – знать). Слово буквально обозначает «ведающий мёд». В русском слове медведь хранится веками сложившаяся образность, овеванная народной поэтичностью, иронией и легкой шутливостью. Символическое значение медведя питает и другие символы – приметы: медведь – жених. Видеть медведя во сне – значит быть свадьбе.

Для китайцев образ медведя всегда был связан с представлением о неуклюжести, тупости и грубости. Китайская поговорка *медведь кукурузу обрывает* означает напрасный труд. Говорят, что когда медведь собирает кукурузу, он обрывает один початок, роняя другой. Эта поговорка показывает, что медведь – зверь неуклюжий. Китайцы называют медведем большого глупца или негодного человека.

Для русских дракон представляет разрушительную силу. Образы змеи и дракона ассоциируются с чем-то неприятным или даже отврати-

lóng

тельным (сейчас стало по-другому) Слово *дракон* (с греч. 龍 Лун) имеет два значения: 1) сказочное чудовище в виде крылатого, огнедышащего змея; 2) крылатая ящерица, водящаяся в жарких странах. Драконовский – жестокий, беспощадный (по имени древнегреческого законодателя Драконта, также Драхонта), драконовские меры, драконовские законы.

Китай имеет пятитысячелетнюю историю. Что касается китайского языка, то культурная символика, связанная с драконом, совсем иная. Лун (дракон) является тотемом китайской нации. И не случайно китайцы называют себя потомками дракона. По китайским народным верованиям, дракон – повелитель водной стихии – дарил людям влагу. Он щедро орошал поля тех, кто верно ему служил, защищая крестьян от неисчислимых бедствий. В иерархии китайских божеств дракон занимал третье место после неба и земли, поэтому дракон символизирует императорскую власть. Одежда, в которую был одет император, называется одеждой дракона. Тело императора называется телом дракона и т.д. Кроме того, в китайском языке много фразеологизмов, которые связываются с драконом. Они обычно имеют положительное оценочное зна-

lóng fēi fēng wǔ

чение. Например, 龙飞凤舞 (букв.: *дракон летает, феникс танцует*). На самом деле этот фразеологизм обозначает, что у кого-

либо красивая каллиграфия, великолелные китайские иероглифы 龙
gān bào dǎn

肝 豹 胆 (букв.: печень дракона, зародыш пантеры) соответ-
lóng mǎ jīng shén

ствует русскому *птичье молоко*. 龙 马 精 神 (букв.: дух драко-
на и дух коня) переносное значение: у кого-либо много энергии и здо-
cáng lóng wò hǔ

ровой дух. 藏 龙 卧 虎 (букв.: дракон прячется и летит тигр)
lóng zhēng hǔ dòu

соответствует русскому зарыть талант в землю. 龙 争 虎 斗
(букв.: дракон и тигр сражаются) переносное значение: состязание

lóng fèng chéng
очень жестокое и напряженное. 龙 凤 呈 (дракон и феникс
передают блаженство) злой дракон и бессмертный феникс приводят к
одному знаменателю. Это явление иностранным учащимся трудно по-
нять, они не понимают, как оба эти животные могут принести людям
счастье и радость? Поэтому "Четыре дракона Азии" переведено на ан-
глийский язык как "четыре тигра Азии".

qǐ rén
3 "...Юрьев..." и "杞 人..."

Источником некоторых фразеологизмов являются исторические
события и народные легенды. Такие фразеологизмы понять сложнее:
специфичность (несовпадение) смысла сочетается со специфичностью
образительных языковых средств его оформления.

Например, в русском языке есть *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*
(букв.: о неожиданно возникшем безвыходном положении, прекраще-
zhè yí xià wán liǎo méi yǒu xī
нии свободы действий и т.п. 这 一 下 完 了, 没 有 希
wàng le

望 了) – выражение разочарования из-за неудачи в каких-либо не-
предвиденных обстоятельствах. Начало XVII века обычно связывают с
отменой права перехода крестьян от одного хозяина к другому, что бы-
ло и без того ограничено и могло происходить только за неделю до
Юрьева дня (26 ноября по старому стилю) и через неделю после. Этот
запрет означал полное закрепощение крестьян. По другому предполо-
жению, в осенний Юрьев день, после окончания сельскохозяйственных
работ, хозяева, рассчитываясь с наемными работниками, обычно обсчи-
тывали их. И такие фразеологизмы ещё: *Как Мамай прошёл* (букв.: о

hùn luàn bú kān wán
большом беспорядке, опустошении и т.п. 混 乱 不 堪 完

quán pò huài

全, 破, 坏), потёмкинские деревни (букв.: о чем-л., специально устроенном для создания ложного впечатления видимого, показного благополучия, скрывающего истинное положение, состояние чего-л.) и т.д.

qǐ rén yōu tiān qī

А китайский чэньюн 杞人忧天 (по легенде: в стране 杞 какой-то человек боится того, что небо будет оползать в любой момент

zhuó fá nán shǔ

– напрасная, необоснованная боязнь), 擢发难数 берет нача-

ло в Чжаньгуосской истории. В книге «Шицзи»: в династии Чжаньгуо, цигуонский министр Фан цю ругал своего неприятеля Щюцзя: «Зна-

ешь, сколько преступлений у тебя?» Щюцзя ответил ему: если моими волосами записать мои преступления, моих волос будет не достаточно, т.е. этот чэньюн обозначает неисчислимые преступления (刘永红, 2002).

yǎn ěr dào líng

Подобные в китайском: 掩耳盗铃 (Украсть чужой звонок и закрыть свои уши, чтобы не слышать звон – обмануть самого себя),

hán dān xué bù

邯郸学步 (Учиться походке в Ханьдане – не научившись у

dōng shī xiào pín míng luò sūn shān

других, потерять своё), 东施效颦, 名落孙山

yè gōng hào lóng nù fà chōng guān fù jīng qīng zuì

叶公好龙, 怒发冲冠, 负荆请罪 и др.

Таким образом, фразеологическая национально-культурная картина в любом языке характеризуется, с одной стороны, универсальными (общечеловеческими) свойствами, обусловленными объективностью мира как объекта познания и отражения в языке, и общими логикопонятийными основами человеческого мировосприятия [Верещагин, Костомаров 1990]. Вместе с тем каждая культурная общность «строит» картину мира в ходе своеобразного культурно-исторического развития, в рамках конкретного национального языка. Национально-культурное своеобразие фразеологической картины мира проявляется в закреплении в языке специфического опыта познания мира народом и в особом языковом мировидении. Как говорил В.фон Гумбольдт, «разные языки – это отнюдь не разные обозначения одной и той же вещи, а различное видение её» [Гумбольдт 1984].

Литература

- Агапова Л.В. Усвоение фразеологических оборотов в сопоставлении со свободными словосочетаниями. РЯШ, 1974, № 3.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 1990.
- Гумбольдт В. фон, Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2001, № 1.
- 刘永红, 《汉成语的文化分析》, 武汉, 2002年

О влиянии особенностей национального менталитета в процессе перевода с русского языка на китайский язык¹

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выявить черты влияния китайского и русского менталитетов на некоторые лексические и синтаксические особенности сопоставляемых языков на материале китайско-русских языковых соответствий и перевода русских текстов на китайский язык.

1. Язык и мышление

Связь национального языка и национального мышления представляет собой сложную проблему, по-разному рассматриваемую в различных лингвистических парадигмах. Однако ни у кого не вызывает сомнения сам факт влияния национальной специфики мышления на язык. Как известно, в мыслительных структурах разных народов имеются черты сходства и различия. Сходство обусловлено общим строением и функциями мозга, единством отражаемого материального мира и некоторыми другими факторами. Черты различия связаны с разным культурным фоном, различными условиями жизни, особенностями исторического развития и др. Образ мышления имеет черты стабильности в определенной социальной сфере и передается из поколения в поколение, т.к. «менталитет является составляющим элементом национальной культуры, причем не только составляющим элементом, но и культурным ядром, т.е. относится к глубинной культуре» [Wang Bingqin 1994: 48].

2. Черты сходства национального менталитета в русском и китайском языках

Можно предположить, что общность мышления китайцев и русских находит отражение, в частности, в общих закономерностях связи между отдельными фрагментами продуцируемого текста.

Как известно, тексты образуются при помощи цепной, параллельной и присоединительной связи. Все три вида связи предложений в тексте имеют место и в русском, и в китайском языках. По-видимому, виды связи предложений в тексте отражают общие, межнациональные принципы человеческого мышления.

Цепная связь предложений в тексте присутствует во всех языках мира, и это объясняется тем, что она в наибольшей степени соответст-

¹ Данная статья является частью научно-исследовательского проекта «Перевод в свете когнитивной семантики» (проект утвержден в 2007 году Комитетом образования г. Шанхай).

вует специфике человеческого мышления. При цепной связи «мысли развиваются последовательно, где каждое последующее предложение развивает предшествующее, как бы вытекает из него» [Солганик 2003: 154]. Например:

Он описал свою возлюбленную верно. Она была красива и умна.

(М. Булгаков)

Перевод: *Ta dui zi ji ai ren de miao su shi zhun que de. Ta ji mei li you cong ming.*

(*他对自己爱人的描述十分准确.她即美丽又聪明.*)

И в русском, и в китайском языках личное местоимение во втором предложении (*она*) соотносится с дополнением первого предложения (*возлюбленную*).

При параллельной связи «предложения не развиваются одно из другого, как при цепной связи, но сопоставляются, как бы сравнивая содержание каждого последующего предложения с содержанием предшествующего» [Солганик 2003: 33]. Данная связь отражается в следующих предложениях:

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. (М. Булгаков)

Перевод: *Magelite Nigulaefuna bu que qian. Magelite Nigulaefuna mai de qi ren he ta kan shang de dong xi.*

(*玛格丽特·尼古拉耶夫娜不缺钱.玛格丽特·尼古拉耶夫娜买得起任何她看上的东西.*)

В русском и в китайском языках в обоих предложениях повторяется одно и то же подлежащее, что и обуславливает параллельную связь между предложениями.

Присоединительная связь – «это такой принцип построения высказывания, при котором часть его в виде отдельной, дополнительной информации прикрепляется к основному сообщению» [Солганик 2003: 169]. Например:

Незачем мне оправдываться, да и не в моих это правилах.

(А.П. Чехов)

Перевод: *Wo bu xu yao jie shi, zhe ye bu fu he wo de yuan ze.*

(*我不需要解释,这也不符合我的原则.*)

В обоих языках к первому предложению присоединяется второе, дополняющее мысль, заключенную в первом.

Полное совпадение языковой структуры в вышеприведенных примерах при переводе их с русского языка на китайский язык отражает общность мышления обоих народов на уровне абстрактных мыслительных структур.

3. Различия в менталитетах народов и их влияние на процесс перевода

Каждая национальность выражает содержание мыслей различными образными средствами. На образном уровне мышление в большей степени национально обусловлено. Убедительным примером, подтверждающим эту мысль, является сопоставление в русском и китайском языках фразеологизмов со значением «появляться быстро и в изобилии» [Фразеологический словарь русского языка 2003: 57]. В русском языке есть фразеологизм «как грибы после дождя», а в китайском языке – «yu hou chun sun» (雨后春笋), что буквально означает «как весенний бамбук после дождя». Число подобных примеров очень велико.

3.1 Лексические различия

Русская культура и русский менталитет формировались в условиях тесной связи с другими культурами. В 988 году Киевская Русь приняла христианство и унаследовала традиции византийской культуры, основанной на культуре Древней Греции и Древнего Рима. Образ мышления русских народов находится под значительным влиянием культуры Древнего Рима, типичной чертой которой является абстрактность. Эта абстрактность отражается в русском языке, проявляясь, например, в развитой системе слов с абстрактной семантикой. Традиционный же образ мышления китайского народа сформировался в среде его особой истории и культуры, в меньшей степени подверженной влияниям извне. В отличие от русского народа китайский народ не отличается способностью к формализованному, абстрактному мышлению. Типичной чертой китайского народа является образное мышление на основе метафоричности. Такой тип мышления основан на конкретных образах, что и приводит к ограничениям в развитии абстрактной лексики в языке.

В связи с национальной особенностью менталитета русского и китайского народов в русском языке значительно больше развита синонимия слов, выражающих абстрактные понятия, которым в китайском языке соответствует лишь одно слово. Например:

китайский язык	русский язык
zhēnlǐ (真理)	правда, истина
sīxiǎng (思想)	мысль, идея, идеология
tèdiǎn (特点)	особенность, специфика, своеобразие

В русском языке принято обозначать конкретные предметы, явления и даже эмоции абстрактной лексикой, а в китайском языке, напро-

тив, принято употреблять в таких ситуациях слова с конкретным значением. Например:

Разве можно рассказать за этот короткий срок те миллионы мыслей и слов, которые носит в себе каждый из них. (Н. Островский).

Перевод: *Zai zhe duan duan de shi jian li, ta men liang ge ren xin li de qian yan wan yu nan dao neng gou shuo de wan ma!*

(在这短短的时间里, 他们两个人心里的千言万语难道能够说得完吗!)

Выражение «qian yan wan yu» дословно переводится на русский язык как «тысяча предложений и десять тысяч выражений». Хотя данное выражение в переводе формально весьма отличается от оригинала, однако в китайском языке именно при помощи этого выражения передается наиболее точно смысл словосочетания «миллионы мыслей и слов».

Приведем еще один пример:

Уж коли он обещает, это наверное. Он на это не то, что наш брат. Что правда, то правда. (И.С. Тургенев)

Перевод: *Zhi yao ta da ying le yi jian shi, na jiu zhun mei cuo. Zhe yi dian ta ke bu xiang wo men zhe xie ren. Ta zhe ren shuo yi shi yi, shuo er shi er, jue bu han hu.*

(只要他答应了一件事, 那就准没错。这一点他可不象我们这些人。他这人说一是一, 说二是二, 绝不含糊.)

Русское абстрактное выражение «что правда, то правда» в данном случае переводится на китайский язык как «shuo yi shi yi, shuo er shi er, jue bu han hu», где выражается очень конкретное значение (буквально: «одни есть один, два есть два»), причем смысл оригинала передается полностью без каких-либо искажений.

Из вышеприведенных примеров следует, что в процессе перевода с русского языка на китайский язык происходит переход от абстрактности к конкретности, т.е. происходит замена русских лексических единиц с абстрактным значением китайскими лексическими единицами, обладающими конкретным значением. Цель данной замены – сохранение истинного значения оригинала на основе частичного изменения формы выражения в тексте перевода.

3.2 Синтаксические различия

Анализ русско-китайских и китайско-русских переводов позволяет выдвинуть гипотезу о связи синтаксической структуры рассматриваемых языков с национальным менталитетом их носителей.

В основе русского менталитета лежит представление о логическом центре высказывания, который определяет особенности развития мысли. Основой развития мысли в китайском высказывании является категория логического времени, допускающая наличие следующих друг за другом во времени нескольких логических центров.

В русском предложении основной синтаксической единицей является предикативное ядро, которое, как правило, соответствует логическому центру. Второстепенные члены предложения выступают в роли распространителей предикативного ядра. Однако высказывания с большим количеством второстепенных членов предложения, а также многокомпонентные сложные предложения с трудом воспринимаются китайцами. В отличие от русского предложения в китайском предложении нет центра и периферии. Развитие синтаксической структуры определяется категорией логического времени. В связи с этим представляется вполне оправданным при переводе с русского языка на китайский язык разделение распространенного простого или многокомпонентного сложного предложения на несколько простых предложений. Например:

Тихо, как умеют только звери, медведь сидел возле неподвижной человеческой фигуры, едва видневшейся из синевато сверкавшего на солнце сугроба. (Б. Полевой)

Перевод: *Yang guang zhao zai xue dui shang, shan zhe lan you you de guang hui. Xue dui li yin yue lu chu yi ge ren de qu ti, yi dong bu dong. Xiong qiao qiao zai ta shen bian zuo xia lai, yi dian'r sheng xiang ye mei you. Zhe zhi you ye shou cai neng ban de dao.*

(阳光照在雪堆上，闪着蓝幽幽的光辉。雪堆里隐约露出一个人的躯体，一动不动。熊悄悄在他身边坐下来，一点儿声响也没有。这只有野兽才能办得到。)

Буквально: *Солнце сверкает над сугробом, испускает синеватые лучи. Из сугроба едва видна неподвижная человеческая фигура. Медведь тихо сидел возле фигуры. Только звери на это способны.*

Если при переводе данного предложения на китайский язык сохранить структуру оригинала, то перевод неизбежно нарушит нормы привычного для китайских читателей образа мышления. Поэтому необходимо изменить синтаксическую структуру русского предложения, приблизить ее к типичной структуре китайского языка, т.е. увеличить количество центральных элементов повествования, чтобы перевод соответствовал норме и узусу китайского языка.

Например:

Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части, мгновением раньше Алексея вырвало из сиденья, подбросило в воздух и, упав на широкоплечую вековую ель, он соскользнул по ветвям в глубокий сугроб, наметенный ветром у ее подножья. (Б. Полевой)

Перевод: *Fei ji yi lian zhunag duan le ji gen da shu, ji shen ye zhunag de si fen wu lie. Dan zai fei ji san sui qian de yi sha na jian Aliekesai cong zuo wei shang bei tan le chu lai, pao dao kong zhong, you wang xia luo. Ta luo zai yi ke shang bai nian de cu da lao song shu shang, shun zhe shu cha hua xia, die jing feng sao ji xue zai shu jiao xia dui ji de yi ge shen xue dui li.*

(飞机一连撞断了几根大树，机身也撞得四分五裂。但在飞机散碎前的一刹那间阿列克赛从座位上被弹了出来，抛到空中，又往下落。他落在一棵上百年的粗大老松树上，顺着树杈滑下，跌进风扫积雪在树脚下堆积的一个深雪堆里。)

Буквально: *Самолет сломал несколько деревьев, и машина развалилась на части. Но мгновением раньше Алексея вырвало из сиденья и подбросило в воздух. Он упал на широкоплечую вековую ель, соскользнул по ветвям, и упал в сугроб, наметенный ветром у подножья дерева.*

Предложение оригинала относится к многокомпонентным сложным предложениям и осложнено деепричастными и причастным оборотами. При переводе этого предложения на китайский язык невозможно сохранить синтаксическую структуру русского предложения в связи со спецификой китайского языка, которая обусловлена отмеченными выше особенностями китайского менталитета. Переводчику приходится нарушать порядок следования предикативных единиц подлинника и добавлять союзные слова для создания связности и целостности текста.

4. Вывод

Рассмотренные закономерности позволяют еще раз прийти к выводу о том, насколько важно для переводчика знание особенностей национального менталитета. При отсутствии формального совпадения оригинала и перевода (например, при переводе с русского языка на китайский язык абстрактной лексики или многокомпонентных сложных предложений) необходимо выразить смысл оригинала в соответствии с нормами и узусом языка, на который переводится текст. В противном случае даже при правильной передаче общего смысла оригинала перевод не может считаться адекватным.

Литература

- Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 2003.
Фразеологический словарь русского языка. М., 2003.
Wang Bingqin. Wen hua fan yi xue. Nanjing, 1994. (王秉钦. 文化翻译学. 南京, 1994).
Zheng Zesheng, Geng Longming. E han fan yi jiao cheng. Shanghai, 1985. (郑泽生, 耿龙明. 俄汉翻译教程. 上海, 1985).

ОБ УСТНОМ ДВУСТОРОННЕМ ПЕРЕВОДЕ И ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

“Новые условия жизни радикально изменили задачи подготовки по иностранным языкам. Современному обществу требуются уже не просто преподаватели и переводчики, а гораздо шире – специалисты по международному и межкультурному общению” [Тер-Минасова 2000: 6]. В то же время в основе межкультурного контакта лежит умение его участников правильно понимать и переводить устные и письменные высказывания, оформленные средствами языка-источника. Именно поэтому перевод – это высший уровень речевой деятельности.

Виды перевода (письменный и устный) развиты в Китае не одинаково. Письменный двусторонний перевод (с китайского языка на русский и наоборот) существует более ста лет. К настоящему времени в этой области накоплен богатый теоретический материал, утверждена научная модель письменного двустороннего перевода, а также разработана методика обучения студентов этому виду деятельности. Проблема письменного перевода в Китае рассматривается с точки зрения межкультурной и межъязыковой коммуникации. Теоретические и практические сведения по этим вопросам отражены в учебных пособиях (учебники по письменному двустороннему русско-китайскому переводу), некоторые из которых выдержали более десятка переизданий. Эти учебные пособия сыграли важную роль в подготовке специалистов по письменному двустороннему переводу. Таким образом, к настоящему времени в Китае проводится обучение письменному двустороннему переводу в курсе изучения иностранного языка. Высокий статус письменного двустороннего перевода поддерживается тем, что в китайских вузах введена специальность “Русский язык”, предполагающая изучение студентами указанной дисциплины.

С изучением устного двустороннего русско-китайского перевода ситуация в Китае гораздо сложнее. В обществе бытует мнение о том, что устный перевод не является отраслью науки. Считается, что для осуществления устного перевода не требуется специальной подготовки, и любой, кто владеет разговорным русским языком, способен к этому роду деятельности. Подобное отношение подразумевает целый комплекс проблем. С одной стороны, в Китае невостребованность специалистов в области устного двустороннего перевода привела к тому, что эта учебная дисциплина преподается не более чем в пяти вузах страны, а с другой стороны, это приводит к нехватке специалистов, владеющих навыками устного двустороннего перевода и методикой его преподавания. Не су-

шествует четкой формулировки целей и задач этого курса, нет единого мнения о том, какой методике следует придерживаться в преподавании этой дисциплины. Некоторые специалисты в области переводоведения полагаются на собственную интуицию, другие опираются на английскую систему. Отсутствуют учебные пособия по этой учебной дисциплине. Опубликованные немногочисленные учебные пособия не вполне отражают специфику обучения китайских студентов устному двустороннему переводу и несущественно отличаются от учебников по обучению письменному двустороннему переводу. Одним словом, в Китае изучение устного двустороннего русско-китайского перевода и обучение этому виду перевода находится в стадии формирования. Поэтому нашей актуальной задачей стало исследование теории о двустороннем устном русско-китайском переводе и изучение системы подготовки умений и навыков этого вида перевода. В данной статье будет излагаться суть устного перевода на материале русского и китайского языков и будет дана характеристика переводческой скорописи, осуществляемой на русском и китайском языках.

Необходимо отметить, что в этой области наблюдаются и позитивные тенденции. Так, за последние пять лет возрос интерес к этому разделу переводоведения, увеличилось количество специалистов, желающих заняться проблемами устного двустороннего перевода. Однако решить их в полной мере пока мешает недостаток опыта в составлении пособий, а также отсутствие учебных материалов соответствующей направленности. Преодолеть эти трудности можно только посредством подбора учебного материала и его теоретического осмысления.

Устный перевод – это высший уровень речевой переводческой деятельности, которой занимается переводчик. Своеобразие устного перевода заключается в том, что высказывание, подлежащее устному переводу, как правило, совпадает с процессом перекодирования в момент речи, поэтому при осуществлении устного перевода требуется, чтобы переводчик обладал очень хорошей памятью.

В известной степени уровень памяти переводчика прямо влияет на качество устного перевода. Принято считать, что по структуре память состоит из мгновенной памяти, кратковременной памяти и долговременной памяти. В практическом процессе устного перевода переводчик чаще всего опирается на мгновенную память. На этом этапе информация сохраняется ± 1 минуту, средняя скоропись речи – около 150 слов в минуту. При обучении устному переводу следует обратить внимание на развитие памяти переводчика. Но несмотря на то что переводчик обладает очень хорошей памятью, этого недостаточно для осуществления качественного перевода. Необходим еще ряд условий:

1. Нагрузка мгновенной памяти ограничена, поэтому необходимо

срочно перекодировать всю информацию, сохраненную на этой стадии.

2. Когда мозг человека интенсивно работает, нагрузка на память увеличивается, и это будет, безусловно, влиять на дальнейшее запоминание.

Так что во время устного перевода переводчику необходимо вспомогательное средство для запоминания текста. Таким средством является переводческая скоропись.

В 1930 году переводческая скоропись для записи переводимых текстов стала использоваться впервые в западных странах. Переводческая скоропись на основе русского языка была представлена в работе Р.К. Миньяр-Белоручева «Пособие по устному переводу – записи в последовательном переводе» [Чужакин 2002: 91].

Переводческая скоропись отличается и от стенографии, и от записи лекций, и от протокола заседания. Переводческая скоропись – это средство помощи памяти, когда переводчик простыми, короткими словами или знаками обозначает ключевые слова, способные возбудить память, и помогает мозгу вспомнить и вновь отложить информацию в мозг. Переводческая скоропись требует, чтобы переводчик добился координированной работы слуха, зрения и скорописи.

Для овладения переводческой скорописью необходимо развитие концептуальной памяти и знание сжатой записи.

1. Концептуальная память.

Психологи считают, что значимость концептуальной памяти эффективнее в 20-25 раз, чем значение чистой машинной памяти [Миньяр-Белоручев 1999: 53]. Под концептуальным анализом подразумевается то, что переводчик записывает основной смысл речи говорящих, а не каждое услышанное слово. Причина заключается в том, что любой язык засорен «словами-паразитами», т.е. в речи любого человека, который говорит, бывает много лишних и бесполезных слов. Переводчик должен концентрировать свое внимание на общей информации. Переводчик перебрасывает главную речевую информацию в мозг, «схватывает» несколько ключевых слов, записывает их скорописью и, в конце концов, выдает точную и нужную информацию.

Под ключевыми словами понимаются общепринятые и точные слова, которые имеют одинаковый смысл в переводимых языках и которые не несут дополнительных ассоциаций. Этими словами обычно являются цифры и имена собственные. Ключевые слова и ключевая информация обычно соответствуют главным членам предложения в русском языке.

Чтобы выбрать ключевые слова или ключевую информацию, необходимо помнить об особенностях порядка слов в русском языке. Порядок слов в русском языке более свободен по сравнению с китайским

языком. В китайском языке предложение принято начинать с подлежащего. Главная и основная информация находятся в начале предложения. В русском языке многие предложения принято начинать с дополнения, а главная и основная информация обычно находится в конце предложения. Так что во время записи невозможно зафиксировать полностью весь текст на китайском языке по форме изложения – по порядку выбранных ключевых слов или ключевой информации, а надо изменить этот порядок, поставив самую необходимую информацию в начало предложения. Например, *Гидом королевских особ был лично президент Борис Ельцин*. Прежде всего, надо записать *Борис Ельцин*, а затем остальную информацию.

Кроме того, еще можно выразить ключевые слова или ключевую информацию синонимичной заменой слов. Например:

1. *Как вас зовут?*
2. *Где вы живете?*
3. *Кто вы по профессии?*
4. *Где вы работаете?*
5. *В какую школу ты ходишь?*
6. *На каком языке вы говорите?*

Данные 6 предложений можно записать следующими словами:

1. *Имя?*
2. *Адрес?*
3. *Профессия?*
4. *Работа?*
5. *Школа?*
6. *Язык?*

II. Сжатая запись

Сжатая запись означает то, что сокращенной буквенной записью или символом выражаются ключевые слова или ключевая информация.

1. Сокращенная буквенная запись

1.1 Когда переводчик начинает делать переводческую скоропись на английском языке, ему необходимо записать только первые 2-3 буквы или несколько последних букв. Например, pro- = professional. К сожалению, это правило невозможно применить при осуществлении переводческой скорописи на русском языке. В русском языке есть много слов с одинаковыми первыми 2-3 буквами. В «Словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова есть около 5000 слов с началом «пр-»; 140 с началом «прод-»: около 2500 с “-ый, -ие, -ка, -ик” [Миньяр-Белоручев 1999: 111].

1.2. Когда переводчик начинает делать переводческую скоропись на английском языке, обычно требуется применять такой способ: целиком записать некоторые слова, чтобы сократить смешение. Но в русском

языке слова в среднем на 30-50% длиннее, чем слова в английском языке. Необходимо найти другие пути. Ученые, занимающиеся теорией информации, считают, что первоначальный текст может быть легко восстановлен, если число пропущенных букв составляет 25% от их общего количества [Миньяр-Белоручев 1999: 11]. Причина заключается в том, что в фонетической системе русского языка все гласные буквы в каждом слове занимают второстепенное место. Когда гласные буквы находятся в середине слова, а не в начале и/или в конце слова, то во время записи слов можно выбросить гласные буквы. Записанные без гласных букв русские слова используются в переводческой скорописи. Например, *ишхтст* (шахматист), *прмшлсть* (промышленность), *слъск. хзств* (сельское хозяйство).

1.3. В русском языке существуют общепринятые сокращения слов. Записать сокращенный вариант слова значительно легче, чем записать полное название чего-либо, поэтому можно использовать такую форму записи сокращений, например: с/х, СБ, ВВП, и.о., зам. и др.

2. Символ

В употреблении символов русский язык и китайский язык в основном схожи. Под символом обычно имеется в виду идеографический знак. В качестве носителя характерной информации он может означать специфически смежные понятия. Символ включает в себя математические знаки, физические знаки и т.д. Например:

→ – обозначает *уехать, прилететь, отправить, достичь, посетить, передать, направить, поставлять, экспортировать, послать, адресовать*;

ОК – *одобрение*;

↑ – *подъем, рост, улучшение, повышение, будущее*;

↓ – *спад, падение, ухудшение, уменьшение, прошлое*;

Δ – *страна, государство*;

T – *время*;

S – *площадь*;

+ – обозначает *плюс, утвердить*.

Переводческая скоропись играет важнейшую роль для переводчика с точки зрения визуального восприятия. При подготовке переводчиков к устному переводу следует обращать внимание на следующие моменты: **память + скоропись**.

Концепция и формы записи переводческой скорописи имеют несколько общих принципов, требующих особого внимания:

– ясно записать дату, время, место записи и имена с должностями участников переговоров;

– переводческая скоропись строится на принципах лаконизма;

– каждая запись должна начинаться с нового листа, необходимо

всячески избегать продолжения предыдущей записи;

— каждое ключевое слово или ключевая информация должны занимать место в одном ряду;

— после каждой ключевой информации надо поставить запятую;

— переводческая скоропись помогает только переводчику, поэтому переводчик может оперировать идеографическими знаками и сокращениями, но при этом не следует выражать ими слишком много значений, дабы избежать множественного смешения. Также необходимо ограничить в переводе количество несущественных слов и не следует злоупотреблять экстренно выдуманными знаками.

Приведем пример:

Текст: 第七届“99昆明”中国出口商品洽谈会于1999年6月6日在云南省昆明市开幕了。来自中国各省、市、自治区的200多代表团以及来自美国、法国、日本、澳大利亚和巴基斯坦等的18个国家、地区的企业参加了这次洽谈会。

Переводческая скоропись: 7-я '99昆,
昆 '99.6.6.,
> 200 > 18Δ (США,
Фран., Яп., Австрал., Пак.)

Перевод: 6-ого июня 1999 года в административном центре провинции Юньнань открылась 7-я Всекитайская ярмарка экспортных товаров “Куньмин-99”. В ней принимают участие делегации из более чем 200 провинций, автономных районов и городов Китая, а также предприятия из 18 стран мира, в том числе США, Франции, Японии, Австралии и Пакистана.

Литература

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. М., 1999.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Чужакин А. Общая теория перевода и переводческой скорописи. М., 2002.

Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода-2000. М., 2000.

Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1995.

ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДЕ: К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ И ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ ПЕРЕВОДА 130-ГО СОНЕТА УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА)

В переводческой практике существуют два вида функций лексических единиц – смысловые и текстообразующие. Смысловые функции имеют своей целью максимальное сохранение информационной составляющей исходного переводимого текста (план содержания). Текстообразующие функции ориентированы не столько на передачу адекватности исходной информации, сколько на речевое оформление передаваемой информации в соответствии с формальными и семантическими требованиями языка перевода (план выражения). Для лексики, выполняющей функцию передачи смысла, на первый план выдвигается требование точности лексической эквивалентности на основе словарных соответствий. Поиск возможных вариантов перевода при этом изначально ограничен задачей сохранения точности. С другой стороны, лексика, выполняющая текстообразующую функцию, ориентируется на речевые и стилистические нормы языка перевода, что даёт переводчику значительно большую свободу в поиске межъязыковых соответствий. Текстовый план выражения подразумевает под собой комплекс различных явлений, включающих прагматические стереотипы, социокультурные реалии, ситуативные характеристики. В комплексе они обеспечивают соответствие текста социокультурным и стилистическим нормам языка перевода.

Исходя из этого, перевод можно определить как процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке соответствующим речевым произведением на другом языке при сохранении неизменного плана содержания и адекватного плана выражения. При этом важно установить **систему соответствий языковых единиц**, лежащую в основе замен, осуществляемых в переводе. Необходимость межуровневых соответствий обуславливается тем, что в процессе перевода фактически сопоставляются не лексические единицы, грамматические формы и стилистические конструкции, а наиболее типичные контексты, в которых грамматические и лексические значения тесно переплетаются. Например, необходимость установления переводческих межуровневых соответствий можно рассмотреть на материале английских модальных глаголов. Так, в предложениях с этими глаголами переводчик стремится передать прежде всего не лексическое значение самого модального глагола, а лишь модальность, придаваемую им предикату или всему высказы-

званию; при этом могут использоваться самые разнообразные средства выражения модальности – вводно-модальные слова, частицы, инверсионный порядок слов и другие.

Новые перспективы для изучения феномена перевода следует усматривать именно в структурно-уровневом и системном подходах к нему. Уровневая концепция плодотворна, в частности, в отношении определения адекватности (эквивалентности) перевода. Отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями содержания текстов оригинала и перевода: 1) уровень языковых знаков (слов); 2) уровень высказывания; 3) уровень структуры сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации. По нашему мнению, возможности уровневой концепции выходят за рамки частных (хотя и очень значимых) проблем перевода. Встаёт вопрос о **структурно-уровневой интерпретации** переводческой деятельности в целом. В связи с этим предлагается следующая иерархия уровневой структуры деятельности переводчиков.

1 уровень – осмысление слов и общей структуры текста;

2 уровень – достижение углублённого понимания текста (сюда включается понимание слов, словосочетаний или групп связанных по смыслу слов; понимание предложений, сверхфразовых единств, а также текста в целом);

3 уровень – адекватная передача воспринятой смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств языка перевода и соответствующих переводческих приёмов;

4 уровень – заключительная (обобщающая) оценка полученного перевода с точки зрения речемыслительных и социокультурных стереотипов.

Известно, что социокультурные стереотипы исторически «нагружены» и актуализируются в сознании носителей языка в связи с различными реалиями времени и места. С изменением окружающей обстановки в обществе эти стереотипы легко модифицируются и, утверждаясь в сознании носителей языка, со временем теряют характеристики исторической «сиюминутности», переходя в разряд речемыслительных стереотипов. Прагматическая оформленность текста предполагает определённые метаречевые стереотипы, варьируемые в зависимости от языка перевода. Они проявляются как способы адаптации переводного текста по отношению к адресату, позволяющей гармонизировать переводной текст в рамках коммуникативных традиций языка перевода.

Приведённая структура деятельности переводчика отчётливо показывает, на каких именно уровнях происходит формирование переводческих решений. Определённые решения выбора средств переводчиком, принятые на одном уровне, будут оказывать непосредственное воздей-

ствие и на выбор решений (и, соответственно, языковых средств) на последующих уровнях. Таким образом имеет место **взаимодействие и взаимосвязанность уровней**, их определённая иерархичность и взаимовлияние.

Очевидно, что сохранение адекватности плана содержания в переводе представляет меньшую трудность по сравнению с поисками соответствующей эквивалентности в плане выражения. «Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке» [Бархударов 1989: 216]. Действительно, с когнитивно-смысловой точки зрения картина мира в различных языках имеет схожие очертания, однако при этом различные языки отражают действительность по-разному, часто асимметрично, по-разному членят действительность, различно описывают одни и те же явления и предметы, обращая внимание на разные признаки. Носители разных культур с помощью языка по-разному выражают чувства и мысли, для них по-разному «течёт» время, мир «звучит» и окрашивается в цвета. Если рассматривать перевод только как способ описания той же самой действительности средствами иного языка, то проблема перевода оказывается легко решаемой и вопрос о «переводимости» не возникает. Но, как мы отметили выше, перевод предполагает прежде всего **перевыражение**, когда переводчик, будучи двуязычной личностью, обращённой к двум культурам, воспринимает заключённые в речевом произведении на другом языке смыслы через призму доминирующего языка и культуры.

Таким образом, в дополнение к предложенной выше иерархической структуре переводческой деятельности следует выделить двусторонний характер перевода. Это, во-первых, *толкование, восприятие смысла* (герменевтический аспект), и, во-вторых, *порождение* нового речевого произведения, его переводческая реконструкция. Иными словами, перевод, безусловно, – особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства, однако это искусство «вторичное», искусство перевыражения оригинала в материале другого языка с учётом межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Сказанное выше относится прежде всего к наиболее востребованному в обществе виду перевода – а именно, к художественному переводу. Сама теория художественного перевода с момента своего возникновения стала объектом острых научных споров. В основе этих споров часто лежала попытка установить определённую монополию на художественный перевод как объект теоретического научного исследования. Ряд учёных, полемизируя со сторонниками лингвистической теории перевода, относили художественный перевод исключительно к литературоведческим дисциплинам [Кашкин 1977: 169], справедливо отвергая слепое подчинение художественного перевода выявлению только лек-

сических и структурно-грамматических соответствий, сводящему творческий процесс перевыражения к механическому оперированию набором формальных «филологом». Однако такой подход может привести к отрыву художественного воспроизведения совокупности образов подлинника от языковых средств как способа воспроизведения таких образов.

В настоящее время в методике научного исследования возобладал **комплексный, междисциплинарный подход**. Метод формальных соответствий, т.е. сходство по форме как единственный критерий правильности, точности перевода, был повсеместно отвергнут. «Чем выше степень формального соответствия, тем менее вероятна полная адекватность перевода» [Найда 1970: 114]. Художественный перевод был признан профессиональной деятельностью на стыке художественного творчества и лингвистики. «Текст одной своей стороной повернут к литературоведению, а другой – к языкознанию, поскольку языковыми являются средства, обеспечивающие его связность, целостность, полноту, законченность, общую модальность и т.п.» [там же: 205].

С данной проблематикой в тесной взаимосвязи находится также вопрос о выделении **единицы перевода**. На протяжении долгого времени такой единицей признавалось исключительно предложение. Однако о том, что существует единица более сложная, чем предложение, лингвисты говорили давно. А.А.Потебня называл её «речью», В.В.Виноградов «высказыванием», Н.С.Поспелов «сложным синтаксическим целым», «замкнутой синтаксической структурой», Л.А.Булаховский «сверхфразным единством». Но эти учёные работали в области русского языка, и их глубокие изыскания, доказательно основанные на многочисленных разнообразных примерах, всё-таки были изолированы от практики переводческой деятельности; тем не менее результаты таких исследований имели принципиальное значение для разработки теоретических основ перевода. Исследователи пришли к выводу, что переводческий анализ необходимо вести прежде всего на уровне текста, т.е. «группы из двух и более предложений, в которой есть свой текстовый субъект и текстовый предикат, составляющие вместе текстовое суждение» [Доблаев 1982: 17]. Разумеется, было бы неправомерно рассматривать лингвистику предложения и лингвистику текста изолированно друг от друга. Предложение – частный случай текста. Многие понятия, используемые при анализе на уровне предложения, применяются также при анализе на уровне текста и его компонентов. Переводимое произведение в целом с точки зрения лингвистики рассматривается как макротекст, состоящий из совокупности микротекстов (или сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и

т.п.). Между компонентами текста могут существовать отношения, аналогичные отношениям между компонентами предложения.

Только на уровне текста можно ставить и решать такой важнейший для перевода вопрос, как «что по своей сути есть перевод» – верный оригиналу текст? точный до буквализма вариант? интерпретация? «Верный», «точный», «адекватный», «полноценный» – каждый из этих терминов имеет свою историю. Например, термин «верный» был введён в литературу в середине прошлого века, когда учёные ссылались на пушкинское требование верности подлиннику. Все эти определения были направлены в основном против буквалистических переводов. Изучая мастерство переводчиков, знакомясь с различными вариантами переводов, нетрудно заметить, что выдающиеся переводчики всегда стремились к верности передачи и плана содержания, и плана выражения подлинника, обращая особое внимание в последнем случае на передачу стилистики переводимого автора. Понятие же стиля, как известно, складывается из многих составляющих, отклонения от которых могут в конечном итоге испортить весь перевод. Нужное слово или выражение часто оказывается «скрытым» в синонимическом ряду, и для извлечения его отсюда требуется мастерство. Юрий Олеша писал о том, что как-то открыл лавку метафор и был уверен в прибыльности этого мероприятия, так как у него был запас великолепных метафорических сравнений. «Однако покупатели, – писал Олеша, – не покупали дорогих; главным образом покупались метафоры «бледный, как смерть» или «томительно шло время», а такие образы, как «стройная, как тополь», прямо-таки расхватавались... Когда я заметил, что уже сам прибегаю к таким выражениям, как «сводить концы с концами», я решил закрыть лавку» [Олеша 1965: 258].

В связи с этим интересно привести мнение Ильи Эренбурга о том, что в сугубо академических, безусловно точных переводах художественных произведений часто теряется «золото», «дух» оригинала. Так, цитируя стихи А.С.Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», он писал, что «переведённые на другой язык точной, но неумелой рукой, эти чудесные стихи могут стать пошлым романсом» (Эренбург 1958: 4). И это может произойти не потому, что трудно передать логическое содержание стихотворения, но потому, что трудно сохранить именно поэтический смысл, поэтическое содержание, образное строение, стилистику текста оригинала. «Стиль – это общественно осознанная и функционально-обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной

практике данного народа» [Виноградов 1978: 73]. Данное определение подчёркивает тот факт, что адекватный перевод невозможен без учёта стилистической стороны подлинника. Важно учитывать также, что «характер стиля определяется не только нормами грамматики, лексики и фразеологии, но и формами экспрессии» [там же: 353]. Любые стилистические средства экспрессивны, т.к. имеют эмоциональное или оценочное воздействие. И данный факт, бесспорно, приближает перевод к искусству. Конечно, перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. И притом это искусство «вторичное», искусство **перевыражения** оригинала в материале другого языка, т.к. творческая свобода переводчика ограничена подлинником. Но переводчик не репродуцирует подобно копиисту уже существующее речевое произведение. При ограничении его в известной степени рамками оригинала он стремится создать новое произведение в иной семиотической системе, для иной культурной среды, часто и для иной эпохи.

Являясь творческой деятельностью, сближающейся с искусством, перевод тем не менее всецело опирается на научные знания, на теорию, изучающую закономерности переводческих решений и стремящуюся отделить возможное от невозможного, верное от ошибочного. Ж. Мунен сравнивал перевод с медициной, подобно которой он, конечно, является искусством, но искусством, строго основанным на науке.

Яркой иллюстрацией высказанных выше теоретических положений являются различные варианты перевода 130-го сонета Уильяма Шекспира, предлагавшиеся разными переводчиками в разное время. Цикл из 154 сонетов, прекраснейших образцов поэзии позднего Возрождения, «полных прекрасных идей, высказанных как бы непреднамеренно, но отличающихся глубиной поэтических образов» (Halliday 1958: 325), всегда привлекал внимание и поэтов, и переводчиков. Исследователи не сходятся во мнении об автобиографическом характере сонетов, однако единогласно признают тот факт, что в них автор даёт новаторское ироническое реалистическое описание лирической героини («смуглой дамы»), выступая против возвышенного описания героинь, свойственного классическому жанру сонета.

*My mistress' eyes are nothing like the sun;
Coral is far more red than her lips' red;
If snow be white, why then her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head.
I have seen roses damask'd, red and white,
But no such roses see I in her cheeks;
And in some perfumes is there more delight
Than in the breath that from my mistress reeks.
I love to hear her speak, yet well I know*

*That music hath a far more pleasing sound;
I grant I never saw a goddess go;
My mistress, when she walks, treads on the ground:
And yet, by heaven, I think my love as rare
As any she belied with false compare.*

1-й перевод – И.Мамуны.¹

Глаза её сравнить с небесною звездою
И **пурпур** нежных уст с кораллом – не дерзну,
Со снегом грудь её не спорит белизною,
И с золотом нельзя сравнить **кудрей волну**,
Пред **розой пышного роскошного Востока**
Бледнеет цвет её **пленительных ланит**,
И **фимиама** смол Аравии далёкой
Амброзия её **дыханья** не затмит,
Я лепету её **восторженно внимаю**,
Хоть песни соловья мне кажутся милей,
И с поступью богинь никак я не смешаю
Тяжёлой поступи красавицы моей.
Всё ж мне она милей всех тех, кого толпою
Льстецы с богинями равняют красотю.

В данном переводе очевидна точность, адекватность передачи переводчиком содержательного плана произведения – сохранена система образов, передан образный параллелизм оригинала; также наблюдается близость стихотворного размера. Однако при этом представляется, что данный вариант грешит достаточно распространённым особенно среди переводов стихотворных произведений явлением – а именно, украшательством. В текст вводятся лексические единицы, принадлежащие к высокому стилю, эмоционально-стилистически нагруженные. Это приводит к повышению стилистической окраски текста, что не соответствует плану выражения оригинала и намерению автора (известно, что **Шекспир в сонетах создаёт намеренно реалистический образ** героини, что проявляется в выборе им языковых выразительных средств).

2-й перевод – М.И.Чайковского.²

¹ Мамуна Иван – переводчик журнала «Развлечение» 50-70-х гг. XIX в. В основном переводя с французского и итальянского языков. В конце XIX в. перевёл шесть сонетов Уильяма Шекспира, получив высокую оценку читателей и литературных критиков.

² Чайковский Модест Ильич (1850 – 1916) – драматург, либреттист, переводчик, музыкальный критик. Переводил Корнея, Расина, Шекспира и других французских и английских авторов. Переводы «Ричарда II» и сонетов Шекспира (1914) вышли в двуязычном издании с параллельными текстами, что явилось новым явлением в переводоведении.

Её глаза на солнце не похожи,
 Коралл краснее, чем губы у неё,
 Снег с грудью милой не одно и то же,
Из чёрных проволок её коса.
 Есть много роз пунцовых, белых, красных,
 Но я не вижу их в её чертах, -
 Хоть благовоний много есть прекрасных,
 Увы, но только не в её устах.
 Меня её **ворчанье** восхищает,
 Но музыка звучит совсем не так.
 Не знаю, как богини выступают,
 Но госпожи моей **не лёгок шаг.**
 И всё-таки, клянусь, она милее,
 Чем лучшая из смертных рядом с нею.

По сравнению с первым переводом данный вариант представляется более верным, адекватным с точки зрения прежде всего плана выражения: языковые средства (в первую очередь, лексические), выбранные переводчиком, в большой степени соответствуют оригиналу. Сохраняется реалистическое описание, что достигается как использованием нейтральных в стилистическом отношении слов, так и введением единиц сниженного, разговорного стиля.

Следующие два варианта перевода, принадлежащие А.М.Финкелю¹ и С.Я.Маршаку², по нашему мнению, являются наиболее верными оригиналу. Искусство опытных переводчиков позволило им за счёт точности лексических эквивалентов, ритмической структуры, стилистической принадлежности лексических и синтаксических единиц создать «вторичный» текст, являющийся настоящим образцом переводческого и стихотворного искусства.

¹ Финкель Александр Моисеевич (1899 – 1968) – лингвист, переводчик, автор книг и статей по вопросам языкознания и теории перевода. Переводил Дж.Байрона, П.Верлена, Ж.Прювера. Главная переводческая работа – полный перевод 154 сонетов Шекспира – была опубликована в 1977 г. в сборнике «Шекспировские чтения 1976».

² Маршак Самуил Яковлевич (1887 – 1964) – поэт и переводчик. Центральное место в его переводческой деятельности занимает английская поэзия. Переводил английские и шотландские народные баллады, лирику Р.Бёрнса и У.Блейка, стихи Дж.Байрона, У.Вордсворта, Дж.Китса, Р.Л.Стивенсона, Р.Киллинга, а также с ивритского, итальянского, венгерского языков. Его полный перевод сонетов Шекспира вышел отдельным изданием в 1948 г., получил широкое признание и был отмечен Государственной премией.

3-й перевод – А.М.Финксля.

Её глаза не схожи с солнцем, нет;
Коралл краснее алых этих губ;
Темнее снега кожи смуглый цвет;
Как проволока, чёрный волос груб.

Узорных роз в садах не перечесть,
Но их не видно на щеках у ней;
И в мире много ароматов есть
Её дыханья слаще и сильнее;

В её речах отраду нахожу,
Хоть музыка приятнее на слух;
Как шествуют богини, не скажу,
Но ходит по земле, как все, мой друг.

А я клянусь – она не хуже всё ж,
Чем те, кого в сравненьях славит ложь.

4-й перевод – С.Я.Маршака.

Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щёк.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Литература

Бархударов Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода // Теория и критика перевода. Л., 1989.

Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.

- Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982.
- Кашкин И.А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. М., 1977.
- Комиссаров В.Н. Слово в переводе. М., 1983.
- Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. – №11.
- Олеша Юрий. Ни дня без строчки. М., 1965.
- Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1993.
- Эренбург Илья. Предисловие к книге: Поль Элюар. Стихи. М., 1958.
- Halliday, F.E. Shakespeare and His Critics. London, 1958.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т.В.Бузина

«РАБ» – MENAGE À TROIS: ПУШКИН, ПОЭЗИЯ И БРЮСОВ

Поэт должен переродиться, он должен на перспутьи встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца пылающий уголь. Пока этого нет, безмолвно влачись "В пустыне дикой".

Запись в дневнике Брюсова от 17 марта 1897 г.

Тему «Брюсов и Пушкин» исследовали неоднократно, что само по себе свидетельствует о том, как важен этот вопрос для понимания поэзии Брюсова и его места в русской поэзии. Увлечение Брюсова Пушкиным проявлялось не только в том, что он пользовался пушкинскими темами, но и в том, что он продолжил «Египетские ночи» – это поэтическое предприятие было детально проанализировано В.Жирмунским, показавшим, что Брюсов радикально изменил концепцию и стиль Пушкина и приспособил их для собственных целей [Жирмунский, 142-204].

Отношение Брюсова к Пушкину также неоднократно описывалось. Эмма Полоцкая пишет, что Брюсов измерял достижения поэзии начала века мерой пушкинского гения даже тогда, когда это было далеко не общим местом [Полоцкая, 378]. Брюсов, как Сальери в пьесе Питера Шеффера, одним из первых понимает подлинное величие Пушкина и относится к нему во многом так же, как и Сальери к Моцарту – с восхищением и завистью вплоть до виртуального убийства подобного Пушкину персонажа в «Рабе», являющемся предметом данной статьи. Пушкин – это ориентир, образец для подражания. «Брюсов смотрел на Пушкина как на владыку, если не сказать – как на своего владыку. <...> Он поверял собственный талант и вдохновение гением Пушкина, он видел в Пушкине родственную душу, достойную изучения и подражания» [Ваг, 169]. Не только подражания, но и безжалостного соперничества.

Чтобы проиллюстрировать состязание Брюсова с Пушкиным, я обращусь к стихотворению, где Пушкин присутствует не прямо, как в «Египетских ночах» или «Клеопатре», а как бы косвенно, намеками. «Раб» (1900) явно включает в себя пушкинские темы, но основной моей задачей будет показать, как Пушкин как символ и образ истинного поэта проникает в стихотворение Брюсова и занимает там место, которое

Брюсов хотел бы оставить за собой, таким образом заставляя Брюсова покинуть покой поэзии и оказаться в поэтической каменоломне.

Прежде всего, я хотела бы сделать одно методологическое замечание, связанное с тем, что я пренебрегаю реальной хронологией произведений Брюсова. В этом я руководствуюсь твердым убеждением, что творчество Брюсова – как и творчество многих художников – представляет собой единое целое, наполненное идеями, которые постоянно присутствуют в этом целом в сложном единстве, и хотя идеи эти проявляются на разных стадиях и в разные времена, они всегда существуют в сознании художника. И хотя Брюсов пишет «Раба» в 1900 г., а «Египетские ночи» – в 1914–1916 гг., образы и идеи более позднего стихотворения в некоей скрытой форме присутствуют в творческом сознании, и более раннее стихотворение более полно можно понять только в сочетании со стихотворением более поздним. Сделав эту оговорку, я приступаю собственно к разбору «Раба».

Жирмунский подробно проанализировал «Раба» с формальной точки зрения. В мои цели не входит повторять то, что уже было сказано о ритмической структуре и образности стихотворения. Я хотела бы сосредоточиться на его идейной наполненности.

Стихотворение повествует о рабе «прекраснейшей из всех цариц», который однажды не удержался и посмотрел на свою царицу. В качестве наказания за это осквернение святыни он был «как пес» прикован у ее ложа и вынужден смотреть, как она охотно отдается некоему прекрасному юноше. Затем раба ссылают в каменоломню, где он живет только воспоминаниями о ночи, проведенной в опочивальне царицы.

Место и время действия стихотворения не уточняются, поэтому читатель может представить себе любое древнее государство, любую «царицу», но «прекраснейшая из всех цариц» немедленно напоминает о Клеопатре, тем самым включая в контекст стихотворения как «Египетские ночи» Пушкина, так и более раннюю «Клеопатру» самого Брюсова (1899). Таким образом, с самого начала читатель сознает как присутствие Пушкина в подтексте «Раба», так и особое значение, которое образ раба обретает в этом стихотворении: раб – это поэт, потому что в «Клеопатре» самого Брюсова читаем:

В деяньях мира мой ничтожен след <...>

Но над тобой я властвую, поэт!

Преступление и наказание раба (поэта) напоминает не столько истории, связанные с самой Клеопатрой, сколько миф об Актеоне, который случайно увидел купающуюся Артемиду. И поэтому река, куда направляется царица, играет двойную роль – либо это священная река, где царица, возможно, должна исполнить некий ритуал, либо это река, где она, воплощенная святыня, сама будет совершать омовение. Когда Артемиды обнаруживает, что ее видели, она превращает Актеона в оленя, и его затем разрывают собственные собаки. Здесь можно вспомнить, что

раб прикован у ложа царицы «как пес». И царица, властвующая над рабом/поэтом, одновременно становится и богиней, это святая святых поэта, это сама поэзия.

Отношения царицы и ее раба также строятся по модели произведений Пушкина – «Египетских ночей» и «Анчара» (1828), хотя последняя ассоциация куда менее очевидна, нежели первая, но именно в «Анчаре» два «человека» из начала стихотворения превращаются в «раба» и «непобедимого владыку», «князя» в его конце. Это превращение происходит в момент добровольного подчинения одного человека другому. И «властный» взгляд, и «владыка» напоминают нам о том, что и Брюсовская Клеопатра «властвует» над поэтом. Сквозное слово подчеркивает важность Пушкина и его вечное присутствие в поэзии Брюсова.

Отношения раба и владыки в «Анчаре» также выстраиваются одним «взглядом» – как и в стихотворении Брюсова. Однако здесь роль взгляда принципиально иная – он устанавливает не отношения подчинения, но отношения равенства, потому что этот взгляд, обращенный на царицу из праха, обжигает ее. Брюсов переворачивает развитие отношений в стихотворении Пушкина, но сохраняет очень важный аспект этих отношений – эти отношения не есть данность, их строят люди, вовлеченные в эти отношения, и отношения эти зависят от того, как эти люди представляют самих себя. Это подчеркивается словом «покорный», которое описывает раба в первой же строфе стихотворения. Положение раба не зависит от его воли, но покорность – это его выбор. Это становится ясным в восьмой строфе стихотворения, когда слово «шокорный» описывает уже царицу, которая ждет своего любовника: «Она, покорная, ждала». Эта строка явно восходит к пушкинскому «Простой наемницей на ложе восхожу...» Как и пушкинская Клеопатра, Брюсовская царица добровольно превращается в рабыню, но она снова превратится в царицу, чтобы отдать приказ о казни своего любовника.

Ее безымянный любовник у Брюсова и у Пушкина заслуживает особого внимания. Брюсов называет его только «юноша», что напоминает о третьем претенденте на любовь Клеопатры из «Египетских ночей», там он тоже – безымянный «он», и только он действительно любит царицу:

Огонь любви в очах его дышал,
Во всех чертах любовь изображалась –
Он Клеопатрою, казалось, дышал... («Клеопатра»)

Как поэт, истинная жизнь которого заключена в поэзии, неназванный «он» живет только Клеопатрой. И только он привлекает ее внимание:

И молча долго им царица любовалась.

Брюсов в «Рабе» не рассказывает нам о судьбе своего «юноши», но в «Египетских ночах» он подхватывает строчку, завершающую «Еги-

петские ночи» Пушкина, и его Клеопатра предлагает юноше возможность спастись. Однако юноша не желает жить без своей царицы, и тогда Клеопатра отравляет его. Л.Трэйси в своей статье об «ответе» Брюсова на «Египетские ночи» связывает судьбу юноши с ложным представлением о ключевом понятии декаданса – о понятии «мига». Брюсов представляет себе жизнь как «цепочку мгновений, и поэт постоянно ищет следующее мгновение» [Трасу, 469] и поэтому «продлсвать мгновение и нежелательно, и невозможно <...> желание юноши продлить мгновение – детский лепет. <...> Клеопатра – не дитя <...> и она обрывает миг жизни юноши кубком отравленного вина» [Трасу, 464-465]. Я вернусь к понятию «миг» позже, разбирая судьбу самого раба, а пока что ограничусь указанием на очевидные фаустовские коннотации – остановленный «миг» есть мгновение смерти. Жизнь есть движение, и поэтому когда юноша – или поэт – желает остановить мгновение, он все равно уже мертв, так что его физическую смерть можно счесть своего рода убийством из милосердия. Но по какой бы причине Брюсов ни убил своего юношу, для него судьба истинного любовника Клеопатры – смерть, как бы и сама царица, и ее любовник ни пытались это предотвратить, и это важно для понимания «Раба». Как уже указывалось, Брюсов в «Рабе» ничего не говорит о судьбе неназванного юноши, потому что это излишне – из разных намеков, разбросанных по стихотворению, мы можем представить себе его судьбу – смерть от руки той, кого он любит, той, кто любит его. Но это произойдет позже, а пока раб прикован «как пес» у ложа царицы, чтобы смотреть, как царица по собственной воле отдается другому. Вначале царица снова предстает непорочной богиней или жрицей, так что на нее трудно поднять глаза:

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам. <...>
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!

Две последние строки напоминают уже не только о Пушкине, но и о Гоголе и его «Вие». Строка «И в ужасе сомкнул я вежды» снова подчеркивает, что раб – это поэт, причем делается это языком Пушкина – в «Египетских ночах» читаем: «Поэт идет, открыты вежды...». (Намеренно или ненамеренно, но эта строка создает множество сложностей, связанных с тем, что в «Египетских ночах» эта строчка принадлежит Импровизатору и составляет парадокс концепции поэта, так как Импровизатор по заказу аудитории, т.е. Чарского, сочиняет стихотворение о том, что поэт свободен от требований аудитории. Эта двусмысленность просачивается и в текст Брюсова, но в совсем иной форме.) Но эта двусмысленная отсылка к Пушкину вновь подтверждает, что раб – это поэт, который одновременно близок и противополоствен поэту Пушкина. В

стихотворении Пушкина глаза поэта открыты, но он никого не видит, а в «Рабе» Брюсова он хочет закрыть глаза, чтобы не видеть. Если поэта Пушкина можно представить жрецом в состоянии священного экстаза, не видящим окружающего, потому что он видит что-то еще, то у поэта Брюсова – самое обычное зрение, когда он видит с открытыми глазами и не видит с закрытыми. Более того, если поэту Пушкина открыто все, то поэт Брюсова – человек, который не имеет права смотреть. Как и Хому Брута, раба/поэта Брюсова святотатственный взгляд убивает – по крайней мере, фигурально.

Поэт как жрец, почти как божество, оказывается противопоставленным рабу – простому смертному. В таком случае предполагаемая смерть поэта отрицается будущим неизбежным воскресением. Он снова и снова придет к своей любовнице в вечном возвращении страсти, творчества и смерти.

Строка «Но голос мне шепнул: гляди!» – несомненная реминисценция из «Вия», где Хома не хочет смотреть на Вия, но какой-то внутренний голос говорит ему посмотреть на Вия, и в тот момент, когда он смотрит, Вий тоже его видит. Взгляд, таким образом, представляет мгновение взаимного узнавания, мгновение создания связи, отношений. Именно такова функция взгляда в третьей строфе стихотворения Брюсова, когда раб смотрит – и его видят. Однако при втором появлении темы взгляда в стихотворении его роль меняется. Он более не создает отношений. Впрочем, мотив из «Вия» в сочетании со взглядом из «Анчара» подчеркивает, что перед нами отношения раба и господина, а не отношения равных друг другу людей. Почему же это отношения между рабом и господином? Возможно, из-за сложного сылава мотива взгляда и представления о том, чтобы поставить себя с кем-то на равной ноге: раб уже заявил о себе как о рабе, а не как о господине, это произошло еще до начала стихотворения, и поэтому теперь взгляд может играть только одну роль – роль преступления, нарушения священного табу. Поэтому раб, как и Хома, смотрит, смотрит всю ночь, а потом его отправляют в каменоломни, где он «дробит гранит, стирая кровь», и живет только воспоминаниями о той ночи, которую он хочет пережить еще раз. Провалившаяся попытка заявить о собственном равенстве своей богине достигла только того результата, что раб увидел, как кто-то еще подчиняет себе поэзию. Богиня, поэзия, добровольно отдается другому, а раб, который смотрел на любовь двух равных любовников, остается в каменоломнях с памятью о том, что у него могло бы быть, но чего у него уже никогда не будет.

Здесь надо вернуться к упоминавшейся ранее идее «мига». Как уже неоднократно подчеркивалось, раб живет только памятью о прошлом:

Но эту ночь я помню! Помню!

О, если б пережить все – вновь!

Раб здесь совершает то же преступление, что и безымянный юноша, убитый Клеопатрой в «Египетских ночах» Брюсова – он хочет пережить мгновение снова, т.е. остановить его. И если любовник Клеопатры, как мы можем догадаться по другим стихотворениям Пушкина и Брюсова, мертв, то раб, который хотел бы быть ее любовником, тоже мертв – мертв как поэт, потому что его жизнь, цепочка мгновений и поиск мгновений, остановилась.

В этом стихотворении перед нами истинный поэт и тот, кто хотел бы стать истинным поэтом, занять место истинного поэта на ложе поэзии, но может лишь «обжечь» ее глаза похотливым взглядом, а потом понести наказание за свой грех, потому что то, что для истинного поэта – его возлюбленная, для желающего стать поэтом – святая святых, священный храм, на который нельзя покушаться. Стихотворение, таким образом, можно прочесть как скорее всего подсознательное описание отношений Брюсова и Пушкина, где Брюсов – всего лишь раб, прикованный на одну ночь у ложа поэзии, а Пушкин – полноправный любовник, которому поэзия покорно отдается. Парадоксальным образом, однако, способность неосознанно постичь и выразить нечто уже есть признак настоящего поэта. Произведение искусства, обрушившееся на своего создателя, есть знак истинного величия создателя. И «Раб» оказывается исключительно парадоксальным описанием места Брюсова в русской поэтической вселенной; Брюсов оказывается истинным художником в самом акте отрицания этого.

При таком прочтении стихотворение оказывается классическим образцом того, что Харольд Блум назвал боязнью влияния в одноименной книге. Здесь есть все классические приметы боязни влияния: стыд (но сладкий стыд) от того, что живешь чужой жизнью (раб должен смотреть, как его госпожа отдается другому, но затем он живет именно этим переживанием; он помнит то, что было пережито другим, но это чужое переживание становится частью его собственного опыта) [Bloom, 5]; типичный кенозис («поэт-последователь, словно освобождаясь от собственного вдохновения, собственной воображаемой божественности, умалется, словно бы переставая быть поэтом, но это умаление по сравнению с предшественником совершается так, что и сам предшественник опустошается, и поэзия поэта-последователя вовсе не так обесценивается, как это кажется на первый взгляд» [Bloom, 14-15]). Представляется, однако, что история с Брюсовым и Пушкиным усложняется тем, что Пушкин – фигура в русской поэзии уникальная. «Шекспир – величайший пример явления, не рассматриваемого в данной книге – полного поглощения предшественника [Марло – Т.Б.]. Меня же в данной книге интересует битва между могущественными и равными соперниками, между отцом и сыном, Лаем и Эдипом на перекрестке дорог» [Bloom, 11]. В «Рабе» мы отчасти имеем дело с тем, что Блум исключил из своей книги – с поэтом, который полностью поглотил своих предшественни-

ков. Пушкин – русский Шекспир по масштабу своего влияния. Он настолько велик, что трудно вспомнить *его* предшественников. Поэтому Брюсову вначале надо доказать, что здесь вообще может идти речь о боязни влияния – влияния равного на равного. Вначале Брюсов должен утвердить себя как равного Пушкину поэта, а уже затем переходить к кенотическому опустошению и себя, и Пушкина. Положение Брюсова-поэта как раба царицы – кенотическое самоопустошение. Предполагаемая смерть юноши – попытка кенотического опустошения своего предшественника. Но тот факт, что смерть эта только предполагается по другим источникам, а не исходя из самого стихотворения, говорит о том, насколько неуверенна такая попытка. Более того, так как поэт, возможно, есть бог, его смерть не есть окончательная смерть, но лишь стадия на пути вечного возвращения, и это также подрывает концепцию окончательной смерти. Кроме того, мотив «мига», обращенного не против юноши, но против самого раба, утверждает его (духовную) смерть прямо в тексте стихотворения, углубляет опустошение поэта до пределов, возможно, превосходящих кенотическое нисхождение и подчеркивающих изначальное неравенство предшественника и последователя. Внутренние противоречия углубляются с каждой строкой. Кенотическое опустошение поэта-раба, которое можно – и в идеале должно бы – прочитывать как возвеличение, отрицается вторым мотивом смерти, воплощенной в продлении мига, но это второе отрицание отрицает само себя, поскольку оно показывает, что раб обладает даром истинного поэта – даром преодолевать сознательное и осознанное намерение творящего. «Раб» – отражение притязаний Брюсова и его вечной неуверенности в собственном месте в русской поэзии.

Литература

- Жирмунский В.М. «Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования». // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Полоцкая Э.А. «Пушкинские штудии В.Я.Брюсова». // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1976, vol. 22.
- Baer, J.T. "Three Variations on the Theme "Moj Pushkin"; Briusov, Akhmatova, Tsvetaeva." // *Zapiski Russkoi Akademicheskoi Gruppy v S.S.H.A* 1987, vol. 20.
- Bloom, H. *The Anxiety of Influence*. Oxford University Press. London Oxford New York, 1973.
- Quoted not from "Egyptian Nights" proper, but from the poem "Cleopatra" which differs from the one in the "Egyptian Nights" where these lines go as follows: Vostorg v očax ego sila; // Strastej neoputyiaia sila// Kipela v serdce molodom...
- Tracy L. "Decoding Puskin: Resurrecting Some Reader's Responses to Egyptian Nights." // *Slavic and East European Journal*, Tucson, AZ, vol.37 #4, 1993 Winter.

Джанолах Карими-Мотакхар (доцент кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета, Иран),

Махмуд Резаи (магистр кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета, Иран)

«ШАХНАМЕ» А.ФИРДОУСИ И «БОРИС ГОДУНОВ» А.С. ПУШКИНА¹

Современные литературы разных стран так или иначе связаны друг с другом, и их развитие происходило и происходит на фоне этих связей. Общеизвестно взаимовлияние и взаимодействие русской и персидской литератур. Уж давно читатели наших стран читают на родном языке шедевры двух стран. Читая произведения русских писателей, мы видим много восточных, особенно персидских, мотивов, а в произведениях персидских писателей XX века можно легко найти отголоски образов и мотивов произведений русских классиков XIX века. Еще в 1958 году русский востоковед А.З. Розенфельд в своей статье «А.П. Чехов и современная персидская литература» писал о влиянии русской литературы на персидскую, при этом он подчеркнул, что переводы рассказов Пушкина, Чехова и Горького сыграли значительную роль в развитии оригинальной современной персидской прозы и в особенности короткого рассказа [Розенфельд 1958: 74]. Даже древнерусская и древнеперсидская литературы имеют общие и сходные образы и мотивы. На это указывает известный немецкий ученый и востоковед Теодор Нольдк в своей монографии «Иранский национальный эпос», где он рассматривает «Шахнаме» Фирдоуси. Он утверждает, что «русские и персидские богатыри очень похожи друг на друга. И русские и персидские богатыри могучие, и в них воплощены лучшие качества народа; их сила также неизмеримо преувеличивается. Они способны на такое, что другим даже и во сне не снилось [Нольдк 1990: 95]. Таким образом, найти общие и сходные мотивы, образы и идеи в шедеврах писателей двух древних и соседних стран совсем не трудно.

Теперь обратимся к конкретному вопросу – некоторым наблюдениям, касающимся поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». В данной статье мы бы хотели рассмотреть аналогию интерпретации темы «народ и власть» в трагедии Пушкина и в сказании «Захак» из поэмы «Шахнаме».

¹ В статье изложены результаты исследований, которые проводились на кафедре русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета (№ проспекта 4605008/1/4)

Тема «народ и власть» является одной из главных и в то же время сложных и мучительных в мировой литературе. Интерес к этой теме всегда волновал художников разных стран. Все великие писатели мира, такие как Фирдоуси, Шекспир, Гете, Пушкин и другие, обращали пристальное внимание на эту тему; каждый из них по-своему раскрывал ее в своих произведениях. Несмотря на то, что Фирдоуси и Пушкин по-разному решили этот вопрос в своих произведениях, трактовки в трагедии Пушкина «Борис Годунов» и в сказании «Захак» из «Шахнаме» очень схожи.

Трагедия заключается в том, что народ думает, что без царя жить невозможно. Люди постоянно ведут борьбу против угнетателей, а после того, как одерживают победу, передают власть другому шаху. И.А. Бунин прекрасно говорит об этом в стихотворении «Отчаяние»:

*...И нового порфирой облекли
И назвали владыкою Ирана.
Нож отняли у прежнего тирана,
Но робостью, с поклоном до земли.¹*

Эта проблемы имеет корни в истории и культуре каждого народа, которая отражалась и в литературе. В персидской литературе, не только в поэме «Шахнаме», о которой речь пойдет дальше, но и в поэме Фаридад ад-дин Аттара² «Мантык ат-Тайр» («Беседа птиц») говорится о народе, который убежден в том, что невозможно жить без царя, хотя Аттар в этом произведении преследует другую цель и его «Мантык ат-тайр» имеет мистическую окраску. В этой аллегорической поэме мы читаем, что птицы, у которых не было правителя, собрались у мудрого и умного удода и пожаловались на то, что у каждого народа есть царь, а их народ лишен хорошего царя. «Мы должны найти умного и хорошего царя», – говорили они. Тогда удод сказал: «Я слышал, что в далекой стране за горами Каф живет великий и могущественный царь, которого зовут Симург³. Мы должны отправиться к нему и попросить его, чтобы он нами правил. Однако путь к его дому очень далекий, трудный и опасный. Вы готовы ради встречи с Симургом рисковать жизнью?» На что птицы единогласно ответили: «Да, мы готовы». Таким образом, большая группа птиц отправилась в путешествие на гору Каф в поисках своего царя. Путь предстоял очень далекий и опасный. Птицам пришлось перелететь

¹ Бунин И.А. Лирика. Минск, 2003. С.251.

² Абу Хамид Мухаммад ибн Абубакр Ибрахим ибн Исхаг по прозвищу Аттар – великий иранский суфийский поэт; он родился в XII веке в городе Нишанур. В персидском языке слово Аттар означает «аптекарь» и восходит к профессии отца, которую поэт унаследовал.

³ В персидской мифологии Симург – это бессмертная, вещая птица, подобная орлу огромных размеров, обитающая на горе Каф.

степи, горы, леса. Но не все птицы смогли долететь до цели; некоторые из них скончались по дороге, другие потеряли надежду и вернулись. Из огромной стаи лишь тридцать достигли цели. Там они обнаружили, что Симурга вообще не существует. Они осознают, что Симург – это они сами, тридцать птиц (слово «си» по-персидски – тридцать, «мург» – птица, как национальный персонаж в персидской мифологии). Этим рассказом Аттар аллегорически показывает народу его силу и подчеркивает, что если народ увидит свою силу и способности, тогда он сможет сам управлять собой, своей страной.

А теперь посмотрим, как раскрывают эту проблему Фирдоуси и Пушкин в своих произведениях «Шахнаме» и «Борис Годунов».

В легендах говорится о том, что великий шах Ирана Джемшид, который правил страной семьсот лет, был очень могущественным и добрым царем. Он стремился подарить своему народу счастье и облегчить условия его жизни:

*Земля отдохнула, раздоры забыв;
Джемшиду и зверь покорился, и див.
И славной людей одарил он судьбой;
Державный престол озарил он собой.
Он молвил: «Изда со мной благодать;
Мне быть и мобедам и шахом подстать.
Я злых обуздаю, их в пепел сотру,
И душу открою навстречу добру».¹*

Внезапно Джемшид очень сильно изменился. Он заявил, что кроме него нет в мире царя, и назвал себя Богом, сказав: «Я творил в мире все, что благое, от меня свет солнца, а живущие в мире находятся под моей властью»:

*Искусства и знания живительный свет
Я первый зажег, мне подобного нет.
По-новому мир я устроил земной;
Таков он, как было начертано мной.
Не я ль вам одежду и злак даровал,
Довольство, обилие благ даровал.
Прославлен я всем человечеством сплошь;
Где в мире второго такого найдешь? (С. 39).*

Таким образом, он стал настоящим деспотом, угнетенный народ восстал против него, и шах убежал на Восток.

¹ Фирдоуси А. Шахнаме. (перевод Ц.Б. Бану-Лахути). М., 1993. Т. 1. С.35. Далее в тексте даются ссылки на этот том.

Здесь мы видим силу народа, народ одержал победу над могущественным шахом. Это значит, что народ силен, сильнее всякого царя.

*Вопль неся над ширью иранской земли;
Меж знатными распри кровавые шли.
Над краем зловеющая тьма разлилась,
С Джемшидом расторглась народная связь.* (с. 46)

После победы народ не может представить себе жизнь без царя, без шаха. И в этом настоящая трагедия народа: его победа равна поражению, ушел один шах, пришел другой. Новый царь – новый деспотизм.

После того, как народ прогнал Джемшида, он думал, что стал счастливым, однако возникла новая проблема: «О горе нам, кто нами будет править? Надо как можно скорее найти нового шаха». Стало известно, что в какой-то стране, близ аравийского моря живет хороший, справедливый царь по имени Захак. Тогда народ направил своих представителей в сторону Аравии, чтобы предложить Захаку стать их шахом:

*Отчизну покинув, иранская знать
В Аравию путь порешила держать.
Слух шел, что в тех далеких краях
Царь, схожий с драконом, внушающий страх.
Иранцы, мечтая о смене царя,
К Захаку пришли, нетерпеньем горя;
Его государем иранской земли,
Верховным владыкой владык нарекли* (с. 46–47).

Захак же с удовольствием принял это предложение. Хотя он делал вид, что он добрый, умный и достойный царь, на самом деле он был жестоким деспотом, убившим своего отца, чтобы достичь власти. Вначале народ об этом ничего не знал, но через некоторое время преступление обнаружилось, и народ понял, что это не тот шах, которого он ждал. Захак, пытаясь излечиться от болезни, приказывал поварам готовить ему пищу из мозга молодых людей. И вновь тирания и гнет царя, и снова недовольство и восстание народа. Люди собрались вокруг смелого и отважного кузнеца Каве, который в бою с Захаком одержал победу. Захак попал в плен, его заключили в темницу. Народ в восторге от победы, но проблема все еще не решена. Кто станет царем? Ответить на этот вопрос народу очень трудно. Опять надо найти правителя. Когда же эта проблема будет решена? Когда народ осознает свою силу?

С другой стороны, Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов» показывает аналогичную ситуацию, такой же процесс развития событий: недовольство владыкой, борьба против него и его насилия, победа народа и избрание нового правителя.

«Действие трагедии «Борис Годунов» происходит в Москве в конце XVI- начале XVII вв. После смерти царя Феодора, умершего бездетным, народ избирает на престол боярина Бориса Годунова. Однако, уже в начале действия из разговора бояр выясняется, что Борис – преступник» [Лотман 2001: 88].

Шуйский

*Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.*

Воротынский

*Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?*

Шуйский

А кто же?

Кто покупал напрасно Чепчугова?

Кто подослал обоих Битяговских...»¹

Когда Борис «стремился расчистить себе путь к власти, он организовал убийство ребенка, царевича Димитрия, который должен был наследовать своему старшему брату Феодору.

Таким образом, с самого начала образ царя Бориса двоятся. С одной стороны, это мудрый царь, который стремится к просвещению своей страны, а с другой – преступник» [Лотман 2001: 89]. Это сочетание для Пушкина и для великого мудреца – персидского поэта Фирдоуси не было случайным. В мировой истории можно найти много примеров, которые показывают, что самодержцы ради трона совершали преступления, деспоты на пути к власти убивали даже своих самых близких людей: порой отец – сына, иногда сын – отца. Например, Александр I оказался на престоле, переступив через труп отца, а Екатерина II – мужа, а Ирод, согласно евангельской легенде, приказал перебить всех младенцев в Вифлееме, чтобы уничтожить только что родившегося Иисуса: «Тогда Ирод увидел себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф. 2: 16).

Пушкин сознательно избирает в свои герои не худшего царя (например, он мог бы избрать явного тирана Ивана Грозного), а лучшего, который хочет своему народу добра» [Лотман 2001: 89]; Джемшид в «Шахнаме» тоже желает своему народу самого хорошего, но из-за того, что он считает себя Богом, народ отвергает его благодеяния. И «царь

¹ Пушкин А.С. Избранные сочинения. М., 1990. С. 226.

Борис стремится делать народу добро: он раздает хлеб голодным, строит дома бездомным, но народ отвергает его благодеяния и относится к нему враждебно» [Там же].

И в трагедии «Борис Годунов», и в поэме «Шахнаме» можно видеть и силу, и слабость народа. В «Борисе Годунове» Пушкин показывает роль народа в истории, как это показал и Фирдоуси. И Фирдоуси, и Пушкин уверены в том, что сила народа всегда выше и больше, чем сила власти.

История создается народом; судьба стран, царей и народов зависит от самих народов. Народ силен, он может свергать с престола самых могущественных царей; народ очень силен и «одновременно народ слаб, поскольку не сознает собственной силы и с детской доверчивостью позволяет использовать ее тем или иным честолюбцам или политическим группам, преследующим свои интересы, далекие от народных» [Лотман 2001:90].

В трагедии Пушкина «народ отказывается молиться за царя, потом отказывается за него воевать. Наконец, Пушкин...показал народный бунт против сына Бориса Годунова Федора (царь Борис умирает в разгар борьбы с самозванцем)... Итак, народ победил. Но во имя чего? Сбрасывая ненавистного царя-убийцу и его сына, ...народ может противопоставить им лишь другого царя... Этим пользуется ловкий авантюрист Григорий Отрепьев. Его-то народ и возводит на престол. И вот заключительная сцена: самозванец торжествует, но его власть не прочна, пока жив сын Бориса, юный Федор. Самозванец приказывает его убить. Круг завершается: на престоле новый царь, с роковой неизбежностью он совершает новое убийство (убитый – снова почти ребенок), и народ в ужасе от него отворачивается. Трагедия кончается знаменательно:

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

Безмолвие народа означает одновременно и то, что победа его оказалась поражением – он снова имеет царя, внушающего ужас и отвращение. Но и самозванцу оно не сулит ничего хорошего – его ждет гибель» [Лотман 2001: 90-91].

В конце своих произведений Пушкин и Фирдоуси по-разному решили поставленный вопрос. В трагедии «Борис Годунов» мы видим разочарование народа и его безмолвие, потому что народ не смог найти идеального царя. Судьба народа, как и судьба царя, здесь трагична. Однако Фирдоуси в поэме «Шахнаме» показывает, что народ нашел свой идеал, и на престол пришел Феридун, которого Фирдоуси воспеваает:

*Так стал Феридун, победивший в борьбе,
Царем, и не ведал он равных себе...
Избавился мир от насилья и зла,
Стезю изедовой жизнь потекла...
Хвалу воздавали царевым делам,
С молитвою руки воздев к небесам,
Твердя: «Да не будет дням царским конца.
Навек да пребудет он светом венца!»
Объехал затем Феридун свой удел,
Сокрытое, явное – все разглядел:
Где бедствия иль запустенье встречал, –
Свершенное зло возмещал он добром,
Как должно тому, кто родился царем,
Он землю в сияющий рай обратил,
Везде кипарисы и розы взрастил (с. 84-85).*

Благодаря мудрости и справедливости Феридуна жизнь народа стала лучше и легче. Это своеобразная особенность классических эпосов, в которых авторы воспевали героев и богатырей. Фирдоуси же сын своего времени. Он не мог не любоваться смелостью своих героев.

Хотя финал поэмы Фирдоуси иной, чем у Пушкина, но в содержании, развитии сюжетов и изображении разных моментов жизни – несомненное сходство, что дало нам основание для сопоставления, с целью показать близость и сходство чаяний народа в произведениях двух великих поэтов и мыслителей двух древних, богатых и великих цивилизаций Ирана и России, несмотря на большой разрыв во времени происходящих событий.

Литература

- Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе. М., 2001.
Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
Розенфельд А.З. А.П.Чехов и современная персидская литература // Памяти академика И.Ю.Крачковского. Л., 1958.
Нольде Теодор. Иранский национальный эпос (перевод Бозорг Алави). Тегеран. Четвертое издание. 1990.
Фирдоуси А. Шахнаме (перевод Ц.Б. Бану-Лахути). Том 1.М., 1993.
Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

**ЕДИНСТВО ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
К. БАЛЬМОНТА «ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ»**

Лирико-философский цикл «Под северным небом»¹ – первый лирический цикл в творчестве Бальмонта и один из первых в истории русского символизма. Несмотря на некоторую вторичность (исследователи не раз указывали на заимствования и источники многих стихов: М. Лермонтов – «Челн томленья»; А.Фет – *Ласточки*; Э.По – *Фантазия*, *Духи чумы*; Ш.Бодлер – *Кошмар*; *Горный король* и некоторые другие стихи скандинавского подцикла – Г.Ибсен)², цикл является целостным поэтическим текстом, в нём с очевидностью проявились те особенности композиции и принципы соположения отдельных стихов, которые впоследствии лягут в основу структурирования всех лирических циклов Бальмонта.

Цикл состоит из 51 стихотворения, разной длины и разных жанров (элегия, стансы, баллады, сонеты, песни и пр.). Все стихи соединены единым внутренним лирическим сюжетом, символикой повторяющихся образов (смерть, сон, печаль, Луна, Море, Чайка, Красота, Любовь и пр.), которые существуют в едином хронотопе цикла.

Художественное время – пространство цикла неуловимо и прозрачно, оно лишено конкретности и детализации изображения. Место действия представлено не прямо, а через соотносённость с небом и морем. Действие лирического сюжета происходит где-то **под северным небом**: «*Неприветное небо нахмурилось...*» (*Чайка*); «*...Мой небосклон темнеет...*» (*Уходит светлый май...*); «*отуманенное небо*» (*Родная картина*) и **близ моря**: «*Среди печальных ихер...*» (*Мечта*), «*В виду берегов Скандинавии...*» (*Разлука*), «*Вечер. Взморье... В берег бьётся. || Чуждый чарам чёрный челн*» (*Челн томленья*), **между небом и землёй**: «*Витаем мы меж небом и землёй...*» (*Нет, мне никто не сделал столько зла*); «*...над гладью вод речных...*» (*Ласточки*). С нашей точки зрения, встречающиеся в некоторых стихах (*Родная картина*, *Мне ненавистен гул гигантских городов.*) поля, леса, дороги и скандинавские фьорды лишены пространственной конкретизации, они лишь дань литературной традиции.

¹ Мы будем рассматривать цикл в каноническом его варианте, представленном в Собрании стихов К.Бальмонта в 2-х томах. М.: «Скорпион», т.1, 1904 г. В этом издании все стихи цикла нумерованы. Нумерация сохраняется при цитировании

² Подробный анализ источников лирики Бальмонта дан в работе V.Markov «Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont» Köln und Wien, 1988, а также в издании Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969 (Библиотека поэта Большая серия).

Художественному пространству «**между и близ**» референтно художественное время «**между**» – между прошлым и будущим (*Нить Ариадны, Колыбельная песня*). Его основные характеристики – текучесть, неуловимость, мимолётность (*Фантазия, Уходит светлый май, Грусть*). Эмблемы **мига**, непостоянства, переходящие из стихотворения в стихотворение, – бегущий ручей (*Песня без слов, Тоска*), облачко (*Лунный свет*). Не годы, часы и минуты, а **миг** – минимальная единица измерения времени в художественном мире цикла (*Два голоса, Песня без слов, Кошмар, Ласточки, Духи чумы, Смерть, убаюкай меня*). Жизнь лирического героя проходит в призрачном **пространстве грёз**: «*Вещный лес спокойно дремлет...*» (*Фантазия*); «*в уме моём // мелькают сны, и образы, и лица*» (*Зарница*); «*Я мчусь в мечтах...*» (*Лунный свет*); «*Погрузились мы в море загадочных снов...*» (*Без улыбки, без слов*); «*Я в царстве чистых дум...*» (*Ласточка и пр.*), **в погоне за ускользящим мигом** (*Два голоса, Песня без слов, Кошмар, Сонет*). Подобный образ времени-пространства свидетельствует об импрессионистичности художественного мышления Бальмонта, которая проявилась уже в первом лирико-философском цикле поэта. Художественная задача поэта – не представить мир в его материальности и пластичности, а уловить мимолётные изменения состояния души лирического героя. Ощутить настроение каждого ускользящего мига. Дать почувствовать читателю музыкальную интонацию настроения (*Фантазия, Два голоса, Песня без слов, Челн томленья, Тоска, Колыбельная песня, Разлука, Скандинавская песня*). Музыкальность стихов (её отмечали все исследователи творчества Бальмонта) выражена на звуковом, интонационном и жанровом уровнях стиха. Некоторые стихи имеют жанровое определение – песня (*Песня без слов, Скандинавская песня*); музыкальное двуголосие лежит в основе построения таких стихов, как *Два голоса* и *Скандинавская песня*. Аллитерации, звуковые и лексические повторы стихов *Песня без слов, Челн сомненья* вошли во все хрестоматии, стали объектом подражания и пародирования.

Музыкальность цикла проявляется не только на звуковом и интонационном уровнях стиха, она лежит в основе композиционной структуры всего цикла. Цикл начинается и заканчивается стихами, посвященными теме смерти: *Смерть (1)* и *Смерть. Сонет (50)*, *Смерть, убаюкай меня (51)*. Но, несмотря на прямое совпадение названий стихов (1 и 50), мы не можем говорить о полном их тематическом повторе. Как в полифоническом музыкальном произведении, задана только тема, которая развивается в разных регистрах. Если в первом стихотворении образ смерти дан в духе христианской традиции с примесью натурфилософии, смерть – это путь восхождения к Богу Творцу: «*Бестрепетно иди всё выше – выше, // По лучезарным чистым ступеням, //...*» (*Смерть, 1*), путь подчинения Ему и Божественной Природе: «*...познаешь ты, что есть свобода // в разумной подчинённости Творцу,*

|| – В смиренном почитании природы...» (*Смерть, I*). То в стихе *Смерть. Сонет (50)* именованная смерти («Владыка всех пространств и всех времён», всесильный демон, царь, дух забвенья) связывают её скорее с властителем тьмы, демоническими силами, чем с всесильным Божеством Света. Но, как и в 1-ом стихотворении, в стихотворении предпоследнем смерть – это путь «примирения» и успокоения («Ты всем несёшь свой дар успокоения...»: «Приди. Я жду. Я жажду примиренья...»). В последнем стихотворении цикла лирический герой призывает смерть как чудесный сон, длящий прекрасные счастливые мгновения жизни. Картина счастья, представленная в этом стихотворении, перекликается через лексико-тематические повторы с образом счастья стихотворения *Песня без слов*. И в том и в другом дана картина мгновения счастья бытия, его приметы: весна, зеленеющие деревья, ландыш, шепот, шорох природы, журчащий ручей, шепчущий родник – «миг невозможного», «счастья миг» (*Песня без слов*), «таинственный миг» (*Смерть, убаюкай меня...*). «В этот таинственный миг, ||Смерть, убаюкай меня!» – последнее стихотворение цикла и последняя его строчка. К стихам о смерти примыкают стихотворения *Духи чумы, Памяти И.С. Тургенева, Призрак*. Смерть, таким образом, является одним из ключевых символов-образов всего лирико-философского цикла.¹

В совокупности все стихи о смерти выстраивают сюжетную канву лирического повествования цикла – романтическое противопоставление жизни вечной и жизни земной; «огня нетленной Божественной мистической тоски» и тоски земного бытия (*Болото, Родная картина*); «высшего света» и «жизни темноты», мига «чёрного греха»; жизни должной и жизни не должной, «воздушной немой бесконечности, где время прекращает свой полёт» и временного земного существования человека, который вброшен в этот мир на время (до поры до времени, «тока»), и должен, сохраняя в «душе огонь нетленный», совершить круг земного существования («и на земле земное совершай»). Все стихи цикла, несмотря на их жанровое и тематическое многообразие, в той или иной степени выстраиваются как одна или другая часть этой оппозиции, они либо воспевают «огонь нетленный» «Божественной мистической тоски», «призрачную светлую страну... загадочных снов» (*Фантазия, Без улыбки, без слов, Мне ненавистен гул гигантских городов..., Чайка, О, если б мне сердце холодное... и пр.*), либо выстраивают сюжет греховной, земной жизни лирического героя (*Болото, Родная кар-*

¹ Хотелось бы отметить, что сам факт обращения к теме смерти и ее трактовка свидетельствуют не только об определённой автобиографичности творчества Бальмонта (известно, что 13 марта 1890 года Бальмонт совершил, к счастью, не удавшуюся попытку самоубийства), но и о реинкарнации в его лирике поэтики и тематики романтизма, как русского (Лермонтов), так и сверопейского (от Новалиса до Рембо). Название одного из стихотворений цикла «Сказка ночи» можно рассматривать как вариацию названия цикла Новалиса «Гимны к ночи».

тина, стихи «андреевского» и «гарелинского» подциклов – см. ниже), от которой можно найти спасение (примирение) только в смерти (*Смерть, убаюкай меня*).

Особенностью композиции цикла является не только тематическая рифмовка конечных стихов, но и своеобразное философско-тематическое единство первых 5 и последних 6 стихов цикла. Философия природы, жизни, смерти – их тематический стержень. Тематическая переключка стихов может быть представлена в следующей последовательности:

пролог	эпилог
<i>Смерть</i>	<i>Смерть, убаюкай меня</i> <i>Смерть. Сонет</i>
<i>Фантазия</i> (философия природы и фантазии)	<i>Грусть</i> (философия природы и поэзии)
<i>Зарница</i> (воспоминания)	<i>В столице</i> (воспоминания)
<i>Молитва</i> (несказанная тоска существования)	<i>В поле искрилась роса</i> (трудный день, бесконечная тоска, неутешная печаль)
<i>Лунный свет</i> (ночной пейзаж «Когда луна сверкнёт во мгле ночной... моя душа стремится в мир иной...»)	<i>Ласточки. Сонет</i> (ночной пейзаж «Земля покрыта тьмой. Окончен день забот. Я в царстве чистых дум, живых очарований.»)

В этих стихах повторяются, ассоциативно развиваясь, ключевые образы- символы: ночь, Луна, рой воспоминаний (*Зарница, Ласточки, В столице*), Лазурь, Вечная Природа, унылая Природа, неутешная печаль, тоска, мука, горе, рыдания и неизменное стремление в мир иной, мир безмолвия и отчуждения от людских страданий (*Зарница, Лунный свет Грусть, Ласточки*). Ещё в большей степени, чем повторы образов, переключке стихов способствует их жанровое и интонационное совпадение. Так, стихотворение «Фантазия» (2) и «Грусть» (48) написано одним и тем же стихотворным размером: восьмистопным хореем, с обязательной цезурой после четвертой стопы и такой же обязательной системой внутренних рифм. Совпадает и их интонационный рисунок, который подчёркивает тематическую и философскую близость этих стихов – красота, поэзия природы, безучастной к человеческим страданиям.

В силу очевидной жанрово-композиционной переключки первых пяти и последних шести стихов можно рассматривать их как вступление и эпилог к лирическому сюжету цикла – искания, мучения, влюблённости, мгновенно вспыхивающие и ускользающие, сменяющие друг друга настроения, земная жизнь лирического героя, жизнь «пока» (1).

Внутри цикла выделяются подциклы – группы стихов, объединённые или тематикой и местом действия (скандинавский цикл – *У скандинавских скал, У Фьорда, Норвежская девушка, Чайка, Горный король, Скандинавская песня, О, если б мне сердце холодное..., Мечта*),

или наличием ассоциативных связей, выстраивающих внутренний сюжет (стихотворения 6-14 – это размышления лирического героя о своём «погружённом в грязные спящие воды» настоящем (*Болото, Родная картина, Зачем?*), полном «тернистых бед» будущем (*Нить Ариадны, Уходит светлый Май...*), превратившемся в сон прошлым), или присутствием в лирическом повествовании единого образа одной лирической героини. В лирическом цикле их две: первая появляется в стихах от 26 («Когда между тучек туманных...») до 33 («О, птичка нежная, ты не поймёшь меня...»), всего 8 стихов, этот подцикл условно можно назвать «андреевским» (по имени второй жены Бальмонта Екатерины Алексеевны Андреевой, второе стихотворение подцикла непосредственно ей и посвящено). Лирическая героиня этих стихов – с одной стороны, бедный ребёнок (*Колыбельная песня*), птичка нежная (*О, птичка нежная ...*), с другой – готовая к жертвам и подвигам красавица Юдифь. Вероятно, и женские персонажи романов И.С.Тургенева (*Елена, Маша, Лиза, Марианна, \ И Ася, и несчастная Сусанна*–) чем-то на нее похожи. Стихотворения полны любви, несказанной тоски и безнадёжного упования на счастье.

Образ второй лирической героини создаётся в стихах от 38 (*О, женщина, дитя...*) до 45 (*Нет, мне никто не сделал столько зла...*), тоже 8 стихов. Второй подцикл можно назвать «гарелинским». Лирическая героиня этого цикла имеет много общего с образом первой жены Бальмонта (Лариса Михайловна Гарелина – «женщина-мучительница, как бы сошедшая со страниц романов Достоевского», V.Markov с.34). Ассоциативный принцип структурирования цикла позволяет нам рассматривать стихи *Духи чумы* и *Челн томленья* как переход к этому подциклу, скорее всего они отражают настроения, переживания лирического героя цикла.

Выделяются своей «внециклическостью» стихи, связанные с поэтическим дискурсом XIX века – *Уходит светлый май, Одна есть в мире красота, Болото, Родная картинка, Памяти И.С. Тургенева, Заря*, с посвящением Н.И. Стороженко. Показательно, что два последних стиха, несмотря на их тематическую непохожесть, следуют один за другим в тексте цикла. Нам представляется возможным говорить здесь о внетекстовой (историко-биографической) связи стихов: стихотворение *Памяти И.С. Тургенева* впервые было прочитано на заседании общества Любителей Российской словесности, председателем которого был Н.И.Стороженко. Гражданская интонация перечисленных стихов (всех, кроме *Заря*) подчёркивает некоторую «пограничность» цикла в истории русской литературы и связывает его с традициями русской классической литературы «века ушедшего». В то время как вся образная система цикла говорит о рождении новой поэзии (так его воспринимали современники). Блок назвал Бальмонта «начинателем в России (<...> литера-

турного (по крайней мере «стихотворного») освобождения...» (Блок.:548).

В заключение хотелось бы подчеркнуть – к факторам, превращающим отдельные стихи цикла в единое художественное пространство, следует отнести не только его сюжетно-композиционное построение, но и **ключевые слова-символы** (*северное небо, цветок, болото, облачко, ласточка, чайка, ландыш, ручей и пр.*); **символические образы** (*сон, Луна, лунный свет, Море, царство Лазури и пр.*), **темы** (*смерть, божественное молчание, безглагольная тишина, воспоминания, гармония прекрасной, гигантской и вечной Природы, бесконечность Красоты, красота страдания, тоска восторженных мучений, отчуждение и одиночество личности*), которые являются повторяющимися и смыслообразительными в едином тексте цикла, а также несомненную **музыкальность** всего цикла, явленную в ритмико-интонационном и композиционном рисунке цикла.

Литература

- Бальмонт К. Собрание стихов в 2-х томах. М., т.1, 1904 г.
Блок А. К.Д.Бальмонт. Собрание стихов (1905) \ Блок А. Собрание сочинений в 8 т., Т 5. М.1962.
Куприяновский П.В. Поэт с утренней душой. М.,2003 г
Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont/ Köln;Wien/ 1988.
Орлов В. Бальмонт. Жизнь и поэзия \ Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л.,1969.
А.Ханзен-Лёве Русский символизм. Система поэтических мотивов. СПб, 2003.

ОБРАЗ ВОСТОКА В «ПЕРСИДСКИХ МОТИВАХ» С.А. ЕСЕНИНА

Восточная тематика всегда привлекала внимание европейских писателей. Произведения многих знаменитых поэтов пронизаны экзотикой востока. Это и «Западно-восточный диван» И.В. Гёте, и восточные стихи А.С. Пушкина, и «Крымские сонеты» А. Мицкевича... Русская литература, сохраняя свою национальную самобытность, тем не менее постоянно проявляла интерес к мировой культуре, она открыта для межкультурного диалога, готова творчески осмыслить и воплотить ценности и традиции иных стран, в частности, мусульманского востока.

Обращаясь в цикле «Персидские мотивы» (1924-1925 гг.) к традициям восточной поэзии, изображая природу, образ жизни, характеры, С.А. Есенин осмысляет их по-новому. Во-первых, Персия ему представляется экзотическим и идеальным царством прекрасного: красоты, неги, наслаждения, поэзии. Во-вторых, в восприятии восточного колорита он, безусловно, ориентируется на романтическую традицию русской поэзии, на творчество Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского и др.

Целью данной статьи является анализ образа востока, представленного в лирическом цикле «Персидские мотивы». Мы рассмотрим особенности воплощения художественного пространства в стихах цикла, проблему сопоставления нравственных и эстетических ценностей в свете межкультурных различий и осмысление Есениным традиционных восточных поэтических образов.

Пространственная картина мира видится Есенину в стихотворениях цикла насыщенной деталями разного рода. Так, в текстах мы встречаем немало конкретных топонимов, географические названия вылетают в описание особенностей быта и различных видов деятельности жителей востока. Среди топонимов, заметим, Есенин выбирает основные, менталитетно значимые: Персия («Хороша ты, Персия, я знаю»), Тегеран (поэт наслаждается «синими цветами Тегерана»), Хороссан и Шираз («Подарю я шаль из Хороссана / И ковер ширазский подарю»; «В Хороссане есть такие двери», «сады и стены Хороссана», «Как бы ни был красив Шираз...», «Лунным светом Шираз осиянен»); Босфор («Никогда я не был на Босфоре») и т.д.

Отметим, что упоминание о Тегеране, в то время еще совсем недавно ставшем столицей страны, единично, в то время как географические названия, связанные с «памятью культуры» (Хороссан – родина Фирдоуси и Хайяма, Шираз – родина Гафиза), встречаются в есенинских текстах гораздо чаще. Именно они и определяют сущность представлений поэта о далеком «шафранном рае», о «голубой родине Фирдоуси». Прямую номинацию географических реалий дополняет большое количество метафор, иносказательных описаний Персии, которая ви-

дится поэту необыкновенной, прекрасной, загадочной и неведомой страной.

В воссоздании восточного колорита лирического цикла важную роль играют безэквивалентные реалии, помогающие насытить картину зримыми, конкретными деталями. Например, это чайхана и чайханщик из стихотворения «Улеглась моя былая рана...», красный чай как основной напиток для посетителей чайханы, что непривычно для русских:

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощаем меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Примером безэквивалентной лексики может служить и название денежной единицы – тумана – в стихотворении «Я спросил сегодня у менялы, / Что дает за полтумана по рублю...» К подобным реалиям следует отнести и черную чадру, образ которой встречается в ряде стихотворений цикла.

Конкретные детали пространственной картины мира в есенинских стихотворениях влетают в обобщенный, яркий и неповторимый образ Персии. Эмоциональной доминантой этого образа, думается, можно считать удивленное восхищение, интерес, стремление познать неведомый, загадочный мир. Поэтому следует обратить внимание, в частности, на цветовую гамму данного образа.

Доминируют в стихах цикла синий и голубой цвета, характерные для есенинской пейзажной лирики. В «Персидских мотивах» немало описаний вечерних и ночных сада, моря, лунного сияния:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем...
Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чаши.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий...
Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.
Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой...

В картинах восточной ночи поэт передает атмосферу волнения, сладкой неги, упоения красотой природы: свет луны озаряет сады и стены Хороссана, цветы в тихой чаще и лепестки розы разговаривают с поэтом, а молчащие ночью кипарисы предстают гордой ратью, поднявшей головы к небу (стихотворение «Отчего луна так светит тускло...»). Как видим, Есенин обращается здесь к своему излюбленному приему –

олицетворению, в высшей степени свойственному его пейзажной лирике. Но здесь данный прием носит более отвлеченный характер, лирический герой выступает как созерцатель, наслаждающийся красотами пейзажа и в то же время ощущающий дистанцию, отстраненность, отсутствие единения с восхитительными, но неродными для него объектами природы.

Художественное пространство цикла построено на приеме антитезы, «голубой да веселой стране» противопоставлен «далекый синий край»: Россия, рязанские раздолья, север, поле, волнистая рожь при луне. Образ России может даже сопровождаться сниженными, «непозитивными» деталями («При луне собачий слышу лай», «В Персии такие ж точно куры, / Как у нас в соломенной Рязани»). В целом же он для автора – самый родной и близкий: «Сердцу снится страна другая», «... луна там огромней в сто раз, / Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздольий».

Таким образом, для Есенина восприятие Персии основано на приобщении к традициям поэтической классики Востока: Хороссан и Шираз символизируют творчество Фирдоуси, Хайяма, Гафиза, Багдад ассоциируется со сказочной традицией, с песнями Шахразады, и в целом этот мир в художественном контексте есенинской лирики противопоставит России, «рязанским раздольям».

Весьма эмоционально Есенин оценивает определенные традиции Востока. Так, образ «черной чадры» встречается в ряде стихотворений цикла. От наиболее «деликатных» упоминаний («Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой») поэт переходит к явной критике этого обычая: «Мы в России девушек весенних / На цепи не держим, как собак...» Данное стихотворение современный иранский переводчик даже «исключил» из состава цикла как «неполиткорректное»: он уверен, что такой текст в Иране воспримут с возмущением.

В другом стихотворении Есенин шутивно упоминает о вымышленной героине: «Незадаром мне мигнули очи, / Приоткнув черную чадру». Свообразная шуливая игра, которую описывает поэт, позволяет ему приобщиться к миру персидских традиций через вымышленный сюжет – общение лирического героя с простыми людьми, познание мира благодаря человеческим взаимоотношениям. Видимо, поэтому автор вводит в стихи цикла женские образы: это и прекрасная Лала, и Шаган («милая Шага»), и Гелия, и задумчивая перс. Восточные красавицы предстают загадочными, поэтичными, нежно любящими, хотя в сердце поэта их затмевает память «о дальней северянке».

В основе любого художественного произведения теоретически лежит определенная сумма впечатлений автора, в той или иной мере постигнутого и воплощаемую им действительность. Для Есенина, как и для всякого другого подлинного поэта, эта действительность, разумеется, не сводится лишь к реалиям и обстоятельствам жизни конкретной восточной

страны. Образный мир своего лирического цикла он постигал и в Востоке «книжном», в огромном поэтическом мире персидской классики, близком и его влюбленному сердцу, и глубокому уму стихийного философа-гуманиста, и его скитальческой судьбе поэта, чья жизнь «за песню продана». Есенин по-своему «учится» у персидских лириков, стремясь сделать их мир и своим миром и сблизить свое миропонимание с их миропониманием. Поэт то отстраняется от них, чтобы с большей дистанции увидеть общее, то приближается к ним, чтобы уловить детали.

Лирический герой цикла претерпевает определенную эволюцию: из веселого насмешника, готового увести цветущую розу из хозяйского сада, и обличителя персидских старинных нравов он превращается в восточного Путника, ищущего истину и, согласно традициям восточной поэзии, обретающего ее в любви. Такой путник предстает личностью, находящейся в постоянном поиске и движущейся (не столько в пространстве и времени, сколько в мире собственного познания или подсознания) к желанной цели, к обретению истины. Движение мысли и чувства при этом не замкнуто строгими логическими формами «западного» стиха, а выражено свободной, переливчатой «песней». Для такой песни характерны медлительные повторы, движение по кругу, нарушающее логическую последовательность развития идеи, останавливающее действие в угоду прихотливой форме. Подобные лирические приемы помогают и нам остановиться, сосредоточиться на главном, открыть для себя красоту, многообразие, внутренние связи мира и личности, воспринятые в их противоречивом и целостном единстве.

Есенин с помощью интуиции художника, безусловно, ощутил эту специфику восточной поэзии и уловил те возможности, которые она открывала перед поэтом ориентальной темы, к тому же обладающим столь ярким темпераментом и особенным эмоциональным складом. Так, в стихотворении «Воздух прозрачный и синий...» символический образ Путника («Путник, в лазурь уходящий») становится центральной фигурой всего произведения. Этот образ сопровождается обильным употреблением различных форм глаголов движения («выйду», «уходящий», «дойдешь», «пройдешь»), которые вначале воссоздают достаточно динамичную картину странствия лирического героя.

Во второй и третьей строфах пространственное движение Путника замедляется: повествование сменяется описанием открывающегося перед ним пейзажа. В его дивной красоте Путник и находит высший смысл, ту истину, которую он ищет. Нежность созвучий, цепочки аллитераций и ассонансов третьей строфы передают ту удивительную жажду гармонии с миром, которая отличает восточных классиков и во многом определяет смысл их лирики.

Шепот ли, шорох ли, шелест —

Нежность, как песни Саади.

Вмиг отразится во взгляде

Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Жажда гармонии с миром и с самим собою предполагала, что поэт отдает предпочтение внутренней жизни сердца, а не логике разума, поискам истины в любви, а не в рациональном знании. И дальнейшее странствие есенинского путника, протекающее уже в его фантазии, закономерно ведет его к некоему искомому пределу в духе тех самых «песен Саади»: любовь становится для него одновременно и высшей истиной, и пределом пути, и концом путешествия:

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана...

<...>

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.

Впрочем, представление о «конце пути» предстает иным в контексте всего цикла. Единичное обретение истины и счастья предполагает в то же время бесконечность поисков, последующее отрицание смысла, достигнутого путником в данный момент. В стихотворении «Глупое сердце, не бейся!» содержится внутренняя полемика с названным выше, но она не предполагает отказа от прежней истины, а лишь расширяет ее понимание, делая путь к истине полным диалектического поиска, сомнений, разочарований и постижения вечной мудрости.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.

Стихи из «Персидских мотивов» лишены строго логической связи, четкой последовательности развития мысли и эмоции, – «глупое сердце» поэта мечется в поисках счастья, то падая в бездну отчаяния, то надеясь на обретение желанной судьбы. Эти постоянные взлеты и падения, внутренние противоречия, «безначальность» и «бесконечность» стихотворений, начинающихся и кончающихся нередко одинаковыми строками или содержащими внутренние повторы, калейдоскопичность ассоциативных образов – все это не «заимствование», а впитанный и переосмысленный Есениным эстетический опыт художников того самого Востока, который становится воображаемой и воссозданной средой для развития характера лирического героя «Персидских мотивов».

Особое внимание следует уделить роли образов соловья и розы в поэтике есенинского цикла. Эти иносказательные символы любовных переживаний являются доминантой лирики Востока, символизируют влюбленного юношу и сдержанную в своих чувствах красавицу, которой соловей посвящает вдохновенную песню.

В русской лирике образы соловья и розы определенно вызывают ассоциации с поэзией Востока, но дополняются иными мотивами. Так, в

стихотворении Пушкина «Соловей и роза» в соловье воплотились размышления о судьбе поэта, поющего во имя холодной красоты, но не чувствующего отклика, не находящего понимания. В поэме Блока «Соловьиный сад» данные образы олицетворяют определенную жизненную позицию и воспринимаются как воплощение эстетически прекрасного, гармоничного мира, который при этом глух к суровой реальности, безразличен к судьбам простых людей.

В есенинских «Персидских мотивах» соловьи и розы также «наседают» восточные сады и символизируют эстетический идеал классической поэзии Ирана. В контексте некоторых стихотворений эти образы обретают различные смыслы. Так, чаще всего роза – характерная деталь пейзажа страны, где это цветок создает особую атмосферу умиротворенного счастья:

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.

Изобилие роз воспринимается лирическим героем как явление, свойственное экзотической, идеальной южной природе: «Тихо розы бегут по полям», «В Хороссане есть такие двери, / Где обсыпан розами порог...»

Образ розы выступает и в иносказательной функции, олицетворяя красоту героиню ряда стихотворений: «Много роз цветет в моем саду. / Незадаром мне мигнули очи...», «Красной розой поцелуй веют, / Лепестками тая на губах». Так поэт изображает любовную страсть, свидание или томление героя.

Образ соловья в «Персидских мотивах» становится продолжением пушкинской традиции: эмоциональные и творческие переживания поэта воплотились в есенинском соловье. Его песня – страдание и надежда на счастье, творческие муки и стремление к гармонии.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся.

В последнем стихотворении, «Голубая да веселая страна», образы соловья и розы становятся лейтмотивом и обобщают основную проблематику всего цикла. Образ соловья, поющего для розы, символизирует поиск духовной гармонии, отображает взаимоотношения лирического героя и героини, связывается с размышлениями Есенина о поэте и поэзии.

Приобщение к Востоку подарило поэту то, чего так жаждала его душа, вылеченная «синими цветами Тегерана», – обретение чувства гармонии («Улеглась моя былая рана»). Знаменательно, что именно эта вращающаяся символика синего цвета, ранее ассоциировавшаяся с самым

дорогим, что связывало поэта с Россией, в данном цикле дарована экзотическим пейзажам и орнаментальному колориту Востока.

Образ лирического героя «Персидских мотивов» шире личности и автора цикла, и «ласкового уруса», и восточного поэта, каким он представляется в стихотворении «Воздух прозрачный и синий...». В этом образе постоянно изменяется исторический и национальный облик героя, он наделяется различным жизненным опытом и разными чертами характера. Но остается неизменным то, что всегда свойственно Человеку: вечное стремление к счастью, вечный поиск отзывчивого сердца, непреходящее желание любоваться красотой мира. Диалектика целостного художественного характера, чье миропонимание основано на сознании связи времен, и привела Есенина к восточной лирике. Именно в ней автор цикла нашел исторические истоки размышлений о вечных истинах, уже найденных и им самим, – истоки, давшие ему возможность постигнуть единство и связующие нити человеческого мира, прошлого и настоящего, Востока и Запада.

«Персидские мотивы» – это и есть связь времен, основанная на осознании роли национальных шедевров, воплотивших, при всем их различии, ту общность, которую можно выразить словами Фета: «То, что вечно, – человечно». Именно она определила цельность всего есенинского цикла – тот западно-восточный синтез, что обнаруживается не во внешнем сходстве с поэзией восточных классиков, а во внутреннем слиянии с их миром, взятым, конечно, не «в цитатах», а в главном, гуманистическом его измерении. Поэтому и трансформация образа героя – это лишь одно из звеньев глубокого есенинского взаимодействия с восточной лирикой, перевоплощения в личность словно бы иную по манере выражения мысли, но сохранившую и ту же жажду бытия, и веру в достижение счастья, и душу, открытую восприятию прекрасной природы.

Глубокое проникновение Есенина в поэтику восточной культуры обусловлено духовной отзывчивостью музы лирика, ее чуткостью к общечеловеческим проблемам. Музыкальность и напевность как важнейшие черты есенинской поэзии обретают новые качества. Мелодический рисунок становится сродни бесконечной волне восточного орнамента, изысканности и трепетной воздушности живописного узора.

Рассуждения лирического героя на нравственно-философские темы в «Персидских мотивах» близки мирозерцанию восточных поэтов. Их объединяет ощущение радости бытия на грешной земле, красоты природы и счастья, наслаждения простыми и понятными моментами человеческой жизни, имеющей свой предел, но и бесконечной, рождающей прекрасное изумление, сознание необходимости радостного восприятия всего, что она приносит человеку. Мудрость жизненного опыта, которым делились в своих поучительных выводах восточные поэты в аллегорических и иронических иносказаниях средневековых рубай и газелей, созвучна мироощуще-

нию русского поэта XX века, убежденного, что глубинная жизнь человеческого сердца всегда лежит в основе подлинной поэзии.

Тема поэта и поэзии, лежащая в основе есенинского лирического цикла, проникнута мыслью о всечеловеческом единстве настоящего творчества, о глубинном взаимопонимании, о личностях одаренных, гуманных, мудрых. Не случайно, вспоминая нежные «песни Саади», Есенин в другом стихотворении, где речь идет о его собственных стихах, почти дословно повторяет данную формулу: «нежностью пропитанное слово». Это внутреннее ощущение близости художественного строя своей песни и стихов персидского поэта не случайно. Как и в любовной лирике восточных классиков, тема песни и образ лирического героя-поэта постоянно присутствуют в текстах, нередко даже вытесняя тему любви.

Во многих стихах цикла Есенин обращается к образу песни, в котором воплотилась для него тема поэтического творчества. Так, в стихотворениях 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14 и 15-м внимание поэта сосредоточено на одухотворенном и изысканном образе песни: «Спой мне песню, моя дорогая, / Ту, которую пел Хаям», «Нежность, как песни Саади», «Далеко-далече там Багдад, / Где жила и пела Шахразада», «Про тебя на родине мне петь», «Запевая, обо мне подумай, / И тебе я в песне отзовусь», «Быть поэтом значит петь раздолье», «Все на этом свете из людей / Песнь любви поют и повторяют», «Он бы пел нежнее и чудесней...», «...И на любовь ответит / Песнею соловьиной», «Пусть вся жизнь моя за песню продана». Заметим, что песни для Есенина ассоциируются с нежностью, любовными переживаниями, которые объединяют людей разных эпох и национальностей. Древние персидские поэты и герои их произведений так же слагают и исполняют песни, как и лирический герой цикла. Тема песни, как правило, выносится Есениным в конец стихотворения, что говорит о значительности сказанного в предыдущих строфах и служит своеобразным обобщением, выводом. Эту особенность эстетики и поэтики древних лириков Востока, отражающую движение мысли от внешних впечатлений и событий к самому себе, к постижению сути своих переживаний и подлинных духовных ценностей, Есенин отразил в «Персидских мотивах».

В цикле «Персидские мотивы» Есенин сосредоточен не на любовном страдании, а на умении любить, на любви как жизненной философии. Поэтому он и приходит к философскому осмыслению жизни через любовь ко всему существующему на земле: к людям, природе, красоте, поэзии, жизни.

В цикле «Персидские мотивы», таким образом, воплотились самобытные творческие поиски поэта, через приобщение к восточной культуре он не только отразил новые грани своего гуманистического мирозерцания, но и развил сложившуюся в русской литературе традицию изображения Востока.

**СТАНОВЛЕНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОГО СТИЛЯ
В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В.Н. Топоровым было введено понятие петербургского текста: это «своего рода «греза о грезе», принадлежащая «к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического». Топоров, приравнивая петербургский текст к теме Петербурга, пишет о критериях выделения в русской художественной литературе петербургского текста: «Один из наиболее простых и объективных – способы языкового кодирования основных составляющих Петербургского текста» [Топоров 2003:7, 60].

В качестве примера приводятся фрагменты «петербургского словаря» Ф.Достоевского, куда включены названия внутренних состояний человека, показатели модальности, имена природного мира и культуры, предикаты, средства выражения предельности, фамилии, имена и числа, «элементы метаописания», под которыми преимущественно имеются в виду метафоры.

Исследование петербургского текста демонстрирует, что в нём по существу исследуется концепт Петербурга в русском художественном, но также и в повседневном языковом сознании.

В самом деле, начиная с известной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, под концептами имеют в виду единицы, в которых мы мыслим о мире и исходя из которых действуем в нём [Lakoff, Johnson 1980]. В естественном языке, – пишут Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, – экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность [Булыгина, Шмелёв 1997:15].

По аналогии с Топоровым считаем возможным ввести в научный обиход понятие венецианского текста в русском поэтическом дискурсе.

В настоящей статье мы рассмотрим становление венецианского текста и поэтическую концептуализацию Венеции в первой половине XIX века.

Венецианский текст русской поэзии формируется и развивается на протяжении XIX-XX вв. [Ревзина 2001:184].

Предпосылками для возникновения венецианского текста в русской поэзии служат многочисленные очерки и рассказы о путешествиях в Венецию, начиная уже с середины XV века. Своего рассвета жанр путешествия достиг в XVII веке. Это были как анонимные авторы, так и высокопоставленные лица, религиозные представители, дипломаты.

В путевых очерках Венеция упоминается как географическая единица, однако, в одном тексте-послании Максима Грека содержится притча, характерная для Венеции XVI века, признанной «царицей морей». В первой половине XVIII века венецианская тема присутствует в пьесах и комедиях, которые часто являлись переводами с итальянского. Первые стихотворные тексты, в которых встречается имя Венеции, появляются в середине XVIII века в произведениях известных поэтов (В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.И. Хемницер, М.Н. Муравьев).

Первым обращением к венецианской теме можно считать трагедию М.М. Хераскова «Венецианская монахиня» 1758 года, действие которой происходит в Венеции и основано на реальных фактах. Эта трагедия вызвала появление эпиграммы И.И. Хемницера «На трагедию Венецианская монахиня» и басни А.П. Сумарокова «Посол осёл». В 1780-е годы М.Н. Муравьевым написана басня «Зеркало», где не только прямо называется Венеция, но также говорится о зеркале, одном из первых значимых признаков образа города на воде. В басне Муравьева образ зеркала является не просто бытовой деталью. В этой басне происходит момент рождения одной из главных составляющих концепта Венеции. Мотив венецианского зеркала развивался потом в русской поэзии на протяжении XIX века и прочно закрепился в XX веке, получив особый статус со всеми его метафорическими модификациями. Зеркало в сопряжении со стеклом, с водой и со светом становится устойчивой метафорой русской поэтической венецианы. Это определяет два постоянных и крайне важных признака Венеции: призрачность и прозрачность.

Эволюция венецианского пратекста довольно прочно сопряжена с творчеством Гёте, первые произведения которого стали известны в России в конце XVIII века.

Важной вехой в процессе зарождения русского венецианского текста стало появление известного стихотворения Гёте «Кто знает край...», которое переводилось в начале XIX века В.А. Жуковским. А вольный перевод Жуковского в свою очередь вдохновлял А.С. Пушкина и ряд других знаменитых поэтов. На становление русской венецианы в начале XIX века также сильно оказали влияние романтические произведения Байрона и его жизнь. Всё это и послужило базой для прорастания венецианского текста в русской культуре в XIX веке.

Венецианский текст формируется в первой половине XIX века. В этот период появляются многочисленные стихотворения, связанные с венецианской темой: «Мина» В.А. Жуковского; «Адриатические волны...» (из «Евгения Онегина»), «Ночь светла; в небесном поле...», «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Кто знает край, где небо блещет...», «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...», «Когда порой воспоминанье...», «Влах в Венеции» А.С. Пушкина; «Смерть Байрона» В.К. Кюхельбекера; «Венецианская ночь», «Над тёмным заливом, вдоль

звучных зыбей...» И.И. Козлова; «Гондольер и поэт» В.И. Туманского; «Гондольер», «Венеция» Д.П. Ознобишина; «Италия» Н.В. Гоголя; «Венеция», «Венеция! О, как прекрасна ты,...!» (из поэмы: «Джюлио») М.Ю. Лермонтова; «Баркаролла», «Италия» Е.П.Ростопчиной; «Полдень в Венеции» Е.И. Зайцевского; «Венеция» И.П. Мятлева; «Гондольер» Ф.А. Кони; «Байрон в темнице» П.А. Габбе; «Италия» В.Г. Бснедиктова; «Ночь и синьора» Н.Ф. Щербины; «Старый дождь» Н.В. Майкова; «М.П.Я-Й» А.Н. Плещеева; «Октавы», «Баркарола» Л.А. Мея; «Венеция ночью» А.А. Фега; «Венеция» Ф.И. Тютчева; «Венеция», «Ночь в Венеции», «К Венеции», «Венецианке», «Царица красоты», «Гондола», «Баркаролы», «К лагунам, как frutti di mare,...», «Фотография Венеции», «Santa Elena», «La biondina in gondoletta», «На Canal grande лежи, миссы...», «По мосту, мосту», «Giardino public», «Красавица Венецию забыла,...», «Эсмеральда» (Воспоминание о Венеции), «Старый гондольёр», «Златом и лазурью нежной...», «Накинуть на гондолу фельце...» «Пожар на небесах – и на водах пожар...», «Прелестный край! Над светлой Brentой...» П.А. Вяземского (здесь перечислена только часть стихотворений поэта).

Каждый поэт внёс свой вклад в венецианский текст. Таким образом, в первые десятилетия XIX века складывается особый венецианский словарь, определяются темы, сквозные мотивы, смыслы и устойчивое «собственно-русское» отношение.

Русский поэтический венецианский дискурс первой половины XIX века зародился вне эмпирического соприкосновения с водным городом. Для русских поэтов того времени Венеция есть ещё только чистая идея, чистый образ, выраженная в поэтическом слове мечта, для некоторых – недостижимая, для других – с надеждой на осуществление. Это душевное состояние и отражено в венецианском тексте при его рождении в начале XIX века.

Это особенно заметно в творчестве двух поэтов, А.С. Пушкина и И.И. Козлова, стоявших у начала развития русской поэтической венецианы. Венецианский текст начинает наполняться смыслами, связанными с романтической эпохой. В 1825 году в журнале «Полярная звезда» было опубликовано стихотворение И.И. Козлова «Венецианская ночь. *Фантазия*», в любовной интриге которого отразились, по мнению комментаторов, эпизоды из жизни Байрона в Венеции. Стихотворение Козлова имело немалое значение для формирования языка поэтической венецианы, оно важно потому, что осуществляется концептуализация образа Венеции через применение новых значений. С Козловым в русский венецианский текст входят слова, ставшие потом главными его составляющими: *гондола*, *баркарола*, *Брента*, *Торкватовы октавы*, *венецианская почва*, *венецианская луна*, и, кроме того, в него прочно входят мотивы красоты, любви и смерти.

Стихотворение Козлова не содержит описания городского пространства города Венеции, в нём преимущественное внимание уделено природному миру и романтически понятому любовному чувству. Поэт для этого пользуется в полной мере внутренне гармоничным поэтическим языком 20-х годов, основанным на элегическом словаре. Обращают на себя особое внимание словосочетания, характеризующие венецианский пейзаж: *свод лазурный, миртов шёпот, пар душистый, как нега страстная, томный ропот, лёгкий ветерок, серебристый ток, нежная баркарола, сердце пламенное* и др., передающие субъективное состояние и восприятие.

В тексте Козлова утверждается ещё одна важная для венецианского текста тема – эта тема поэта и того особого сюжета, который можно обозначить как «поэт и Венеция» и «поэт в Венеции», при этом, в соответствии с традицией, поэт именуется *певец*. Стихотворение Козлова имело большой успех, первые три его строфы были положены на музыку М.И.Глинкой, и таким образом венецианский текст получает распространение не только через книгу, но и через музыку и пение.

Тема поэта, олицетворяемого певцом, будет развёрнута Пушкиным в двух стихотворениях: «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Посдем, я готов; куда бы вы друзья...», где поэт не только поёт, но и ещё именуется *ночной гребец*. Первое стихотворение является разработкой известной элегии А. Шенье, где Пушкин, отступая от подлинника, добавляет собственные штрихи. Образ Венеции – «царицы моря», нарисованный А.Шенье, Пушкин преобразует в «царствует Венеция златая» (у А.Шенье Венеция – «царица моря»), а Пушкин переосмысливает этот образ: «царствует Венеция златая.» Это явный признак того, что создаётся пластический облик Венеции и, что главное, ёмкий эпитет *Венеция златая*, синкретично передающий и красоту, и цвет, и богатство, прочно войдёт в венецианский текст. Пушкин придал венецианской теме неповторимую индивидуальность. Особенно это видно в начальных строках XLIX строфы первой главы «Евгения Онегина», написанной в 1823 году и впервые изданной в 1825 году. Эти строки, которые вошли в коллективное языковое сознание, стали эпитафией к стихотворению Вл. Ходасевича, названному «Брента» и написанному в годах 1920-1923. В этих строках представлены стержневые темы русской венецианки: *морская Венеция, таинственная гондола, венецианская ночь, Венеция как источник человеческого и собственно поэтического вдохновения, любовь, связь с Байроном, красота Италии и итальянского языка.*

Концепт Венеции уже настолько прочно работает в подсознании, что Венеция может не называться, но однозначно определяться по венецианскому словарю. Об этом свидетельствует незавершённый отрывок «Ночь тиха, в небесном поле...», где Пушкин обозначил сюжет о дожде и догарессе, который не раз подхватывался поэтами в течение XIX и XX веков. Впоследствии попытку дописать незавершённый отрывок Пуш-

кина будет предпринята А.Н. Майковым, В.Ф.Ходасевичем и другими поэтами.

В данной отрывке важно отметить появление слова «догаресса» как пушкинского неологизма и эпитета «Веспер золотой». В XX веке Мандельштам в своём венецианском стихотворении будет употреблять слово «Веспер» в значении «вечерняя звезда» в предложении: «Чёрный Веспер в зеркале мерцает...»

Ещё одним подтверждением тому, что становление венецианского текста русской поэзии освящено именем Байрона, являются стихотворение «Венеция» и поэма «Джюлио» М.Ю. Лермонтова. Венецианский текст у Лермонтова организован на романтическом воспевании природы и любви, в нём представляются венецианские реалии: *гондола, баркарола, гитара, венецианская ночь* в дань поэтической и живописной традиции. У Лермонтова впервые мы находим прямое обращение к Венеции, утверждающее её красоту в целом: «*Венеция! О, как прекрасна ты...*» и проникновение в городскую среду: упоминаются *влажные улицы, карнавал, маска, маскарад* а также *живопись*, которая *дышала на стенах*.

Поэтическое воспроизведение венецианского пейзажа у Лермонтова осуществляется на основе традиционного русского языка. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что, помимо открытого вхождения я-субъекта как создателя текста в венецианское пространство, реализуется некая попытка снижения венецианской темы. Это явление, которое только приоткрывается у Лермонтова, оно выглядит боковым и малозначимым, но на самом деле оказывает самое решительное воздействие на дальнейшее развитие венецианского текста во второй половине XIX века.

В первой половине XIX века русский венецианский текст продолжает быть данью поэтическим традициям, лишённым стилистических сниженностей, в качестве «поэтического импульса» служат не собственные впечатления, то есть не внеязыковый мир, а текст, и влияние романтических произведений Байрона. Главными составляющими венецианского дискурса являются природное пространство, любовные мотивы, фигура певца-поэта, венецианские реалии привлекаются в объёме этой тематики, и «венецианский колорит» неизменно сопровождается позитивным и эмоционально-взволнованным отношением.

Ко второй половине XIX века венецианский дискурс русской поэзии вобрал в себя новые смыслы и символы для выражения восприятия поэтами города Венеции.

С произведением Д.Н. Ознобишина: «Гондольёр. *Венецианская баркарола*» 1840 года входят в языковой состав венецианского текста ключевое слово *гондольёр* и словосочетание *Мост Риальто*, представляющее одну из венецианских реалий, которая станет одной из главных составляющих венецианского текста. Стихотворение важно ещё тем, что оно наглядно демонстрирует ещё один аспект венецианского текста

– поэтическую передачу разного рода преданий и легенд, связанных с Венецией.

Особое место занимает множество поэтических текстов П.А. Вяземского.

Несмотря на то, что они были написаны на протяжении 50-ых годов, эти стихотворения по своей поэтической идеологии и поэтическому языку должны быть отнесены скорее к начальному этапу становления венецианского текста.

Стихотворения Вяземского начинают появляться с 1853 года, и на протяжении 11 лет поэт пишет 41 стихотворение. Такой плодотворный труд означал очень много для расширения словаря венецианского текста.

С Вяземским укрепляется в поэтическом дискурсе венецианская метафизика, или литературный импрессионизм, через который осуществляется восприятие венецианского топоса. Многие его стихотворения представляют собой своеобразный поэтический путеводитель по Венеции, включающий все характерные для путеводителя темы: географическое расположение, структура городского пространства, общий вид города и повседневная городская жизнь, типажи, история, культура, венецианский герб, красота Венеции. В том, как раскрываются эти темы, можно видеть продолжение и дальнейшее развитие венецианского текста.

Первое же определение «город чудный» вводит одновременно тему красоты Венеции, её «чуждости» и её уникальности. Именно уникальность Венеции становится неизменным составляющим её концепта. И для того, чтобы лучше иллюстрировать эту тему, Вяземский выстраивает разветвлённую метафору, в которой море осмысляется как суша, здания – как горы, а город – как дом. В лексическом составе стихотворений Вяземского представлены главные доминантные точки венецианского топоса: Сан-Марко, Дворец дождей, Мост Воздыхов, Риальто, Пьяцетта, Салуте, крылатый лев. Причём реалии Венеции описываются с внесением собственно итальянских наименований: «*факин*» (носилищик), «*принчипесса*» (княгиня), «*сорбетты*» (шербетты). Итак, с Вяземским входит в венецианский текст внешняя точка зрения, выражающая мироощущения и мировидения большой человеческой общности, и она присоединяется к внутренней точке зрения, к настоящему чувству и эмоциональному восприятию. Наконец следует ещё отметить, что язык венецианских стихов Вяземского явно носит отпечаток времени, а именно 40-70-ых годов, когда в России демократически настроенная часть общества живо откликнулась на национально-освободительное движение итальянского народа, итальянская тема не сходила со страниц публицистических и критических изданий, бурно переводились произведения эпохи Возрождения и писались серьёзные труды по итальянскому искусству. Легко прослеживается в языке венецианских стихотворений Вяземского влияние общего движения к демократизации сти-

хотворной речи 40-70-ых годов XIX века. После Вяземского поэтический венецианский дискурс приобретает новые черты.

Языковой состав словаря венецианского топоса значительно расширяется с появлением стихотворений о Венеции А.А. Фета и Ф.И. Тютчева в 40-50-ые годы. В венецианское пространство Фета входит город, и, как у Ознобишина, мы встречаемся с мостом Риальто, но, что примечательно, у Фета появляется и тем самым входит в венецианский текст главный символ Венеции – лев святого Марка. У Фета венецианская тема разрабатывается близко к Козлову. Об этом говорят уже названия: «Венецианская ночь» – «Венеция ночью». У Козлова из деталей ночного пейзажа несколько раз по ходу стихотворения выделяются *луна* и рождаемый ею *серебристый свет*.

С лушого света начинается и стихотворение Фета, при этом дважды подчёркивается та же, что и у Козлова, цветовая гамма. Метафорическая перифраза *царица моря*, которая уже закрепилась в русском венецианском тексте, становится в стихотворении Фета естественной и неотъемлемой номинацией, она актуализирована метонимической связью со спящей ночью Венеции. Образ льва закрепляется несколько лет спустя у Тютчева, который представляет его как синекдоху. В стихотворении Тютчева словосочетание *львиное крыло* приобретает как прямое, так и переносное значение, соотносясь с политической и культурной ролью Венеции. Метонимический способ обозначения, при котором основная смыслообразующая функция падает на прилагательное *львиный*, будет и в дальнейшем представлен в венецианском тексте, например у А.А. Блока. Итак, в середине XIX века в концепт Венеции добавляется образ льва, который станет обязательной составляющей венецианского дискурса XX века.

В 1840-1844 гг. издаётся обширная поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'отранже». В этой поэме, помимо римской части, содержится венецианская, которая в свою очередь претерпевает дальнейшее членение. Венецианские главы основаны на непосредственном знакомстве с Венецией, и прямой соотносённостью с венецианским пространством. Произведение Мятлева становится своеобразным путеводителем по Венеции, где рассказываются история города и отдельных зданий, история Венецианской республики и венецианских дождей, называются великие произведения живописи.

Момент появления венецианского произведения Мятлева является важным этапом видоизменения венецианского текста в русской поэзии: после Мятлева и вместе с ним он превращается в нравоописательный, в поэтический путеводитель по Венеции с разными субъектными модальностями. При этом осуществляется полностью «снижение» венецианской темы, в венецианский дискурс входит не только бытовая разговорная лексика, но и просторечие, в нём становится почти обязательным

введение я-субъекта, находящегося в позиции непосредственного наблюдателя венецианского локуса.

Беспримерный опыт Мятлева является важным ещё потому, что он подготовил тот новый поворот в венецианском тексте, который происходит в 50-ые годы XIX века: движение к демократизации стихотворной речи.

Литература

- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Учёные записки ТГУ. Выпуск 365. Труды по знаковым системам. VII. Тарту, 1975.
- George Lakoff and Mark Johnson. *Metaphors we live by*. The University of Chicago. 1980.
- Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.
- Ревзина О.Г. Венеция в русском поэтическом дискурсе. //Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы международной научной конференции. Часть 2. М., 2001.
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб, 2003.

АНАЛИЗ РАССКАЗА Д.МАРКОВИЧА «ЧТО МОГУ»¹ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Несмотря на то, что в настоящее время концептуальный анализ продолжает оставаться магистральным направлением современного языкознания, лингвистическая репутация термина *концепт* потеряла свой первоначальный статус.

Вероятно, чтобы понять «корень зол» неумолкаемых терминологических споров, необходимо обернуться назад и посмотреть на то, что предшествовало сложившейся ситуации. Наиболее интересной нам представляется точка зрения О.Г. Ревзиной, цикла лекций которой был посвящён сменяющим друг друга лингвистическим парадигмам XX века. Речь идёт о структурной (соссюрвской), интертекстуальной и когнитивной парадигмах, не существующих в рамках одного поля, но, напротив, являющихся как бы разными «пунктами наблюдения» языка. При этом методика одной парадигмы не может быть заимствована другой: структурная парадигма не может решить вопросы когнитивной и наоборот. Таким образом, данные парадигмы находятся не в отношениях конфронтации, как это часто принято считать, но в отношениях дополнения.

Структурная парадигма представляет язык как систему систем - единственным объектом лингвистики является язык, рассматривающийся в самом себе и для себя [Общее языкознание 1972: 37]. Ф. де Соссюр считал, что каждый отдельный язык образует замкнутую систему, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической связи, как сосуществующие статические элементы [Соссюр 1933]. Категории языка представлены как логические категории. Действующий принцип структурной парадигмы - это принцип таксономии (практика правил и исключения из правил): «в языке нет ничего, кроме различий» [Соссюр 1933]. Внимание акцентируется не на целостности языковой структуры (которая, безусловно, не отвергается структуралистами), но на её составляющих: важно «определить роль каждого элемента по его положению в целом и рассматривать каждый изолированный факт только в плане организации этого целого» [Общее языкознание 1972: 40]. Постулируется независимость языка от человека: есть определённая изначально существующая структура языка, которая имеет свою проекцию в сознании каждого человека. В структурной парадигме именно язык (не человек) - это и объект и субъект изучения одновременно.

Интертекстуальная парадигма связана с именем М.М. Бахтина, который считал, что языковое существование человека обеспечивается

¹ Ввиду труднодоступности текста ниже мы помещаем рассказ Д.Марковича «Что могу».

не системой правил языка, но языковым опытом. Интертекст – это «чужое слово», которое человек многократно слышит и воспроизводит вновь в своём собственном дискурсе. Происходит смещение интереса от системы к жизни человека, к его языковому существованию. Языковой опыт – впоследствии одна из главных категорий Дж.Лакоффа – это то, что «составляет плоть нашей культуры, [которая] уже включена в каждый акт познания-опыта» [Лакофф, Джонсон 2004: 94]. В этот период наблюдается смещение связей разных отраслей гуманитарного знания. Так, например, из социологии в лингвистику приходят такие термины, как теория аргументации, тактика, стратегия.

Когнитивная парадигма ознаменовала собой новую веку: язык объявляется теперь когнитивной способностью наряду с восприятием, мышлением, оценкой, вниманием. Происходит сдвиг лингвистики в сторону комплекса когнитивных наук, которому принадлежат, например, когнитивная антропология, философия. Категории языка теперь не мыслятся как построенные по логическому принципу. Человек в когнитивной парадигме рассматривается во всей своей целостности: как пишет Н.К.Рябцева, рациональная сфера не отделяется от всех других «субъектных» сфер (эмоциональной – внутренних психологических состояний, акциональной – поведения и деятельности, социальной – отношений с другими людьми, культурной – ценностей и приоритетов, коммуникативной – языка и речи) [Рябцева 2005].

Кто же может претендовать на роль субъекта когнитивной парадигмы? Вопрос не требует однозначного ответа, однако оригинальный вариант ответа можно получить, прослушав курс методики преподавания РКИ, в котором утверждается, что преподаватель РКИ – это такой универсальный субъект, который владеет стратегиями и тактиками лингвиста, методиста, психолога, культуролога и не только. В этом смысле преподаватель РКИ является воплощением когнитивной парадигмы. Он – «гид» иностранного учащегося, в его «путеводителе» можно найти адекватную информацию, касающуюся разных сфер гуманитарного знания.

Слово в тексте для иностранца – не просто лексема, языковой инструмент, имеющий утилитарную функцию, но окно в мир иноязычной культуры. Как правило, организация этого мира отлична от миропорядка родного языка, который не в состоянии предоставить учащемуся подходящие «ключи».

Как можно заметить, описывая вышеназванную ситуацию (преподаватель и учащийся как участники когнитивной парадигмы), мы также находимся в поле когнитивной парадигмы, так как используем «принцип наглядности» – «универсальный механизм, ставший когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей» [Рябцева 2005]. Такой способ фиксирования в языке знаний о мире (и о себе) -- обозначение сложных ненаблюдаемых явлений по аналогии с

физическими и наблюдаемыми (ср. в нашем тексте: преподаватель РКИ – гид, его методика – путеводитель, слово в тексте – окно в мир; мир языка – закрытое помещение, которое можно открыть с помощью ключей) был назван Дж. Лакоффом и М. Джонсоном метафорической концептуализацией: «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Метафорическая модель – это способ движения нашей мысли. Так, подтверждая слова Дж. Лакоффа, Н.К. Рябцева пишет: «Механизм опредмечивания не-предметных сущностей и превращение их описания во фразеологические единицы характерен для здравого смысла на любом языке именно потому, что он «здрав» – рационален, понятен, нагляден и выразителен. Но в каждой культуре он имеет свои особенности, отражающие свои наиболее типичные, привычные и всем понятные явления» [Рябцева 2005: 135].

Чтобы посмотреть на текстовую реализацию данного механизма, мы предлагаем обратиться к рассказу Д. Марковича «Что могу», который, во-первых, позволяет увидеть текстовое развитие конкретной метафорической модели «жизнь – это путешествие», а, во-вторых, понять, какую методическую ценность имеет метафорическая концептуализация при анализе художественного текста на занятиях РКИ.

Автор рассказа – Дан Маркович – наш современник. Родился в 1940 году в Таллине. По первой специальности биохимик, биофизик, энзимолог. С середины 70-х годов профессиональный художник. Писать прозу начал в 80-е. С 1997 г. редактор электронного литературно-художественного альманаха «Перископ». С 1966 г. живёт в г. Пушкино Московской области. Факт его творческой биографии играет принципиальную роль для понимания во многом автобиографичного рассказа под названием «Что могу», в котором автор, нарушая границы реального времени, описывает встречи человека с самим собой. Главный герой словно путешествует по маршруту собственной жизни: сначала он встречает себя двадцатилетнего, затем – себя-ребёнка, после – тридцатидвухлетнего и, в конце концов, себя-старика. Как мы видим, принцип хронологии не соблюдается. Возникает вопрос: каким образом прошлое и будущее раскрывается относительно настоящего? Здесь уместно обратиться к словам Чарльза Филмора о том, что в английском языке существует два способа концептуализации времени: «Первый способ предполагает такое осмысление, при котором будущее находится перед нами, а прошлое – за нами. <...> Второй способ сводится к тому, что будущее осмысляется как расположенное за нами, а прошлое – перед нами» [Лакофф, Джонсон 2004: 68]. Данное утверждение Ч.Филмора вполне справедливо и для русского языка. Так, Дан Маркович в качестве доминантного выбирает второй способ, вернее, он совмещает опи-

санные два способа. По всей вероятности, осуществить это ему удается с помощью метафоры «Жизнь – это путешествие», которая становится базовой для текста «Что могу».

Достаточно взглянуть на первую строчку рассказа: «*В путешествиях во времени случаются осечки, и путешественник встречает самого себя. Говорят, что от этого бывают большие неприятности, но я не верю*», которая сообщает нам, во-первых, о субъекте (-ах) путешествия (я-путешественник и я-встречный) и, во-вторых, о маршруте (время представлено в виде неподвижной сущности, определенной поверхности, по которой люди (путешественники) осуществляют свое движение (*Я иду – мне сорок – и встречаю себя, двадцатилетнего; – Послушай, что ты тянешь свою девушку, не даешь ей смотреть на витрины?...*)).

Таким образом задаются первые координаты, которые полноценно раскрываются в четырех диалогах главного героя-путешественника с встречающимися ему путниками. По сути, автор играет на автокоммуникации, представляя ее в эксплицитном (разновозрастные собеседники) и имплицитном (собеседники-ровесники) виде. Чтобы понять избранный Д. Марковичем «механизм», мы предлагаем следующую модель анализа четырех текстовых диалогов.

ДИАЛОГ 1

ДИАЛОГ 1.1 (эксплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я (он) – 20-летний
Субъектные характеристики	<ul style="list-style-type: none"> - седоватый человек - кое-как одетый - с лысиной во всю голову - испытывает чувство стыда (...девица, на которую не могу смотреть без стыда) 	<ul style="list-style-type: none"> - честолюбивый парень - занимает активные позиции, совершает активные действия (уходит, волооча за собой девицу)
Темы	<ul style="list-style-type: none"> ✓ личная жизнь: <ul style="list-style-type: none"> - <i>Послушай, что ты тянешь свою девушку, не даешь ей смотреть на витрины?...</i> - <i>На витрины смотреть – мецанство.</i> - <i>Тогда выбери себе другую девушку, а эту все равно не удержишь..</i> <...> <i>Он удовлетворен, уходит, волооча за собой девицу, на которую не могу смотреть без стыда.</i> ✓ наука и творчество: <...> <ul style="list-style-type: none"> - <i>Слушай, тебе не хочется рисовать? <...></i> <i>И мне нравится наука. <...></i> 	

	<p>- А может попробуешь – порисуй немного...</p> <p>- Нет, исключено.</p> <p>- Тебе нравится наука или ты хочешь стать ученым?.. <...></p> <p><i>Честолюбивый парень – хочет заниматься чем-то интересным и стать личностью, а дело... Дело всегда меньше человека. <...></i></p> <p><i>Зачем ему животись?.. Пусть будет наука. <...></i></p> <p>- А ты что сделал в науке?</p> <p>- Написал диссертацию, полсотни статей, книгу...</p>	
Декорации (фон)	улица; витрины магазинов.	
ДИАЛОГ 1.2 (имплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я – 40-летний
Реплики	<p>- Снова сплеховал! зачем парню настроение портить... <...></p> <p>- Зря ты связался с этим возрастом. Тебе нечего ему сказать. <...></p> <p>- Нет, ты попал не в то время. <...></p>	
Тема	Рассуждение о будущем себя-двадцатилетнего (Этого крокодила не свернешь, пусть сам ломает голову...)	
ИТОГ 1		
Признание коммуникативной неудачи: Тебе нечего ему сказать. Ни подтолкнуть, ни предостеречь невозможно...=> Путешествие 20-летнего, а точнее выбранный им путь, воспринимается 40-летним как ошибочный.		

Интересно, что для смены диалога Д. Маркович всегда использует один и тот же маркер: «Поворачиваю рычажок...». Таким образом возникает идея машины времени как какого-то механизма, напоминающего аппарат для просмотра диафильмов: поворачиваешь рычажок – и появляется новая картинка, новый кадр. Однако эта картинка не является чем-то отвлеченным для читателя, но, напротив – он оказывается включенным в путешествие героя с помощью машины времени.

ДИАЛОГ 2

ДИАЛОГ 2.1 (эксплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я – мальчик
Субъектные характеристики	- какой-то старик (с точки зрения мальчика), без определенной внешней характеристики)	- в плаще и кепочке

	– обладает знанием будущего (<i>Но я-то знаю...; Я из будущего</i>)	– <i>гуляет</i> у моря (=> движение совершается без определенной цели или неосознанно, что характерно именно для детского возраста) – амбициозен (<i>хочет стать «великим гением человечества»: стал бы великим писателем... или художником</i>) – <i>упрямый</i>
Тема	Выбор профессии: – <i>Ты кем хочешь стать?.. <...></i> – <i>Ты чем хочешь заниматься?..</i> – <i>Если бы мог – стал бы великим писателем... или художником.</i>	
Декорации (фон)	берег моря	
ДИАЛОГ 2.2 (имплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я – 40-летний
Реплики	– <i>Ну, <...>, куда же мне ехать, не в роддом же...</i>	
Тема	Выбор направления путешествия (<i>Ну, <...>, куда же мне ехать, не в роддом же...</i>) и осуществление этого выбора (<i>Я знаю куда</i>)	
ИТОГ 2		
Возникает пауза в путешествии (<i>Он молчит, носком ковыряет землю</i>), путешественник вынужден изменить маршрут (<i>Ну, <...>, куда же мне ехать, не в роддом же...</i>) и принимает такое решение (<i>Я знаю куда</i>)		

Поворачиваю рычажок...

ДИАЛОГ 3

ДИАЛОГ 3.1 (эксплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я – 32-летний
Субъектные характеристики	– активен, есть движение (<i>Я <u>наклоняюсь</u> к нему</i>) – обладает знанием будущего (повтор: <i>Но я-то знаю</i>)	– пассивен, не движется (<i>На раскладушке <u>лежит</u> человек</i>)
Тема	Смена деятельности: – <i><...> пора признаться себе и начинать другое.</i> – <i>Нет, просто устал, что-нибудь придумаю еще.</i>	

Декорации (фон)	полутёмная комната	
ДИАЛОГ 3.2 (имплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я – 40-летний	я – 40-летний
Реплики	<p>- Но я-то знаю – ничего он не придумает, промучается еще пять лет. А он и слушать меня не хочет... Надо исчезнуть.</p> <p>- Что-то все не ладится, не клеится – интерес пропал, что ли?.. <...></p>	
Тема	<p>Осознание необходимости изменения жизненного пути:</p> <p>- Да, пропал, пора признаться себе и начинать другое.</p>	
ИТОГ 3		
<p>Вновь появляется необходимость изменения маршрута (<i>Надо исчезнуть</i>) в связи с безуспешностью диалога (<i>Не получилось встречи</i>), и путешественник знает, каким образом изменить этот маршрут (<i>Ухожу из прошлого</i>).</p>		

Итак, представленные три диалога принадлежат плану прошлого: человек из будущего занимает активное положение относительно плана прошлого. Любопытно, что в китайском языке есть поговорка, которая может проиллюстрировать такую концептуализацию пути и времени: *Chu men san bei xiao* («Отправляешься в путь – становишься младше себя на три поколения»). Обращение к плану будущего происходит не привычным способом «*Поворачиваю рычажок*», но неминуемо через настоящее – «*Возвращаюсь к себе*». Затем сюжет развивается по первой модели Ч. Филмора, то есть будущее находится перед нами, а прошлое – за нами.

ДИАЛОГ 4

ДИАЛОГ 4.1 (эксплицитная автокоммуникация)		
Субъекты	я из настоящего	я - дряхлый старик из будущего
Субъектные характеристики	<p>- занимает позицию наблюдателя (<i>Возвращаюсь к себе, вижу – в углу кто-то шевелится</i>)</p> <p>- активен, императив, адресованный собеседнику исходит именно от него: «<i>Ах, оставь, ну, что я могу сделать? То, что делаю.</i>»</p>	<p>- шевелится (=> минимум движения)</p> <p>- что-то говорит</p> <p>- предупреждает</p>

	<i>Что пока еще могу»</i>
Тема	Гипотетическая оценка собственной деятельности 40-летнего с точки зрения себя в будущем: «Ах, оставь, ну, что я могу сделать? То, что делаю. <i>Что пока еще могу»</i>
Декорации (фон)	угол комнаты
ИТОГ 4	
Сохранение движения обеспечивает сохранение (или продолжение) жизни	

Данный рассказ имеет открытый финал: совершив путешествие по разным периодам человеческой жизни, читатель вновь возвращается в настоящее. Имплицитная автокоммуникация совершается уже между творческим «я» лирического героя и «я» автором текста. При этом происходит и имплицитная коммуникация с читателем, которому предлагается занять активную позицию, обратившись к биографии писателя.

Подобная метафоризация жизни и времени во многом универсальна для представителей разных культур. Доказательством этого факта являются результаты выполнения практического задания при анализе рассказа Д. Марковича «Что могу» в иностранной аудитории: учащимся предлагается выделить темы в данном рассказе, озаглавив их. Так, большинство учащихся выделяет такие темы, как «Путешествие», «Время», «Личность», «Наука и творчество». Это свидетельствует о наличии общей концептуальной системы, которая метафорична по своей природе: «Концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафор. Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» [Лакофф, Джонсон 2004: 27].

Наша успешная коммуникация, взаимопонимание, основанное на личном опыте, зависят от владения метафорическим воображением – «это решающая способность, позволяющая установить взаимопонимание и донести до партнера сущность индивидуальной части опыта» [Лакофф, Джонсон 2004: 247]. Данный вывод может быть проиллюстрирован сравнением европейской (и русской в том числе) и китайской концептосферы. Базовая метафора «Жизнь – это путешествие» существует как в европейских, так и в китайском языках, но интересно, что в китайском языке есть специальная лексическая единица *shen you* (буквальный перевод иероглифов: дух, душа + путешествие), которая может быть проинтерпретирована как «совершать воображаемое (в мыслях) путешествие». Подобная лексическая единица не присутствует в европейских языках. Такая специфическая черта китайского языка может быть мотивирована тем, что в китайской культуре путешествие рассматривается как средство нравственного усовершенствования [Лю Цзюань 2004: 84–86]. Однако то, что в китайском языке может быть выражено двумя

иероглифами, в русском языке может служить мотивировкой целого литературного произведения, в чем можно убедиться, читая рассказ Д. Марковича.

Таким образом, метафорическая концептуализация – это один из способов работы с художественным текстом в иностранной аудитории.

Дан Маркович

Что могу

В путешествиях во времени случаются осячки, и путешественник встречает самого себя. Говорят, что от этого бывают большие неприятности, но я не верю. Ничего плохого не случится, и хорошего тоже – просто ничего не произойдет... Я иду – мне сорок – и встречаю себя, двадцатилетнего.

– Послушай, что ты тянешь свою девушку, не даешь ей смотреть на витрины?..

– На витрины смотреть – мещанство.

– Тогда выбери себе другую девушку, а эту все равно не удержишь.

Дурак, нашел, что говорить – она нравилась мне. Я надеялся, что она поймет – наука важнее всего. Так что лучше помолчал бы... Он смотрит на меня – перед ним седоватый человек, кое-как одетый, с лысиной во всю голову.

– Ого, а у меня только начинается.

– Дальше пойдет быстро, годам к тридцати полностью облысеешь.

Снова сплеховал! зачем парню настроение портить...

– Слушай, тебе не хочется рисовать?

Он смотрит на меня как на сумасшедшего:

- Я совершенно неспособен к этому. И мне нравится наука.

- А может попробуешь – порисуй немного...

- Нет, исключено.

- Тебе нравится наука или ты хочешь стать ученым?..

Странный вопрос. Он не понимает. Честолюбивый парень – хочет заниматься чем-то интересным и стать личностью, а дело... Дело всегда меньше человека.

– Мне хочется понять причины жизни, а они в химии.

Я смотрю на него. Зачем ему живопись?.. Пусть будет наука. Зря ты связался с этим возрастом. Тебе нечего ему сказать. Ни подтолкнуть, ни предостеречь невозможно...

– А ты что сделал в науке?

– Написал диссертацию, полсотни статей, книгу...

– О-о, здорово... – он удовлетворен, уходит, волоча за собой девушку, на которую не могу смотреть без стыда. Нет, ты попал не в то время. Этого крокодила не свернешь, пусть сам ломает голову... Поворачиваю рычажок – и передо мной мальчик в плаще и кепочке, гуляет у моря. Его останавливает какой-то старик, показывает фотокарточку. Он удивлен:

– Моя... А вы кто?..

Не узнает.

– Ты кем хочешь стать?..

Он молчит, сам себе не признается. Но я-то знаю, он хочет стать «великим гением человечества».

– Ты чем хочешь заниматься?..

– Если бы я мог – стал бы великим писателем... или художником.

– Послушай, я из будущего. Тебе надо срочно начинать – пиши и рисуй. Гения не обещаю, но что-нибудь получится.

Он молчит, носком ковыряет землю. Упрямый. И не верит. А может не хочет «чего-нибудь»?.. Ну <...> куда же мне ехать, не в роддом же... Я знаю куда. Поворачиваю рычажок – и я в полутемной комнате. На раскладушке лежит человек. Ему тридцать два. Что-то все не ладится, не клеится – интерес пропал, что ли?..

Я наклоняюсь к нему:

– Да, пропал, пора признаться себе и начинать другое.

– Нет, просто устал, что-нибудь придумаю еще.

Но я-то знаю – ничего он не придумает, промучается еще пять лет. А он и слушать меня не хочет... Надо исчезнуть. Ухожу из прошлого – не получилось встречи. Ни пользы, ни вреда. Возвращаюсь к себе, вижу – в углу кто-то шевелится. Дряхлый старик, что-то говорит, предупреждает...

– Ах, оставь, ну, что я могу сделать? То, что делаю. Что пока еще могу.

Текст воспроизводится по литературно-художественному интернет-альманаху Дана Марковича «Перископ» <http://www.periscop.ru>

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах (диссертация ... кандидата филологических наук). Волгоград, 2004.

Маркович Д. Что могу // <http://www.periscop.ru>

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Ревзина О.Г. Стилистика русского языка. От языкознания к стилистике» (электронная версия)

Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.

Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933 / Цит. по Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

ИНФОРМАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ОБУЧЕНИЯ

Одной из важнейших характеристик современного курса обучения русскому языку как иностранному является его целевая определенность и коммуникативная направленность. Рамки прогнозируемой среды использования языка обучаемыми для решения ими коммуникативных задач общения определяют и отбор, и методическую организацию языкового материала курса. Однако при этом важно иметь в виду, что само понятие целевой определенности и коммуникативной достаточности следует понимать не только узко утилитарно. Естественно, что одной из главных сторон информативной направленности курса РКИ является чисто прагматическая цель – обеспечение профессионального и бытового общения учащихся, и цель эта с большей или меньшей полнотой и адекватностью отражена во всех курсах русского языка как иностранного и соответствующих им учебниках и учебных пособиях. В то же время другой не менее важной целью обучения и, следовательно, стороной информативной направленности курсов РКИ является задача обеспечения формирования страноведческой компетенции обучаемых, т.е. формирования в их сознании суммы и последовательности информативных единиц страноведческого плана (ИЕС), которые в совокупности давали бы представление о глубине и широте знакомства учащихся с реалиями русской действительности, с жизнью современной России и с ее историей.

Таким образом, одной из задач целевого курса обучения русскому языку как иностранному является отбор, методическая организация и языковое обеспечение информативных единиц страноведческого плана (ИЕС), составляющих в сумме страноведческий минимум курса. Лингвострановедческое насыщение учебного процесса тесно связано с принципом активной коммуникативности, которая, как известно, не может быть реализована без наличия у обучаемых определенного социально-исторического минимума знаний о российской действительности. Отбор и организация этого минимума не имеет жестких рамок прагматических потребностей, таких, какие наличествуют в информации по специальности учащихся или в языковых материалах, обеспечивающих бытовое общение. Они диктуются познавательными и воспитательными

задачами обучения, которые в общем виде могут быть сформулированы как задачи всестороннего развития языковой личности учащегося.

Разумеется, любой ныне действующий курс РКИ включает в себя тот или иной набор ИЕС, зафиксированный в учебных материалах курса. Однако при этом следует иметь в виду, что в этих курсах отобраны и зафиксированы в основном материалы презентации ИЕС – тексты, комментарии к текстам, иллюстрации, компьютерные материалы и т.п., которые мы, преподаватели, предъявляем учащимся. А между тем каждая ИЕС имеет, на наш взгляд, как бы три слоя. Это, во-первых, единица презентации, т.е. сумма информации по той или иной проблеме, предъявляемая преподавателем в курсе обучения. Она рассчитана в основном на восприятие и эмоциональное воздействие на учащихся в момент ее предъявления. Это, во-вторых, сумма знаний учащихся в границах обсуждаемой проблемы, т.е. объем информации по теме, которым учащийся овладевает и который, естественно, меньше материала, предъявленного преподавателем. Эти знания важны для культурного и идеологического воспитания учащихся, для познания ими российской действительности, но они не обязательно должны быть воспроизведены в речи учащихся на русском языке. Это, наконец, третья часть ИЕС, единица выдачи информации или единица обратной связи. Под ней мы подразумеваем тот объем информации по затронутой в ходе учебного процесса проблеме, который может быть реализован учащимися в продуктивных видах речевой деятельности – говорении и письменной речи. Эта информация представляет собой определенную, как правило, наиболее значимую часть того, что учащемуся известно по данной проблеме, и речь учащегося при выражении этой информации и ее интерпретации и оценке строится на лексике и структурах, специально отобранных и активизированных в ходе обучения. В соответствии с описанной структурой ИЕС языковой материал, обеспечивающий в целом одну и ту же единицу, имеет разный реальный уровень языкового прочтения, адресуется в разные виды речевой деятельности и занимает разное место в учебном процессе.

Другой стороной рассматриваемой проблемы является вопрос о том, каким общим требованиям должна отвечать каждая ИЕС страноведческого минимума, взятая в своем полном объеме.

Прежде всего, отметим, что в каждом сложившемся целевом курсе обучения РКИ ИЕС образуют такой же замкнутый ряд, как и информация, обеспечивающая прагматические цели обучения. Весь материал курса бывает четко ориентирован на последовательное поэтапное формирование определенных ИЕС. Текущая актуальная информация, а также проблемы, спонтанно возникающие в ходе обсуждений и дискуссий, не нарушают указанной закономерности, поскольку при их обсуж-

дении в ходе учебного процесса преподаватель всегда сознательно апеллирует к содержанию и направленности заранее отобранных ИЕС курса и тем самым способствует их более полному и правильному формированию.

Во-вторых, каждая ИЕС должна отвечать требованию информативной достаточности, полноты. Это значит, что материалы, обеспечивающие данную ИЕС, должны в совокупности содержать достаточно важной и убедительной информации, которая раскрывала бы содержание и идею представляемой информативной единицы. Здесь необходим строгий отбор материала, его постоянное обновление и актуальное прочтение. Неполнота или избыточность информации, ее эмоциональная перенасыщенность или излишняя сухость изложения, недостаточный или избыточный исторический ракурс, неубедительная иллюстрация, устаревшие данные – эти и подобные моменты, встречающиеся иногда в предлагаемом информативном материале, затрудняют правильность формирования информативного поля курса.

В-третьих, мы должны помнить о направленности предъявления ИЕС с учетом целей ее формирования, т.е. познавательных, воспитательных и развивающих задач курса обучения. Материалы, составляющие ИЕС, предъявляются с таким комментарием преподавателя и в таком языковом прочтении, которые формируют у учащихся определенное отношение к предлагаемой информации, помогают объективно оценить ее позитивную и негативную сторону.

В-четвертых, представляется важным обратить внимание на стадии формирования ИЕС, т.е. на определение этапов ее формирования в ходе учебного процесса. В большинстве случаев материал ИЕС включается в учебный процесс по частям на разных этапах обучения в зависимости от программы курса и языковых возможностей учащихся. При этом на начальном этапе обучения в основном имеет место накопительный фактографический материал, закладывающий фундамент изучаемой темы. На основном этапе обучения происходит процесс паспортизации информативных единиц и закладываются языковые основы оценочных комментирующих высказываний, передающих личное, собственное отношение учащихся к получаемой информации. Завершающий этап формирования ИЕС совпадает с завершающим этапом обучения. Выход в свободную коммуникацию как бы подводит итог работы в этом направлении. Существенной особенностью всего процесса формирования ИЕС является тот факт, что смысловые вопросы контроля усвоения ИЕС, которые мы предъявляем на выходе, формируются заранее в процессе подготовки курса обучения и ответы на них, как уже говорилось выше, обеспечиваются заранее необходимой языковой базой.

В-пятых, отметим, что каждая ИЕС курса имеет как бы двойное прочтение: тематическое и собственно содержательное. Содержательное прочтение включает в себя выражение позиций обучаемых по затронутым в ходе обсуждения проблемам и служит базой для составления итоговых контрольных вопросов, о которых речь шла выше. Так, материал темы «Система образования» может иметь содержательное прочтение «Реформа образования в России» и т.п.

Существенным требованием, предъявляемым к ИЕС, является учет ее национальных, возрастных, категориальных и, если можно так выразиться, психологических вариантов. Содержание ИЕС корректирует учет национального стереотипа мышления учащихся, категория и возраст обучаемых, психологический настрой группы и другие аналогичные факторы.

Наконец, ИЕС должна отвечать требованию достаточной оснащенности. Сюда следует отнести и общую достаточность и доступность текстового информативного материала, и наличие так называемого иллюстративного материала невербального ряда, который дополняет, расшифровывает и эмоционально окрашивает текстовый материал, и компьютерный материал.

Из сказанного можно сделать вывод, что современный целевой коммуникативно-ориентированный курс обучения РКИ строится на полном и точном просчете информативного поля курса, т.е. отборе ИЕС и определении последовательности их формирования. Отбор ИЕС с учетом их презентативной мировоззренческой и культурно-исторической ценности, членение каждой ИЕС с ориентацией на языковые возможности учащихся и соотношение страноведческого материала с общей программой курса – первый этап организации информативного поля обучения. Далее следует отбор материала, обеспечивающего каждую стадию формирования ИЕС, и выбор оптимальных для данной категории учащихся путей его предъявления, отработки и проверки его усвоения.

В заключение подчеркнем, что правильная системная организация страноведческой части курса имеет, на наш взгляд, и непосредственное прагматическое значение, поскольку именно она дает основу для плодотворного диалога с учащимися и обеспечивает комфортность их пребывания в стране изучаемого языка.

**ИНТОНАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ ПРАКТИКУМ КАК СПОСОБ
РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РУССКО-
МУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

В последние десятилетия образование во всем мире, в том числе и в России, претерпевает существенные изменения, которые происходят в парадигме результата образования, утверждается его компетентностная форма: ставится вопрос обеспечения образованием более полного, личностно- и социально-интегрированного результата. В российской психолого-педагогической науке, в работах А.В. Хуторского, В.И. Байденко, И.А. Зимней, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, Л.А. Петровской и многих других авторов компетентность трактуется как личностное качество, которое основывается на знаниях и выступает как интеллектуально и личностно обусловленная "социально-психологическая характеристика человека, проявляющаяся в деятельности" [Зимняя 2006; Хуторской 2002].

Современная отечественная психолого-педагогическая наука выделяет три базовые, самые общие, группы компетентностей:

- компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности (они связаны с необходимостью сохранения здоровья и физического развития человека, определения им собственной ценностно-смысловой ориентации в мире, самосовершенствования);
- компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми (социального взаимодействия, общения);
- компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех типах и формах, в том числе в учебной и трудовой (познавательной деятельности, информационно-технологической).

Применительно к проблематике обучения иностранным языкам, и русскому языку как иностранному (РКИ) в частности, обсуждается широкий круг вопросов формирования разного рода компетенций [Шукин 2007, Юрков, Московкин 2005].

Одним из базовых понятий современной методики является коммуникативная (или коммуникативно-речевая) компетенция, которая понимается как способность человека осуществлять речевое общение. Исследователи сходятся во мнении об интегративном характере коммуникативной компетенции, но ее составляющие определяются по-разному. Чаще всего в коммуникативно-речевой компетенции выделяют следующие частные компетенции: лингвистическую (языковую), социолингвистическую, социокультурную, дискурсивную, стратегическую, предметную [Юрков, Московкин 2005].

В данной статье предлагается рассмотреть вопросы, связанные с тем, как можно реализовать в русле компетентного подхода (каким он представлен в широком и более конкретном плане) ряд задач обучения *студентов-иностранцев* среднего этапа обучения (первого сертификационного уровня). Кроме задач обучения новому языку студентов, т.е. молодых людей, вступающих в жизнь, актуальной является и задача их нравственного формирования, развития у них ценностно-смысловой ориентации в мире, самосовершенствования; компетентностей, относящихся к взаимодействию человека с другими людьми в процессе социального взаимодействия и личного общения. Особо необходимо подчеркнуть, что эти задачи морально-этического плана решаются с использованием нового иностранного языка, в условиях межкультурной коммуникации, диалога культур в мире, охватившем процессами глобализации, с одной стороны, а с другой стороны – стремлением к сохранению национальной самобытности.

Наиболее целесообразной, с нашей точки зрения, является такая система организации образовательной и воспитательной работы со студентами, в которой гармонично сочетаются принципы комплексности и аспектности.

Применительно к практике преподавания иностранных языков, в том числе РКИ, в современной методике понятие комплексности включает понятие многоаспектности преподавания языка. В рамках ведущего в настоящее время коммуниктивно-деятельностного сознательно-практического подхода комплексность понимается как сложное иерархическое единство: а) взаимосвязанность разных языковых уровней (в методике – аспектов преподавания): фонетики, лексики, грамматики; б) взаимосвязанность разных видов речевой деятельности при обучении; в) формирование коммуниктивно-речевых умений на базе навыков разного типа [Дегтярева 2001].

При комплексном обучении методически и практически целесообразным является использование общего языкового материала, на базе которого формируются умения во всех видах речевой деятельности. Данный языковой материал, являясь актуальным для этапа и конкретного времени обучения, характеризуется своими аспектными особенностями (фонетическими, лексическими, морфолого-синтаксическими), которые должны быть усвоены учащимися на основе системно организованных упражнений.

В процессе овладения иностранным языком учащийся переходит от осознаваемого и осознанного употребления языковых (грамматических и фонетико-интонационных) явлений к автоматическому использованию их в реальной речи. На основе грамматических знаний разви-

ваются речевые умения, постепенно с учетом многих составляющих формируется коммуникативно-речевая компетенция.

Применительно к теме статьи, актуальным является грамматически ориентированное преподавание русского языка на основе функционально-семантического принципа, при котором учебный материал отбирается, организуется и активизируется с учетом коммуникативных потребностей учащихся на данном этапе обучения. Речевые умения, т.е. способность учащихся выражать свою мысль и понимать высказывание собеседника, базируются на языковых навыках, которые реализуются системой взаимосвязанных единиц, принадлежащих к разным уровням языка, – фонетики (включая ритмику и интонацию), лексики, морфологии и синтаксиса. Данные единицы осуществляют лексико-грамматическое наполнение фреймов, реализующих в речи дискурсивные компетенции учащихся. В современной лингвистике достаточно широко исследуются закономерности лексико-грамматического наполнения фреймов как смысловых каркасов коммуникации, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Результаты данных исследований в результате последующей методической обработки являются безусловно полезными для практики преподавания РКИ.

Базовым для практики преподавания языка в целях его использования в непосредственном, живом, общении является овладение русским произношением.

Многолетние наблюдения и экспериментальные исследования показали, что учащиеся, имеющие сформированные прочные слухо-произносительные навыки, быстрее овладевают изучаемым языком.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что оптимальным является такое преподавание РКИ, при котором обучение русскому произношению осуществляется на том же самом грамматическом (т.е. лексическом, морфологическом и синтаксическом) материале, который осваивается в данный момент учащимися. При этом грамматический материал имеет адекватную фонетическую форму. Естественно, грамматический материал, который может быть предложен учащимся в данный момент, шире и объемнее, чем изучаемая фонетическая (в том числе интонационная) тема. Он дает возможность организовать комплекс фонетических упражнений, ориентированных на системное усвоение основных особенностей фонетики русского языка. Учащимися комплексно усваиваются определенные особенности фонетического оформления грамматических явлений, осознается и активизируется их взаимосвязанность.

В качестве примера приведем упражнение из учебника для первого сертификационного уровня "Русский язык для вас" [Шустикова 2005,

2006]. При работе над темой "Причастия" необходима четкая дифференциация суффиксов с шипящими [щ] и [ш]: **пишущий** и **писавший**. Отсутствие автоматизации в дифференциации этих звуков наглядно проявляется как в большом количестве графических ошибок в суффиксах причастий на письме, так и в устной речи. Поскольку при постановке русского произношения эффективным является принцип концентрации, т.е. целесообразность возвращения к затрудняющим учащегося звукам при работе над новыми грамматическими темами, в целях автоматизации звука [ш] в одном из упражнений предлагается стихотворение Д. Кедрина:

*Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Все имевший, все потерявший
И опять все нашедший вновь.*

*Вкус узнавший всего'земного,
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова
Все боящийся потерять.*

При обучении нефилологов обычно ограничиваются "чисто фонетической" работой, т.е. работой над звуковой стороной речи, оставляя в стороне интонационное оформление текста, его вариативные возможности, их взаимосвязь с теми смыслами, которые заключаются в тексте и возникают при проникновении в подтекст. Использование интонационно-смыслового практикума, органично сочетающегося с общей целью, актуальными задачами и логикой обучения определенного контингента учащихся, имеет огромное значение.

Интонационно-смысловой практикум проводится на разнообразных материалах – как на небольших стихотворениях и отрывках, взятых из прозаических произведений классиков русской и советской литературы, так и на фрагментах художественных фильмов.

Интерес к интонационно-смысловому анализу текста имеет в отечественной лингвистике значительную историю [Бернштейн, 1921; Щерба, 1923]. По словам С.И.Бернштейна, произнесение стиха всегда представляет собой истолкование, конкретизацию стихотворного текста: "Текст допускает различные оттенки понимания как смысловой, так и фонической его стороны. Декламатору приходится из всех возможностей – семасиологических, динамических, мелодических, тембральных, темповых и т.д. выбрать одну определенную их комбинацию ...слушая произнесение поэта, мы узнаем не только то, что он писал, но и те элементы его замысла, которые не нашли выражения в письменной передаче" [Бернштейн, 1972: 496-497].

Работа со стихотворным текстом обычно ставит своей целью формировать произносительные навыки преимущественно в области звуковой и акцентно-ритмической организации текста. Так, разучивание стихотворения К. Симонова "Жди меня" (в сокращенном варианте) позволяет добиться дифференциации шипящих и свистящих, правильного произношения сочетаний согласных. Особую трудность представляет выбор центра интонационной конструкции (ИК) [Брызгунова 1969, 1980] и реализация с помощью интонации заложенных в лексико-грамматической структуре предложения смысловых и эмоциональных значений. Обычное расположение интонационного центра на последнем слове синтагмы свидетельствует о нерасчлененности смысла, который в ней выражается, а перенос интонационного центра чаще всего говорит об экспрессивности речи. Так, в тексте **Жди меня, / и я вернусь, / Только очень жди** перемещение центра в неконечную позицию создает эмоциональную насыщенность очень короткого и простого по лексико-грамматическому наполнению высказывания. Синтаксическая структура с повторами и ритмико-мелодический рисунок синтагм с выделением интонационных центров на словах **жди, вернусь, ожиданием, спасла** создает "формулу заклинания".

Размещение интонационных центров на выделенных словах в следующем тексте **Жди, когда снега метут, / Жди, / когда жара** фиксирует в восприятии и выделяет в яркий сопоставительный ряд слова-понятия **снега** и **жара**. Причем контрастность этих слов, само значение слова **жара** и форма мн.ч. у слова **снег** настраивают на высокую степень эмоциональности, которая еще больше увеличивается при размещении на них интонационного центра.

Размещение интонационных центров в стихотворении происходит таким образом, что все время подчеркивается полярность, противоположность: **ждать забыть (позабыть), ждать одной ждать всем вместе, ждать не ждать**. И основной смысл этого стихотворения выражается в конце: **Не понять не ждавшим, им, / Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня**. Именно в тексте возникает новый смысл: ожидание — верность и спасение верностью.

К уроку-концерту "День Победы" разучивается песня "Темная ночь", где та же тема верности находит свое продолжение: **"Ты меня ждешь и поэтому знаю: со мной ничего не случится"**. В популярной песне "Катюша", которая разучивается на занятиях по аспекту "Музыкальная фонетика", включенному в учебный план работы кафедры русского языка №2 Российского университета дружбы народов с 1993 г., тема женской верности сплетается с темой верности Родине: **"Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет"**. Это темы вечные, понятные людям, говорящим на разных языках. Поэтому и

важно их включение в круг обсуждения на занятиях русским языком как иностранным, где органичны вопросы сравнения жизни в разных странах, сравнения разных культур и поиск общего, что объединяет людей, говорящих на разных языках.

Первый этап работы с прозаическим художественным текстом предполагает знакомство с новой лексикой и ее активизацию в упражнениях. Анализируются фрагменты текста художественного произведения, которые могут вызвать трудности у студентов. На данном этапе обязательны лингвострановедческий и культурологический комментарий. На втором этапе проводится работа по интонационно-смысловому анализу текста, которая заключается в следующем. Детально рассматриваются лексико-грамматическое наполнение текста, возможные варианты его интонационного оформления. После работы с печатным вариантом начинается анализ данного текста, представленного в звучащей форме. Текст может быть начитан преподавателем для того, чтобы предъявлять для анализа один и тот же вариант его звучания. Если звучащий текст существует в исполнении актеров или мастеров художественного слова (например, в записи на пластинках или компакт-дисках), то, безусловно, целесообразно использовать эту запись.

В качестве примера работы с интонационно-смысловым комплексом приведем анализ отрывка из рассказа К.Г. Паустовского "Снег" письмо сына из госпиталя своему отцу, который живет в маленьком провинциальном городке. (Текст дается в адаптированном виде).

"Милый мой старик! Вот уже месяц, как я лежу в госпитале, но ты не волнуйся. Рана не очень тяжелая. Не волнуйся и не кури папиросу за папиросой.

Я часто вспоминаю тебя, папа, и наш дом, и наш городок. Всё это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я открываю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке расчищена. В комнатах тепло. На рояле горят свечи, которые я привёз из Ленинграда. Те же ноты лежат на рояле. Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Если бы ты знал, как я полюбил это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что я защищаю не только всю страну, но и вот этот её маленький и самый милый для меня уголок и тебя, и наш сад, и мальчишек нашего города, и берёзовые роица за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда я вытпшусь из госпиталя, я приеду ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди."

После чтения с разбором новых слов и грамматических форм, выяснения основного содержания текста начинается анализ взаимодействия лексико-грамматического состава и интонационного оформления каждого отдельного предложения и текста в целом. Перечитывая текст по фразам, обращая внимание студентов на интонацию, преподаватель старается показать студентам, насколько шире и ярче становится смысл текста, представленного в звучащей форме. Определение места синтагматического членения, использование типов ИК, темп и громкость речи, удлинение гласных и ряд других средств фонетико-интонационного оформления рассматриваются как возможность лучше и ярче выразить содержание текста, "оживить его".

В тексте представлены следующие темы для фоностилистического анализа.

- Использование интонации завершенности в конечной синтагме простого и на границе главной и придаточной частей сложного предложения.

- Использование интонации завершенности / незавершенности при перечислении и смысловые и эмоциональные значения, которые при этом возникают.

- Использование интонации незавершенности в конечной синтагме предложения как средства связи внутри сверхфразового единства и выражения значения предложения в условиях целого текста.

- Передвижение интонационного центра. Условия передвижения интонационного центра в неконечную позицию.

- Роль акцентного выделения слова в тексте.

- Темп как средство выразительности речи.

Хотелось бы обратить внимание на такую форму работы с интонационно-смысловым комплексом, как беседа-комментарий к художественному тексту в системе притекстовых заданий. Во время чтения текста преподаватель нередко прибегает к дополнительному объяснению. Эта форма развития аудитивных навыков, такого вида речевой деятельности, как аудирование. Ценность данного вида работы с текстом заключается в том, что учащийся включается в естественную речевую ситуацию: преподаватель высказывает свое мнение о прочитанном тексте, делится своими впечатлениями. Такая работа позволяет преподавателю разнообразить арсенал интонационных средств, с их помощью раскрывая дополнительный смысл фраз, показывая возможные ассоциации. Преподаватель начинает формировать умения воспринимать содержание текста шире, за счет "подтекста". Возможна также и вариативная форма: преподаватель читает вслух данный комментарий к тексту, а студенты следят по учебнику за чтением преподавателя.

Так, после чтения приведенного выше фрагмента из текста "Снег" в учебнике "Русский язык для вас" [Шустикова 2005: 93] предлагается следующее задание: " *Прочитайте этот отрывок ещё раз и подумайте, почему писатель употребляет подчеркнутые слова, на что он старается обратить наше внимание, что можно прочитать "между строк"*."

...Всё, что привычно окружало человека в той спокойной жизни, становится особенно дорогим теперь, в дни войны. Чувства людей обострились.

Вместе с героем рассказа мы входим в дом, с улицы, с мороза в тепло и уют. "*В комнатах тепло*". Мы понимаем его чувства. Это тепло родного дома, дома, в который всегда хочется вернуться, где тебя всегда ждут и тебе рады, где живут дорогие для тебя люди. И нам понятны слова героя рассказа: "*Я вспоминала об этом в самые страшные минуты боя*".

Эмоционально поданный и эмоционально воспринятый текст всегда легче понимается и запоминается, согласно психолого-педагогическим исследованиям, и этим нельзя пренебрегать, особенно при работе с иностранцами, "открывающими" для себя мир русского языка.

Комплекс лексико-грамматической работы и интонационно-смыслового практикума по данному тексту позволяет подвести студентов к обсуждению таких тем, как отношения отцов и детей, патриотизм, "малая родина", защита Отечества. Причем надо отметить, что сам текст К.Г. Паустовского настраивает на доверительный тон разговора, как говорится, "без громких слов". Воспитательное значение обсуждения этих тем необыкновенно важно, так как это шаг на пути развития тех компетенций, о которых речь шла выше: способности к ценностно-смысловой ориентации в мире, к взаимодействию человека с другими людьми в процессе социального взаимодействия и личного общения.

Художественному тексту отводится особое место в формировании лингвокультурологической компетенции учащихся. Он выступает не только в качестве информации о времени и о людях (то есть выполняет свою роль в решении образовательных задач), но и является средством для воспитания культуры речевого общения, адекватного участия в коммуникации, формирования компетентностей в области социального взаимодействия людей, общения.

Открытость, отзывчивость, соборность, коллективизм, доминирование духовных ценностей — это те черты нашего народа, которые и способны обеспечить движение установок людей в межэтническом взаимодействии от нетерпимости к пониманию и толерантности. Именно такого рода содержание должно, с нашей точки зрения, быть пред-

ставлено в художественных текстах, используемых для активной работы со студентами-иностранцами.

Использование художественных текстов обязательно предполагает активное включение в работу фонетического и интонационно-смыслового практикума. Фонетически чистое прочтение текста формирует произносительные эталоны у обучающихся. Анализ взаимодействия лексико-синтаксических средств, использованных автором в тексте, и интонационных средств, используемых диктором-артистом, показывает учащимся возможности звучащей речи в экспликации, в раскрытии содержания художественного текста и в расширении его смысла для слушающего.

Работая над художественным текстом, представленным в звучащей форме, предлагая учащимся интонационно-смысловой практикум, преподаватель формирует у студентов понимание эстетической функции языка. Постепенно устанавливается общая для студентов и преподавателя интеллектуальная и эмоциональная зона, что безусловно способствует как лучшему усвоению учебного материала, так и решению воспитательных задач в широком смысле слова.

Включение в интонационно-смысловой практикум фрагментов из фильма "Баллада о солдате" развивает навыки аудирования кинотекста. Диалоги в фильме являются более доступными, чем вступительные и заключительные слова диктора, которые формулируют общую идею этого произведения. Поэтому перед просмотром фильма студентам предлагаются эти слова диктора в напечатанном виде, и они должны их прочитать и дословно понять. Приведем заключительный фрагмент.

"Вот и всё, что мы хотели рассказать вам о нашем друге Алёше Скворцове. Он мог бы стать хорошим отцом и замечательным гражданином. Но он успел стать только солдатом. И он навсегда останется в нашей памяти солдатом, русским солдатом".

Этот дикторский текст завершает фильм. Возникает "рамочная конструкция": начало фильма, его название "Баллада о солдате" и окончание, вышеприведенные слова диктора. Такой художественный прием ярко эксплицирует мысль: это судьба одного из миллионов солдат, тех, кто ценой своей жизни сохранил жизнь на Земле.

В этом тексте студенты слышат экспрессивную, эмоционально насыщенную речь в официально-публичных условиях, не в обыденном общении. Поскольку восприятие такой речи нередко затрудняет иностранцев, необходимо последовательно и постоянно использовать в практике обучения такого рода интонационно-смысловой практикум в комплексе с лексико-грамматическим курсом.

Система работы по лексико-грамматической теме "Мир и война" включает в себя проведение урока-концерта "День Победы". Кафедра

русского языка №2 Российского университета дружбы народов ежегодно в течение 25 лет в мае проводит такой урок для всех студентов подготовительного факультета. В уроке-концерте в качестве ведущих дикторов и исполнителей известных песен военных лет принимает участие обычно около 50-70 студентов-иностранцев. В сценарий урока включен дикторский текст, тексты песен и стихотворений, а также фрагменты из советских документальных и художественных фильмов "Летят журавли" и "В бой идут одни "старики". Звучащий текст сопровождается слайдами, соответствующими его содержанию. Таким образом, зрительная наглядность помогает студентам адекватно воспринимать в целом весь урок-концерт.

Предварительная работа по подготовке участников концерта к фонетически качественной речи на сцене и потенциальных зрителей к адекватному восприятию содержания урока-концерта предполагает комплексное освоение интонационно-фонетического и лексико-грамматического материала по данной теме. Использование интонационно-смыслового практикума позволяет решить эти задачи в русле компетентностного подхода.

Многоплановые вопросы, которые рассматривались в данной статье, имеют особо важное значение. Впервые приезжая на учебу в новую Россию, студенты-иностранцы неизбежно проходят сложный процесс осмысления, переосмысления, а подчас и преодоления, имеющихся у них представлений о нашей стране как положительных, так и отрицательных. Именно преподаватели русского языка подготовительных факультетов начинают формирование социальной и национально-культурной компетенции иностранных учащихся, создают основу их представления об истории и культуре, национальных традициях, обычаях и реалиях страны изучаемого языка.

Преподаватели-русисты должны помочь студентам пройти адаптационный период и сформировать более объективный образ страны, в которой они проведут несколько лет, особенно важных с точки зрения формирования человеческой личности, характера, мировоззрения.

Литература

- Бернштейн С.И. Голос Блока // Блоковский сборник., т. II, Тарту, 1972.
Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969г. (и последующие издания).
Брызгунова Е.А. Интонация. // Русская грамматика. М., 1980.
Дегтярева И.Н. Соотношения комплексности и аспектности в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык на рубеже столетий. Всероссийская конференция 26-27 октября 2000г. Санкт-Петербургский университет – Филологический факультет СПбГУ. СПб, 2001. С. 139-143.

Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал "Эйдос". 2006. 5 мая. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. (В надзаг: Центр дистанционного образования "Эйдос", e-mail: list@eidos.ru).

Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал "Эйдос". 2002. 23 апреля. <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.

В надзаг: Центр дистанционного образования "Эйдос", e-mail: list@eidos.ru.

Шустикова Т.В. Синтагматическое членение повествовательного предложения в русском языке (интонационно-коммуникативный анализ) // Дисс. ...канд. фил. наук, М., 1981.

Шустикова Т.В. Интонационно-смысловой анализ текста художественной литературы // Современное русское языкознание и лингводидактика. Сб. материалов юбилейной научно-практической конференции, посвященной 80-летию академика РАО Н.М. Шанского М., 2003. С. 134-139.

Шустикова Т.В., Гордиенко И.В. и др. Русский язык для вас. Первый сертификационный уровень. Для иностранных учащихся. Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. М., 2005.

Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. I «Воспоминание» Пушкина. (Сборник «Русская речь» ЮПТГ, изд. Фонетического института, 1923). // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 26-45.

Шукин А.Н. Методические новации в преподавании русского языка как иностранного между X и XI конгрессами МАПРЯЛ. Мир русского слова и русское слово в мире. // XI конгресс МАПРЯЛ, Т.6 (1) Изучение и описание русского языка как иностранного. Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного) Heron Press Sofia 2007. С 497-503.

Юрков Е.Е., Московкин Л.В. Коммуникативная компетенция: структура, соотношение компонентов, проблемы формирования // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык речь специальность. Часть I. Материалы Международной научно-практической конференции "Мотинские чтения" М., 2005. С. 420-427.

ПОЗИЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И ИХ УЧЕТ В КУРСЕ РУССКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ДЛЯ ФРАНКОГОВОРЯЩИХ

В ходе создания национально ориентированных курсов русской практической фонетики большое значение имеет учет позиционных изменений и сочетаемости фонем как в русском языке, так и в родном языке учащихся. Проблемы изучения звукового варьирования в различных позициях в целях преподавания иностранных языков рассматривались в трудах С.И. Бернштейна, А.А. Реформатского и других лингвистов уже в первой половине XX в. [Бернштейн 1937], [Реформатский 1959]. Позднее Г.И. Рожкова, разрабатывая эти проблемы в аспекте преподавания русского языка иностранцам, отмечала: «...именно в работе по фонетике... учет звуковой системы родного языка особенно важен» [Рожкова 1967:14], «необходимо изучать разнообразные звуковые сочетания в родном языке учащихся» [Рожкова 1967:18].

Между тем до настоящего времени этот вопрос не получил детальной разработки на конкретном фонетическом материале. В современных фонетических пособиях по русскому языку, адресованных однородной в языковом отношении аудитории, как правило, учитываются позиционные закономерности русского языка. Позиционные закономерности родного языка учащихся в таких пособиях в большинстве случаев не выделяются в специальную тему.

В настоящей статье будут рассмотрены позиционные закономерности французского языка, которые отражаются в интерферирующей русской речи франкоговорящих учащихся. Как указывала Е.Л. Бархударова, «различия в позиционных закономерностях двух контактирующих систем обуславливают наиболее стойкие черты иноязычного акцента. Подобная ситуация объясняется бессознательным механизмом восприятия и воспроизведения позиционных закономерностей фонетической системы» [Бархударова 2007: 45].

Целый ряд ошибок франкоговорящих учащихся связан с бессознательным произношением русских звуковых сочетаний в соответствии с позиционными закономерностями, существующими во французском языке.

1. Перед согласными [v], [v'] при произнесении слов *свой*, *до свидания*, *светлый* и др. происходит неправомерная мена глухого согласного на звонкий по аналогии с произнесением сочетания <sv> во французском языке. В связи с этим в учебное пособие по русской фонетике для франкоговорящих должны быть включены специальные упражнения на отработку данного явления. Прежде всего, можно представить пары слов, а также словосочетания и предложения типа *свой – звон*, *святъя – звать*, *свести – безвестный*, *сверь – зверь*, *свалка – звал*, *сосватать –*

созвать. Созвать гостей, дикий зверь, свой метод. Он использовал свой метод. Звон колокола слышно издали. В методическом комментарии необходимо обратить внимание учащихся на различия в произношении шумных глухих и звонких согласных перед губно-зубными звонкими в родном языке учащихся и в русском языке.

2. После губных звонких согласных в акценте франкоговорящих может возникать прогрессивная ассимиляция по звонкости: произношение *всему* – *[vz]ему, *общество* – *o[bз]ество. Ввиду этого слова, содержащие сочетания губного звонкого согласного с шумным шелевым, такие, как [бс], [бш], [вш] можно использовать в пособии только после отработки соответствующей темы, чтобы не спровоцировать ошибку. Например, такие слова: *обсудить, собственный, вслух, всмятку, озябший, общество, община, левша, в школу. Яйцо всмятку, все здесь, гражданское общество. Где больше двух – говорят вслух. В щи кладут много капусты.*

Работая над регрессивной ассимиляцией по глухости в русском языке, следует отделить сочетания губных звонких согласных с шумными шелевыми от всех остальных сочетаний шумных согласных, в которых во французском языке нет прогрессивной ассимиляции.

3. Во французском языке носовые согласные [m], [n] произносятся в позиции перед носовыми согласными. Во всех остальных случаях на месте сочетаний «гласный+носовой согласный» звучат носовые гласные, что проявляется в акценте: *Англия* *[ã]лия. Ввиду этого в фонетическом курсе для франкоговорящих полезно выделить тему «Произношение сочетаний гласных с носовыми согласными». В рамках этой темы целесообразно обратить внимание учащихся на то, какие сочетания произносятся в словах *Англия, банка* и т.п.

Для отработки данного явления можно использовать упражнения со специально подобранными словами, словосочетаниями и предложениями, содержащими сочетания «гласный+носовой согласный» перед согласными или группой согласных, например: *Андреевич, Ангелина, иностранцы, реванш, штамп, ансамбль, шанс, шансон, бомбить. Взять реванш, английский ансамбль, Пётр Андреевич. Английский ансамбль выступал на концерте. Пётр Андреевич исследует романтизм.*

Для закрепления и автоматизации навыка в произношении указанных сочетаний можно использовать упражнения на подстановку, где учащимся предлагается написать букву М или Н на месте пропусков, а затем, прочитав получившиеся слова. Материал упражнений изначально выглядит так: *рома...тизм, ко...ференция, ко...церт, та...цевать, а...глийский.* После тщательной проработки темы можно дать условно-творческое задание, в котором необходимо подобрать слова по смыслу и прочитав получившиеся предложения, например: *Чтобы снять деньги со счёта, я иду в Юра сказал, что его отчество ... , потому*

что его отца зовут Александр. Если Вы так сильно хотите увидеть Лондон – поезжайте в ...

Для снятия лишних трудностей можно дополнить упражнение материалом для справок.

4. Произношение русского согласного [ʃ]¹ в позиции перед согласным и на конце слова после гласного [о] также представляет трудность для франкоговорящих, потому что в этих позициях в их родном языке не употребляется согласный [ʃ]. Слова *двойка, стройный, стой* могут звучать с оглушением или, наоборот, излишней вокализацией согласного [ʃ]. В последнем случае в акценте имеет место смешение данного согласного с гласным [и].

Материал упражнений на отработку произношения согласного [ʃ] в указанных позициях может выглядеть примерно так: *мой, твой, стройка, стройный, чайный, мой знакомый, твой чай, большая стройка, слушайте внимательно. Мой знакомый не знает русскую культуру. Какой стройный спортсмен!* Данное упражнение должно быть дополнено упражнением с минимальными парами, позволяющими противопоставить согласный [ʃ] и гласный [и]: *мой – мой, твой – твой, музей – музей, трамвай – трамваи, обычай – обычай, воин – воин, войны – войны.*

В методическом комментарии, который дается перед упражнениями, надо обратить внимание учащихся на разницу ритмических моделей слов с йогированным согласным и гласным [и]: *музей – та-та; музеи – та-та-та.* Для закрепления произносительных навыков полезно дать упражнения на образование грамматических форм слов. Например: *1. Укажите форму именительного падежа единственного числа данных ниже существительных по образцу.*

Образец: трамва́ и – трамва́ й

обы́ чай, музе́ .и, слу́ . чай, бои́ , карава́ .и, попуга́ .и.

2. Образуйте прилагательные от данных ниже существительных по образцу. Прочитайте полученные прилагательные.

Образец: музе́ й – музе́ йный

трамва́й, урожа́ й, зной, поко́ й, строй, чай.

5. Во французском языке, относящемся к языкам вокалического типа, постоянно наблюдается зависимость артикуляции согласного от соседнего гласного. В частности, в акценте имеет место ошибочное произношение полумягкого согласного перед гласными переднего ряда на стыках слов: в *институт* – *[v'° и]нститут, в *это* – *[v' 'э]то вместо корректного [вы]нститут, [вэ]то. В ряде случаев ошибки на данном участке фонетической системы могут приводить к нарушению смысла: к *Ире* – [кы]ре и *Кире* – [ки]ре, что в произношении французов

¹ Знак [ʃ] обозначает глайд, который реализует фонему <j> в позициях перед согласным и на конце слова.

звучит одинаково: *[k'i]pe. Данная черта характеризует французский акцент наряду с подавляющим большинством иностранных акцентов (подробнее см. об этом [Брызгунова 1963]).

Для выработки у учащихся правильного произношения в указанных позициях необходимо обратить их внимание на то, что в русском языке твердый или мягкий согласный определяет звучание последующего гласного, а не наоборот. Как известно, после твердого согласного на стыках слов, произносимых без паузы, невозможно произношение [и], поэтому словосочетание *он и она* – следует произносить *о[ны]она*. Тот же принцип действует при произнесении начального [э]: После твердого согласного звучит задний [э]: *без этого – бе[зэ]того*, после мягкого согласного звучит передний [э]: *хоть это – хо[г'э]то*.

В ходе работы над произношением твердых согласных на стыках слов полезны не только обычные задания с формулировками: *слушайте, повторяйте, читайте самостоятельно*, но и целый ряд заданий, связанных с восстановлением буквенных обозначений на месте фонетической транскрипции, и, наоборот, заданий на фонетическую транскрипцию, частичную и полную. Так, например, учащимся можно предложить восстановить буквенные обозначения в словах, данных в частичной фонетической транскрипции: *в {ы}нститут – в ...нститут, об {ы}стории – об ...стории*. Возможны и другие типы упражнений.

6. В отличие от французского языка, где гласные в конечном ударном слоге удлиняются перед согласными [r], [z], [ʒ], [v] и сочетанием [vr], в русском языке такого удлинения не происходит: *заг[а]р, зак[а]з, гар[а]ж, удáр[и]в, м[а]вр*. Указанное расхождение обуславливает появление долгих согласных в акценте французов. Более подробно об этом явлении см. в [Щукина 2005]. Для предупреждения ошибок франкоговорящих при работе над ритмикой русского слова необходимо включить ряд упражнений, направленных на постановку произношения ударных гласных в последнем слоге в словах, оканчивающихся на согласные <р>, <з>, <ж>, <в> и сочетание <вр>. Например: *гараж, таж, стаж, заказ, разговор, инженер, мавр, загар, кулинар, плов, улов, засов, дров, бакалавр, шедевр, кефир, раствор, мороз, Первый этаж, главный инженер, будет мороз. Объявление: куплю гараж. Это настоящий шедевр*.

В методическом комментарии следует обратить внимание учащихся на различия в произношении гласных в конечном ударном слоге перед русскими и соответствующими им французскими согласными, а также на мену звонких шумных согласных на глухие в позиции конца слова. Полезно также предложить учащимся назвать форму единственного числа существительных: *этажи, тиражи, манежи, персонажи, пляжи, надежи, рубежи*.

Анализ названных выше позиционных закономерностей французского языка, их учет при составлении методического комментария и

упражнений в фонетическом курсе русского языка для франкоговорящих имеет большое практическое значение, так как способствует эффективному устранению фонетических отклонений в интерферированной русской речи рассматриваемого контингента иностранных учащихся.

Литература

- Бархударова Е.Л. Проблемы обучения произношению в трудах Г.И. Рожковой // Текст: проблемы и перспективы: Материалы междунар. конференции. М., 2007. С. 43 – 46.
- Бернштейн С.И. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М., 1937.
- Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. М., 1959. №2. – С. 145 – 156.
- Рожкова Г.И. Фонетическая система русского языка и методика работы по фонетике // Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. С.Г. Бархударова М., 1967.
- Щукина О.В. Лингводидактические основы обучения вокализму англоговорящих и франкоговорящих учащихся: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.

СКАЗКА КАК УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РКИ

Сказка традиционно изучается как культурный феномен, существуют специальные сборники для иностранцев, соответствующим образом адаптированные (например, сборник "Русские сказки", составленный Н.Н. Ковачевой и А.В. Фролкиной). Имеются материалы, в которых представлены структурные принципы русских сказок, их характерные художественные особенности. Не подвергая сомнению ценность сказки как культурного феномена, рассмотрим ее с другой стороны: сказка может стать полезным материалом для проработки самых разнообразных тем в различных аспектах преподавания русского языка как иностранного.

1. Материалы сказок подходят для использования на уроках **по развитию речи** учащихся. Сказка – хороший материал для аудирования. Можно предложить учащимся прослушать русскую народную сказку, рассказать ее, потом записать. Возможны индивидуальные задания: каждый учащийся рассказывает национальную сказку, остальные слушают и записывают, затем пересказывают ее. Возможна организация диалога, полилога (обсуждение содержания сказки). При этом учащиеся проявляют активность в трех видах речевой деятельности (аудирование, письмо, говорение).

2. Сказка полезна и при отработке некоторых специальных тем по развитию речи. Ее можно использовать как иллюстративный материал при изучении, например, темы "Характер человека". В этом случае удобно привлекать сказки о животных. Как известно, в таких сказках за персонажами закреплена определенная черта характера. Так, в русских народных сказках лиса всегда хитрая, волк жадный, глупый и злой и т.д. Таким же образом можно использовать на занятиях и русские сказки о солдате (например, "Каша из топора") и ряд других сказок социально-бытового характера, в которых персонажи тоже являются носителями определенных черт и качеств. Так, например, солдат в таких сказках – хитрый, находчивый, умный, смелый, предприимчивый, а поп – жадный, глупый, трусливый. Весьма различны по своим человеческим качествам и интеллекту женские персонажи сказок. Среди них есть мудрые, глупые, сварливые, кроткие, преданные, коварные, злые, добрые, упрямые и т.д.

Возможно использовать сказки и при отработке других тем. Например, сказку "Лиса и журавль" – по теме "Гостеприимство", "Журавль и цапля" – по теме "Брак. Семья".

Но этим возможности сказок не исчерпываются. В данной статье представлен авторский опыт использования текстов сказок для отработки на занятиях **различных лексико-грамматических тем**.

В течение долгого времени лексико-грамматические темы отрабатывались на материале упражнений и небольших текстов, часто искусственно создаваемых для учебных целей (и этих текстов, кстати сказать, всегда было недостаточно). Между тем знания хорошо закрепляются в ситуациях живого общения или приближенных к ним, где в наибольшей степени проявляются активность и самостоятельность учащихся. Главной особенностью таких ситуаций является естественность.

В последнее время преподавателями русского языка как иностранного все яснее осознается потребность в учебном материале, максимально приближающем учащихся к ситуации живого общения. Таким материалом могут стать небольшие тексты, в которых разрабатывается определенная, конкретная лексико-грамматическая тема. К ним предъявляется ряд требований. Это должны быть тексты компактные, с естественно организованным завершенным сюжетом, с несложным, доступным содержанием. Желательно, чтобы это были тексты нарративного характера. Такие тексты вызывают большой интерес учащихся, чем, например, описательные; в них преобладают глаголы, а ведь глагол – основа речи, к тому же с глаголом связано множество лексико-грамматических тем. Работа с такими текстами концентрирует внимание и вызывает интерес учащихся при выполнении заданий. Таким требованиям идеально соответствует сказка.

Рассматривая особенности сказок как учебного материала для иностранцев, выделим два аспекта.

1. Психологический аспект

К числу преимуществ сказки как учебного материала следует отнести известную заданность контекста. Многие сюжеты и образы сказок повторяются в разных культурах и таким образом становятся как бы заранее известными. Да и вообще, сказка по своему содержанию предсказуема и понятна, поэтому у учащихся не возникает особенных трудностей в восприятии ее содержания.

Известная доступность содержания сказки позволяет учащемуся лучше прочувствовать учебный материал, свободнее обращаться с ним.

Сказка – это в основном жанр повествовательный. Описание в сказках, как правило, минимально. Это повышает привлекательность сказки для среднего читателя. Занимательность сказки и острота ее сюжета вызывает у учащегося живой интерес. Являясь плодом коллективного творчества, сказка интерактивна по своей природе, вызывает сопереживание, как бы "втягивает" в себя слушателя, требует его соучастия в происходящем и сотворчества слушателя и повествователя (чего не скажешь об искусственно созданном учебном тексте). Ситуация и герои сказки минимально дистанцированы от читателя или слушателя, ему легко ассоциировать себя с каким-либо персонажем. Выполняя задание, учащийся по существу занимается реконструкцией текста. При этом он

проявляет свои креативные возможности, становится сотворцом текста на языковом уровне. Он проявляет в этом случае почти такую же активность, как при порождении собственного текста.

Таким образом, учащийся переживает сказку почти как живую ситуацию общения. Созданный на материале сказок учебный текст с соответствующими заданиями обладает важным преимуществом по сравнению с ситуацией живого общения: учащийся имеет возможность в спокойной обстановке в замедленном темпе найти правильный вариант, тогда как в реальной ситуации живого общения, требующей немедленного реагирования, он может испытывать значительные затруднения в выборе нужных средств выражения.

Некоторые структурные и языковые особенности народной сказки, такие, например, как повторы, жестко обусловленная композиция, способствуют лучшему усвоению материала.

2. *Лингвистический аспект*

В силу особенностей жанра (рассказ о событиях) основу сказки составляют глаголы. В сказке изначально, естественно заложен богатый лексико-грамматический материал, связанный с глаголом. Иностранному учащемуся при работе с текстом неизбежно сталкивается с такими проблемами, как спряжение глаголов, образование форм прошедшего и будущего времени, а также вид глагола и глагольное управление. Сказка дает возможность отработки всех этих тем – по отдельности или комплексно.

Следует обратить внимание на семантику глаголов, преобладающих в сказках. Семантика весьма разнообразна. Это прежде всего глаголы движения, т.к. все герои перемещаются в пространстве, иногда используя различные исторические виды транспорта (идут, едут, лезут, бегут и даже летают и т.п.), часто вместе с какими-либо предметами (несут, везут, тянут, тащат и т.п.). Кроме того, в сказках частотны глаголы мысли и чувственного восприятия (думать, догадываться, понимать и др.; видеть, слышать, замечать и др.), глаголы речи и передачи информации (говорить, рассказывать, спрашивать, отвечать и др.), глаголы волеизъявления и побуждения (хотеть, просить, требовать, приказывать и др.). Три последние группы нередко входят в состав сложноподчиненных предложений с изъяснительными отношениями и мотивируют выбор союзных средств. Поэтому сказка будет полезным материалом для отработки грамматических тем, связанных с **изъяснительными отношениями** в сложном предложении. Это, прежде всего, выбор союзов *что* и *чтобы* и употребление частицы *ли* в функции союзного средства.

Весьма частотны в сказках и различные **глаголы с приставками**. Среди множества сказок можно выбрать тексты, в которые без нарушения содержания и структуры исходного материала могут входить отдельные глаголы с различными приставками. Например, сюжет извест-

ной сказки "Журавль и цапля" позволяет органично ввести в текст глаголы *задуматься, передумать, раздумать, одуматься*.

Это, так сказать, лежит на поверхности. Но оказывается, что материал сказки можно использовать для отработки еще очень многих лексико-грамматических тем. Например, в сказках встречаются различные виды **обстоятельственных отношений** в простом и сложном предложениях.

Повествование представляет собой цепочку событий. Особенностью нарративных текстов является то, что события разворачиваются во времени. Поэтому в сказках часто обозначаются **временные отношения**. В сложных предложениях находим как последовательные временные отношения ("Как только царь узнал об этом, сразу вызвал его к себе"), так и отношения одновременности – полной ("Пока он спал, она шила рубашку") или частичной ("Пока он спал, они подкрались к нему"). Встречаются и простые предложения, в которых временные отношения выражаются существительными с предлогами *через, после* и т.п. Достаточно частотны сложные предложения с союзом *пока не*, употребление которого вызывает трудности у иностранцев.

В сказках можем обнаружить простые и сложные предложения с **целевыми отношениями**. В простом предложении это в основном инфинитив цели (пришел посмотреть). Конструкция сложного предложения с целевыми отношениями, как и некоторые другие типы сложно-подчиненных предложений, претерпевает в текстах сказок некоторую трансформацию – она включается в диалог в усеченном виде:

«– Зачем печь топить? – Чтобы блины печь».

Уступительные отношения находят в сказках разнообразное выражение – как в простых, так и в сложных предложениях. Широко распространены сложные предложения, в которых выражены уступительные отношения с оттенком усиленной противопоставленности, с союзными средствами типа *как ни, сколько ни, куда ни, где ни* и т.п. ("Как ни старалась лиса вытащить голову, ничего не могла поделывать", "Кто ни пройдет мимо, все удивляются").

Предложения с **условными отношениями** также нередки в текстах сказок.

Условие может быть как реальным, так и нереальным.

Что касается **причинных отношений**, то они встречаются обычно в простом предложении и выражаются при помощи предлогов *благодаря и из-за*.

Перечисленные обстоятельственные отношения находят в народных сказках такое выражение, которое соответствует общим языковым особенностям народной сказки (разговорность, краткость и компактность средств выражения). В литературных сказках возможности выражения различных обстоятельственных отношений шире.

Отметим, что простые предложения в народных сказках преобладают, но это не упрощает задания, а, напротив, усложняет. По нашим многолетним наблюдениям, учащимся труднее свернуть сложное предложение с различными типами обстоятельственных отношений в простое, чем выполнить противоположное задание.

Сказка, представляя собой законченный во всех отношениях текст, после выполнения учащимися письменного задания может быть использована как материал для устного изложения, в котором еще раз отрабатывается конкретный лексико-грамматический материал, повторно выполняется то же задание. Такая "двойная" работа способствует лучшему запоминанию нового материала, полному осознанию учащимися правильного употребления соответствующих лексико-грамматических единиц.

Обобщая сказанное, приходим к выводу о том, что потенциальные возможности сказок как будущих учебных текстов весьма велики.

Несколько слов о том, как обрабатывается материал сказки в соответствии с учебными целями.

Что к чему подбирается – сказка к определенной лексико-грамматической теме или наоборот? Здесь необходимо выявить глубокое органическое соответствие того и другого – именно выявить, а не создать. Понятно, что не всякая сказка может быть использована в качестве учебного материала или, так сказать, заготовки для него. Чтобы сказка могла быть использована таким образом, в ней должны быть изначально заложены определенные лексико-грамматические аспекты – может быть, в потенции, которая выявляется в ходе развития сюжетной ситуации. Специально закладывать туда эти темы не нужно – можно исказить сам материал.

При обработке материала сказки в соответствии с учебными целями не должно быть никакого насилия, то есть сказку нельзя специально переложить на какой-то лексико-грамматический материал. Конечно, приходится вносить изменения, нередко значительные. Выбор лексико-грамматической темы определяется, вероятнее всего, не столько языком сказки, сколько сюжетом и содержательными ее возможностями. Но эти изменения не должны разрушать сказку, в частности, не стоит выходить за пределы определенного пласта лексики и менять грамматический строй сказки.

Чтобы не перегружать учащихся, необходимо ограничить количество незнакомой или малочастотной лексики и снять некоторые грамматические трудности, не относящиеся к делу. Однако, обрабатывая материал сказки, нужно соблюдать известный такт в отношении ее лексических и грамматических особенностей.

Какие сказки используются? Самые различные – как народные, так и литературные, как написанные по-русски, так и переводные.

Отличие сказок народных и литературных проявляется на уровне лексики и грамматики, отличаются они и представленными в них типами текста. В литературных сказках больше развит такой тип текста, как описание, встречается рассуждение. Литературные сказки нередко большие по объему, народная сказка компактнее. Из пространного текста литературной сказки можно выбрать законченный эпизод.

Автором настоящей статьи на материале сказок подготовлено пособие для иностранных учащихся «Читая сказки...», которое выйдет из печати в начале 2009 г. Пособие содержит около 100 текстов по различным лексико-грамматическим темам, а также краткий очерк особенностей русских народных сказок.

К пособию разработано приложение в виде небольшого толкового словаря. При обработке материала сказок необходимо сохранить общий сказочный колорит, поэтому в отдельных случаях в текстах приходится оставлять отдельные малоупотребительные слова, архаизмы, историзмы, обладающие наибольшей выразительностью или обозначающие предметы, играющие важную роль в повествовании. Таких слов в пособии в целом немного. Чтобы минимизировать дополнительные трудности, такие слова выносятся в словарь.

Многие тексты, вошедшие в пособие, уже неоднократно апробированы автором в иностранной аудитории и полностью оправдали все ожидания.

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ В КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В практике преподавания русского языка как иностранного накоплен основательный опыт проведения домашнего чтения. Важность и необходимость этого вида речевой деятельности неоспоримы. Однако следует признать, что в связи с дефицитом времени у учащихся и их загруженностью специальными дисциплинами в последнее время ставится под сомнение необходимость систематического проведения домашнего чтения в процессе обучения. Здесь уместно указать на неоднозначную трактовку самого понятия «домашнее чтение». Некоторые методисты и преподаватели-практики трактуют домашнее чтение как самостоятельное чтение *дома текстов учебника* с последующей работой в аудитории под контролем преподавателя. Мы понимаем под домашним чтением самостоятельное чтение учащимися во внеаудиторное время *специально подобранных и адаптированных* для этой цели текстов (с соответствующими заданиями к ним) и проверкой понимания их содержания преподавателем в классе.

Такое чтение должно быть обильным и систематическим, на что указывал еще академик Л.В. Щерба, который подчеркивал, что научиться читать можно только читая. Известный методист З.М. Цветкова указывала на то, что домашнее чтение должно быть прежде всего чтением для удовольствия, при котором язык используется не как предмет изучения, а прежде всего как средство понимания содержания читаемого. Такое понимание возможно уже на основе знакомых грамматических явлений и в основном знакомой лексики. Предполагается, что на материале текстов учебника (в классе и дома) приобретаются необходимые навыки и умения работать самостоятельно, а их развитие и совершенствование происходит как раз на материале текстов для домашнего чтения. Известно, что самостоятельная работа занимает приблизительно 40 процентов общего бюджета студенческого времени, поэтому развитие навыков самостоятельной работы с текстом необходимо начинать с первых дней обучения.

Систематическое домашнее чтение целесообразно проводить (под руководством преподавателя и под его контролем) с начала второго семестра, когда учащиеся уже владеют определенными навыками и умениями в области чтения и самостоятельной работы с текстом. При отборе и составлении текстов для домашнего чтения следует учитывать ряд важных моментов. Один из главных – это отбор текстов, интересных и познавательных, доступных в плане языка и содержания. Отбор материалов для домашнего чтения имеет первостепенное значение. Это мо-

гут быть не только художественные произведения классиков и современных писателей, рассказы, научно-популярные статьи, связанные с будущей специальностью учащихся. Текстовые материалы для домашнего чтения должны иметь непосредственное отношение к истории, культуре, современным реалиям жизни страны изучаемого языка.

Необходимым компонентом при обучении домашнему чтению является развитие у учащихся языковой догадки. Чтобы читать много, надо читать быстро. Если учащийся каждый раз при виде незнакомого слова будет обращаться к словарю, у него не появится желание читать на изучаемом языке как можно больше. Как показывает опыт нашей работы, подтвержденный данными диагностирующих срезов, одной из причин, затрудняющих понимание иноязычных текстов, является недостаточное владение приемами языковой догадки при встрече с незнакомыми, а чаще кажущимися незнакомыми словами, поэтому проблема обучения приемам языковой догадки является неотъемлемой составляющей обучения чтению вообще и домашнему чтению в частности.

Для успешного возникновения догадки на основе законов словообразования русского языка необходимо научить иностранцев анализировать комплекс языковых данных, сопоставлять неизвестное с известным, используя аналогию и различные виды переноса. Владение важнейшими словообразовательными моделями как схемами образования производных значительно облегчает и ускоряет понимание незнакомых слов.

В процессе обучения догадке необходимо обучать использованию контекста, роль которого зависит от ряда факторов: от качества содержащихся в нем определений, степени конкретности, количества, входящих в контекст слов. Кроме того, значительную роль играет эрудиция учащихся, их общекультурная и языковая подготовка. Принимать во внимание следует и умение учащихся при чтении текстов находить «смысловые вехи», позволяющие быстро ориентироваться в содержании читаемого и более точно антиципировать значения слов. Этот процесс тесно связан с предвосхищением. Предвосхищению способствует ряд факторов:

1. речевой опыт учащихся (чем он богаче, тем точнее прогнозирование, тем полнее и глубже понимание).
2. психологическая активность читающего, обусловленная заинтересованностью и потребностью в получении необходимой информации.
3. структура текста, позволяющая осуществлять первичное ознакомительное чтение с общим охватом содержания и нахождение основных «смысловых вех».

Соответственно, тексты, предназначенные для самостоятельного домашнего чтения, должны быть адаптированы. В связи с этим возникает проблема отбора и адаптации текстов для домашнего чтения.

Адаптация, являясь одним из путей снятия трудностей, рассматривается нами как совокупность приемов, направленных на такого рода обработку оригинального текста, которая, с одной стороны, делает его посильным для понимания учащимся данного уровня, а с другой – позволяет на его основе решать ряд учебных задач. Подход к выбору текстов для адаптации должен быть очень осторожным, так как есть тексты, которые в силу своих художественных особенностей или вообще не поддаются адаптации, или поддаются на определенном уровне.

При выборе текстов для адаптации важно учитывать такие факторы как: а) языковая доступность текста, б) одноплановость и несложность сюжета, в) наличие познавательной информации. В процессе адаптации происходят различные изменения в размещении логических центров и распределении деталей текста, поэтому адаптирующий должен уделять особое внимание логическим связям внутри адаптируемого текста. Приспосабливая оригинальный текст к определенному уровню обучающихся, необходимо посмотреть на текст их глазами. Составитель текста воспринимает его через призму оригинала, сохраняя в памяти детали оригинального текста, и поэтому при чтении воспринимает гораздо больше информации, чем обучающийся, который не может «перекинуть логических мостиков» между отсутствующими частями текста. Это может стать причиной неполного или искаженного восприятия адаптированного текста. При адаптации необходимо учитывать следующие требования: не нарушать логическую основу текста-оригинала, сохранять основную ментальную и эстетическую информацию текста, уровень адаптации должен соответствовать языковой подготовке учащихся.

Текст является не только базой, на которой студенты строят свои высказывания и участвуют в общении, но и передает учащимся информацию о социо-культурных особенностях страны изучаемого языка. Требования к современной системе обучения диктуют создание текстовых материалов нового поколения, где текст как важный источник информации о стране изучаемого языка выполняет не только коммуникативную функцию, но и нравственно-этическую. Одним из важнейших условий успешной работы в этом направлении является разумное сочетание традиций и новаторских тенденций.

На кафедре русского языка №2 Факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН готовится пособие для домашнего чтения с учетом современных требований. Анализ результатов апроба-

ции уже созданных текстов и анкетирования [1,2] позволил определить наиболее приоритетные темы, интересующие студентов:

1. занимательные, интересные истории о современной русской жизни.
2. о жизни молодежи и студенчества.
3. об известных людях современной России: ученых, писателях, спортсменах, космонавтах и др.
4. о городах России (о Москве, Санкт-Петербурге, старинных русских городах).
5. о разных регионах России (Сибири, Севере, Урале и др.).
6. об истории России.
7. интересные фантастические и детективные истории.
8. русские сказки.

Что касается сказок, то по поводу их включения в пособие для домашнего чтения существуют разные взгляды. Мы солидарны с теми из авторов [5,6], которые считают, что сказки как культурный феномен народа, отражающий особенности национального менталитета, должны быть обязательно включены в круг тем для домашнего чтения. Занимательная и познавательная русская сказка, как правило, несет в себе позитивную информацию, когда добро побеждает зло. Следует заметить, что создание учебных текстов на материале сказок – процесс трудоемкий, а сам материал достаточно «капризный». В этом случае особенно важную роль играет методический аппарат к текстам (предисловия, комментарии, сноски, примечания), которые снимают культурологические и языковые трудности при понимании текста.

Домашнее чтение осуществляется под контролем преподавателя, и студент должен быть готов к этому контролю. Прежде всего контролируется степень понимания содержания прочитанного текста. Методы проверки разнообразны, они достаточно подробно описаны З.И. Клычниковой [3], которая считает пересказ наиболее удачной формой проверки понимания прочитанного. На наш взгляд, при контроле домашнего чтения допустим лишь выборочный пересказ отдельных интересных фрагментов текста.

Что касается объема текстов для домашнего чтения, то он вариативен. В среднем объем не превышает двух-трех страниц, однако если этот текст детективного или приключенческого жанра (что студенты любят), то его можно разбить на отдельные главки, после которых даются соответствующие задания.

Как показала практика, для домашнего чтения должно быть много разных текстов, отвечающих запросам различных категорий учащихся. Систематическое проведение домашнего чтения не только укрепляет и

развивает навыки чтения, но и расширяет кругозор студентов, стимулируя их желание читать еще больше и лучше.

Литература

Большакова Н.Г. Учет читательских интересов иностранных учащихся при составлении текстов для чтения / Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно-практической конференции 22-24 ноября 2007 г. М., 2007.

Большакова Н.Г. Учебные тексты как отражение реалий и культурно-исторических ценностей России / Вестник ЦМО № 7, ч. 1-2. Филология. Культура. Методика. М.: МГУ, 2007. Всероссийский симпозиум РОПРЯЛ.

Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтения на иностранном языке. М., 1973.

Поварова В.Н. Проблема домашнего чтения на подготовительном факультете / Лингвометодические проблемы обучения русскому языку студентов-иностранцев. М.: УДН, 1983.

Сергеева О.М. Сказка как учебный материал на уроках русского языка для иностранцев / Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно-практической конференции 22-24 ноября 2007 г. М., 2007.

Ершова Л.В. Художественное пространство в текстах русских волшебных сказок / Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно-практической конференции 22-24 ноября 2007 г. М., 2007.

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕМАТИКА И ЛЕКСИКА НА УРОКАХ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ. СРЕДНИЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ

На среднем этапе изучения русского языка у студентов медицинского профиля общеупотребительный стиль речи естественно становится все более и более органично сочетаемым с профессиональным языком их будущей медицинской специальности. К этому студентов приводит изучающее чтение текстов, насыщенных медицинской лексикой, преемственный курс для студентов-медиков, самостоятельное чтение медицинской литературы и учебных текстов, ориентированных на будущую специальность, а также уроки домашнего чтения, направленные на знакомство с медицинской практикой и терминологией, вызывающие и подкрепляющие живой интерес к будущей профессии.

Одна из первых встреч с медицинскими терминами у студентов подготовительного факультета происходит при изучении текста «Механические руки» (В.Н. Ванеева «Учебник русского языка для лиц, говорящих на французском языке»), где студенты знакомятся с такими терминами:

- центральная нервная система,
- биологические токи, мышцы.

Из текста «Таинственное озеро» в этом же учебнике студенты узнают об опасном действии на организм человека ядовитых паров ртути. Изучая грамматическую тему «Выражение причины» и читая текст «Победа над смертью», студенты получают в свой словарный запас такие медицинские понятия, как «клиническая смерть» и «биологическая смерть», а также узнают возможности и секреты оживления человека.

Пособие Е.С. Кузьминой «Тексты для самостоятельного чтения. Естественно-биологический профиль», М., РУДН, 2002 г., в интересной занимательной форме знакомит студентов с великими открытиями в медицине: «Как открыли кислород», «Как были открыты витамины» – и побуждают учащихся к самостоятельному чтению литературы по выбранной специальности.

Пособие Горшечниковой Т.П. и Стрелковской В.П. «Тексты для чтения по научному стилю речи для студентов-медиков», являясь частью комплекса «Учебные пособия по научному стилю речи», М., РУДН, 2002 г., дополняет сугубо научный материал пособия. В увлекательной форме такие тексты, как «Открытие Левенгука», «Вода в живом организме», «Прочны ли наши кости», «Фабрика крови», «Золотой мальчик», знакомят будущих медиков с необходимой информацией, раскрывающей секреты деятельности некоторых органов и систем человека.

Уроки домашнего чтения направлены на повышение интереса студентов к самостоятельному чтению медицинской литературы, самоподготовке к будущей профессии.

Введение уже на начальном этапе литературного материала в качестве национально-культурного и профессионально ориентированного компонента уроков грамматики позволяет на среднем этапе обучения языку логически перейти к представителям великого русского языка – русским писателям-врачам А.П. Чехову, М.А. Булгакову, В.И. Далю, В.В. Вересаеву – в пособии для домашнего чтения В.Ю. Семак, Е.С. Кузьминой, Н.М. Курмаевой, О.М. Щербаковой «Клятва Гиппократа», тексты для чтения и развития речи, М., РУДП, 1998 г.

Пособие знакомит студентов с великим Гиппократом, который стал «Звездой и светом полезнейшего для жизни врачебного искусства», книги которого «известны всем врачам и ценятся как глас Бога...»

Уроки для будущих медиков на материале рассказов пособия, насыщенных медицинскими сюжетами и профессиональной лексикой, вызывают высокую активность студентов при обсуждении медицинских проблем и ситуаций, которые живо интересуют каждого, так как студенты могут применить полученные знания в своей будущей профессиональной деятельности, с интересом решают проблемы, которые могут возникнуть у будущего врача.

И в этом случае можно сказать, что преподаватель решает центральную проблему обучения языку: как довести учащегося до автономной самостоятельной деятельности в изучении и использовании языка.

«Спонтанное выражение своего мнения», «раскрепощенная речь», «творческое использование языка» – все это шаги к достижению главной цели обучения языку, которые помогают студенту перейти от накапливания знаний к реальному использованию этих знаний и фактов в профессиональном речевом общении» (Г. Лозанов, «Методика преподавания иностранных языков за рубежом» II, М., «Прогресс», 1976 г.).

Идея, пропагандируемая М. Риверс, «Пусть они говорят то, что им хочется сказать!», как нельзя лучше реализуется в условиях, когда обучаемый погружается в тему, сюжет, лексику, близкие ему, интересующие его, в данном случае в качестве инструмента профессиональной деятельности.

Пособие знакомит студентов с самыми значительными трудами Гиппократа, такими, как «Гиппократов сборник», являющийся энциклопедией древнегреческой школы медиков классического периода. В пособии рассказывается об очень важных и современных идеях Гиппократа, таких, например, как утверждение, что настоящий врач должен лечить не болезнь, а больного, то есть организм, а не только больной орган.

Студенты знакомятся с медицинскими терминами, введенными Гиппократом: анамнез, прогноз, этиология, темпераменты и другими. Студенты впервые изучают Клятву Гиппократа, которую им предстоит дать на первом курсе медицинского факультета. Клятву врача, которая объединяет врачей всех континентов земного шара.

При введении будущего медика в специальность важным является текст «Секреты китайской медицины», повествующий об оригинальных медицинских теориях и практике древней китайской медицины, многие методы которой используются и сейчас и не только в Китае.

Тексты общего литературно-медицинского характера последовательно и естественно подводят студентов к главному содержанию пособия, к рассказам русских писателей-медиков, которые, будучи замечательными русскими писателями, одновременно известны как врач-носители высоких нравственных идеалов и гуманных помыслов, истинные последователи Клятвы Гиппократа.

Открывает эти страницы рассказ «Жизнь и смерть доктора Чехова», знакомство с которым дает студенту представление о русском писателе-враче, который был великим диагностом человеческой души, создавшим точную и острую, как скальпель, прозу. В рассказе очень ценными для студента являются такие выражения, как «Желание служить доброму делу было у Чехова условием личного счастья, и это проявлялось в его медицинской практике». «Но даже тогда, когда исчезнут все болезни, описанные Чеховым, «чужая боль», которую так глубоко понимал и чувствовал доктор Чехов, будет волновать человеческое сердце и особенно сердце врача».

Эмоциональное восприятие героев и проблем пособия продолжает и подкрепляет рассказ «Доктор Дымов» по рассказу «Попрыгунья» А.П. Чехова. Доктор Дымов для студентов – это идеал врача, который умирает, потому что жертвует собой. «Какая нравственная сила! Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло. Служил науке и умер от науки!» Этот рассказ является как бы продолжением «Клятвы Гиппократа», иллюстрацией того, как на практике должны реализоваться теоретические требования к врачу.

Рассказ А.П. Чехова «Враги» предупреждает будущего медика о необходимости сохранения в любой сложной ситуации человеческого достоинства врача, о неразменности такой монеты, как профессиональный долг и высокое моральное достоинство врача.

Знакомство с В.В. Вересаевым – повесть «Без дороги» – дает студенту возможность узнать, как происходит становление характера врача, какие трудности преодолевает молодой врач, прежде чем стать признанным специалистом и уважаемым профессионалом.

«Уважению ко всему и за все», которому учился писатель-врач В.В. Вересаев у великого писателя Л.Н. Толстого, учит студентов рассказ «Лев Толстой – писатель и В.В. Вересаев – врач».

Конкретная медицинская практика описана в рассказе М.А. Булгакова «Стальное горло». Рассказ учит, какие умения должен воспитывать в себе врач, как практически происходит становление профессионального опыта врача, какие нравственные трудности преодолевает молодой врач, прежде чем стать опытным доктором, которому доверяют больные, какие черты характера необходимы настоящему врачу, которому часто приходится спасать жизнь человеку.

В рассказе В.И. Даля «Смерть Пушкина» описаны страдания больного, умирающего Пушкина и врача, который пытался спасти поэта от смерти.

Естественное сочетание двух стилей речи – общелитературного и научного – делает особенно ценными уроки внеклассного чтения по указанным пособиям. Творчество представленных в пособиях писателей вызывает неподдельный интерес у иностранных студентов, будущих медиков, начавших изучать русский язык с имени Пушкина и продолжающих совершенствовать его на профессионально ориентированном материале, на текстах о лучших представителях выбранной студентами специальности, о важнейших открытиях медицинской науки.

В текстах описаны многие болезни, способы распознавания и лечения этих болезней, такие, например, как лихорадка, туберкулез, столбняк, дифтерит, заражение, тиф, чума, холера, оспа. Студенты познакомились также с такими важными медицинскими терминами, как иммунитет, больничный лист, скальпель, вскрытие, деонтология, иглоукалывание, анестезия.

И важно, что это происходит не на специальных медицинских лекциях, не на уроках научного языка, готовящих студентов к изучению медицины, а все эти познания студенты приобретают на уроках внеклассного чтения по грамматике, воспринимаемая таким образом специальный язык естественным компонентом общелитературного языка. Литературное произведение стало для студента «некою естественной наблюдательной площадкой, где можно узреть все наиболее существенные признаки» будущей профессиональной речи, ибо студент непосредственно и естественным образом обращается к изучению конкретных словесных структур, к «живой воде будущего профессионального» медицинского языка (В.В. Виноградов, «О языке художественной прозы», М., «Наука», 1980 г.).

Речь студента ассимилируется со структурой изучаемого им языка, синтез общеупотребительной и специальной медицинской лексики «становится нормой языка студента, все ближе и естественнее подводя его к будущей специальности, к новому понятию его рабочего языка» (В.В. Виноградов).

О ПОДГОТОВКЕ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕКСТА

Преподаватель иностранного языка, приступая к работе с новым текстом, подобранным в соответствии с учебным планом, уровнем языковой компетенции учащихся и их коммуникативными потребностями, всегда ищет эффективные способы донести до студентов содержащуюся в нём информацию, организовать её воспроизведение наиболее оптимальным образом и тем самым создать базу для её применения в соответствующих коммуникативных ситуациях. Казалось бы, эти вопросы давно решены методической наукой. В действительности подготовка того или другого конкретного текста к использованию в учебном процессе имеет свои особенности.

В последние годы в практику обучения русскому языку как иностранному широко входит аутентичный профессионально ориентированный текст – неадаптированная статья из рекомендованного студентам учебника/учебного пособия/учебного сайта по математике, химии и т.д., содержащая не только специальную терминологию, обозначения, формулы, таблицы, графики и под., но и несущая индивидуальные особенности стиля её автора/авторов. В качестве примера можно предложить статью из «Толкового словаря по физике атомного ядра и частиц» (авторы Б.С. Ишханов, И.М. Капитонов, Э.И. Кэбин), помещённого на сайте физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Ядерная физика в Интернете»¹:

Спин²

(1) Спин (от англ. spin – вращаться) – собственный момент количества движения элементарной частицы, имеющий квантовую природу и не связанный с её перемещением в пространстве как целого. (1) Спин отвечает неотъемлемому и неизменному внутреннему вращательному состоянию, присущему частице, хотя это вращательное состояние нельзя трактовать классически – как вращение тела вокруг собственной

¹ Вариант этой статьи см. в книге [Ишханов и др.]. Материалы книги и сайта рекомендованы учащимся физического факультета в качестве обязательных учебных пособий.

² Для удобства работы пронумеруем абзацы (полужирное выделение) и предложения (цифры в скобках после каждого предложения) в тексте.

оси. (2) Наряду со спином, любая частица, перемещаясь как целое в пространстве (например, по замкнутой орбите) относительно некой внешней точки (центра орбиты), имеет относительно этой точки внешний или орбитальный момент количества движения. (3)

(2) Спин был первоначально введён для того, чтобы объяснить экспериментально наблюдаемый факт, что многие спектральные линии в атомных спектрах состоят из двух отдельно расположенных линий. (1) Например, первая линия серии Бальмера в атоме водорода, которая проявляется при переходах между уровнями с $n = 3$ и $n = 2$, должна наблюдаться как одиночная линия с длиной волны $\lambda = 6563 \text{ \AA}$, однако на самом деле наблюдались две линии с расстоянием между ними $\Delta\lambda = 1,4 \text{ \AA}$. (2) Это расщепление первоначально связывалось с ещё одной дополнительной степенью свободы электрона – вращением. (3) Предполагалось, что электрон можно рассматривать как классический вращающийся волчок, и величина спин связывалась с его характеристикой вращения. (4) На самом деле, как выяснилось позже, спин имеет квантовую природу и не связан с какими-либо перемещениями частицы в пространстве. (5) Величина вектора спина \vec{S} равна $\hbar[s(s+1)]^{1/2}$, где $\hbar = h/2\pi$ (h – постоянная Планка), а s – квантовое число спина, т.е. характерное для каждой частицы полуцелое или целое положительное число (оно может быть и нулевым). (6) Частицы с целым спином называются бозонами, с полуцелым – фермионами. (7)

(3) Понятие спина применяют и к сложным, составным микрообъектам – атомам, атомным ядрам, адронам. (1) В этом случае под спином понимают момент количества движения микрообъекта в состоянии покоя, т.е. когда орбитальный (внешний) момент количества движения микрообъекта отсутствует. (2) Спины составных микрообъектов являются векторной суммой спиновых и орбитальных моментов входящих в их состав частиц – ядра и электронов в случае атома, протонов и нейтронов в случае ядра, кварков в случае протона, нейтрона и других адронов. (3)

Подготовка статьи к использованию в учебном процессе начинается с её детального изучения с точки зрения структуры, синтаксических средств организации текста, лексического наполнения его строевых единиц, морфологических форм, что помогает выявить закономерности построения текста, его логико-смысловые связи, необходимые для понимания содержания. Анализируя профессионально ориентированный текст, важно обратить внимание на терминологию, на особенности структуры терминологических сочетаний различных типов. В процессе изучения статьи преподавателем составляются рабочие схемы, таблицы, списки слов, грамматических конструкций и под. Такое препарирование текста даёт возможность полностью учесть все его составные элементы и представить их в качестве материала для различного рода заданий,

которые затем будут предложены учащимся. Чтобы не «утонуть» в обилии разнородного языкового материала, необходимо сразу определить, какой речевой продукт (текст) должен быть получен по завершении работы над статьёй. В зависимости от целей (рецептивных или репродуктивно-продуктивных) использования отдельных языковых единиц их необходимо отрабатывать соответствующим образом, то есть лексические и грамматические единицы нужно включать в обучение в определённые моменты и в нужные типы заданий.

Предлагаемая статья учебника (учебник понимается в широком смысле), информация которой должна быть усвоена учащимися в полном объёме, читается методом изучающего чтения.

В соответствии со сложившейся практикой обработки текста для изучающего чтения работа над статьёй включает четыре этапа: I – подготовка к чтению статьи, II – чтение статьи с предварительной целевой постановкой, III – контроль понимания прочитанного, IV – подготовка воспроизведения содержания статьи. Каждый из этих этапов должен быть обеспечен соответствующим набором заданий.

Несколько пожеланий, касающихся составления заданий:

1) систему заданий логично выстраивать по схеме: слово – словосочетание – предложение – текст, 2) задания должны стимулировать собственную познавательную активность учащихся, 3) лексические единицы внутри заданий удобно располагать в алфавитном порядке, за исключением тех случаев, когда первым идёт более простое, более знакомое слово, 4) полезно снабжать задание образцом его выполнения, 5) задание должно содержать опоры, необходимые для его выполнения (например, суффиксальные элементы для образования прилагательных, – см. далее задание 7), различный материал для справок (задания 4, 25), 6) при составлении заданий нужно обеспечить повторяемость лексико-грамматических единиц (7 ± 2 повторения одного слова, словосочетания, формы слова и под.), 7) важные для понимания и последующего воспроизведения содержания элементы текста должны быть самостоятельно «получены» (вычленены, образованы, составлены, произнесены) учащимися в результате выполнения заданий, 8) при составлении заданий к данной статье надо учитывать, что она является звеном в ряду других профессионально ориентированных текстов, поэтому нельзя забывать о семантических и парадигматических связях внутри этой подсистемы языка, 9) полезно снабдить задания ключами, которые могут выполнять как функцию помощника, так и контролируемую функцию, 10) составляя задания, следует обдумать форму их выполнения (устно/письменно, под руководством преподавателя/самостоятельно и др.), 11) при составлении заданий к профессионально ориентированному тексту преподавателю-русисту необходимы консультации специалиста в данном научном направлении.

Перейдём к демонстрации набора заданий к статье «Слин».

До знакомства со статьёй обычно выполняются, как известно, предтекстовые задания, направленные на снятие трудностей языкового характера при чтении текста. Традиционно в эту группу входят задания, отсылающие учащихся к словарю¹, предполагающие нахождение однокоренных слов, синонимов, антонимов, подбор словообразовательных рядов.

Разумеется, при работе над научным текстом следует обратить внимание на терминологию. Для семантизации терминов, их активизации в языковом сознании учащихся возможна группировка по какому-либо признаку (задания 1, 2), использование опор, позволяющих студентам сформулировать значение слова (задание 5). Термины-отглагольные существительные обязательно включаются в общую систему соответствий отглагольных существительных и глаголов несовершенного и совершенного вида. Это удобно сделать, используя таблицу (задание 6). Пустые клетки в ней оставим для тех слов, которые для нашей статьи можно считать ключевыми. Работая с таблицей, нужно сделать акцент на одновидовых глаголах. Нелишне показать знаком (-) отсутствие форм совершенного вида у отдельных глаголов. При заполнении таблицы нужно обращать внимание студентов на способы образования отглагольных существительных, в нашем случае – при помощи различных суффиксов (-енис, -ие, -j-, нулевой суффикс). Затем обычно следует задание, показывающее особенности управления отглагольных существительных². Оно может иметь различные формулировки (например: замените глагольные словосочетания именными). В задании 7 использовано преобразование предложения с целью описания текста, что найдёт продолжение в III разделе.

В предтекстовой работе важно обратить внимание на образование форм, трудных для инофонов: некоторых прилагательных (задание 8), деепричастий (задание 9), причастий (задание 12).

До текста можно также выполнить задания на построение словосочетаний типа существительное + существительное в родительном падеже (падеж обозначается цифрой в скобках) и глагол + наречие (задания 10 и 11), что нетрудно сделать при помощи образца.³

Управление глаголов, кратких прилагательных и причастий, некоторых существительных удобно отрабатывать, используя таблицу (задание 13). Помещая существительные в правую часть таблицы, следует учитывать их значимость для понимания статьи, их формальные при-

¹ Заметим, что словарь не всегда позволяет адекватно определить значение слова (недаром одно из современных пособий по лексике называется «Когда не помогают словари...» [Аркадьева и др.]). Однако понятно, что без обращения к словарю довольно трудно установить значение слов с абстрактной семантикой, например, см. далее задание 3).

² Об образовании одного слова от другого говорим условно, так как трудно достоверно установить последовательность образования слов.

³ Вообще же структуру терминологических словосочетаний целесообразно отрабатывать после чтения текста и детального выяснения его содержания в разделе IV (см. задания 27–29).

знаки (род и число). Табличная форма подходит для всех названных единиц, особенно в тех случаях, когда трудно сгруппировать языковой материал текста по какому-либо семантическому принципу. Если группировка возможна, рациональнее использовать задание типа 14.

Статья «Спин» не первая в ряду профессионально ориентированных текстов, с которыми знакомятся иностранные учащиеся физического факультета, поэтому предикативные конструкции целесообразно отработать на базе дополнительного текста, содержательная сторона которого известна студентам.

В заданиях 16 – 17 на базе микротекстов (предложений) выясняется семантика отдельных лексических и грамматических единиц.

Завершает подготовительный раздел задание 18, привлекающее внимание учащихся к именам двух учёных, внёсших вклад в формирование научной системы знаний: нужно расширять не только профессиональную, но и общекультурную компетенцию студентов. Разумеется, преподаватель, работая с данной статьёй, должен иметь хотя бы краткие сведения об этих деятелях науки.

Итак, раздел предтекстовых заданий имеет такой вид:

1

Задание 1. Среди следующих существительных укажите слова, называющие а) частицы, б) систему частиц.

Адрон, атом, кварк, нейтрон, протон, электрон, ядро.

Задание 2. Среди следующих существительных укажите слова, которые могут войти в тематическую группу а) «линия», б) «точка».

Орбита, ось, пространство, тело, центр.

Задание 3. Проверьте, знаете ли вы следующие существительные. Значение незнакомых слов уточните по словарю.

Величина, волна, волчок, движение, длина, количество, момент, природа, расстояние, серия, случай, состояние, степень, уровень, факт, характеристика.

Задание 4. Назовите слова и словосочетания, которые могут выступать как антонимы к следующим. Можете пользоваться материалом для справок.

Внутреннее состояние, зависимость частицы, макрообъект, множество объектов, объект как целое, основная линия, переменная величина, положительное число, присутствовать, простой объект, разность величин.

Материал для справок: внешний, дополнительный, микрообъект, одиночный, отрицательный, отсутствовать, постоянный, свобода, сложный, сумма, частица объекта.

Задание 5. Прочитайте предложения. Скажите, в каком из них слово «целое» 1) является а) существительным среднего рода,

б) прилагательным? 2) имеет значение а) 'имеющий внутреннее единство', 'имеющий полный состав', б) 'не имеющий дроби'?

1. Нужно разделить дробь на целое число. 2. Рассмотрим сложный объект как целое.

Задание 6. Заполните таблицу. Какие из этих глаголов являются одновидовыми?

глагол несовершенного вида	глагол совершенного вида	существительное
вращаться	–	
двигаться	–	
	–	отсутствие
	переместить	
переходить		
		предположение
		применение
покоиться	–	
	расщепить	

Задание 7. Скажите, о чём идёт речь в следующих предложениях?

Образец: Термин применяется к определённому объекту. – В этом предложении речь идёт о применении термина к определённому объекту.

1. Тело вращается. 2. Объект перемещается. 3. Линия расщепляется. 4. Частица движется.

Задание 8. Назовите прилагательные, однокоренные с данными существительными. Используйте данные справа суффиксальные элементы.

атом	– н –	квант	– ов/ев –
вектор		нуль	
состав		спин	
орбита	– льн –	элемент	– арн –
спектр		вращение	

Задание 9. Образуйте деепричастие от глагола перемещаться.

Образец: вращаться – вращаясь.

Задание 10. Составьте словосочетания, поставив второе существительное в родительном (2) падеже.

атом	водород	состояние	покой		
длина		волна		центр	орбита
постоянная		Планк			

Задание 11. Замените словосочетание существительного и прилагательного словосочетанием глагола и наречия.

Образец: первоначальное объяснение – объяснять первоначально.

Экспериментальное наблюдение, классическое понимание.

Задание 12. А. Назовите глаголы, от которых образованы следующие причастия.

Вращающийся, входящий, имеющий, наблюдаемый, замкнутый, расположенный, связанный.

Б. Распределите причастия из задания А по графам таблицы.

	активные причастия		пассивные причастия	
	настоящего времени	прошедшего времени	настоящего времени	прошедшего времени
НСВ				
СВ				

В. Измените словосочетания по образцу.

Образец: линия, которую замкнули – замкнутая линия.

Частица, которая имеет квантовую природу; частица, которая входит в состав микрообъекта; волчок, который вращается; факт, который наблюдают; линия, которую расположили отдельно; величина, которую первоначально связали с перемещением объекта.

Задание 13. Составьте словосочетания.

А.

иметь <i>что</i>	определённая природа
отвечать <i>чему</i>	вращение, перемещение
применять <i>что</i> <i>к чему</i>	понятие, термин объект, понятие

Б.

введён <i>для чего</i>	объяснение
присущ <i>чему</i>	объект, частица
равен <i>чему</i>	произведение, сумма
связан <i>с чем</i>	вращение, перемещение
характерен <i>для чего</i>	частица, объект

В.

вращение <i>чего</i> <i>вокруг чего</i>	тело, волчок ось
перемещение <i>чего</i> <i>в чём</i> <i>по чему</i> <i>относительно чего</i>	тело, объект пространство орбита точка, центр
переход <i>между чем</i>	уровни

Задание 14. Познакомьтесь со следующими конструкциями. Скажите, какая группа конструкций используется а) для общей характеристики объекта/явления, б) для выражения условной квалификации объекта, в) для определения термина, г) для характеристики состава объекта?

А. называться *чем*

- Б. являться *чем*
 В. понимать *что (4) под чем*
 рассматривать *что (4) как что(4)*
 Г. входить в состав *чего*
 состоять из *чего*

Задание 15. А. Прочитайте текст. Скажите, что нового вы узнали из этого текста?

Термин «атом» был введён в науку ещё в древности. Тогда атом рассматривали как неделимую частицу. Сегодня атомом называется мельчайшая частица химического элемента, сохраняющая его свойства. Иногда под термином «атом» понимают как сам атом, так и его ионы. Эти определения отвечают современным научным знаниям.

Атом имеет положительно заряженное ядро, которое окружают отрицательно заряженные электроны. Атом можно рассматривать как систему N электронов, движущихся вокруг неподвижного притягивающего центра. Ядро атома состоит из протонов и нейтронов. Число электронов в атоме равно числу протонов в ядре.

Основной характеристикой атома является заряд его ядра, с которым связана принадлежность атома к определённому элементу.

Б. Ответьте на вопросы, используя конструкции из заданий 13 и 14.

1. Когда был введён в науку термин «атом»?
2. Как в древности рассматривали атом?
3. Что сегодня называется атомом?
4. Что сегодня иногда понимают под термином «атом»?
5. Чему отвечают данные определения?
6. Что имеет атом?
7. Как можно рассматривать атом?
8. Какие частицы входят в состав ядра атома?
9. Чему равно число электронов в атоме?
10. Что является основной характеристикой атома?
11. Что связано с зарядом ядра атома?

Задание 16. На основании данной информации ответьте на вопрос.

Ядро – неотъемлемая часть атома. Может ли атом существовать без ядра?

Задание 17. На основании данной информации дополните предложения.

1. В случае атома частицами можно считать ядро и электроны. – Если речь идёт об ... , (то)
2. В случае ядра частицами являются протоны и нейтроны. – Когда мы говорим о ... , (то)

Задание 18. Сейчас вы будете читать статью, в которой встретите следующие имена: И. Бальмер, М. Планк. Вспомните и расскажите, что вы знаете об этих учёных.

Второй этап работы над статьёй, как уже говорилось, – самостоятельное чтение статьи учащимися (про себя) с предварительной целевой установкой (притекстовым заданием). Притекстовое задание должно

поддерживать внимание учащегося во время всего процесса чтения статьи. Сформулировать такое задание можно различными способами: например, завершив чтение, студенты должны ответить на вопрос/вопросы по основному содержанию статьи, на вопрос к её последнему абзацу/предложению, заполнить таблицу, схему. В нашем случае это вопрос, ответ на который можно найти, только прочитав статью до конца. Важно не забывать проверять выполнение этого задания после окончания чтения статьи! Итак, второй раздел:

II

Задание 19. Прочитайте статью. Найдите ответ на вопрос: Существуют ли споры составных микробъектов?

После прочтения статьи контролируется понимание прочитанного. Это третий этап работы. На этом этапе развиваются навыки аналитического чтения (при повторных обращениях к статье), проверяется как общее, так и детальное понимание содержательной стороны текста, что способствует углублению восприятия профессионально значимой информации в целом.

Этот раздел заданий начинается с составления плана статьи, причём в нашем случае формулировки пунктов плана уже даются, и учащиеся должны определить их последовательность (задание 15). Таким образом студенты получают план типового текста «Определение термина». Знакомя учащихся с научной статьёй, с профессионально ориентированным текстом, необходимо привести их к осмыслению композиционно-смысловой структуры текста и показать набор типовых научных текстов, представляющих собой типы высказываний, отражающие наиболее общие темы учебно-профессиональной сферы общения.

Уяснению общего содержания статьи способствует обращение к определяющему для неё термину «момент количества движения» (задание 21) и поиск аналогичной информации (задание 22).

Сегодня очень популярны и привычны учащимся тестовые задания. Предлагаемый в задании 23 тест после его выполнения представляет собой вариант текста (статьи), построенный при помощи известных учащимся конструкций. Хотя предложений в этом варианте почти в два раза больше (25), чем в исходной статье (статья включает 13 предложений), он структурно более прост и понятен студентам. По существу, дополнив предложения теста, студенты получают вариант текста, который в дальнейшем можно использовать для пересказа.

Задания 24 – 26 ставят целью провести подробный анализ содержания статьи по фрагментам предложений, предложениям, абзацам. Такая направленность заданий диктует различное количество вопросов к одному предложению (от 3 до 8), предполагает обобщающие вопросы и, следовательно, ответные высказывания (например, задание 24, 3 пред-

ложение, вопрос 4 или задание 26, 2 предложение, вопрос 3), позволяет детализировать отдельные аспекты содержательной стороны статьи. Среди формулировок вопросов предлагаются варианты, отмеченные знаком (/), например, задание 24, 2 предложение, вопрос 4.

Итак, раздел послетекстовых заданий имеет такой вид:

III

Задание 20¹. Прочитайте следующие словосочетания. Расположите их в соответствии с порядком представления информации в статье. Сделав это, вы получите план статьи.

1 абзац

1. (...) Сущность термина «спин».
2. (...) Виды/типы моментов количества движения элементарных частиц.
3. (...) Лингвистическое происхождение термина «спин».

2 абзац

4. (...) Характеристики спина.
5. (...) Различия в первоначальном и более позднем понимании термина «спин».
6. (...) Классификация частиц в зависимости от спина.
7. (...) Причина введения понятия «спин».

3 абзац

8. (...) Квалификация спинов составных микрообъектов.
9. (...) Определение спина в случае сложного объекта.
10. (...) Применение понятия спина к сложным объектам.

Задание 21. Найдите в статье все определения, относящиеся к понятию «момент количества движения». (О каких моментах количества движения говорится в статье?)

Задание 22. Найдите фрагменты статьи, содержащие аналогичную информацию.

1. Спин соответствует неизменному внутреннему состоянию, которое имеется у частицы. 2. Внутреннее вращательное состояние частицы нельзя понимать классически. 3. Сначала учёные думали, что электрон похож на классический вращающийся волчок. 4. Позже учёные узнали, что спин не связан с перемещением частицы в пространстве.

Задание 23. Выполните тест. Выберите вариант правильного (в соответствии с содержанием статьи) продолжения предложения.

Тест

1. Спин – ... момент количества движения элементарной частицы.
а) орбитальный

¹ Задание требует ключа: (1 абзац) 3, 1, 2, (2 абзац) 7, 5, 4, 6, (3 абзац) 10, 9, 8.

- б) внешний
 - в) собственный
2. Спин имеет ... природу.
 - а) любую
 - б) квантовую
 - в) дополнительную
 3. Спин ... элементарной частицы в пространстве как целого.
 - а) связан с перемещением
 - б) не связан с перемещением
 - в) связан с вращением
 4. Спин соответствует ... вращательному состоянию частицы.
 - а) классическому
 - б) внешнему
 - в) внутреннему
 5. Внутреннее вращательное состояние частицы, которое характеризует спин, это -
 - а) вращение тела вокруг собственной оси
 - б) не вращение тела вокруг собственной оси
 - в) состояние покоя
 6. Любая частица, перемещаясь как целое в пространстве относительно некоей внешней точки, имеет
 - а) только орбитальный момент количества движения
 - б) только спин
 - в) наряду со спином внешний момент количества движения
 7. Эксперименты показали, что многие спектральные линии в атомных спектрах
 - а) являются одиночными
 - б) состоят из двух отдельно расположенных линий
 - в) состоят из двух параллельных линий
 8. Спин был введён
 - а) в 1925 году
 - б) для проведения эксперимента
 - в) для объяснения расщепления многих спектральных линий в атомных спектрах
 9. Сначала учёные предполагали, что
 - а) спин имеет квантовую природу и не связан с какими-либо перемещениями частицы в пространстве
 - б) многие спектральные линии в атомных спектрах состоят из двух отдельно расположенных линий
 - в) электрон – это классический вращающийся волчок и величина спина связана с его характеристикой вращения
 10. \vec{S} – это
 - а) постоянная Планка
 - б) вектор спина

- в) квантовое число спина
11. s - это ...
- постоянная Планка
 - величина вектора спина
 - квантовое число спина
12. Квантовое число спина – это ...
- характерное для каждой частицы полуцелое или целое положительное число
 - только нулевое число
 - характерное для каждой частицы полуцелое или целое отрицательное число
13. Бозон – это частица ... спином.
- с целым
 - с полуцелым
 - с нулевым
14. Фермион - это частица ... спином.
- с целым
 - с полуцелым
 - с нулевым
15. Атомные ядра являются ... объектами.
- простыми
 - элементарными
 - сложными
16. Адроны являются ... объектами.
- элементарными
 - простыми
 - составными
17. Понятие спина применяют ...
- только к элементарным частицам
 - и к элементарным частицам, и к составным микрообъектам
 - только к сложным объектам
18. В случае составных микрообъектов под спином понимают ...
- собственный момент количества движения элементарной частицы
 - орбитальный момент количества движения микрообъекта
 - момент количества движения микрообъекта в состоянии покоя
19. Состояние покоя – это состояние, при котором ...
- внешний момент количества движения микрообъекта присутствует
 - отсутствует внешний момент количества движения микрообъекта
 - тело вращается вокруг собственной оси
20. Спины составных микрообъектов являются ... спиновых и орбитальных моментов входящих в их состав частиц.

- а) нулевым числом
- б) векторной разностью
- в) векторной суммой

21. Спины составных микрообъектов являются векторной суммой ... моментов входящих в их состав частиц.

- а) собственных
- б) спиновых и внешних
- в) только орбитальных

22. Спин атома – это векторная сумма спиновых и орбитальных моментов ...

- а) ядра и электронов
- б) протонов и нейтронов
- в) кварков

23. Спин нейтрона – это векторная сумма спиновых и орбитальных моментов ...

- а) ядра и электронов
- б) протонов и нейтронов
- в) кварков

24. Спин адрона – это векторная сумма спиновых и орбитальных моментов ...

- а) ядра и электронов
- б) протонов и нейтронов
- в) кварков

25. Спин атомного ядра – это векторная сумма спиновых и орбитальных моментов ...

- а) ядра и электронов
- б) протонов и нейтронов
- в) кварков

Задание 24. Прочитайте первый абзац статьи. Ответьте на вопросы.

1 предложение

1. От какого слова происходит термин «спин»? 2. Движение какого объекта здесь рассматривается? 3. О каком моменте количества движения идёт речь? 4. Какую природу имеет собственный момент количества движения элементарной частицы? 5. Как здесь рассматривается частица? 6. Связан ли собственный момент количества движения элементарной частицы с её перемещением в пространстве как целого?

2 предложение

1. Какое состояние присуще частице? 2. Каково классическое понимание вращательного состояния? 3. Можно ли рассматривать внутреннее вращательное состояние частицы как вращение тела вокруг собственной оси? 4. Какое вращательное состояние частицы характеризует/определяет спин?/Какому вращательному состоянию частицы соответствует спин?

3 предложение

1. О каком перемещении частицы здесь идёт речь? 2. Какой пример перемещения любой частицы как целого в пространстве относительно некоей внешней точки здесь приводится? 3. Какой момент количества движения имеет любая частица, которая как целое перемещается в пространстве относительно некоей внешней точки? 4. Какие два момента количества движения имеет любая частица, когда перемещается как целое в пространстве относительно некоей внешней точки?

Задание 25. Прочитайте второй абзац статьи. Ответьте на вопросы.

1 предложение

1. Из чего состоят многие спектральные линии в атомных спектрах? 2. Откуда известен этот факт? /Как установлен этот факт? 3. Для чего первоначально был введён спин?

2 предложение

1. Об атомном спектре какого химического элемента здесь идёт речь? 2. О какой линии атомного спектра водорода идёт речь? 3. Где проявляется эта линия? 4. Какой должна быть эта линия? 5. Что наблюдалось во время эксперимента?

3 предложение

1. О каком расщеплении здесь идёт речь? 2. Что здесь говорится о вращении? 3. С чем первоначально связывали расщепление первой линии серии Бальмера в атомном спектре водорода?

4 предложение

1. Как первоначально рассматривали электрон? 2. С чем первоначально связывали величину спина? 3. Итак, что первоначально предполагали учёные?

5 предложение

1. Какую природу имеет спин? 2. С чем не связан спин? 3. Учёные первоначально предполагали квантовую природу спина и отсутствие его связи с каким-либо перемещением частицы?

6 предложение

1. Как обозначается вектор спина? 2. Чему равна величина вектора спина? 3. Что такое \hbar ? 4. Чему равно \hbar ? 5. Как обозначается квантовое число спина? 6. Для чего является характерным квантовое число спина? 7. Что представляет собой квантовое число спина?

7 предложение

1. Частицы имеют только целые спины? 2. Что такое бозон? 3. Как называются частицы с полуцелым спином?

Задание 26. Прочитайте третий абзац статьи. Ответьте на вопросы.

1 предложение

1. Какими объектами являются атомы, атомные ядра, адроны? 2. Какое понятие применяют к этим сложным объектам?

2 предложение

1. В каком состоянии орбитальный момент количества движения микрообъекта отсутствует? 2. Когда под спином понимают момент количества движения микрообъекта в состоянии покоя? 3. Итак, что понимают под спином в случае сложных микрообъектов?

3 предложение

1. О векторной сумме каких величин здесь идёт речь? 2. О каких частицах здесь говорится? 3. Что представляют собой спины составных микрообъектов? 4. Что представляет собой спин а) атома? б) атомного ядра? в) протона? г) нейтрона? д) других адронов?

После проверки понимания содержания статьи можно перейти к подготовке её воспроизведения. На этом этапе работы следует уделить большое внимание особенностям научного стиля, в первую очередь – структуре так называемых «генетивных цепочек» (задание 28), особых определительных словосочетаний (задание 29), синтаксических конструкций (задания 31 – 34).

По возможности формулировки заданий должны соотноситься с реальными формулировками-императивами, бытующими в учебно-профессиональной сфере общения (вспомните о ... ; раскройте содержание термина; скажите, чему равно ... и под.).

При воспроизведении содержания статьи студентам полезно воспользоваться какой-либо письменной поддержкой. В нашем случае можно предложить ответы на вопросы (задание 35) или тезисный план (задание 36), составленные таким образом, что в результате выполнения получается краткий вариант статьи.

Задания заключительного этапа работы над статьёй «Спин»:

IV

Задание 27. Составьте словосочетания, дополнив следующие существительные прилагательными. Укажите возможные варианты.

... движение, ... линия, ... момент, ... объект, ... природа, ... сумма, ... частица, ... число, ... ядро.

Задание 28. Составьте цепочку именных словосочетаний по образцу.

Образец: частица, движение (чего) ... , количество (чего) , момент (чего) – частица, движение частицы, количество движения частицы, момент количества движения частицы.

1. Линия, волна (чего) ... , длина (чего) 2. Спин, вектор (чего) ... , величина (чего) 3. Электрон, вращение (чего) ... , характеристика (чего) 4. Электрон, свобода (чего) ... , степень (чего) 5. Частицы, моменты (чего) ... , сумма (чего) 6. Бальмер, серия (кого) ... , линия (чего) 7. Микрообъект, движение (чего) ... , количество (чего) , момент (чего)

Задание 29. Составьте определения по образцу.

Образец: А. (полуцелый спин) Какая частица? – Частица (*с чем*) с полуцелым спином.

Б. (целое) Какой объект? – Объект (*как что*) как целое.

А. 1. (целый спин) Какая частица? 2. (определённая длина волны) Какая линия? 3. (определённое расстояние между линиями) Какие линии?

Б. (целое) Какая частица?

Задание 30. Назовите слова и словосочетания, которые могут выступать как синонимы к следующим. Можете пользоваться материалом для справок.

Классический волчок, неизменное состояние, орбитальный момент количества движения, сложный микрообъект, собственный момент количества движения.

Материал для справок: внешний, внутренний, постоянный, составной, типичный.

Задание 31. Раскройте содержание терминов «спин» (в двух случаях), «бозон», «фермион», используя следующие конструкции.

<i>что</i>	– это	<i>что</i>
<i>что</i>	представляет собой	<i>что</i>
<i>что</i>	называется	<i>чем</i>
<i>под чем</i>	понимают	<i>что</i>

Задание 32. Вспомните о первоначальных предположениях учёных и сформулируйте современное отношение к этим объектам и процессам, используя конструкцию нельзя рассматривать *что* (4) как *что* (4).

1. Электрон – классический вращающийся волчок. 2. Внутреннее вращательное состояние частицы – вращение тела вокруг собственной оси.

Задание 33. Скажите, чему равны а) длина волны λ , б) расстояние между двумя линиями $\Delta\lambda$, в) величина вектора спина, г) \hbar ?

Задание 34. Составьте определения, используя конструкцию *что* является *чем*.

1. Вектор спина и квантовое число спина – характеристики спина.
2. Спины составных микрообъектов – векторная сумма спиновых и орбитальных моментов входящих в их состав частиц.

Задание 35. Запишите ответы на следующие вопросы.

1. Что такое спин? 2. Какое состояние определяет спин? 3. Какие моменты количества движения имеет элементарная частица, перемещающаяся как целое в пространстве относительно некоей внешней точки? 4. Для чего был введён спин? 5. С чем первоначально связывали величину спина? 6. Что выяснилось позднее? 7. Какие характеристики определяют спин? 8. На какие группы делятся частицы по величине квантового числа спина? 9. К каким объектам, кроме элементарных частиц, приме-

няют понятие спин? 10. Что в случае сложных объектов понимают под спином? 11. Что представляют собой спины составных микрообъектов?

Задание 36. Используя материал заданий раздела IV, разверните /трансформируйте назывной план статьи (задание 20) в тезисный.

Задание 37. Передайте содержание статьи, пользуясь составленным вами тезисным планом.

Являясь звеном в ряду других профессионально ориентированных текстов, подлежащих изучению физиками-инофонами, статья «Спин» даёт материал для дальнейшего процесса обучения: вариант плана текста «Определение термина»¹ и типовые синтаксические конструкции, являющиеся его языковой основой. На этой базе возможны отсроченные задания, например: используя типовой план, информативные и лексические опоры, составить определение какого-либо термина/понятия.

Нужно отметить, что количество заданий к конкретному тексту, их разнообразие определяются его логико-смысловой структурой, особенностями языкового материала, а также уровнем подготовки учащихся. Сегодняшний общий уровень сформированности различных умений у иностранных учащихся таков, что необходима детальная и последовательная проработка всего комплекса средств, организующих понимание и воспроизведение профессионально необходимого им учебного материала. Попытка такой интерпретации аутентичного профессионально ориентированного текста была продемонстрирована на примере статьи «Спин».

¹ Ср. план типового текста «Определение термина/понятия» [Бахтина и др.: 123]:

1. Лингвистическое происхождение термина
термин «...» происходит/образован от *какого* слова
2. Сущность термина
«...» – это *что* (1)
«...» означает *что* (4)
«...» (3) называют *что* (4)
3. История/причины появления термина понятия
термин «...» появился *когда*/был введён *кем*/принадлежит *кому*?
4. Различия в понимании и определении термина/понятия
термин «...» понимается как *что* (1)
понимался в широком/узком смысле
с точки зрения *кого* «...» – это *что* (1)
кто рассматривает «...» (4) как *что* (4)
термину «...» придаётся/придавался *какой* смысл
5. Роль/значение термина/понятия в науке
термин/понятие «...» лежит в основе *чего*
термин «...» используется/находит приложения в *чём/для чего*

Литература

- Аркадьева Э.В., Горбаневская Г.В., Давыдова Е.Г., Кирсанова Н.Д. Когда не помогают словари... Практическая лексика современного русского языка. Учебное пособие для иностранцев. Выпуск I. М., 1997.
- Бахтина Л.Н., Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Реферирование научного текста. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык (специальность: информатика, математика, физика). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2004.
- Ишханов Б.С., Капитонов И.М., Кэбин Э.И. Частицы и атомные ядра. Основные понятия. М., 2008.

**О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ ТОКАЙ (ЯПОНИЯ))**

При изучении русского языка вне языковой среды учащийся сталкивается с рядом проблем, отметим основные, которые с первых уроков очень сильно могут повлиять на интерес к изучаемому языку и мотивацию: русский язык присутствует в основном только на уроке, крайне сложно отвлечься от моделей, поведенческих стереотипов, принятых в родном языке учащегося (особенно если преподавание в значительной степени опирается на родной язык), недостаток информации о России (как исторической, так и общекультурной), отдаленная перспектива использования изучаемого языка. В связи с этим важность начального этапа обучения приобретает особую значимость: если для большинства иностранных учащихся, изучающих русский язык в России, начальный этап, включающий в себя объем знаний, необходимых для успешной сдачи ТРКИ-1, является обязательным условием для продолжения образования в российских вузах, то для студентов, изучающих русский язык вне языковой среды начальный этап (а если мы говорим о Японии, то, в первую очередь, он представлен элементарным и базовым уровнями) чаще всего начинает и завершает знакомство с русским языком.

В большинстве японских вузов, в которых изучается русский язык, он преподается как факультативный. Это значит, что занятия проходят 1-3 раза в неделю, продолжительность семестра (а, следовательно, и курса, на который записались студенты) – 14 недель, а группы условно делятся на «начинающие» и «продолжающие». В группу «начинающих», как правило, включают не только студентов, которые недавно начали изучать русский язык, но и тех, кто продолжает его изучение около полутора лет. А поскольку тестирования, которое бы помогло сформировать группы в соответствии с уровнем студентов, не проводится, то в одной группе могут оказаться как студенты, только что изучившие алфавит и начавшие читать, так и те, кто уже изучает русский язык в течение двух семестров. В результате перед преподавателем стоит задача: как в соответствии с предлагаемым университетом планом за достаточно короткое время (минимальное количество занятий – 14) в разноуровневой группе сделать обучение эффективным, интересным, тем самым побудить студентов продолжить изучение выбранного ими русского языка в следующем семестре. Однако помимо так называемых «организационных» составляющих учебного процесса в японской аудитории есть ещё ряд особенностей, которые необходимо иметь в виду,

работая с японскими учащимися. Начиная работать с японскими студентами в Японии, преподаватель встречается со следующими реалиями:

1) грамматико-переводной метод в преподавании русского языка нередко является преобладающим, новый материал излагается на родном для учащихся языке, коммуникация между преподавателем и студентами также ведется не на изучаемом языке, а русский язык – это язык упражнений, диалогов и мини-текстов;

2) необходимость учитывать особенности национального характера студентов, их поведение и предвидеть возможные трудности, связанные, прежде всего, с разностью русского (в т.ч. европейского) и японского менталитетов, принятых в обществе стереотипов поведения;

3) традиции, сложившиеся в системе японского образования, который нужно учитывать и постараться опираться на их сильные стороны в работе со студентами.

Остановимся на этом подробнее.

1. Методика преподавания русского языка в Японии. История преподавания русского языка в Японии насчитывает более чем столетнюю историю, однако на сегодняшний день состояние методики преподавания русского языка в стране вряд ли можно признать удовлетворительным. Большинство учебников, скорее, являются ситуативными разговорниками или изложением теоретических основ русской грамматики, чем пособиями, ориентированными на формирование и развитие всех видов речевой деятельности и использующими отобранный лексический и грамматический материал. В настоящее время грамматико-переводной метод является преобладающим во многих вузах, в которых ведется преподавание русского языка. На таких уроках учащиеся обычно читают тексты и переводят их на японский язык, поэтому преподавателю необходимо на каждом уроке уделять внимание развитию навыков аудирования, правильного чтения (обращать внимание на слитность чтения, интонацию, правильность ударения, темп речи), а также фонетике.

Изучаемый вне языковой среды русский язык, как правило, присутствует для студентов исключительно на уроке. Интернет-ресурсы, бесспорно, могут оказать большую помощь преподавателю и учащемуся, начинающему изучать русский язык (на это неоднократно указывали авторы публикаций, посвященных проблемам преподавания русского языка вне языковой среды). Однако нужно признать, что уровень знаний учащихся на этом этапе бывает недостаточным для самостоятельной работы в рунете, поэтому они с первых уроков должны быть максимально включены в речевую деятельность на изучаемом языке: при-

ветствия, обращение, прошение, выражение просьбы, указания преподавателя и т.д.

2. Учёт национальной специфики. Наряду со сложностями, связанными с овладением фонетикой, интонацией, грамматикой изучаемого русского языка, для многих учащихся коммуникация с носителями языка бывает затруднительной, поскольку они не всегда бывают знакомы с основами русского речевого этикета, отличающегося от японского. Для учащихся, не погруженных в языковую среду и не имеющих возможности непосредственно наблюдать поведение русских, отработка таких, казалось бы, простых ситуаций, как знакомство, представление себя, приветствие, имеет большое значение. В японском языке существует сложная система для обозначения лица говорящего, собеседника в зависимости от его статуса, возраста, ситуации и т.д., поэтому учащиеся обычно хорошо усваивают употребление местоимений *ты /Вы*, однако употребление личных имён при обращении может представлять определённую сложность и об этом следует помнить.

В Японии в официальной ситуации единственным обращением к человеку является обращение по фамилии (*Кавадо-сан*), так же преподаватели обращаются к студентам (возможно также обращение молодым людям *Кавадо-кун*), студенты в свою очередь тоже называют преподавателя по фамилии, добавляя слово *сэнсэй* (учитель) (*Фудзима-ки-сэнсэй*). Называть друг друга по имени могут люди, знакомые очень давно, и родственники. Для студентов на уроке русского языка важно отвлечься от требований родного языка и почувствовать себя в стихии изучаемого языка, поэтому в качестве единственно возможного обращения к русскому преподавателю принимается обращение по имени и отчеству, а к одногруппникам – по имени (выбор имени остаётся за студентами, на курсах русского языка студентам предлагается выбрать себе русское имя, поскольку речевое поведение человека с японским именем Акико или Хироюки определяется правилами, накладываемыми японским языком и обществом, а человек с именем Лена или Олег может позволить себе отвлечься речевых и поведенческих моделей родного языка).

Однако даже на уроке русского языка всё-таки необходимо помнить о некоторых основных правилах японского поведения: 1) пунктуальность (японцы, особенно младшие по возрасту, подчинённые, всегда приходят раньше назначенного времени: на урок, консультацию, встречу и даже в гости); 2) доброжелательность и сдержанность (вне зависимости от ситуации японцам не свойственно обнаруживать свои истинные чувства: и большая радость, и неприятности, как правило, не отражаются на лице; от преподавателя в свою очередь также требуется улыбаться и контролировать проявление своих эмоций); 3) не очень гром-

кий и достаточно ровный голос (громкая речь воспринимается как агрессия, проявление недовольства); 4) понятность жестов учащимся; 5) взгляд (обычно японцы избегают смотреть в глаза старшему, человеку более высокого положения, эта традиция уходит корнями в прошлое: пристальный взгляд воспринимался как дерзость, оскорбление; если человек низкого сословия посмотрел пристально на человека высшего сословия, самурая, то он мог даже лишиться жизни; поэтому нормальной нужно считать ситуацию, когда студент смотрит в сторону, отвечая на вопрос преподавателя); 6) избегание касаний и прямого контакта (когда японцы общаются с европейцами, они пожимают руки при приветствии и прощании, могут похлопать собеседника по плечу, но применительно к себе этого избегают, это почти табу: молодые влюблённые не показывают своих чувств прилюдно, в общественном транспорте даже в час пик люди стараются не касаться окружающих).

3. Особенности японской образовательной системы. Науки, иероглифические знаки, буддизм и многое другое в Японию пришли из Китая, поэтому традиционная система образования имеет немало общего с другими странами Востока, хотя в последние годы усилившееся влияние Запада и Америки немного ослабило её устои. Следует отметить некоторые особенности образовательной системы Японии: особая значимость зрительного восприятия информации, приверженность традиционным методам и приемам обучения, в которых учитель играет ведущую роль, а студент знакомится с новым, следуя за учителем, но не задавая при этом много вопросов, не выражая своего несогласия и др.

1. Роль письма. Японский язык – прежде всего, язык письменной культуры, важную роль в постижении учащимися родного языка играет зрительное восприятие: сначала они овладевают двумя азбуками, затем – 1943 иероглифами, каждый из которых может иметь 2 чтения, зависящие от типа сочетания или традиции, при этом запоминание происходит путём многократного переписывания знаков. В японском языке немало слов – фонетических омонимов, которые при абсолютно одинаковом произношении записываются либо одной из двух азбук, либо иероглифами. Отдельно следует упомянуть об особом отношении японцев к живописи, каллиграфии, зрительно воспринимаемым образам, а также популярности толстых журналов манга, в которых с помощью картинок передается содержание как классических произведений литературы (от японской до «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского), так и детективов, романов, кулинарных книг и т.д. Следовательно, на уроке необходимо максимально использовать наглядность в виде таблиц, рисунков, фотографий и т.п. для представления новой лексики, грамматического материала, разыгрывания речевых ситуаций. Записи на доске должны быть логичными, понятными, а студентам необходимо давать

привычные для них письменные задания, включающие отработку пройденного материала (грамматические упражнения, новая лексика, написание мини-сочинений и т.п.).

2. Импровизация на уроке. Как известно, любая импровизация должна быть хорошо подготовлена предыдущими этапами обучения, в большей мере это можно отнести к уроку в аудитории японских учащихся. Традиционно в японской школе и вузе не используются игровые методы, поэтому студентам трудно представить себя в предлагаемой ситуации, выразить своё мнение, а тем более разыграть дискуссию, в которой были бы представлены противоположные мнения. Даже из тестирования по русскому языку как иностранному, проводимому в Японии, были исключены задания, предлагающие студентам представить себя в определенной ситуации и сказать, что они будут делать.

Пример: *Представьте, что ваша подруга пригласила вас на день рождения. Что вы ей подарите?*

Реакция тестируемого: молчание.

Тестор: Вам понятен вопрос?

Тестируемый: Да, понятен, но... у меня нет подруги.

Учащимся сложно представить себя в ситуации, в которой им нужно выступить в роли начальника, старшего, а также выражать открыто мнение, с которым по сценарию должен быть не согласен его собеседник. Если европейские студенты легко принимают такую игру, то японских студентов она приводит в замешательство. Дело в том, что социальные роли в японском обществе строго детерминированы: преподаватель – студент, начальник – подчинённый, и человек может вести себя только таким образом, как это ему предписывает его социальный статус. Иными словами, будучи студентом в реальной жизни, учащийся не сможет даже мысленно выступить в роли профессора или начальника. Другой момент касается негласного запрета в японском обществе на спор, открытую конфронтацию, поэтому до официального обсуждения и принятия какого-либо важного вопроса стороны пытаются найти компромисс. Неумение договориться, стремление отстаивать свою точку зрения любой ценой расценивается как невоспитанность. Для того чтобы на уроке стало возможным обсуждение студентами предлагаемой преподавателем ситуации, необходимо начинать с мини-диалогов, в которых своё мнение на нейтральные темы высказывают герои, а затем предложить разыграть аналогичный диалог в группе. Данный тип заданий станет хорошо восприниматься учащимися при условии, что участие в диалоге станет привычным видом работы на уроке, а обсуждаемые темы будут нейтральными (свободное время, увлечения, спорт и т.д.). Однако в формах контроля знаний лучше всё же избегать подобных заданий.

3. Молчание студентов. Каждый преподаватель, когда-либо работавший с японскими студентами бывал в ситуации, когда вместо ответа на, казалось бы, простой вопрос он получает молчание студента или всей группы. В чём же дело? Такая ситуация чаще всего возможна в новой группе: новый преподаватель, новые студенты. Учащиеся ещё не знают, как вести себя с новым преподавателем-европейцем (он же совсем другой!), боятся показаться смешными, глупыми в глазах преподавателя и новых одноклассников, если сделают ошибку или неверно ответят. Обычно на уроке преподаватель рассказывает, а студенты – слушают и записывают, многие экзамены проходят в письменной форме, поэтому общение преподавателя и студентов происходит опосредованно. Для японца самым страшным является «потерять своё лицо», т.е. быть униженным в глазах других, поэтому преподавателю нужно помнить об этом и избегать даже намеков на ситуацию, в которой он мог бы (пусть даже неосознанно!) поставить студента в затруднительное положение. В связи с этим долгие раздумья студента перед ответом также не означают, что он не понял вопрос или не знает ответ – он просто думает, как лучше и точнее выразить свою мысль. На первых уроках будет лучше, если ответы студентов будут коллективными, а на доске будет присутствовать модель, по которой учащиеся смогут построить высказывание, необходимая лексика. Самое главное – с первого занятия создать атмосферу, в которой студенты смогут почувствовать себя комфортно, со временем перестанут бояться сделать ошибку, начнут отвечать на вопросы в обычном для разговорной речи темпе.

Нужно отметить, что для налаживания хороших отношений для японцев значимо неформальное общение, это же в полной мере касается студентов. Таким поводом может стать приглашение в гости, в музей (в первом случае предполагается знакомство с русской кухней, правилами поведения в гостях и за столом, получение навыков общения с хозяевами, студенты научатся выражать благодарность, вежливый отказ, делать комплимент). Неформальные встречи могут стать хорошим поводом для расширения имеющихся у студентов знаний о России, её культуре, обществе и т.д. Стоит признать, что в большинстве своём современные японцы очень мало знают о своём ближайшем соседе. Среди тех, кто начинает изучать русский язык, большинство уже интересуется русской литературой, историей и т.д., однако если говорить о молодом (и не только!) поколении современных японцев, то имеющиеся сведения о России можно назвать не иначе как стереотипом. Несмотря на то, что в японских университетах, где изучается русский язык, читаются лекционные курсы о русской литературе, истории, культуре, политическом устройстве (на японском языке), а также написано немало книг о России, от студентов можно услышать подобные вопросы: «В России все-

гда зима и холодно?»; «В Москве вы часто видите медведей?»; «Русские пьют только водку?» и под.

4. Не говорить *нет*. Особенность, которую отмечают исследователи японского языка и культуры и к которую не могут понять европейцы, – это избегание слова *нет*. Разумеется, студент без тени сомнения на вопрос: «Вы были вчера в библиотеке?» ответит: «Нет, вчера я не был в библиотеке», если он действительно туда не ходил. Однако японский речевой этикет заставляет избегать слова *нет* в ситуациях, когда говорящий не может принять приглашение собеседника, согласиться с его мнением, а также когда он просто что-то недопонял. В этой ситуации японец чаще всего будет говорить «хай» (что значит «да», однако прямым соответствием русскому «да» не является и употребляется, как правило, для того, чтобы показать собеседнику, что его внимательно слушают) или же избегать прямого ответа. Следовательно, для того чтобы убедиться в том, что материал усвоен, необходимо его многократное повторение в различных видах тренировочных упражнений, а чтобы избежать недопонимания (например, о месте и времени консультации) нужно дать студентам сведения о русском (и европейском в том числе) речевом этикете (как принять приглашение, вежливо отказаться, выразить понимание или непонимание, задать вопрос, переспросить собеседника, если студент не понял или что-то не расслышал и т.д.).

Суммируя сказанное, следует отметить, что начальный этап обучения не только закладывает основы языковых знаний, но и является этапом, на котором формируются основы речевого поведения на изучаемом языке, а учащийся получает важнейшую социокультурную информацию (знание традиций, привычек, культуры, моделей поведения носителей языка). На этом этапе для учащихся, изучающих русский язык вне языковой среды, особенно важно почувствовать возможность «практического применения» изучаемого языка, начать думать категориями другого языка и отвлекаться от правил поведения и выстраивания высказывания, существующих в родном языке. Для преподавателя русского как иностранного необходимо знать и учитывать в своей работе особенности речевого поведения учащихся и оценивать их не с позиции русского человека (и европейца), а с точки зрения японской культуры, и одновременно знакомить студентов с речевыми моделями русского языка, обращая внимание как на общее для русских и японцев, так и присущее исключительно одной культуре.

ОПТИМИЗМ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА В КОРЕЙСКИХ ТЕКСТАХ РАЗНОГО ЖАНРА

Любой текст есть не только отражение реальной действительности, но и закрепленное в тексте мировоззрение, сумма культурных стереотипов нации, система ее ценностей. В статье показана такая особенность корейской культуры, как оптимизм, который проявляется в разножанровых текстах через позитивную эмоционально-ценностную позицию автора [Петренко 2004: 115].

Нами проанализированы с этой точки зрения корейские тексты разной жанрово-стилистической принадлежности. С одной стороны, это рассказ «Белые журавли» корейского писателя Хван Сун-Вона – образец современной корейской художественной прозы (в переводе на русский язык), с другой стороны, материалы газеты «Восточная Азия каждый день» за 20 июня 2007 года на корейском языке (данный конкретный номер газеты и сама газеты были выбраны произвольно). Несмотря на различия жанрово-стилистической природы этих текстов, их объединяет оптимистическая, позитивная эмоционально-ценностная позиция автора.

Дело в том, что корейской культуре в целом свойствен оптимизм. Корейскому обществу не близко пессимистическое восприятие мира, ему чужды трагизм и драматизация жизни. В качестве одного из показательных примеров можно привести тот факт, что даже смерть близких, несмотря на боль утраты и переживания, связанные с этим, не выбивает их из привычного ритма и уклада жизни. Установка на жизнь остается сильнее, они не теряют радость бытия. В Корею не принято погружаться в то, что русские назвали бы «надрыв». По их мнению, не нужно нести на себе страдания и груз прошлого, надо сосредоточиться на начале новой жизни.

Надежда в корейской культуре побеждает во всех ситуациях, иногда даже вопреки здравому смыслу. Это проявляется во всех корейских текстах независимо от жанра: в произведениях художественной литературы, в теледрамах, в материалах СМИ. В художественных произведениях и в теледрамах всегда есть «хэппи-энд», тексты СМИ также написаны с позитивной эмоционально-ценностной установкой.

Обратимся к анализу рассказа классика корейской литературы Хван Су-Вона «Белые журавли» о гражданской войне между Северной и Южной Кореей, который завершается «счастливым концом», «хэппи-эндом», возобладанием нравственных ценностей (детской дружбы) над кровавой политической борьбой.

Рассказ написан в 1953 году, по свежим следам гражданской войны, которая шла в Корею с 1950 по 1953 год. Свое мирозерцание писа-

тель выражает через простой и символический сюжет. Один из героев рассказа кореец Сон-сан работает в Комитете охраны порядка, представляющем интересы Южной Кореи (по роду занятий эта организация, близкая по функциям к МВД). Судьба сводит его с загадочным другом детства Ток-че, который во время войны, как оказалось, был зампредом крестьянского союза, представлявшего интересы противоборствующего лагеря – Северной Кореи. Ток-че за это арестован и должен быть доставлен в суд, который, скорее всего, приговорит его к расстрелу. Сон-сан берется его конвоировать («сам отведу этого гада!»). Но по пути в суд они начинают разговаривать, и воспоминания о детстве – как они «тайком курили сухие тыквенные листья», таскали каштаны в чужих садах, ловили белых журавлей и играли с ними – оказываются сильнее вражды. Спускаясь с горы, они видят в поле журавлей – это ключевая сцена рассказа, повлиявшая на решение героя сохранить жизнь другу детства. В результате Сон-сан меняет свое решение вести арестованного в суд (несмотря на то, что самого его за это ждет суровое наказание – тюрьма или смерть), и они начинают вместе, как в детстве, ловить журавлей («– Слушай, давай поймаем журавля! – внезапно предложил Сон-сан»). Добрые дружеские чувства побеждают классовую ненависть. Символично, что журавлей они находят на 38-ой параллели, которая является нейтральной территорией, демаркационной линией между двумя корейскими государствами. Тем самым автор рассказа подчеркивает, что есть ценности, не подвластные преходящим политическим интересам. Рассказ «Белые журавли» кончается словами «Два белых журавля парили высоко в голубом осеннем небе». Автор выражает надежду на то, что друзья спасутся, что все закончится благополучно. Это жизнеутверждающий финальный аккорд.

Поскольку гражданская война есть национальная катастрофа, то, как правило, в произведениях на эту тему других культур, например, русской, нет места счастливому концу, прощению и пощаде. В доказательство этого достаточно назвать такие посвященные гражданской войне произведения русской литературы, как «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Сорок первый» Б. Лавренева и др. Феномен же корейской литературы заключается в том, что в повествовании о трагическом для страны периоде нравственные ценности остаются неизбывными и побеждают.

Обратимся теперь к газетным текстам. В соответствии с мировыми законами журналистики содержательно газета в любой стране мира в основных чертах стандартизирована: газетные материалы должны дать и информацию о текущих событиях, и рекламу, и аналитические материалы, и развлекательный блок и т.д.

По нашим наблюдениям, а также и по мнению самих корейцев, корейские газеты отличаются оптимистическим, жизнеутверждающим настроением. Основное внимание в них уделяется внутренним (политиче-

ским и общественно-культурным) проблемам, предпочтение отдается общественно-культурной жизни, при этом тон повествования диктуется принципиальным внутренним настроем на позитив. Даже если 50% объема газеты (что бывает не столь часто) посвящено политическим новостям, примерно 90% из этого объема – это сообщения о внутриполитической жизни Кореи, и только 10% – о международной. Существенно то, что авторы газетных статей избегают каких бы то ни было оценок (особенно негативных) даже самых неоднозначных зарубежных событий. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть любой номер любой газеты. Мы взяли, например, газету «Восточная Азия» за 26 июня 2007 года на корейском языке. В этом номере, как и в других газетах, без пафоса подчеркиваются достижения государства, много говорится о планах ее преобразования, рассказывается об интересных и талантливых людях страны и т.д.

Таким образом, в материалах газет Кореи оптимистическая эмоционально-ценностная позиция автора выражается в следующем: а) информация о трагических и негативных зарубежных событиях в них минимизирована и дается безоценочно, в том числе даже тогда, когда речь идет об интересах или жизни корейских граждан (во время захвата талибами корейских миссионеров в качестве заложников корейские СМИ воздерживались от каких-либо прямых негативных высказываний в чей бы то ни было адрес); б) продуманная дозировка и распределение негативного и позитивного материала в пользу позитивного: материал об общественной и культурной жизни доминирует над информацией о политике. При этом освещение политических проблем может иметь как нейтральную, так и негативную окраску: корейцы избегают муссирования негативных, болезненных для нации тем, например, нерешенных, сложных вопросов в отношениях с Северной Кореей, Японией и другими странами; они всегда надеются на лучшее. Напротив, информация об общественно-культурной жизни страны и ее достижениях подается либо нейтрально, либо ярко позитивно. В тех случаях, когда в силу объективных обстоятельств негативный политический материал в газете преобладает, на общий тон издания это не влияет. Негативная информация в этом случае уравнивается максимально позитивными материалами о внутренней культурной и общественно-политической жизни самой Кореи.

Спокойный тон и общий позитивный настрой характерны и для других средств массовой информации, в частности, для корейских сайтов Интернета. Там также минимальна информация о международных проблемах и политической жизни страны и, наоборот, очень подробно освещаются события внутренней общественной и культурной жизни. Программы корейского телевидения спланированы таким образом, что в них преобладают не политические, а учебно-образовательные и развлекательные программы. Просмотр этих программ создает у зрителя

ощущение психологического комфорта и представление о том, что ни в самой Корее, ни в мире нет неразрешимых проблем, нет беспросветности. Прочитав корейскую газету, просмотрев корейский сайт Интернета или программу телевидения, человек получает заряд бодрости, энергии, у него пробуждается интерес к жизни, желание работать, учиться. Государство как бы концентрирует и направляет волю народа на выполнение общенациональных задач.

Та же тенденция характерна и для других сфер культуры – кино, теледрамы, театра: в них нет никакого пессимизма, уныния, безысходности. Конечно, в произведениях искусства отражены реальные конфликты и неизбежные жизненные коллизии. Но в них нет трагического мироощущения. Это приводит нас к выводу о том, что корейская власть, которая контролирует средства массовой информации, проводит продуманную политику на создание позитивного климата в стране, на сохранение психологического здоровья нации, избегая акцентирования негативных явлений и внутренней, и международной, и частной жизни, дабы предотвратить деморализацию населения, пессимизм и уныние.

В этой связи небезынтесным фактом является то, что даже произведения зарубежных авторов, которые издаются в переводах на корейский язык, проходят определенную, если так можно выразиться, адаптационную к корейской культуре фильтрацию «на оптимизм». Так, например, издательство, запланировавшее напечатать переводы рассказов А.П. Чехова, поставило перед переводчиком чеховских рассказов следующие условия: отобрать для будущей книги в равной пропорции грустные (пессимистические) и веселые (оптимистические) рассказы. Сборник, составленный только из пессимистических рассказов, не будет раскупаться в Корее. Такие рассказы будут представлять интерес лишь для историков, литературоведов, культурологов, психологов и других специалистов.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что корейские тексты разного жанра (произведения художественной литературы, материалы СМИ, сценарии кинодрам и программ телевидения и т.д.) характеризуются оптимистической эмоционально-ценностной позицией автора, в них ярко выражено жизнеутверждающее начало, основанное на вере в торжество духовных ценностей.

Литература

«Восточная Азия каждый день» за 20 июня 2007 г.

Петренко В.Ф. Психосемантика массовых коммуникаций. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть II. М., 2004 г.
Хван Сун-Вон Белые журавли // Сезон дождей. Рассказы современных корейских писателей/ Пер. с кор. СПб, 1995.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА ГОРОДА¹

С приветственным словом к участникам конференции обратился зам. директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Леонид Николаевич Крысин.

Пленарные заседания охватывали следующие доклады.

О.Б. Сиротинина (Саратов) в докладе «Речь города: проблемы, аспекты и трудности изучения» подчеркнула многоаспектность понятия *речь города*, под которым понимается: 1) речь горожан в отличие от речи сельских жителей; 2) все многообразие урбанонимов (названий улиц, учреждений, магазинов) и городской рекламы; 3) номинативная и региональная специфика разных городов, в частности, как следствие диалектного окружения (фонетическая, просодическая, словообразовательная, синтаксическая, этикетная); 4) речь горожан как гомогенная или стратифицированная структура в зависимости от функционирования в ее пределах разных языков, социолектов и типов речевой культуры. Затрагивалась проблема влияния на речь города его величины и статуса, проецирующаяся в неодинаковость подхода к сбору материала и его анализу. Так, диалектное окружение имеет больше проявлений в малых городах, а дифференцированность – в зависимости от наличия многоязычия, социолектов и разных типов речевых культур – больше в крупных городах. Трудности возникают при изучении крупных городов, в частности, трудности со сбором представительного материала по всем социальным группам – коренного населения, населения, проживающего в данном городе со времени коллективизации и индустриализации, людей, приехавших во время войны и после войны, новых мигрантов (тоже многообразной группы). На примере Саратова и Перми обращается внимание на проблему номинаций и переименований улиц, не всегда осуществляющихся в логическом русле, в том числе и в плане их формы. Так, в Саратове Горьковская улица была переименована в улицу Горького, а Пугачевская – в улицу Пугачева.

Е.В. Ерофеева (Пермь) в докладе «Языковая ситуация современного города и методы ее исследования» указывает на двойственную природу языка города, с одной стороны – как гетерогенной, социально

¹ Обзор материалов Международной конференции «Язык современного города. Восьмые Шмелевские чтения» (Москва, 25-27 февраля 2008 г.) (См.: Язык современного города: Тез. докл. Междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008).

дифференцированной структуры, складывающейся из разнородных языковых образований: «разговорной литературной речи, городского просторечия, диалектных вкраплений в речь города, жанров городской речи и т.п. ...» (с. 58). Однако «с другой стороны, сложное взаимодействие некоторых языковых подсистем в городской речи приводит к возникновению некоторой гомогенной структуры, характерной только для данного города» (там же). Наиболее оправданным в таких условиях исследовательнице видится вероятностный подход к описанию языковой действительности, при котором в основу анализа кладется не наличие / отсутствие каких-либо признаков, а их частотные пропорции в речи, что обеспечивает интегральность подхода. Такой подход демонстрируется на статистическом материале фонетических особенностей речи разных социальных групп г. Перми. Указывается на наличие некоего общегородского фонда фонетических реализаций и дистинктивных фонетических признаков. За основу анализа принимается установленный инвентарь используемых в речи горожан языковых единиц, который затем применяется к речи разных социальных групп и ранжируется по частотности. Анализ показал, что мерой общности и различия по социальным группам является частотность речевых реализаций, проявляющаяся как «вероятность появления данной единицы в речи данного индивида или данной социальной группы...» (с. 59), что позволяет при такой процедуре описания выявить как гомо-, так и гетерогенные параметры описываемого объекта. Исследовательница подчеркивает, что опирается на термин *региолект*, рассматриваемый ею как промежуточный жаргон (нечто среднее между литературным языком, просторечием и диалектом), не выполняющий функций самостоятельного идиома. Приводится пример (*съял* вместо *сказал*). В качестве сопроводительного материала докладчицей прилагалась таблица «Средняя частота произносительных особенностей (P%) и их распространенность (P) в речи информантов (%)» и таблица «Частота произносительных особенностей в зависимости от традиций социальных факторов (%)». Обе таблицы содержат следующие произносительные параметры: оканье, ёканье, [a]-образные звуки после мягких согласных, недостаточная редукция, чрезмерная редукция, качественная редукция /u/, выпадение /j/ в интервокальной позиции, недостаточно мягкий [r'], недостаточно мягкий [č], смягченные [š'] и [ž'], утрата или ослабление смычки /c/, утрата или ослабление смычки /č /.

Л.П. Крысин (Москва) в докладе «Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи» сформулировал нижеследующие принципы формирования микро- и макроструктуры готовящегося Толкового словаря русской разговорной речи: 1) *диффузность*, связанная с отсутствием у русской разговорной лексики четких границ – она включает единицы, относящиеся к разговорной разновидности литературного языка (например, универбы с суффиксом -к(а) типа *читалка*, *раздевалка*, *текучка*) и единицы-заимствования из некодифицированных подсистем (территориальных диалектов, городского просторечия, социальных и профессиональных жаргонов, так называемого общего

сленга (типа *крутой, наехать*)); 2) *дифференциальность*, означающая, что «в словник включаются лишь те слова, которые по каким-либо своим характеристикам свойственны разговорной речи» (с.94); 3) *маркированность*, понимаемая как наличие формальных признаков разговорности: а) *фонетических* (например, *скобкь 'говорит', гьт 'говорит'*), б) *морфологических* (например, разговорных аффиксов: *открывалка, врачиха, сказануть, здоровенный*), *синтаксических* (*ездил смотрел квартиру* вместо 'ездил смотреть квартиру'), в) *семантических* (употребления слов *вещь, дело, штука* в контекстах типа *Сауна – дело хорошее*, глаголов типа *штарить, наяривать* с размытой семантикой и др.). Указывалось на необходимость особого внимания к метонимическим смещениям, например, к наименованиям врачей по объекту их специализации (*Рентген сегодня только в два придет*) или событий по объекту, в отношении которого совершаются какие-либо действия (*На квасе много не заработаешь*), г) *стилистических*: при слове может даваться его функционально-стилистическая и жанровая характеристика (так, при словах типа *оперативка, планерка, летучка* фиксируется их принадлежность к профессиональной разновидности разговорной речи), а также экспрессивно-стилистическая характеристика (в виде помет *неодобр., пренебр., презр., груб., вульг.* (а также *разг., проф.* у некоторых новых глаголов с приставкой *про-* – *проплатить, пролечить, проколоть*)), д) *прагматических*, когда употребление слова продиктовано лингвистическими условиями общения («слова и обороты – свидетельства так называемой гезитации» (с. 96) – *как бы, типа, так сказать, значит*).

Указывалось на необходимость учитывать статус разговорного языка. Местоимения, служебные слова, глаголы, частицы, ограничения на вид в кодифицированной разновидности разговорного языка выглядят иначе, чем у некодифицированной. Отмечалось, что в Словнике используются данные современных толковых словарей, данные Национального корпуса русского языка. Начальный этап разработки этой темы – создание образцов словарных статей. При этом структура словарной статьи в словаре разговорного языка не должна принципиально отличаться от словарной статьи в типичном толковом словаре. После выступления прозвучали вопросы (М.Я. Дымарского), в частности, применимо ли к разговорной речи понятие нормы. Л.П. Крысин подчеркнул, что норма разговорной речи складывается стихийно. На вопрос, будут ли учитываться локальные варианты, Л.П. Крысин ответил утвердительно. Он сообщил также, что при профессиональных коллоквиализмах будет фигурировать помета *проф.*

В тезисах доклада Е.А. Земской (Москва) «Новое в языке современного русского города (о явлениях аналитизма, присущих разговорной речи)» описаны процессы расширения лексического состава городской речи: наряду с бытовой разговорной речью носителей литературного языка представлена речь СМИ и неофициальная профессиональная речь. Затронуты такие наиболее значимые группы разговорной лексики, как 1) разговорный язык с упором на новые явления, появившиеся в

языке за два последние десятилетия, 2) жаргонная лексика и фразеология образованных людей, 3) слова разных профессиональных групп: «от сленга их отличает отсутствие экспрессионности, от КЛЯ – отсутствие строгой терминологичности. (...) Они живут в устной непринужденной речи» (с. 67), 4) просторечие – «не составляет значительного массива лексики, бытующей в речи носителей литературного языка» (с. 67), можно говорить о ушотребительности слова *ихний*. «Основная часть просторечий воспринимается как слова, более резко нарушающие норму, чем жаргон или профессионализмы» (с. 67).

М. Краузе (Вена) в докладе «Язык города в свете концепции региолекта» указала, что с точки зрения теоретического конструкта города «значимыми оказываются не только социальные страты, но и субкультурная дифференциация и жанрово-ситуативное расчленение общения жителей города, а также идеолектальные возможности...» (с. 87). Региональная окрашенность является объединяющим фактором, на который оказывает воздействие «не столько непосредственное влияние окружающих территориальных диалектов, сколько достаточно самобытные, опосредованные речевые характеристики, формирующие местный колорит языка и речи» (с. 87). В то же время региолект представляет собой континуум и градуальный феномен. Указывалось на неоднозначность самой концепции региолекта и толкования его статуса, на имеющиеся в этой области противоречия: «с одной стороны, региональная окраска приписывается носителям литературного языка, правда, преимущественно в устной коммуникации. С другой стороны, она не сочетается с пониманием нормы, которая, судя по всему, подразумевает единство. Опора на «центральную норму» (или норму центра), да еще на такой огромной территории, как Россия, по существу ставит под сомнение правомерность существования региональных разновидностей литературного языка» (с. 88). М. Краузе полагает, что разрешение противоречия лежит в плоскости выявления: 1) лингвистической границы, «за которой мы уже не имеем дела с литературным языком, даже в устном его проявлении» (там же). При этом при проведении границы между литературным языком и его нелитературными проявлениями подчеркивалась необходимость скоррелированности оценок языковедов и простых носителей русского языка, 2) роли явлений разных языковых уровней (в том числе фонетического) в проведении такой границы, 3) мнения рядовых носителей русского языка о том, какие локальные особенности не нарушают их представлений о литературном языке, 4) степени толерантности носителей русского языка к его региональным разновидностям, 5) разброса в оценках грани между литературным языком и его региональными разновидностями со стороны языковедов и рядовых, так называемых «наивных» носителей русского языка, и наличия / отсутствия расхождений в таких оценках по регионам, 6) степени престижности разных региональных вариантов русского литературного языка.

Н.А. Купина (Екатеринбург) в докладе «Отражение стереотипов

просторечной культуры в письмах горожан уральцев» – представила результаты анализа писем горожан к руководству города и страны с точки зрения их жанровой и содержательной структуры. Эти письма представляют собой фактически «информативно-фатический разговорный текст с вербализованной установкой на обратную связь. Особый стилевой облик текстов писем создается на базе просторечных, в том числе экспрессивных слов и устойчивых сочетаний, прямых оценочных номинаций, «разорванного» синтаксиса, а также фонетического принципа воспроизведения орфографии» (с. 102). Большинство текстов касается бытовой необустроенности жизненного пространства, стоящей за словами *квартира, комната, старый дом, частный дом* и т.д. «Ряды номинаций нравственно-эмоциональной сферы обнаруживают константность ценностных предпочтений» (с. 103), обнаруживаемых в словах *душа, душевный, крик души, легче на душе, сердце, правда, справедливость* и др. «На основе явных и неясных смыслов, сопровождающих отмеченные частотные номинации, складываются определенные презумпции, т.е. ключевые идеи (А.Д. Шмелев) и суждения, воспринимаемые носителями просторечной культуры как истинные» (там же).

О.П. Ермакова (Калуга) в докладе «Язык города 30-х гг. XX века и проблемы архаизации» обратила внимание на то, что в современном городском языке нередко оживают слова, ставшие уже историзмами – из разных тематических групп, в частности, из группы наименований лиц по роду занятий (*лудильщик, точильщик*), предметов быта (*пресс-пате, неклеванный* (хлеб)). Происходит активизация старой лексики – советизмов и дореволюционной лексики (например, *барышня*). В докладе затрагиваются общие вопросы архаизации и квалификации разных типов устаревшей лексики. Отмечается проблема зыбкости границ между арханзмами и неарханзмами, что выражается в разной квалификации в словарях одних и тех же слов на шкале актуальности. Проблемой является то, что авторы словарей не фиксируют архаизации по сферам употребления языка, в связи с чем редко можно встретить сочетание помест *разг., устар.* и почти не встречается сочетание *прост., устар.* Исследователи обращают внимание на старое просторечие (*куды, туды, евоный*), оставляя без внимания архаизацию просторечий, отстоящих от нас на нескольких десятилетий. О.П. Ермакова полагает, что «существующая квалификация слов как устарелых не отражает полностью феномен малоупотребительных, неактуальных в настоящее время слов и нуждается в некоторой дифференциации» (с. 56); выделение модных слов следует осуществлять в рамках оппозиции *немодное слово – модное слово*, разграничивая сферы их употребления. Среди неактуальной лексики О.П. Ермакова предлагает выделять устарелые, немодные и старомодные слова: 1) *устарелые слова* встречаются лишь в литературе прошлых эпох (*авиатор*) и не всегда понятны, 2) *немодные слова* труднее распознать, они отличаются малоупотребительностью, носят оценочный характер и дифференцируются по сферам их отнесения к определенным языковым регистрам (*фат, сердцеед* в разговорной речи, *во-*

ображала, деликатный в речи молодежи, деловой (с отрицательной коннотацией), дать прикурить – в просторечии, предки (о родителях) – в жаргоне), 3) старомодные слова пробуждают ассоциации с прошлой эпохой и устаревшим этикетом (просить руки, отказать от дома, дурной тон, сударыня). О.П. Ермакова рассказывает, что в анкете, распространенной среди студентов филфака, не оказалось таких слов, как деликатный, великодушный, бесцеремонный, неблагодарный, почтительный, уморительный, потешный – по-видимому, по причине их немодности. Среди грубых характеристик нелиц в анкетах отсутствуют, к примеру, лексемы брандолост, прощельяга, шерамыжник. В 30-е гг. было модно слово дегенерат, в наши дни – дебил, кретин, реже даун. Указывается, что устарел ряд цветообозначений, таких, как горчичный, терракотовый. В наши дни не употребляются такие лексемы, как выхаживать больного, отказать от дама. О.П. Ермакова обращает внимание на необходимость словаря лексики 30-х-40-х гг.

Доклад М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (Москва) «Язык города в ситуациях и жанрах» был посвящен проблемам коммуникации – партнерам по ситуации и их коммуникативным ролям. Исследовательницы подчеркивали актуальность разработки основных понятий, методов сбора и описания речевого быта российских городов, типичного горожанина в типических обстоятельствах. «Стереотипы, в силу их высокой частотности, позволяют выявить как специфические разговорные лексические единицы, так и разговорные узуальные значения общеупотребительных слов, характерных для той или иной коммуникативной ситуации» (с. 79). С этой точки зрения описывались ситуации и микроситуации в рамках стереотипной ситуации в условиях анонимности и обезличенности городского общения. Этим ситуациям соответствуют речевые жанры – так называемые городские стереотипы – речевые и поведенческие, относящиеся к сфере коммуникативной компетенции горожанина и характеризующиеся конвенциональностью. Многие коммуникативные ситуации могут быть представлены как последовательность микроситуаций, «участники которых совершают определенные действия, при этом часть этих действий получает вербальное воплощение в виде устойчивых речевых клише и формул» (с. 78), а воспроизводимые здесь лексические единицы входят в базовый пласт городской лексики. Подчеркивалось, что язык города базируется на специфических тематических областях, связанных с пространственным членением города (на кварталы, улицы, районы), с разными типами объектов (дома, вокзалы, мосты, станции метро, парки, магазины и т.п.), с лицами, действующими в типичных ситуациях городской коммуникации. Указывалось, что «для языка города характерно активное взаимодействие сфер официальной (отражающей речь городских чиновников) и разговорно-бытовой номинации» (с. 79). Исследовательницы подчеркивали актуальность и необходимость изучения нейтральной общеупотребительной лексики города (оставив в стороне раритеты) и ее словарной презентации. На примере анализа зоны взаимодействия между фарма-

цветом и покупателем в докладе демонстрировалась модель описания типовых ситуаций и соответствующих речевых стереотипов. Указывалось, что для данной сферы актуальны речевой жанр совета и инструкции, что находит свое отражение в характере аргументативного дискурса. При этом у продавца в аптеке как носителя профессиональных знаний более высокий коммуникативный статус. Типичные оппозиции представляют собой уточнения, вопросы. Используемые счетные слова: *тюбик, флакончик, флакон (во флаконах), пачка*. Описывалась практика наименования лекарственных слов – лекарства с яркой внутренней формой типа *антипохмелин* – это часто маргинальные лекарства, на слуху традиционные *зеленка, марганцовка, перекись*. Освоенность слов проявляется в уменьшительных формах – *лезимчик*. Отмечалось повышенное количество дискурсивных слов и сигналов неопределенности. Подчеркивалось, что городские говоры фиксируют резкие отклонения от литературного языка.

Доклад Р.Ф. Касаткиной (Москва) «Устная речевая традиция в языке города» был посвящен современной орфоэпии. Р.Ф. Касаткина указала на различия в разных языковых системах соположения устной и письменной речи как двух форм функционирования языка: экзистенция древних языков осуществляется только в письменной форме, диалектов – только в устной, а литературного языка – в обеих разновидностях, из которых каждая имеет свою специфику. Хотя устная речь генетически первична, она нередко может быть подчинена письменной речи как фактически, так и в лингвистических описаниях. Р.Ф. Касаткина обратила внимание на то, что устная форма речи может выступать как самодовлеющая и автономная, указывая, что «в обычной речевой практике говорящий осваивает просодическую сторону устной речи, ориентируясь на опыт своего социума (...), а также на речь носителей языковой компетенции (работников театра, радио)» (с. 76). При этом говорящий порой сталкивается с расхождениями между орфографией слова и его фонетической оболочкой: *бидон* > *би[т]он*, *компостировать* > *компо[с']ировать*, *скучно* > *ску[ш]но*, *конфорка* > *ко[м]форка*, *противень* > *про[т']вень*, *институт* > *ин[с']тут*, *замечательно* > *замеча[т']но*. Р.Ф. Касаткина отметила, что «в современной городской русской речи существует целый пласт слов (связанных по преимуществу с бытовой стороной жизни), фонетические оболочки которых не коррелируют с письменной формой, т.е. в них нарушено однозначное соответствие звук-буква» (с. 76). При этом ориентация устной речи на письменную речь приводит к орфоэпическим ошибкам.

А.Г. Кравецкий (Москва) в докладе «Городские профессии в историческом и языковом пространстве» обратил внимание на то, что «в современном русском языке профессиональная принадлежность является одной из существенных характеристик человека...» (с. 83), имя соединилось с родом занятий, а «сочетание личного имени и названия профессии оказывается своеобразным антропонимом» (там же) (как в стихотворении Маяковского, в котором монтер Ваня превращается в

электротехника Жана). А.Г. Кравецкий обратился к истории развития профессий и их наименований, указывая, что использование названий профессий в качестве социальной характеристики человека имеет долгую историю: «уже в XVIII в. общественно значимая дифференциация занятий горожан строилась на основаниях, отличных от современных» (с. 84), на социальной / сословной принадлежности. Городские законы, необходимость записи в обывательскую книгу способствовали тому, что профессии стали характеристикой человека. Хотя деление на цехи и гильдии по европейским образцам не имело практической значимости в связи с отсутствием цеховой организации городских ремесленников, однако необходимость идентифицировать себя с какой-либо специальностью (согласно «Уставу цехов» Павла I) способствовало становлению номенклатуры профессий, делению населения городов на цехи по профессиональному признаку. Цехи как способ организации ремесленников противостояли артелям как небольшим группам людей, «добровольно объединившихся для выполнения какой-либо работы...» (с. 85) и сохранившим свое прежнее значение. «Слово цех стало использоваться для классификации горожан по профессиональному признаку» (там же), отсюда, вероятно, развилось и нынешнее значение слова цех как «отделение фабрики или завода, занятое какой-либо частью производственного процесса» (там же)

Е.Н. Степанов (Одесса) в докладе «Речь горожан в социальном и цивилизационном процессе» подчеркнул, что «каждая функция города обуславливает возникновение специфических социальных групп горожан, что приводит к образованию разнообразных корпоративных и профессиональных особенностей вербальной и невербальной коммуникации внутри этих групп» (с. 148-149). В свою очередь межгрупповое общение ведет к возникновению общих речевых правил и норм, ориентированных на общенародный или общерегиональный язык и в то же время на специфическую местную норму. Е.Н. Степанов выделил в урбанолингвистике следующие исследовательские направления: 1) языковое и диалектное контактирование в городе, 2) языковая практика и социальные роли горожан, 3) язык города и политические процессы, 4) идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона, 5) языковое портретирование городов на определенных хронологических срезах, 6) язык города и его роль в литературе, искусстве, СМИ и рекламе, 7) городской текст и городские прецедентные феномены. Указывалось на разную степень изученности этих направлений и подчеркивалось, что «благодаря активизации цивилизационных процессов в периоды усиления роли городов увеличивается концептный состав, а следовательно, и функциональный потенциал языков, носители которых активно участвуют в процессах урбанизации» (с. 149). Неоднородность городского сообщества предопределяет формирование и взаимодействие городских идиомов, обновление литературного языка, сближение с ним идиомов языковой периферии. Местная речевая норма проявляет особую специфику в многоязычных городах и в городах с

преобладанием какой-либо профессиональной группы. Подчеркивается, что многие фразеологизмы имеют урбанистическую родословную: *вырасти на асфальте, пустить корни на паркете*. Приводился, в частности, ряд одессизмов: *местечковое барокко* (об архитектурной безвкусице), *питаться с Привоза* и др. Применительно к рекламным текстам указывалось, что они часто «первыми фиксируют изменения в цивилизационных процессах общества» (с. 150). Подчеркивалась особенность городских прецедентных текстов: «нередко популяризация внутригородских феноменов делает их феноменами национально-прецедентными, а иногда и универсально-прецедентными» (там же). Особое внимание обращалось на язык городков с одним градообразующим предприятием (*военный, шахтерский, курортный городок*). Так, фразеологизм *выдать на гора* пришел из шахтерской речи, а *честь отдавать* в смысле 'униженно просить о чем-то администрацию' происходит из лексикона военного городка и речи живущих в нем старушек.

И.Т. Вепрева (Екатеринбург) в докладе «Городское многоголосие: к вопросу о взаимодействии речевых культур» подчеркнула, что «в повседневном спонтанном городском общении проявляются автоматизм речепроизводства и стереотипность ментальных и коммуникативных стратегий различных по культурному горожан» (с. 30) и описала речь носителя снижено-экспрессивного экспансивного поведения обывателя как оппозитивную речи интеллигента. И.Т. Вепрева показала просторечие, в том числе и в виде перепалок в городском транспорте и неформальных шуточных реплик, в плане отражения русского национального колорита на примере анализа речи кондукторов. Описывались характерные эпизоды вторжения в личное пространство в виде советов и других способов регулирования ситуации (*Оплативайте проезд, а то и без вас хорошо!; Надо громче говорить. Вы ведь мужик все-таки*), речевой агрессивности, когда свою власть в семье женщины переносят на власть в транспорте (*Я что, как бешеный таракан должна бегать? Передавайте на проезд, а то никого не выпущу*). Кондуктор выступает нередко как трагическая фигура, провоцируемая пассажирами (*Ну, имейте совесть, что вам, трудно заплатить за проезд?*). Наблюдается стремление путем создания соответствующего эмоционального настроения привлечь к себе симпатии собеседника (*Милые, ну, передавайте за проезд*). Подчеркивалась характерная легкость вступления в контакт (например, в транспорте люди учат друг друга консервировать овощи), фатическое общение в обществе незнакомых людей, грубоватость коммуникативного стиля. При этом открытая непосредственность не нормативна с точки зрения интеллигента и считается неполноценным обыденным сознанием. В свою очередь носителей народной культуры в интеллигентах раздражает снисходительное отношение к носителям народной культуры.

Е.А. Букринская и О.Е. Кармакова (Москва) в докладе «Язык провинциального города» обратили внимание на то, что «традиционно в изучении языка города преобладали социологическое и лингвогеографическое направления, позднее актуальным становится описание ком-

муникативного и коммуникативно-культурологического аспектов» (с. 28), при этом до сих пор речь жителей маленьких городов практически не изучена, хотя представляет большой исследовательский интерес, так как в ней можно выделить все поименованные традиционные и новые аспекты исследования. Доклад составлен на основе анализа записей речи (прилагавшихся к докладу) жителей районных центров юго-западной, южной и северо-восточной диалектных зон, имеющих среднее специальное образование – библиотекарей, учителей младших классов, работников почтовых отделений и клубов. Подчеркивалось, что языковые страты опираются на определенный тип культуры. Указывалось, что хотя «в ряде случаев бывает трудно решить вопрос о лингвистическом статусе конкретного варианта городской речи» (с. 29), тем не менее речь обследованной страты явно не относится к просторечию (рассматриваемому как промежуточная культура «между культурой образованного слоя, «книжной», и традиционной, отраженной в говорах (там же)). Отмечалось, что просторечие как речь малообразованных людей имеет наддиалектную основу, а его социальной базой являются люди, работающие на предприятиях и не имеющие высшего образования. Вместе с тем в малых городках «на предприятиях работают в основном бывшие деревенские жители, продолжающие говорить на диалекте, просторечие же представлено, как правило, в речи молодого поколения» (там же). В таких городках можно встретить билингвов – носителей литературного языка, на котором они общаются на работе, и местного говора, на котором они говорят с родными, особенно пожилыми. Отмечалось, что билингвам присуща языковая рефлексия. «По своей ментальности многие из них по-прежнему связаны с традиционной культурой: участвуют в обрядах, обращаются к знахарям, ведут хозяйство по деревенским канонам...» (с. 30). Указывалось, что билингвами часто являются женщины, так как они сохраняют связь с крестьянской культурой. Для мужчин обычно главное – успешность коммуникации, в мужской речи сохраняется больше диалектных черт. В то же время отмечалось, что те носители диалекта, которые получили образование, часто не становясь билингвами переходят на региональный вариант литературного языка, который хранит устойчивые черты местных говоров. Смешанный тип распространен в городках, в которых нарушается связь с национальной культурой. В то же время все диалектные формы употребляются непоследовательно. Местная специфика предопределяется темпом речи, интонацией, морфологической структурой слов, ограничениями лексики. В области фонетики, к примеру, юго-западная диалектная зона характеризуется аканьем, шепелявым произношением мягких зубных (*серый* > [ш]ерый) и др.). Докладчик интересуется вопросом, с какого момента можно говорить о переходе диалекта в полудиалект. Они считают, что понимание полудиалекта как сплава излишне упрощает и искажает реальную картину, и более продуктивно говорить не о полудиалекте, а о диалекте.

Доклад С.М. Кузьминой (Москва) «Изменения в фонетике устной

публичной речи» был посвящен анализу дикторской речи. Подчеркивалось ее влияние на речь населения и в то же время на ее вовлеченность в общественную ситуацию. Сопоставлялись доперестроечные характеристики этой речи (большая монологичность, направленность на сообщение, ограниченность набора коммуникативных заданий) с современными: «суперсегментная фонетика дикторской речи характеризовалась ограниченным набором интонационных конструкций; стабильным средним темпом произнесения; отсутствием пауз колебания и психологических пауз; наличием так называемых дикторских пауз» (с. 98). Указывалось на «ровность тона, отсутствие его резких перепадов, ровную громкость, связанную с ровной интенсивностью голоса» (там же). Отсюда устойчивость информационной публичной речи в отношении фонетических черт разговорной речи, к компрессии и в целом к деформациям звуковой модели слова. Современная речь радио- и телеведущих имеет противоположные характеристики, что связано с изменением состава информационно-публичной речи, с поворотом к общению, интерактивности (диалогу и полилогу): «это уже не беседа, а оживленное непринужденное общение сторон и лиц. Прозошла несомненная «разгерметизация» стерильных условий вещания» (там же). Влияние разговорной речи в области сверхсегментной фонетики проявляется как: отход интонации от прежней литературной нормы, «убыстренный, иногда даже сверхбыстрый темп, скороговорка (вместо среднего темпа речи дикторов) (...) перепады» (с. 99), замедление темпа через вставку паразитического характера, логическое ударение нередко ставится нелогичным образом, например, «лжелогическим ударением выделяется имя собственное (...) *И благодарю режиссера, Светлану Ростовцеву*» (там же); экспансия фонетики разговорной речи: *мускальная* (музыкальная) *тема, краткий вытск новостей.*

Доклад В.Е. Гольдина (Саратов) «Вербальные ассоциации городских и сельских школьников» был посвящен особенностям ассоциативно-вербальной сети горожан, выявляемой через сопоставление таковой городских и сельских школьников (Саратова и городков Саратовской области) и отражающей «типичное для горожан словоупотребление и наиболее сильные содержательные связи в их сознании» (с. 45). Выделялись зоны самых частых реакций и отмечались определенные различия в строении ассоциативных полей, в частности. Городские школьники чаще реагируют на слова-стимулы путем приведения их антонимов, в то время как «сельские школьники чаще городских дают ответы синтагматического характера» (с. 47).

Е.Л. Березович (Екатеринбург) в докладе «Отцы и дети» в лексической семантике (о «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города) сделала предметом своего доклада «извечное противостояние «отцов» и «детей», которое в каждую эпоху имеет свою специфику, отражающую изменения в социально-политической и духовной жизни общества за условные 20 лет, неизбежно дает проекцию в лексическую семантику» (с. 25). В докладе

анализируются слова с аксиологической семантикой. Под детьми имеются в виду современные студенты, а отцы – это условно те, кому за сорок. Автор подчеркивает, что выделяет не общие тенденции, но отдельные характерные линии смыслового развития, а именно: изменения коннотативного фона слов, типовой сочетаемости, дезактуализацию одних значений и развитие новых. Анализ проводился на основе наблюдений за речью Екатеринбург, в меньшей степени Петербурга и Перми. Интернет-текстов и текстов из Ruscorgor. Рассматривалась сочетаемость слова *креативный* (*креативный директор, креативный человек*), его дериваты (*креативчик*) и дифференцированность его семантики, на развитие которой воздействуют такие слова, как *реактивный* и *активный*. Анализировалась семантика понятия *гламура*. На смену идеи бездуховности, содержащейся в понятии мешанства, пришло понятие *гламурности* (понимаемое как роскошь (*сумочка под цвет зубов*)). Указывалось, что в языке отцов *принципиальность* воспринималась положительно (хотя слепое следование принципам могло рассматриваться как ограниченность). В языке детей *принципиальность* имеет негативную окраску, приравнивается к запретительству, является противоположностью толерантности (*узколобая принципиальность*) и «противопоставляется таким ценностям, как гибкость, умение находить компромиссы, гасить конфликты, и чувствовать ситуацию...» (с. 26). Отмечалась сочетаемость слова *принципиальность* с глаголами *изображать, разыгрывать, выпячивать* и прилагательными *лишняя, ненужная, пафосная, понтовая, тупая (дурацкая, идиотская), твердокаменная* etc. (там же). Обращалось также внимание на отрицательные коннотации слова *бескомпромиссность*. Указывалось, что слово *приспособленец* устарело, как и глагол *приспособливаться*, который сейчас заменяется словом *крутиться* – «что значит не только работать на пяти работах, но еще и приспособливаться» (*из докл.*). Е.Л. Березович подробно останавливается на современных модификациях семантики слова *романтика*, имеющего в русском языке богатый культурный фон – в языке отцов оно связывалось с дальней дорогой, бытовой неустроенностью, «со специфическим предметным полем (*дальняя дорога, костер, песни под гитару* etc.), предполагающим бытовую неустроенность и несовместимость с комфортом» (с. 27) (что непривлекательно для молодежи). Иные ассоциации вызывает название стиля *романтик* (не *романтика*) – это стиль не из дешевых, культивируется в женских журналах (*этот диван должен располагать вас к романтике; в стиле романтик и гламур; романтический ужин, романтические отношения*). Слово терминологизировалось и приобрело любовную семантику (*парфюмерия: дневная, офисная, романтическая (вечерняя и ночная)*). Было проанализировано понятие *карьеры* (и смежные понятия *карьерист, карьеризм*), которое некогда имело негативную окраску, и говоря о себе, люди этого слова всячески избегали. Однако в речи детей это слово нейтрально или имеет положительную окраску: человек может сказать о себе: *Хочу, чтобы ничто не мешало моей карьере; Я и моя карьера*). Раньше говорили о

человеке: *он сделал карьеру*, сейчас такого человека называют *амбициозным*. Указывает на наличие так называемых сквозных значений как векторов смыслового развития. В ряде случаев отмечается маркизация семантики (например, *достойная цена*). Современный период отмечен появлением большого количества слов (например, *закомплексовать*) и новых значений у старых слов – таких, как *здоровый / нездоровый*. Сдвиги в семантике прилагательного *здоровый* позволяют охарактеризовать с его помощью *пофигизм – здоровый пофигизм*, а прилагательное *нездоровый* характеризует в наши дни такие сущности, как *энтузиазм, рвение, пристрастие, мысль, юмор, интерес, ажиотаж, экстаз*. Фиксируются также сдвиги в семантике слов: *откровенный (откровенные подробности, фотографии)*, *душевный* (о преподавателе: *классно читает лекции, но не позитивно – лекции не коррелируют с экзаменационными вопросами; душевный чай (из рекламы); душевный комфорт*), *горячий (горячие парни)*, слово *пошлый* заменяется словом *интимный*). Такие слова, как *запирать, напрягать* означают посягательство на личную жизнь.

Доклад Х. Пфандла (Грац) «Городские шибболеты» посвящен такой лексике, с помощью которой выражается национальная и региональная идентичность, неинородность; прежде всего в данном аспекте рассматривается лексика Австрии и Южной Германии. Подчеркивалось, что австрийцы хотят отличаться от других немецкоговорящих, отсюда их пидгизм в отношении специфической региональной лексики.

Н.Б. Мечковская (Минск) в докладе «Разговорно-диалогическая природа и различительные признаки синтаксических фразеологизмов» выделила нижеследующие признаки синтаксических (коммуникативных) фразеологизмов (синтаксических фразем) на фоне традиционно выделяемых номинативных фразеологизмов: 1) идиоматичность как семантическая, так и формальная, проявляющаяся как фундаментальное свойство на всех уровнях языковой структуры, от фонетико-фонологического вплоть до синтаксиса предложения, 2) первичность синтаксических фразеологизмов в отличие от традиционно выделяемых номинативных фразеологизмов, имеющих вторично-перифрастический характер, 3) механизм образования синтаксических фразеологизмов носит грамматико-лексический характер, а идиоматичность номинативных фразеологизмов формируется лексико-семантическим способом, 4) синтаксические фразеологизмы представляют собой особые модели предложений (в то время как номинативные фразеологизмы соответствуют моделям свободных словосочетаний), 5) у синтаксических фразеологизмов невозможна полная немотивированность внутренней формы, на синхронном уровне присущая всем идиомам (*собака съел в чем-л.*) и некоторым сравнениям (*глуп как пробка*), 6) формирование идиоматичности синтаксических фразеологизмов за счет структурной и лексической (в связи со сжатостью вторых реплик диалога) неполноты, 7) неархаичность синтаксических фразеологизмов, 8) их принадлежность к живой речи, 9) разговорность, 10) диалогичность, 11) модально-

эмоциональная и экспрессивная нагруженность. Обращалось внимание на разную степень несвободы соединяемых единиц в пределах синтаксических построений и возможность их градуирования по степени идиоматичности (слабой, средней и сильной) и по степени их структурной клишированности.

Д.О. Добровольский и А.Н. Баранов (Москва) в докладе, посвященном идиоматике «*Имя им легион vs. их как грязи* (устная и книжная идиоматика в сопоставлении)», указывают, что идиомы в принципе носят разговорный характер, поэтому для их изучения за точку отсчета целесообразно было бы принимать именно разговорный регистр — в противном случае большинство идиом в словаре пришлось бы помещать с пометой *разг.* При этом выделяются стилистический верх и низ; «над» разговорной идиоматикой находятся области нейтральных, книжных и высоких идиом» (с. 18). Приводятся нижеследующие примеры такого рода идиом: «*на редкость* *нейтр.*, *без устали* *нейтр.*, *до седьмого колена* *книжн.*, *до мозга костей* *книжн.*, *вернуться на круги своя* *высок.*» (с. 18-19). Указывается, что в разговорной речи современного города используется просторечие, жаргон и сниженные и даже обценные идиомы. При этом в обыденной коммуникации большое место занимают сниженные идиомы. Ставится вопрос о возможной связи между стилистическими пометами как дискурсивными характеристиками функционирования идиомы и ее семантикой, которая тем не менее априорно не просматривается. Ведь один и тот же смысл может быть передан с помощью разных в стилистическом отношении идиом. Приводится пример большого количества, которое может быть выражено с помощью книжных и высоких идиом (*имя* (кому-л.) *легион*), и о ком-либо и о чем-либо можно сказать с помощью стилистически сниженной идиомы *как грязи*. Докладчики подчеркивают, что рассмотренные идиомы различаются не только по стилистике, но и в какой-то мере семантически: «*имя им легион* характеризует одушевленные сущности, а *как грязи* — чаще неодушевленные» (с. 19). Указывается, что имеются смыслы, формирующие семантические поля, заполненные идиомами нейтрального и более высокого характера. В качестве примера приводятся идиомы с временной семантикой, имеющие книжный и высокий характер: *во время оно* *высок.*, *пыль веков* *высок.*, *сдать в архив* *книжн.*, *уходить корнями во что-л.* *книжн.*, *с быстротой молнии* *книжн.*, *по мановению руки* *книжн.*, *до второго пришествия* *книжн.*, *до скончания века* *книжн.*, *до гробовой доски* *книжн.*, *на заре чего-л.* *книжн.*, *на заре туманной юности* *книжн.*, *с колыбели* *книжн.*, *бальзаковского возраста* *книжн.*, *во цвете лет* *книжн.* Указывается, что в данном таксоне немало нейтральных идиом: *в разгаре* *нейтр.*, *в разгар чего-л.*, *с утра до вечера/ночи* *нейтр.*, *медовый месяц* *нейтр.*, *бархатный сезон* *нейтр.*, *шаг за шагом* *нейтр.*, *от случая к случаю* *нейтр.*

В то же время выражение ряда смыслов обеспечивается разговорно-сниженными идиомами дискурсивного типа. Подчеркивается, что «такими смысловыми полями являются в первую очередь таксоны с оценочной семантикой» (с. 20). В качестве примера приводится таксон

хорошо – плохо, содержащий много сниженных и обценных идиом (*будьте-нате* прост., *будь-будь* прост., *разлюли-малина* снижен., [еще] *хоть куда* прост., *чин-чинарем* прост., *остатки сладки* прост., *черт бы побрал* снижен., *всё чих-лых* снижен., жарг., *не ахти* прост., *жить с ружьём* снижен., *не того снижен.*). Хотя пропорции в оценочных таксонах распределяются с большим перевесом в пользу разговорно-сниженных идиом, в то же время оценочные таксоны включают в себя и нейтральные, книжные и высокие идиомы (*товарный вид* нейтр., *на высоте* нейтр., *высокой/высшей пробы* нейтр., *как... манна небесная* книжн., *божьей милостью* высок., *за гранью добра и зла* книжн., *авгевы конюшины* книжн.). Указанные пропорции являются следствием характера обыденной коммуникации: «людям свойственно обсуждать в устной коммуникации различные отклонения от нормы – как в сторону хорошего, так и в сторону плохого, а не норму как таковую. Более того, сама норма осознается на фоне отклонений от нее» (с. 21). Разговорные корреляты и корреляты других регистров могут отличаться степенью образности. Так, нейтральные идиомы не имеют яркого образа, их метафоричность стертая. Стилистически непрозрачные идиомы нередко содержат отсылку к библейским реалиям: этимологическая память этих выражений стерлась. В докладе были выявлены признаки и закономерности, характеризующие сниженные идиомы. 1) если в составе идиомы есть слово нижних регистров, то вся идиома имеет сниженный характер (например, за счет слова *переть*, выражения *разевать пасть*); 2) рифмование типично для просторечных идиом (*штучки-дрючки, трали-вали, явился не запылится*); 3) хотя нередко сама идиома не содержит сниженной лексики, сниженный образ, к которому она отсылает, предопределяет ее сниженный характер.

В докладе была дана типология характеристик внутренней формы идиом: 1) присутствие идеи брутальности ведет к снижению, 2) наличие во внутренней форме чего-либо, нарушающего норму – *куда ни плюнь, молчат в портянку* (обычно *в тряпочку*) приводит к тому, что сам образ воспринимается как нарушающий норму, 3) описание физиологии – *весь в мыле* – образ отсылает к человеку, который вспотел, 4) уподобление человека животному: *как сивый мерин, мечет икру* или уподобление человека чему-либо обыденному: *старая калоша* (при этом могут иметь место смелые сопоставления: *любовь прошла, завяли помидоры*), 5) абсурдность образа: *молчать как рыба об лед, Что я, рыжий, что ли* – идея цвета волос встраивается в абсурд, *жить с ружьём* – имеет место абсурдность образа, гиперболизация, 6) наличие во внутренней форме символов и квазисимволов: *цветов как грязи* – сравнение *как грязь* вызывает ассоциации с половицей *свинья грязь найдёт*; *свинья и грязь* – стилистически сниженные лексемы. Квазисимволы – *взять за жабры* – выражают абсурдность образа. Указывалось, что на характер семантики влияют и факторы нарушения грамматических норм. Приводились примеры сниженных лексем с неясным происхождением такой сниженности, например, *с концами* и *сделать ноги* (при наличии стилистически нейтрального *унести ноги*). Подчеркивалась

разнонаправленность языковых процессов: *переть на рожон* – сниженное, а *отделить агнцев от козлиц* – высокий стиль, ведь *агнцы* и *козлица* – необычные слова, отсюда и необычность формируемой ими семантики. Указывалось, что слова-переделки формируют сниженную семантику: *молчать в тряпочку* (очень неэстетично) вместо *молчать в тряпочку*; *с порога в зубы* от *с порога в крик*; *жить с ружьем* от *жить!* В докладе использовался корпус переводной литературы, художественной литературы, публицистики.

Р. Раймайр (Вена) в докладе «Устная профессиональная речь города: новые формы вежливости в сфере обслуживания» остановилась на специальных единицах в организационно-распорядительной терминологии. Р. Раймайр отметила, что современная устная коммуникация – это в большой мере разновидность устной корпоративной коммуникации, корпоративная коммуникация – внутри коллектива сотрудников – сильно стандартизируется, можно отметить повышение вежливости по телефону (опрошенные говорят, что вежливость – это что-то неестественное, но она им приятна); новые вербальные формы вежливости фиксируются в объявлениях типа *Мы для вас работаем без выходных*. В связи с формированием корпоративной культуры делового общения Р. Раймайр отметила, что в Австрии почти нет лингвистов, которые занимались бы профессиональной коммуникацией – в основном ею занимаются экономисты, психологи и др., и радуется, что в России профессиональной коммуникацией занимаются многие лингвисты.

М.А. Кронгауз в докладе «Пополнение лексики: новые понятийные сети» обращается к проблеме профессий в XXI веке. Им выделялась проблематика 1) противопоставления профессий и должностей (так как отличия профессии от должности нередко размыты), 2) постоянного роста числа заимствований профессий и должностей. Затрагивались проблемы дифференциации ряда понятий, в частности, понятий *специалиста* и *менеджера*. *Специалист* – это сотрудник по работе с персоналом, по технологии информации. Слово *менеджер* в свое время могло связываться с управленческими функциями, сейчас же это нечто другое, часто просто ярлык; в то же время лексема *менеджер* звучит иронично. М.А. Кронгауз затронул проблематику новой орфографии в Интернете.

В докладе С. Чмейрковой (Прага) «Русский язык в Интернете в сравнении с чешским» указывалось на средства формирования общности людей через Интернет: общность образуют аллюзии, провокационные темы и в целом провокативность форм Интернет-общения и расцвет в Интернете метаязыковой рефлексии. С. Чмейркова отметила, что чешский язык иначе относится к заимствованиям – крайне осторожно, что имеет свои причины и исторические корни, в то время как русский язык, будучи языком большой нации, не боится заимствований. Указывалось на широкую представленность в Интернете обиходно-разговорного чешского языка, на появление альтернативных правил чешского правописания и особых способов передачи невербальной – визуальной информации. Как негативное явление отмечалось влияние

Интернета на пунктуацию в плане закрепления ошибок.

Т.М. Николаева в докладе «*Мы и Они*» обратила внимание на феномен *мы и они* и специфику коммуникации на линии *мы и они*. На основе анализа газет за 2001-2008 указывалось на стереотипизацию общения как на очередной этап развития коммуникации и на проявления современной массовой культуры в текстах заголовков, характеризующихся социальной унификацией, цитатами разной степени опознаваемости и зашифрованности. Указывалось на необходимость исследований наполнения слов *мы и они*. Так, в неопределенно-личных оборотах нередко присутствуют *они* (например, *Я беседовал с редактором. Они хотят опубликовать мою книгу (не Редактор хочет опубликовать мою книгу)*). Что же касается понятия *мы*, то мы иногда включаем себя в это понятие, иногда исключаем (когда мы не согласны с тем, что мы делаем).

Доклад А.Д. Шмелева (Москва) «Городская коммуникативная среда и культура речи» был посвящен проблематике нормы и отклонений от нее, связанных, во-первых, с незнанием норм, во-вторых, с их изменением, в-третьих – с их жанровой дифференциацией (*челобитная, прошение, заявление*). Норма предполагает сознательную установку на выбор «правильного» варианта и предполагает определенный консерватизм. А.Д. Шмелев подчеркнул, что к норме удобно относиться не дескриптивно, а предскриптивно. При этом носитель нормы не обязан всегда ей следовать. Далее А.Д. Шмелев указал на иллюзорность ряда представлений о норме и остановился на некоторых лингвистических и социолингвистических заблуждениях. Так, например, слово *россиянин* некоторым представляется нововведением последнего времени, но это не так – оно употребляется в русском языке на протяжении нескольких веков. Указывалось, что среди некоторых слоев общества распространено мнение, что языковые изменения последнего времени можно оценить как *порчу языка* в связи с наплывом заимствований, жаргона, просторечия, ошибок, снятия запретов на бранные слова. Подчеркивалось, что развитие указанных процессов никоим образом не может привести к *порче языка* – ведь русский язык уже никогда не утратит своих возможностей выражения мысли, а если кто-либо не сумеет ими воспользоваться, то это уже вина не языка, а конкретного человека. Указывалось, что материал русской классической литературы помогает опровергнуть целый ряд мифов, связанных с изменениями городского речевого узуса за последние полтора десятилетия. Затрагивались проблемы нормы в городской топонимике. Обращалось внимание на то, что носитель нормы ориентируется на адресата своего вербального продукта. Подчеркивалось, что ономастическая номинация предполагает определенный консерватизм.

С.Е. Никитина (Москва) в докладе «Людей как город развращает...» (концептуальные слова жестокого ромansa) останавливается на проблеме наивной литературы и индивидуального творчества такого типа, когда «человек не дотягивает до образцов». Жанр жестокого ромansa формирует наивный образ неопытного человека. Это один из сти-

лей, выпадающих из традиционных классификаций. К этому же жанру относятся духовые силлабо-тонические стихи. С.Е. Никитина обращает внимание на некое противоречие между наивным человеком, которого отличает недостаток опыта и термином *наивная картина мира* (основанном как раз на опыте). Речь идет о так называемых «безблагодатных» текстах – без веры, для которых характерна идея незащитности и воли провидения. Основной фигурой жестокого романа является женщина. С.Е. Никитина описывает жанр жестокого романа по ключевым словам. Отмечается особая нагруженность слова *вокзал*, выступающего либо как место преступления, либо места, где происходит несчастье. Другие ключевые слова: *дорога, поезд, квартира, комната, малютка*. Главное – то, что малютка – от мужчины, который бросил его мать, то есть это плод несчастной любви матери. Отмечается большая разница между понятиями *младенец* и *малютка*, в частности, возрастное различие: до 17 лет малютка – всё малютка. При этом 17 лет – это роковая цифра, важный рубеж, чреватый суицидными настроениями существа, ощущающего свое несчастье. С.Е. Никитина обнаружила реликты этого жанра в Америке у эмигрантов молочан и среди других групп русского зарубежья.

Секционные заседания проходили в трех секциях.

В работе первой секции «Язык современного города в функциональном аспекте» приняли участие с докладами: О.В. Антонова (Москва) «Некоторые особенности реализации инициальной фонемы ʋ перед [и] в формах местоимений их, им, ими», В.Ю. Балдашинова (Москва) «Оценки в речи жителей современного города: гендерный аспект (по материалам анкеты)», С.И. Гишдин (Москва) «Уличные объявления как предмет лингвистического изучения и как инструмент развития речи», Е.И. Голанова «Публичная речь в городском пространстве», Н.Л. Голубева (Москва) «О средствах неопределенности в разговорной речи и говорах», Т.М. Григорьева, О.А. Грипина (Красноярск) «Суперсегментные параметры в речи красноярцев», А.Н. Еремин «Ролевые характеристики женщины в современной городской речи», В. Жданова (Германия) «Городской жаргон как маркер этикетного поведения», А.В. Занадворова (Москва) «Особенности коммуникативного взаимодействия «водитель – пассажир» в ситуации частного извоза», О.С. Иссерс (Омск) «Стратегии позиционирования ресторана в аспекте лингвистической прагматики», М.Л. Каленчук (Москва) «Основы произношения первообразных частей в речи москвичей», Е.М. Лазуткина (Москва) «Тактики и приемы мгновенных реплик в городских сценках», Г.П. Нешименко (Москва) «Коллизии между феноменом *obesná čeština* и чешским литературным языком», Е.В. Осетрова (Красноярск) «Анонимная новость в пространстве городского общения: содержание, участники и коммуникативные сценарии», О.В. Сахарова (Киев) «Вариативность жанров бытового дискурса в киевском коммуникативном пространстве», Б.Я. Шарифуллин (Лесосибирск) «Речежанровое пространство города и тексты городской среды».

О.С. Иссерс, в частности, в докладе «Стратегия позиционирования ресторана в аспекте лингвистической прагматики» указывает, что в области современной речевой коммуникации для лингвистов высвечиваются все новые области социального взаимодействия, в частности, в рекламе. Сейчас важны речевые стратегии, позволяющие оторваться от конкурентов, дифференцировать товар или услугу «на рациональном, функциональном, эмоциональном, ценностном уровне» (с. 68). Современный общепит в докладе получает условное название *ресторан*. Анализ строится на текстах статей в специальных изданиях и меню. В рекламных текстах описывается общее и описывается методом фреймового моделирования. Анализ позволил представить фрейм ресторан как иерархически организованную структуру, верхний уровень которой занимают чаще всего мелькающие в рекламе заведения, дифференцируемые в зависимости от: 1) типа и класса заведения (ресторан, ресторан быстрого обслуживания (*фаст фуд, кафе, трактир...*)), 2) функции, включая цель посещения и специфику предложения (*шоу-ресторан, арт-кафе...*), 3) специфики кухни (*японский ресторан, обед по-русски, авторская кухня*), 4) атмосферы (*радушный прием, укромный баварский уголок, живая музыка*), 5) потенциального посетителя (*для гурманов, для любопытных, для сторонников здорового питания...*). Структура слотов нижнего уровня предопределяется уникальным торговым предложением, при этом «одним из наиболее структурированных является слот кухни, складывающийся из следующих компонентов: тип кухни, шеф-повар, особенности меню (*фитнес-меню, стейк-меню*), качественная еда, блюда. Рассматривалась специфика текстов меню как отражающих стратегии позиционирования ресторана.

В докладе О.В. Сахаровой (Киев) «Вариативность жанров бытового дискурса в киевском коммуникативном пространстве» информативные речевые жанры были представлены в их сопряженности с социально-психологическим типом коммуниканта: 1) традиционный тип коммуниканта (коренные пожилые горожане), руководствующийся куртуазной стратегией речевого поведения (*будьте любезны, не могли бы вы мне подсказать...*), 2) «люди, приехавшие из сельской местности, подсознательно дискомфортно ощущающие себя в условиях мегаполиса» (с. 143), отсюда готовность к самозащите, нередко говорящие на суржике и без применения этикетных речевых формул («*Тётю, а где тут мебельный? – Не знаю. – Тю, вже и сказати не можеш, теж ми пава*» (там же)), 3) прагматический тип, использующий рациональные и адекватные формы речевого поведения с минимальным набором этикетных речевых формул, 4) игровой тип, воплощающий в себе «литературный и психологический архетип трикстера, наделяя его эвристическими формами речевого поведения (...) Коммуниканты разрушают стереотипы, однако не нарушают конвенциональные социальные нормы» (с. 144) (...*Вы не знакомы с местом расположения универмага?* (там же)).

В докладе Б.Я. Шарифуллина «Речежанровое пространство города

и тексты городской среды» подчеркивалось, что жанры речевого общения организуют, корректируют и генерируют городскую речевую коммуникацию. Рассматривались разнообразные типы текстов городской среды как формирующие ее коммуникативный и семиотический колорит: тексты городских СМИ, наружной рекламы, городская эпиграфика и граффити, вывески-эмпоронимы торговых предприятий и др. объявления, плакаты, листовки, ценники... Была установлена многоуровневая типология текстов городской среды, и в частности: 1) тексты речевого стандарта (СМИ, реклама и др.), 2) тексты городской речевой субкультуры (граффити, тексты «хай-тек» (типа СМС-сообщений и др.), 3) тексты на предметах одежды, баджи, флеры, баннеры... Были выделены параметры для каждого типа, в том числе для стандартной письменной речи, для естественной письменной речи. Подчеркивалась погруженность всех текстов городской среды в речевжанровое пространство городской коммуникации и необходимость их описания в терминах современной теории речевых жанров. Выделение текстов городской среды как отдельного компонента речевого пространства города обусловлено в том числе семиотической составляющей речевой коммуникации, так как современный город – это «идеальный семиотический объект» (с. 159).

В докладе В. Ждановой «Городской жаргон как маркер этикетного поведения» указывалось на востребованность жаргона, на то, что «индивидуальные речевые практики употребления жаргона становятся общепринятыми» (с. 62). Указывалось, что «языковой вкус современной эпохи (...) складывается и под влиянием демократического узуса, во многом игнорирующего кодифицированную норму» (с. 62). Указывалось также на предпочтительность креативного подхода к языку и наличие идиостиля, акцентировалась «возросшая престижность индивидуального и лингвистически актуального в языковом поведении» (там же). Подчеркивается двойственность как характеристика городского жаргона: *банальность / креативность, опрощение / обогащение культурно-языковой палитры, низкая социальная престижность / высокая социальная престижность*. Отмечались лингвокультурные функции городского жаргона как выразителя индивидуального и лингвистически актуального: 1) жаргонные инкрустации как знак современности, 2) жаргон как выражение причастности духу времени (через называние вещей своими именами: *наехать, впарить*), 3) жаргон как знак расширения языковой компетентности, 4) жаргон как сигнал лингвокультурной и социальной альтернативности, маргинальности, дистанцирования от официоза с его поведенческими и стилистическими канонами, 5) жаргон как способ выражения субъективной оценки (например, иронии), сниженности стиля, создания альтернативных видов дискурса (ёрничества, стеба и под.), 6) утрата жаргоном кодовой функции в оппозиции свой/чужой и знаковой функции принадлежности к субкультуре или неофициозной культуре.

В работе второй секции «Проблемы лексикологического и лекси-

кографического описания языка» города» приняли участие с докладами: Л.В. Балацова (Саратов) «Метафорическая составляющая речи как отражение языковой картины мира жителя современного мегаполиса», В.И. Беликов (Москва) «Динамика утраты флексии в полузнаменательных наречных выражениях», М.Я. Дымарский (Петербург) «Принципы номинации в автомобильном жаргоне», Т.И. Ерофеева (Иермь) «Социолингвистическая информация в словарях городской речи», Анна А. Зализняк (Москва) «*Гости* как мероприятие в современной городской речи», Е.В. Какорина (Москва) «К проблеме изучения неофициальной городской топонимики», И.Б. Левонтина («Москва») «Особые события в современном русском языке», Е.В. Маринова (Нижний Новгород) «Грамматическое варьирование новых иноязычных слов в живой русской речи», Н.А. Николина (Москва) «Неофициальные урбанонимы в современной русской речи», Л.З. Подберезкина (Красноярск), Р.И. Розина (Москва) «Номинализации в разговорной речи», А.П. Сдобнова (Саратов) «Об активном словаре городских школьников», Б. Тошович (Грац) «Тождество, сходство и различие в лексике и семантике города», Е.В. Урысон (Москва) «Современные разговорные словечки *как бы* и *конкретно*», Л.З. Подберезкина «Годонимическая рефлексия как фактор формирования языковой политики в городской среде», О.Е. Фролова (Москва) «Пафосно и пафосный в современной речи», Т.В. Шмелева (Великий Новгород) «Городская лексикография: опыт типологии словарей», А.А. Юнаковская (Омск) «Опыт создания словаря дифференциально-группового типа (на материале г. Омска)».

В докладе М.Я. Дымарского подчеркивалось, что активность и многообразие суб-/нонстандарта «специалисты справедливо рассматривают в качестве показателя жизнеспособности языка» (с. 52). Обращение к автомобильному жаргону мотивировалось автором его малоизученностью и социолингвистической демократичностью, подчеркивалась его внедренность в повседневную речь и смеховое начало, имеющее глубокие корни в русской культуре. Изучение автомобильного жаргона позволяет выявить основные принципы номинации в этой сфере. Активным принципом номинации является создание лексико-семантических вариантов слов уже существующих в языке (с метонимической и метафорической мотивацией) (*баранка, торпеда, дворники, штаны, очки, самурай, киртич*). Указывалось, что «наблюдаемая в этом случае консервативность, противостоящая образованию новых слов, может интерпретироваться как толерантность языка к своим носителям...» (с. 53). Имеются и частично мотивированные номинации с прозрачной мотивацией (часто они образуются путем стяжения словосочетания с суффиксацией – *запаска, аварийка*). Указывается на наличие контекстуально независимых слов типа *поддомкратить*.

Доклад И.Б. Левонтиной «Особые события в современном русском языке» частично перекликается с докладом Анны А. Зализняк («Гости как мероприятие в современной городской речи»), так как отчасти посвящен такой номинации дружеской встречи, как *вечеринка*. Докладчи-

ца обращается к формам городской жизни, к жанрам времяпровождения и проведения досуга. Указывалось, что слово *вечеринка* отмечалось еще в словаре Академии Российской XVIII в. В литературу оно вошло со второй половины XIX в. и имело «разночинско-демократически-богемные коннотации» (с. 106). В советское время вечеринка представляла собой неофициальное и незлитарное мероприятие. К концу XX в. слово приобрело вульгарный оттенок. Широкое распространение в переводных текстах ему обеспечивала необходимость перевода слов *party* и *soirée*: ведь для *праздника* нужен повод, а *танцы, попойки, посиделки* слишком конкретно указывают на тип времяпровождения. В наши дни у этого слова стерлась архаическая и просторечная окраска, развилась новая сочетаемость: *корпоративная, светская, клубная, гламурная вечеринка*, «обратным словообразованием было произведено и слово *вечерина* – как синоним уже только для вечеринки в этом новом смысле» (с. 107). Часть доклада была посвящена семантике слова *событие* – употребляемого в русском языке по образцу английского *event* в значении мероприятия (*свадебное событие*), а также как название – например, агентств (*Событие, Министерство событий*). И.Б. Левонтина полагает, что новое значения слова *событие* может закрепиться в языке (слово *мероприятие* – во многих отношениях эквивалентное – имеет казенный оттенок).

В докладе Анны А. Зализняк «*Гости* как мероприятие в современной городской речи» затрагивались, в частности, возможности перевода на русский язык английского слова *party* – в весьма широкой амплитуде (от *высок.* до *сниж.*), в зависимости от контекстно-ситуативных условий: *вечеринка, именины, праздник, собрание, пир, прием, посиделки, сабантуй, междусобойчик, сейшн, пьянка, симпозиум*. Отмечалось, что слово, полностью лексикографически и переводчески адекватное английскому *party*, в русском языке отсутствует. Упомянулись в этой связи такие понятия, как *собираемся, собраться*. Более подробно докладчица остановилась на слове *гости*, его значениях, в частности, значении мероприятия. *Пригласить в гости* означает придать статус гостя. Именно множественное число указывает на особое статусное значение. В то же время слово *гости* обладает полной парадигмой и широкой сочетаемостью: *позвать в гости, никто из гостей, после гостей, до гостей, трое гостей, недовольны гостями* (как мероприятием), *из-за гостей, возвращаться из гостей: вчерашние гости, завтрашние гости, следующие гости, поздние гости, у нас сегодня гости*. На этом слове базируется поговорка *В гостях хорошо, а дома лучше*. Важнейший элемент в семантике слова *гости* – что это *место, где живет хозяин*, пространство пребывания в доме. В ресторане – это уже *не в гостях, а в гости* – это к *Васе*.

В докладе Б. Тошовича «Тожество, сходство и различие в лексике и семантике города» суть городской речи рассматривается в плоскости тождеств, сходств и различий в их соотношении с доминантами формы, значения, категории и функции в их разнообразной комбинации.

рике. Б. Тошович указывает, что «в основе синонимии находится полная, относительная или частичная семантическая идентичность и полное формальное различие, в полисемии и омонимии формальная идентичность и семантическое различие, в антонимии формальное и семантическое различие, а в паронимии формальное сходство и семантическое различие» (с. 151).

В работе третьей секции «Язык современного города в социокультурном аспекте» приняли участие с докладами: Н.Ю. Авина (Вильнюс) «Языковая игра в русской разговорной речи в иноязычном окружении (на материале г. Вильнюса)», Е.П. Захарова «Городские номинации г. Саратова», О. Йокояма (Лос-Анджелес) «Путь носителей диалекта: к просторечию или к региональному варианту литературного языка (по материалам частной переписки XX в.)», И.Н. Кошман (Киев) «Пан не пропал? (употребление вкрапления пан в текстах русскоязычных СМИ Украины)», Е.В. Красильникова, Е.Г. Хайлова «К речевому портрету жителя г. Кимры», Г.Е. Крейдлин (Москва) «О некоторых особенностях финской и русской городских невербальных культур», Г.С. Куликова «(Саратов) «Язык улицы» в оценке слушателей «Службы русского языка», Т. Лённгрен (Тромсё) «Русские черты в речевом портрете Северного Парижа», Т.А. Милехина (Саратов) «К описанию речевого портрета горожанина в динамическом аспекте», А.А. Плетнева (Москва) «Биргерские промыслы»: свободный труд горожанина и его оценка в языке XVII-XIX вв.», З. Рудник-Карватова (Варшава) «Разговорная речь и городское просторечие в произведениях современных писателей начала XXI века», Л.Л. Федорова (Москва) «Цвета большого города», Д. Фарина (Джерси Сити) «Городские вывески в разных культурах».

В докладе Н.Ю. Авининой «Языковая игра в русской разговорной речи в иноязычном окружении (на материале г. Вильнюса)» анализировалось применение языковой игры на русском языке в полиэтнической среде Вильнюса, свидетельствующее «о действенности словообразовательного механизма» (с. 7); вместе с тем отмечалось, что используемые языковые средства не столь стилистически разнообразны, как в метрополии. Анализ показал, что типичным приемом языковой игры в поликультурной среде является создание окказиональных гибридов (выполняющих функцию обогащения языка, развития языка и мышления и др.) на базе контактирующих языков – литовского, польского и белорусского. «За лингвистическими особенностями выступает важный концептуальный базис культурно-языкового сознания: *свой / чужой*» (с. 8). При этом «в языковой игре в русской разговорной речи жителей Вильнюса проявляется естественное в ситуации межкультурного взаимодействия ориентация на литовское общество» (там же). Анализ языковой игры позволяет «определить особенности изменения языкового сознания в условиях межкультурной коммуникации» (с. 9).

В докладе Т. Лённгрен «Русские черты в речевом портрете северного Парижа» описывался язык русскоязычного населения норвежского города Тромсё (вторичным именем которого является «Северный Па-

риж)), расположенного в Северной Норвегии, где может использоваться специфический язык руссенорк, сформировавшийся как результат торговли между Россией и Норвегией. Т. Линнгрён подчеркивает, что ее наблюдения представляют собой взгляд «изнутри» как результат общения с эмигрантами, говорящими на этом языке, частью которых является и она сама. Указывалось, что характерной чертой русских жителей Тромсё, а, возможно, и других норвежских городов, является «сохранение, «консервация» русских просторечных и диалектных черт» (с. 109), преимущественно северных (архангельских) говоров. В речи норвежской интеллигенции русского происхождения при посторонних не выступают ни русские диалектные особенности, ни заимствования из норвежского, однако в узком кругу общения нередко выступают норвежские бытовые и специальные термины – особенно те, русские соответствия которых неизвестны (или вообще отсутствуют).

И.Н. Кошман в докладе «Пан не пропал? (употребление вкрапления *пан* в текстах русскоязычных СМИ Украины)» подчеркнул, что «одной из современных форм существования русского языка является русская речь в странах СНГ» (с. 80), а «признание вариативности русского языка позволяет выявить функциональные отличия каждого из вариантов на фоне современного русского литературного языка» (там же). Указывалось, что характерной чертой современной русской речи Украины является вкрапление в русскую речь украинских слов в связи с изменением статуса украинского языка и расширением сферы его функционирования, и в частности, употребления слова *пан* (вернувшегося в украинский лексикон) в публицистических текстах на русском языке. Отмечалось, что эта лексема зафиксирована во многих толковых словарях и имеет в них статус иноязычного вкрапления. Русские тексты СМИ на Украине «отражают процесс актуализации этой лексической единицы в украинской речи и свидетельствуют о ее семантических изменениях» (с. 82): она употребляется а) как вежливое название лица – с дополнительной информацией, что речь идет о носителе украинского языка и культуры, б) может использоваться для указания на официальный статус адресата, в) может отражать негативное отношение к лицу, г) может выражать добродушно-шутливое отношение. И.Н. Кошман подчеркнул, что использование в русских текстах украинских вкраплений (в том числе в украинских значениях) представляет собой «яркий стилистический штрих и средство маркирования «украинского мира» (с. 83) – в результате межязыкового взаимодействия они обогащаются новыми смыслами.

В докладе Д. Фариной (Джерси Сити) был посвящен инновативности в номинациях московских магазинов, которые не только информативны, но и эмоционально привлекательны. Д. Фарина сопоставляет их с вывесками в Нью-Йорке и Джерси Сити, выявляя тенденции в номинации, в том числе и в плане отражения этнического разнообразия городов. Анализируются в том числе вывески на русском языке района Нью-Йорка «Брайтон Бич» с преимущественно русским населением.

Сопоставительный аспект присущ был и докладу З. Рудник-Карватовой «Разговорная речь и городское просторечие в произведениях современных писателей начала XXI века». Докладчица сосредоточилась на специфических особенностях «нового языка», на выявлении степени участия разговорной речи и просторечия в современных польских литературных произведениях и степени современности разговорного языка в их переводах на русский язык. З. Рудник-Карватова указала на то, что в произведениях писателей начала XXI в. и их переводах разговорный язык стал доминирующим идиомом (преобладающим в диалоге, внутреннем монологе, нарративе, влияющим на все уровни языка). Что же касается городского просторечия, в языковом ареале польского языка оно становится историческим явлением, так как его носителями оказываются лишь отдельные представители городского населения. *Вульгаризмы* анализировались как знаки разговорности (призванные эпатировать и шокировать читателя), как часть просторечия, как инкрустации в нейтральную речь. Указывалось на *сопряженность тенденции к краткости с разговорностью*, проявляющаяся в преобладании коротких, однозначных, сжатых, выразительных фраз. В качестве главных черт современной литературы отмечалось *нарушение норм литературного языка*, связанное с общей тенденцией к их смягчению (например, *robić w handlu* (букв. 'делать в торговле'), *ci się zdaje* – букв. 'те кажется'), *креативность* (например, «универб» *spoko* от *spokojnie* 'спокойно, ладно') *podróża* от *podróbic* 'подделывать'; *экспрессивность*, особая значимость *гендерного фактора*, *формирование образа суженного мира*, ограниченного повседневностью, физиологией. Затрагивался аспект перевода социолектных лексем и выражений, в частности, с точки зрения переводческих «вольностей». Так, разговорная польская фраза *fajnie nam się gada* (букв. 'славно болтаем') была переведена на русский язык «в усиленном режиме» – как 'супер побазарили'.

В докладе Л.Л. Федоровой «Цвета большого города» анализировались цветовые доминанты современного города, в том числе в их рекламных преломлениях: «Город цвета *апельсин*», «Машина цвета *Вишня*» (с. 153). Указывается, что «надежное управление упраздняется, дается номинативная форма, в которой название выглядит, как этикетка – вместо связанности формируется синтаксическая выделенность, обособленность, наподобие сравнительного оборота с союзом «как». Расширяется зона несколонируемости» (там же). Приводится ряд терминов цвета, служащих цветообозначению машин и механизмов: *хром*, *металлик*, *антрацит*, *серебряный*, *капуччино*. Указывается на распространенность обобщенных цветовых понятий, таких, например, как *гляцевые* и *гламурные* краски, обобщенных оттеночных понятий типа *металлики*, *перламутры*, *тонировка*. Подчеркивается, что механизмом, порождающим новые цветообозначения, является поиск образа сравнения. При этом «новые расцветки машин повторяют тона женской моды, отсылают к культовым образам: *тоник* (голубой), *амулет* (густо-розовый), *чароит*, *снежная королева*, *Валентино*, *Кавасаки* (ядовито-зеленый)» (с. 154).

Доклад Е.Я. Шмелевой (Москва) «Анекдот как жанр городского фольклора» был посвящен сериям анекдотов, связанных с разными городами, с обыгрыванием их названий, названий улиц и площадей, жителей городов, памятников, организующих городское пространство.

Т.Е. Янко (Москва) в докладе «Интонация и порядок слов русского анекдота» показала, что в современном анекдоте используются «языковые стратегии архаичного типа» (с. 167), а именно, интонация и порядок слов копируют таковые в народных сказках (*Сидят два юзера над Виндами. Эх, хорошо висим*). Ремы такого рода предложений рассматриваются Т.Е. Янко как расщепленные на глагол и его дополнения. «Тема тем самым уже не служит точкой отсчета для создания речевого акта (...) и внимание слушающего сосредоточивается на событии в целом. В результате создается впечатление, что событие, которое имело место в прошлом, разворачивается как перед глазами наблюдателя» (с. 168). Так, в предложении *Пошли Василий Иванович с Петькой купаться* рема *пошли купаться* в данном случае расщепляется. *Выходит Анка замуж* – также случай расщепившейся ремы. Такую дислокацию ремы Т.Е. Янко считает особым дискурсивным приемом (встречающимся во многих языках мира). Рассматриваются как неуместные случаи расщепления ремы в спортивных репортажах – с зачином типа *Выходит Пашутин на площадку*, так как репортаж должен вестись спортивным комментатором в режиме реального времени (*Пашутин выходит на площадку*).

Доклад О. Йокояма «Путь носителей диалекта: к просторечию или к региональному варианту литературного языка? (на материале частной переписки XX века)» относится к жанру камерных исследований «кейс-стади» (case-study), в которых камерность компенсируется углублением в детали – он сосредоточен на анализе частной переписки русской семьи сословия государственных крестьян из южной части вятской губернии (конец XIX–XX вв.): «прослеживается переход (...) от диалекта в поколении отца к просторечию или к региональному варианту литературного языка в поколении его детей» (с. 71). Анализ материала проводится поэтапно: 1) для выявления общности анализируются образцы текстов каждого члена семьи, 2) на основе отдельных форм выявляются признаки диалекта, просторечия и литературной нормы в фонетике, морфологии, синтаксисе, прагматике и лексике, что позволяет восстановить языковую личность и совершившиеся в ее языке сдвиги за указанный период: «Отход от диалекта у молодого поколения происходит на фоне развития народного образования в России и исхода крестьян из деревни в город во второй половине 19-го века» (с. 73).

О ГОГОЛЕ – в СЛОВАЦКОЙ АУДИТОРИИ: ОТКРЫТИЯ ПОЛВЕКА СПУСТЯ¹

Обращение к научному наследию далекого и недавнего прошлого – не только дань памяти ученым, оставившим яркий след в истории науки, возможность почувствовать «связь времен» и живое течение исследовательской мысли, преемственность и, напротив, необратимые утраты традиций. Без этого невозможно и полноценное развитие современной науки.

Имя Александра Васильевича Исаченко (1911 – 1978) знакомо любому филологу-слависту. В России до недавнего времени были известны лишь отдельные лингвистические труды исследователя, и тому есть вполне объективные причины. А.В.Исаченко разделил судьбу многих соотечественников, эмигрировавших в Европу после печально известных событий 1917 года, вследствие чего контакты с научным миром на родине оказались для ученого невозможными. Однако научная и педагогическая деятельность А.В.Исаченко получила широкое признание в Австрии, Чехословакии, Германии и США, где он читал лекции в 16 университетах, был членом чехословацкой и немецкой Академий наук и членом-корреспондентом австрийской Академии наук. Автор более 300 научных работ, владевший 19 языками, А.В.Исаченко принадлежал к тому типу ученых, для которых филологическая наука была единым пространством изучения словесности, где границы между лингвистикой и литературоведением были условными.

С 1948 по 1955 год, возглавляя кафедру русского языка и литературы Философского факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе, А.В. Исаченко читал для будущих филологов-русистов лекционные курсы не только по лингвистическим, но и по литературоведческим дисциплинам. И в этом была, думается, не только вынужденная необходимость обеспечить полноценный учебный процесс в условиях недостатка на факультете специалистов-литературоведов с соответствующим научным званием. Это вполне естественный и закономерный шаг для ученого с огромной филологической эрудицией, сочетавшейся с несомненным педагогическим талантом и яркими чертами неординарной личности, оставившей о себе благодарную память коллег и учеников.

Благодаря инициативе словацких русистов Ольги Ковачичёвой и Антона Элиаша, обнаруживших в архиве вышеназванной кафедры братиславского университета и издавших машинописные записи курса лек-

¹ Исаченко А.В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. Bratislava, 2003. – 210 с.

ций «Н.В.Гоголь и проблемы русского реализма», прочитанного А.В.Исаченко в первой половине 1950-х годов, для российских филологов открылась еще одна страница научно-педагогического наследия ученого.

Как отмечает автор послесловия к рецензируемому изданию П.Дойчманн, подготовленный А.В.Исаченко цикл лекций о Гоголе оказался особенно актуальным в момент пробуждения лишь после Второй мировой войны интереса зарубежных исследователей к творчеству писателя (С. 193 – 194). Можно, однако, предположить, что не только этим обстоятельством объясняется выбор темы названного курса. По справедливому убеждению автора, «именно Гоголя и его творчество можно рассматривать как некую кристаллизационную точку русской литературы» (С. 15), что представляется созвучным мысли К.В. Мочульского о Гоголе как о писателе, «сдвинувшем» русскую литературу «с пути Пушкина на путь Достоевского».

Изданный курс лекций состоит из шести частей, из которых первые три содержат вводные замечания методологического характера, биографические сведения о писателе и обзорную характеристику историко-литературного контекста, в котором рассматриваются ранние произведения Гоголя. В остальных трех частях предпринята попытка показать в соответствии с избранной методологией отличительные особенности поэтики «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», а также повестей, получивших впоследствии название «петербургских».

Интерпретации А.В.Исаченко для современного литературоведения – это прежде всего историческое свидетельство о состоянии русистики полвека назад на территории Восточной Европы, где университетская наука, как и в СССР, испытывала жесткое идеологическое давление (в Чехословакии – со стороны готвальдовско-сталинского режима). С этим, думается, отчасти связаны тенденциозные трактовки некоторых фактов биографии (в частности, это касается последнего десятилетия жизни писателя) и отдельных произведений Гоголя – прежде всего второй части «Мертвых душ» и особенно книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Преимущественное внимание в анализе гоголевской прозы в работе А.В.Исаченко уделено элементам художественной формы: сюжетно-композиционной структуре, языку и стилю, что вполне закономерно для исследователя-лингвиста. Однако это позволяет достаточно осязаемо представить в иноязычной студенческой аудитории в первую очередь специфические особенности поэтики гоголевских произведений. Так, например, говоря о «сочетании разнородных элементов в едином слове» (С. 91), автор курса подробно характеризует лирические отступления, органично вплетенные в ткань повествования в «Вечерах...» (С. 81). При этом подчеркивается, что «фантастика

не является здесь самодовлеющим сюжетом» (С 90), а содержательная сторона повестей цикла не сводится лишь к юмору, что иллюстрируется ярким примером реминисценции из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (С. 91 – 92). Избранный исследователем принцип подачи материала – выявление в художественных текстах Гоголя важнейших формообразующих элементов – дает также возможность охарактеризовать в рамках публикуемых лекций некоторые важнейшие явления в литературном процессе в России и в странах Западной Европы. Особенно отчетливо это заметно в интерпретации повести «Нос», где главный акцент автор работы делает на пародийном характере произведения и связывает это с эволюцией пародии как «одной из излюбленных литературных форм» в первой половине XIX века (С. 180).

В изданном лекционном курсе, безусловно, есть немало дискуссионных трактовок, скорректированных в современном гоголеведении с учетом новых научных данных (прежде всего текстологических). С другой стороны, публикация работы А.В. Исаченко для российских исследователей – это, несомненно, заслуживающий внимания факт истории изучения гоголевского наследия за пределами России.

Язык – ты мир!

В Воронеже прошел IV Фестиваль русской речи иностранных студентов вузов России, учрежденный в 2003 году Институтом международного образования Воронежского государственного университета совместно с Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

Цель Фестиваля – поддерживать интерес иностранцев к России, ее языку и культуре, а также формировать позитивное отношение российского общества к иностранным гражданам в Российской Федерации.

События пяти фестивальных дней освещались различными национальными и региональными средствами массовой информации.

В жюри вошли представители Федерального агентства по образованию и РОПРЯЛ, преподаватели русского языка ведущих вузов России, представители творческой интеллигенции Воронежа.

Праздничная программа Фестиваля включала торжественное открытие, культурно-развлекательные мероприятия, церемонию награждения и гала-концерт с участием победителей, а также других иностранных учащихся, фольклорных коллективов, исполнителей русских песен и романсов.

В Фестивале приняли участие двадцать семь команд из тридцати двух вузов России, среди которых был и МГУ: за звание сильнейших впервые активно боролись студенты четвертого курса филологического факультета МГУ Син Юйсы, Сюй Пэнкэ и Чжэн Цяотянь. Несмотря на сильное волнение, студенты смогли продемонстрировать хорошие знания русской культуры, истории, литературы, музыки, а также умение сплоченно работать в команде.

Все отметили высокий уровень организации Фестиваля и особую теплоту, с которой Воронежский государственный университет принимал участников.

Для первого конкурса «Представление города и вуза» студенты филологического факультета МГУ подготовили приветственную речь и исполнили песню на мотив «Yesterday», посвятив ее любимому университету. Авторами текста этой песни являются студентки четвертого курса филфака Мария Дмитриева и Екатерина Смоленская.

Самым увлекательным, по мнению участников, был мультимедийный конкурс «Русский язык в песнях». Он позволяет контролировать фонетические навыки и навыки аудирования, а также дает возможность оценить уровень вокального мастерства не только судьям, но и самим конкурсантам. Участникам предлагалось разучить «в ржмие ре-

ального времени» незнакомую песню и исполнить ее фонетически и музыкально грамотно.

Для второго конкурса студенты выбрали и отлично подготовили стихотворения Афанасия Фета, Бориса Пастернака.

Активное участие зрителей в гала-концерте, который проходил на сцене Театра оперы и балета, их эмоциональная реакция свидетельствовали о большом интересе к Фестивалю. Программа получилась максимально насыщенной и интересной.

На гала-концерте с заключительной речью перед гостями и участниками Фестиваля выступили ректор Воронежского государственного университета В.Т. Титов и директор Института международного образования В.В. Родионов.

Участники Фестиваля из МГУ были награждены памятными призами и грамотами. Благодарственная грамота была также направлена ректору МГУ академику В.А. Садовничему.

Сегодня наши студенты – участники Фестиваля русской речи – с удовольствием говорят о тех незабываемых минутах, которые они провели в Воронеже: «Никогда наша песня не звучала так торжественно, как на открытии Фестиваля», – признается Син Юйсы.

«Нелегким испытанием для всех нас оказалось резкое похолодание и выпавший вдруг среди непривычно жарких апрельских дней снег», – замечает Чжэн Цяотянь, но тут же с улыбкой добавляет, что «изменение погоды не смогло омрачить радостное настроение и сломить командный дух участников, несмотря на то, что все студенты были одеты по-летнему».

«Для меня важным было не только хорошо выступить в конкурсной программе Фестиваля, но и справиться с организаторскими функциями, которые возложила на меня команда», – подчеркнул Сюй Пэнкэ.

Команда иностранных студентов Московского государственного университета выражает особую благодарность декану М.Л. Ремнёвой за поддержку, которая сделала возможной поездку в Воронеж на IV Фестиваль русской речи.

ОГЛАВЛЕНИЕ	
От редактора	3
ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ РОЖКОВОЙ	7
<i>Грекова О.К.</i> Архив проф. Г.И. Рожковой, открывая книга...	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
<i>Безьева М.Г.</i> О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка. (<i>Господи и Боже</i> . Материалы к словарю коммуникативных средств.)	10
<i>Столетова Е.К.</i> Употребление в диалоге дискурсивных единиц со значением согласия и несогласия	28
<i>Захраи С.Х. (Иран)</i> К вопросу о разграничении частных комитативных и дестинативных значений русских падежей	36
<i>Ма Цзя (КНР)</i> Лексико-грамматические особенности фразеологической модели	44
<i>Чжао Сюэин (КНР)</i> НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской фразеологии	47
<i>Верейтинова М.М.</i> Некоторые функции паронимов в языке художественного произведения	57
<i>Маркова В.А.</i> Роль экспрессивных элементов в структуре научного лингвистического текста и их преобразование при реферировании	64
<i>Рошетаева Т.Г.</i> Цитатное повествование в современном публицистическом тексте (лингвостилистический аспект)	72
<i>Кузьмина Е.А.</i> К вопросу о степени императивности грамматики Мелетия Смотрицкого	79
<i>Кузьмина Е.А.</i> Грамматика как средство постижения Богооткровенной истины («Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.)	91
МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ	
<i>Каростелёва А.А.</i> Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках	103
<i>Сунь Шуан (КНР)</i> Обработка свободных синтаксисом творительного падежа без предлога при русско-китайском автоматическом переводе	139
<i>Голами Хосейн (Иран)</i> Сопоставительный анализ глаголов движения с приставками непространственного значения в русском и персидском языках	145
<i>Валипур А.Р. (Иран)</i> Анализ словосочетаний с инфинитивом в персидском языке	152
<i>Юшина Л.Ю., Кулькова Р.А. (Республика Корея)</i> «Союзная» функция причастия в корейском языке (корейские и русские причастия в синтаксическом аспекте)	158
<i>Лю Юйцинь, Бань Цзе (КНР)</i> К вопросу об отражении национальной культуры во фразеологии	168
<i>Юй Цзинхэ (КНР)</i> О влиянии особенностей национального менталитета в процессе перевода с русского языка на китайский язык	174
<i>Гу Хонфэй (КНР)</i> Об устном двустороннем переводе и его переводче-	

ской скорописи (на материале русского и китайского языков)	180
<i>Полицук Е.В.</i> Поэзия в переводе: к проблеме адекватности передачи плана содержания и плана выражения (на примере различных вариантов перевода 130-го сонета Уильяма Шекспира)	186
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
<i>Бузина Т.В.</i> «Раб» – <i>menage à trois</i> : Пушкин, поэзия и Брюсов	196
<i>Джанолох Карими-Моттахар (Иран), Махмуд Резаи (Иран)</i> «Шахнаме» А.Фирдоуси и «Борис Годунов» А.С. Пушкина	203
<i>Лилеева А.Г.</i> Единство поэтического мира лирического цикла К.Бальмонта «Под северным небом»	210
<i>Ершова Л.В.</i> Образ востока в «Персидских мотивах» С.А. Есенина	216
<i>Мондаини Маринелла (Италия)</i> Становление венецианского текста в русском поэтическом дискурсе	224
<i>Шляхова Н.А.</i> Анализ рассказа Д.Марковича «Что могу» в иностранной аудитории	232
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	
<i>Добровольская В.В.</i> Информативная составляющая интегрированной дидактической среды обучения	242
<i>Шустикова Т.В.</i> Интонационно-смысловой практикум как способ реализации компетентностного подхода к обучению русскому языку как иностранному	246
<i>Громова Г.А.</i> Позиционные закономерности фонетической системы французского языка и их учет в курсе русской практической фонетики для франкоговорящих	257
<i>Барсукова-Сергеева О.М.</i> Сказка как учебный материал на уроках РКИ	262
<i>Большакова Н.Г., Поварова В.Н.</i> Домашнее чтение в когнитивной деятельности иностранных учащихся	268
<i>Семер В.Ю.</i> Медицинская тематика и лексика на уроках домашнего чтения. Средний этап обучения	273
ПРАКТИКУМ РКИ	
<i>Кузьмич И.П.</i> О подготовке к использованию в учебном процессе профессионально ориентированного текста	277
СТРАНОВЕДЕНИЕ	
<i>Белова Н.В.</i> О преподавании русского языка вне языковой среды (из опыта работы в университете Токай (Япония))	295
<i>Юшина Л.Ю., Кулькова Р.А. (Республика Корея)</i> Оптимизм как эмоционально-ценностная позиция автора в корейских текстах разного жанра	302
РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
<i>Кульпина В.Г., Татаринцов В.А.</i> Актуальные проблемы в изучении языка города	306
<i>Балдина Е.В.</i> О Гоголе – в словацкой аудитории: открытия полвека спустя	332
<i>Верещинова М.М.</i> Язык – ты мир!	335

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. X

Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ

Зав.редакционно-издательским отделом
филологического факультета Е.Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Подписано в печать Формат 60*90¹/₁₆
Бумага офсетная Офсетная печать. Усл.печ.л.
Уч.-изд.л. Тираж 200 экз. Заказ № 3478

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского Университета
103009, Москва, ул. Б.Никитская, 5/7
Типография ордена «Знак Почета» издательства Московского
Университета 119992, Москва, ул. Академика Хохлова, 11

